ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 5, №3 2019

Издательство Амурского государственного университета

ТиПЛ

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре
Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ
Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.
Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3

Выпуск 5, № 3 2019

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна — д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна — канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна — канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна — канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань — доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна — канд. филол. наук (Галф Бриз, Флорида, США)

Бурыкин Алексей Алексеевич — д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Викулова Лариса Георгиевна — д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гусева Светлана Ивановна — д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Лаврилье Александра — д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна — канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович — д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей — д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна — д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна — д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич — д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна — д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна — канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид — доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг — доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна — д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна — канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна — д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна — канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г.Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

email: lingua.amursu.journal@gmail.com

ThAL

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher
Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies
Certificate ПИ № ФС77-60424
RSCI
Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019
Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3

Volume 5, Issue 3, 2019

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova — Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan — PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett — PhD (Gulf Breeze, Florida, the US)

Alexis A. Burykin — Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova — Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva — Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier — PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova — PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov — Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek — PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya — Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina — Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin — Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya — Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien — PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi — PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva — Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina — PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko — Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:
Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 811.11-112
UDC 811.11-112

Безбородникова Елена Васильевна
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва
г. Самара, Российская Федерация
Elena V. Bezborodnikova
Samara National Research University
named after academician S. P. Korolev
Samara, Russian Federation
lebephoebe@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
REPRESENTATION OF SITUATION MODELS IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

Аннотация
В рамках предлагаемой статьи рассматривается специфика структуры моделей политических событий, реализуемых в англоязычных медиатекстах. Анализируется корреляция между выбором языковых средств для репрезентации события и интенцией автора медиатекста. Особое внимание в данном случае уделяется компонентам модели ситуации, выдвинутым автором на первый план и, таким образом, получившими доминантное положение. По мнению автора статьи, в исследуемых текстах предоставляется возможным выделение зависимости полного / неполного представления модели ситуации от интенции автора медиатекста. В результате проведённого исследования было выявлено, что с целью информирования читателя автор медиатекста может использовать ограниченный набор моделеобразующих компонентов для представления ситуации – в данном случае модель ситуации может быть представлена компонентами Setting and Scene, Participants, Act Sequence; посредством них автор может дать краткую характеристику времени и месту события, его участникам и кратко изложить последовательность действий, в то время как для того, чтобы дополнительно оказать определённое воздействие на реципиента медиатекта и повлиять на его точку зрения относительно репрезентируемого события, автор представляет модель события, используя в тексте все компоненты модели ситуации в соответствии с концепцией Д. Хаймса, которые, помимо названных трёх, включают Ends – результаты / исходы событий, Key – акцент на атмосфере происходящего, Instrumentalities – набор языковых средств, Norms – специфика социальных норм и правил, Genre – жанровый состав. По результатам проведённого исследования можно сделать вывод о том, что интенция автора медиатекста определяет структуру и содержание модели репрезентируемого события.

Abstract
Within the frameworks of the article, specific features of a structure of political situation models are analyzed. The analysis is carried out on the material of media texts from modern

English news articles. The correlation between the choice of language means for event representation and the author's intention is analyzed. The hypothesis implies that it is possible to define correlation between complete / incomplete representation of situation model and the initial intention of the author of a media text. The study found that the author can use a limited set of model components with the aim of informing the reader – in this case the situation model can be represented with the help of such components as Setting and Scene, Participants, Act Sequence, whereas with the objective of not only informing but also having an impact on the reader the author represents a situation with the help of a full set of situation model components which, according to the theory of D. Hymes, include Setting and Scene, Participants, Ends, Act Sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genre. As a result, the conclusion can be drawn that an intention of the author defines the structure and the content of the event model represented in media text.

Ключевые слова: дискурс-анализ, когнитивное моделирование, прагматика текста, модель ситуации, медиадискурс.

Keywords: discourse analysis, cognitive modeling, text pragmatics, situation model, media discourse.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_5_23

1. Введение

В настоящее время англоязычные медиатексты представляют большой интерес для исследователей. В свете актуальных споров на тему манипуляций общественным сознанием они интересны с точки зрения их прагматики. Исследователи стараются выяснить, какие интенции реализованы в тексте автором и при помощи каких средств оказывается желаемое воздействие на читателя.

Рассуждая о манипулировании «социальным сознанием», Т. А. ван Дейк пишет о том, что управление доступом к дискурсу является ключевым социальным измерением доминирования и в результате управление режимами подобного доступа направлено именно на доступ к «общественному разуму / социальному сознанию» [ван Дейк, 2015, с. 449]. Нередко случается так, что при репрезентации референтного события в текстах СМИ могут сопоставляться полярные точки зрения авторов на произошедшее, что объясняется их стремлением сформировать общественное мнение определённым образом, и с этой целью может быть использован широчайший набор языковых средств [Максимчик, Макеева, 2015, с. 1167].

Говоря о медиадискурсе, важно отметить то, что изучение некоторых языковых явлений предпочтительнее вести именно в дискурсивной плоскости, не ограничиваясь лишь рамками определённого функционального стиля, поскольку в этом случае характер исследований языка именно в динамическом плане является многоплановым по сравнению с более традиционными, «линейными» исследованиями, проводимыми в рамках функционально-стилевого анализа. В то же время исследования одного

и того же лингвистического объекта, которые охватывают разные уровни языковой системы, не исключают друг друга, а вносят дополнения и позволяют рассмотреть объект в разных исследовательских плоскостях [Присяжнюк, Назарова, 2012, с. 105]. Рассматривая специфическую роль медиа-дискурса, О. Г. Орлова отмечает, что он признан многими исследователями в качестве своеобразного «идеологического модулятора». Это объясняется тем, что в настоящее время в обществе политический дискурс преимущественно транслируется в различных формах средств массовой информации; соответственно, в медийном дискурсе можно заметить повышение значимости оппозиции «свой-чужой». Иными словами, пространство медиа-дискурса представлено своеобразной площадкой для борьбы доминирующих групп за влияние над общественным сознанием / мнением [Орлова, 2010, с. 191].

Относительно специфики элементов художественной выразительности в английских публицистических текстах, репрезентирующих медиадискурс, можно отметить следующее: А. Ю. Савосин обращает внимание на то, что задачей публицистических текстов, предназначенных для широкой читательской аудитории, является исключение поводов для сомнения в правильности предлагаемого мнения автора текста и интенция оказать воздействие на реципиента данного текста. Однако используемые часто устойчивые выражения могут терять свою апеллятивную функцию при частом употреблении, поэтому требуются новые языковые средства для большей красочности и выразительности, а следовательно, и убедительности текста. В соответствии с теорией А. Ю. Савосина, результатом воздействия языковых средств, используемых автором публицистического текста в медиа-дискурсе, может стать как в частности изменение отношения читателя текста к репрезентируемым событиям в тексте, так и в целом к определённой сфере действительности [Савосин, 2013, с. 78–86].

Говоря о структурно-содержательных компонентах современных англоязычных публицистических текстов, репрезентирующих медиадискурс, важно отметить тот факт, что в современной англоязычной публицистике доминируют так называемые политематические содержательные тексты, основная роль которых заключается в предоставлении развернутого аргументированного суждения на определённую тему [Яцко, 2013, с. 166] – гораздо менее частотны тексты исключительно информативного характера относительно референтного события, без предоставления авторского мнения, предыстории и прогнозов развития событий. Можно предположить, что наблюдается тенденция смещения приоритета информативной функции публицистических текстов в сторону эмотивной, для большей яркости и выразительности текста, а следовательно, для большей запоминаемости и эффективности оказания влияния на реципиента данного типа текстов, что в свою очередь в прагматическом отношении предоставляет возможным сближение художественных и публицистических текстов в соответствии с данным параметром. Вследствие этого набор языковых средств, используемых авторами современных англоязычных публицистических текстов, отличается большей вариативностью и эффективностью в плане

выражения авторского мнения и составления его аргументированного суждения относительно репрезентируемого события.

Анализируя политические события, репрезентируемые в медиадискурсе, необходимо также принять во внимание то, что исследуемый дискурс претерпевает постоянные изменения, влияющие как на сами СМИ, так и на связанные с ними социальные домены. Н. Фэрклоу предлагает использовать следующий комплекс методов критического дискурс-анализа для получения целостного результата, по которому можно было бы проследить связь социокультурных практик и свойств текста: анализ самих текстов, анализ дискурсивных практик их порождения, распространения и потребления, а также анализ социальных и культурных практик, обрамляющих дискурсивные практики и тексты [Фэрклоу, 2015, с. 508–509].

Стоит отметить, что в рамках анализа медиадискурса необходимо соответственно использовать медиалингвистические методы анализа, сущность которых заключается в выявлении и описании закономерностей взаимодействия вербального и медийного уровней медиатекста. Данные уровни текста могут пересекаться друг с другом в различных сочетаниях, что также оказывает особое воздействие на реципиента. К примеру, подобным усиливающим влияние на читателя действием обладают тексты в сочетании с иллюстрациями [Добросклонская, 2014, с. 186].

Метод моделирования широко используется в современных лингвистических исследованиях дискурсивной направленности. В частности, данный метод вполне может применяться при анализе так называемых ситуаций – фрагментов действительности. Ситуативные модели включают в себя самые основные, ключевые моменты изображённых во взаимодействующих текстах ситуаций. Говоря о когнитивной стороне данного явления, В. Д. Шевченко отмечает, что ментальные модели представляют собой систему обобщённых представлений о разных ситуациях действительности, бытующих в том или ином социуме [Шевченко, 2010, с. 20].

В настоящей статье предлагается анализ структуры моделей ситуаций и их компонентов, представленных в медиатекстах англоязычного еженедельного издания Newsweek. В качестве инструмента исследования используется модель ситуации, предложенная американским лингвистом Деллом Хаймсом – “SPEAKING” (Setting and Scene, Participants, Ends, Act Sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genre – соответственно «характеристика времени и места события», «характеристика участников события и их предыстория», «последовательность действий», «результаты / исходы событий», «акцент на атмосфере происходящего», «набор языковых средств», «специфика социальных норм и правил», «жанровый состав»), позволяющая распознать и систематизировать компоненты рассматриваемой ситуации для дальнейшего анализа её модели и соотнесённости доминантных компонентов с авторской интенцией [Hymes, 1974, p. 52].

В рамках исследования проводится анализ медиатекстов на предмет полного и неполного представления событий в соответствии с моделью ситуации Д. Хаймса – структурная специфика представления события в данном случае определяется форматом статьи, но в то же время связана

с интенцией автора текста: речь может идти не только об информировании читателя, но также и об оказании на него того или иного воздействия для последующего формирования определённого мнения. Авторская интенция оказывает влияние на стратегию формирования структуры текста и, таким образом, на выдвижение тех или иных компонентов ситуации, репрезентируемой в медиатексте.

2. Анализ медиатекстов

2.1. Политические статьи небольшого формата

Для начала рассмотрим примеры политических статей небольшого формата, помещённые в рубрику “In Focus” – The news in pictures. Предлагаемые статьи представляют собой небольшие заметки о самых актуальных событиях с документальными фотографиями:

(1) “Raising the Dead” [Kuntzman, 27 October 2017, p. 6] – *A crowd holds up the body of a suspected militant as a woman clings to his corpse on October 11. Local media reported that Indian security forces shot and killed the man in a gun battle in the Bandipora district, a disputed part of the country. Two Indian commandos and another militant also died in the melee* – '11 октября. Толпа удерживает тело подозреваемого боевика, в то время как женщина хватается за него. Местные СМИ сообщили, что во время перестрелки с представителями индийских служб безопасности в округе Бандипора на спорной территории страны был убит человек. В результате столкновения погибли два индийских военных и ещё один боевик' (здесь и далее перевод наш – Е. Б.);

(2) “New Car Smell” [Kuntzman, 27 October 2017, p. 6] – *Police fired a tear gas canister into this car on October 13 after the man inside defied a government ban on demonstrations in certain parts of the country. Since Kenya’s presidential election in August, violence and protests have rocked this East African nation. That election was tainted, according to Kenya’s Supreme Court, and a new vote is set for October 26* – '13 октября полиция применила слезоточивый газ против водителя машины, который нарушил запрет правительства на проведение демонстраций, действующий в определённых частях страны. После президентских выборов, прошедших в Кении в августе, эту восточно-африканскую страну захлестнула волна жестокости и протестов. Решением Верховного Суда Кении выборы были признаны недействительными; новые выборы назначены на 26 октября';

(3) “Let the Bodies Hit the Floor” [Kuntzman, 10 November 2017, p. 4] – *A member of the Syrian Democratic Forces walks past the corpse of an alleged member of the Islamic State group on October 18. The SDF ended a months long offensive against the ISIS jihadis in the heart of what they called their caliphate* – '18 октября один из членов сирийских демократических сил проходит мимо трупа предполагаемого члена группировки «Исламское государство». СДС завершили многомесячную операцию против ИГИЛ, уничтожив джихадистов прямо в сердце их так называемого халифата';

(4) «No Moore» [Kuntzman, 29 December 2017, p. 6] – *Newly elected Senator Doug Jones celebrates with supporters on December 12. Propelled by high turnout among black voters, Jones won a stunning victory over Roy Moore, who has been accused of sexual misconduct with teenage girls. Days after the vote, Moore was still refusing to concede defeat* – '12 декабря новоизбранный сенатор Даг Джонс празднует победу со своими сторонниками. Благодаря высокой явке темнокожих избирателей, Джонс одержал ошеломительную победу над Роем Муром, которого обвинили в сексуальных домогательствах по отношению к девочкам-подросткам. Через несколько дней после подведения итогов голосования Мур всё ещё отказывается признать своё поражение'.

Для статей этого формата характерно присутствие трёх компонентов.

1. Характеристика времени и места события. В большинстве случаев адресно представлена точная локация описываемых событий, есть чёткое указание на дату и время случившегося – таким образом автор стремится воссоздать для читателя максимально подробную картину произошедшего события: *Jammy and Kashmir, India, on October 11, in the Bandipora district; Nairobi, Kenya, on October 13, a new vote is set for October 26; on October 18, in the heart of what they called their caliphate; on December 12* и тому подобное.

2. Характеристика участников события и их предыстория. Автор часто указывает общий характер называемых участников без конкретных имён, обозначая лишь принадлежность к определённой группе, что говорит читателю не о локальном характере события, а, скорее, о его масштабности: *a crowd, a woman, Indian security forces, two Indian commandos, another militant; police, the man inside the car, East African nation, Kenya's Supreme Court; the corpse of an alleged member of the Islamic State group; supporters*. В некоторых случаях, напротив, указаны личности участников событий (*Doug Jones, Roy Moore*), приведены дополнительные характеристики, например, политическая принадлежность (*a member of the Syrian Democratic Forces*), текущий статус (*newly elected Senator*), деяния (*who has been accused of sexual misconduct with teenage girls*). Стоит отметить, что именно подобные характеристики определяют ситуативный контекст описываемого события.

3. Последовательность действий. При реализации данного компонента активно используются грамматические манипуляции, в частности, выбор времени глагола. Так, настоящее простое время указывает на динамику события: *a crowd holds up the body, a woman clings to his corpse*. При помощи прошедшего простого времени автору удаётся в лаконичной и сжатой манере рассказать читателю о событиях из недавнего прошлого (время событий известно и указано): *Local media reported, Indian security forces shot and killed, two Indian commandos and another militant also died in the melee*. Применение прошедшего совершённого времени выделяет причинно-следственную связь: первое событие послужило причиной последующего, также подчёркивается результат случившегося: *Since Kenya's presidential election in August, violence and protests have rocked this East African nation*.

Кроме того, используется перестановка последовательности действий – *Police fired a tear gas canister after the man inside defied a government ban on demonstrations* – сначала упоминаются действия полиции, хотя им предшествовало протестное действие человека. Для сохранения хронологической последовательности действий события автор мог бы их изложить следующим способом: *After the man inside defied a government ban on demonstrations, the police fired a tear gas canister*. Однако автор намеренно прибег к перестановке, что, на наш взгляд, было обусловлено интенцией привлечь внимание именно к агрессивным действиям полиции.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в грамматическом отношении все проанализированные новостные тексты отличаются относительной простотой своего устройства: используются преимущественно простые видовременные глагольные формы, специфичных видовременных форм немного. Такая «подборка» позволяет читателю легче воспринимать информацию: простые времена позволяют быстро понять процесс развития события, а употребление перфектной группы времён говорит о важности результатов или последствий.

Таким образом, по результатам анализа структуры новостных текстов формата “News in Pictures” из новостного англоязычного еженедельного издания Newsweek можно прийти к следующему выводу: в данных текстах на первый план выдвинуты такие компоненты, как характеристика времени и места события, характеристика участников событий и их предыстория, последовательность действий, которые являются доминантными для текстов подобного формата. На основании концепции лингвистической модели ситуации Д. Хаймса можно прийти к выводу о том, что новостные заметки подобного рода характеризуются неполной моделью ситуации описываемого события. Выделение авторами медиатекстов вышеназванных компонентов можно связать с их целью уделить максимальное внимание ключевым деталям произошедшего, для наиболее информативной, но вместе с тем и лаконичной репрезентации события для реципиента. В текстах преимущественно содержится информация о непосредственном месте и времени произошедшего события, его участниках и кратко излагается последовательность действий без каких-либо дополнительных авторских характеристик и комментариев. В то же время осуществляется визуальное информирование читателя: представлены документальные фотографии, которые не столько помогают более полно раскрыть суть произошедшего и добавить деталей, сколько воздействуют на эмоциональную сферу читателя, делая в его сознании момент реализуемого в тексте события более ярким и запоминающимся.

2.2. Более объёмные аналитические тексты

Перейдём к рассмотрению примеров более объёмных аналитических статей из рубрики “Periscope” – News, Opinion + Analysis. Здесь тексты представляют собой не только изложение событий, но и могут содержать экспертную оценку описываемых событий. В них читателю также предлагается сформированное мнение автора статьи об изложенных событиях.

В текстах подобного формата, помимо трёх уже рассмотренных компонентов, присутствуют ещё пять. Ниже продемонстрируем реализацию каждого из этих восьми компонентов.

1. Характеристика времени и места описываемого события.

(1) *The black Mercedes weaves through the swarms of motorbikes in Danang, Vietnam. At the wheel is a former Viet Cong guerrilla fighter with a combat ribbon on the lapel of his suit jacket. He takes me along the harbor, once a major port for U.S. Navy ships, then past the site of the former U.S. military command, now occupied by the towering regional headquarters of the Vietnamese Communist Party. Beside him is my minder from the Foreign Ministry in Hanoi, a worldly young man named Duc. I'm in the back seat, next to another former VC fighter, who is regaling me with a tale of ambushing U.S. Marines just north of the city in 1969* [Stein, 27 October 2017, p. 28] – 'Чёрный мерседес лавирует между вездесущими мотоциклами в Дананге во Вьетнаме. За рулём бывший повстанец-вьетконговец с боевой ленточкой на лацкане пиджака. Он провозит меня вдоль гавани, служившей когда-то главным корабельным портом для ВМС США, затем мимо высокого здания бывшего военного командования США, в котором сейчас находится региональная штаб-квартира вьетнамской коммунистической партией. Рядом с ним молодой человек по имени Дюк – мой помощник из Министерства иностранных дел в Ханое. Я на заднем сиденье рядом с другим бывшим бойцом-вьетконговцем, который приводит меня в восхищение рассказом о засаде, в которую попали американские морские пехотинцы к северу от города в 1969 году'.

(2) *In late October, the 35-year-old former reality-TV presenter and Playboy cover girl declared she would stand against Putin in next year's elections* [Matthews, 10 November 2017, p. 14] – 'В конце октября тридцатипятилетняя бывшая телеведущая и модель обложки Playboy объявила, что будет соперничать с Путиным на выборах в следующем году'.

(3) *It was the summer of 2008, and I was in Wayne, New Jersey, standing in a Hooters parking lot with Captain Oleg Kulikov, a New-York based spymaster* [Jamali, 8 September 2017, p. 8] – 'Это было летом 2008 года, я был в городе Уэйне штата Нью-Джерси на стоянке "Hooters" с капитаном Олегом Куликовым, руководителем шпионской группы из Нью-Йорка'.

(4) *As a result of these maneuvers, by the mid-2000s, U.S. financial institutions had stopped lending to Trump for his building projects. <…> Two years after Molo wrote his letter to the court, Trump settled his feud with the German bank* [Harding, 29 December 2017, pp. 18–20] – 'В результате этих манёвров к середине 2000-х годов финансовые учреждения США прекратили кредитовать строительные проекты Трампа. Через 2 года после того, как Моло написал письмо в суд, Трамп решил свои проблемы с немецким банком'.

Из приведённых примеров очевидно, что первый компонент компонент представлен более полно: к лаконичному и нейтральному указанию места и времени (*Danang, Vietnam; in late October; in November 2008*) прибавляются различные подробности, раскрывающие предысторию происхо-

дящего (*the harbor, once a major port for U.S. Navy ships, then past the site of the former U.S. military command, now occupied by the towering regional headquarters of the Vietnamese Communist Party*).

2. Участники события и их предыстория.

(1) *Beside him is my minder from the Foreign Ministry in Hanoi, a worldly young man named Duc, the man who ran agents against me, then retired decades later as deputy commander of North Vietnamese military intelligence – Major General Tran Tien Cung* [Stein, 27 October 2017, p. 28] – 'Рядом с ним – мой помощник из Министерства иностранных дел в Ханое, бывалый молодой человек по имени Дюк, который руководил агентами, следившими за мной, а затем несколько десятилетий спустя ушёл в отставку с поста заместителя командира военной разведки Северного Вьетнама – генерал-майор Чан Тянь Тана'.

(2) *Steven Molo, an attorney for Deutsche Bank, Donald Trump, the future president of the United States, Charles Ryan, a charming American banker with libertarian views* [Harding, 29 December 2017, pp. 18–20] – 'Стивен Моло – адвокат Deutsche Bank, Дональд Трамп – будущий президент Соединённых Штатов, Чарльз Райан – обаятельный американский банкир с либертарианскими взглядами'.

Стоит отметить, что автор не только называет личности участников события (*Duc, Tran Tien Cung, Steven Molo, Donald Trump, Charles Ryan*), но также и добавляет им некоторую характеристику: описание внешнего вида (*with a combat ribbon on the lapel of his suit jacket, young*), указание принадлежности к определённому сообществу или сфере деятельности (*a former Viet Cong guerrilla fighter; deputy commander of North Vietnamese military intelligence; an attorney for Deutsche Bank; the future president of the United States; a charming American banker*) и тому подобное.

Автор также нередко добавляет предысторию участника события, что не только характеризует самого участника события в нынешний момент, но и задаёт определённый тон всему описываемому событию:

(3) *Steven Mnuchin is accustomed to criticism. For years, he was known as "the foreclosure king" on Wall Street, where he amassed an estimated $300 million – much of it by profiting from the Great Recession (after the fact)* [Cooper, 20 October 2017, p. 9] – 'Стивен Мнучин привык к критике. В течение многих лет работы на Уолл-стрит он был известен как "король отчуждения собственности": большую часть своих почти 300 миллионов долларов он заработал, нажившись на мировом экономическом кризисе';

3. Результаты / исход события. Прежде всего, здесь стоит отметить тот факт, что Д. Хаймс рассматривает данный компонент как совокупность выражения автором текста целей и намерений участников описываемого события и исходов этих целей и намерений. Поскольку в большинстве случаев публицистические тексты традиционно характеризуются специфичной формой повествования, излагающей факты и результаты события, а не рефлексии об интенциях его участников, логично предположить, что анализируемый компонент также будет чаще ориентирован на событие, а не на его участников.

(1) *“I’m happy you survived,” I said, packing my bag. I offered him my hand. He took it in his brittle grasp and managed a smile. “You also,” he said. Our war was finally over”* [Stein, 27 October 2017, p. 35] – '«Я рад, что ты выжил» – сказал я, собирая сумку. Я протянул ему руку. Он пожал её своими травмированными руками и улыбнулся. «И ты тоже» – сказал он. Наша война наконец закончилась'.

(2) *Even without his backing, Sobchak may prove to be a more difficult candidate than Putin bargained for. “Sobchak breaks the fourth wall – she can address voters directly and expose the stitch-up that is Russian politics,” says Galeotti. “She could be more corrosive than the Kremlin expects”* [Matthews, 10 November 2017, p. 15] – 'Даже без его поддержки Собчак может оказаться гораздо более сложным кандидатом, чем рассчитывал Путин. «Собчак ломает четвёртую стену – она может обратиться напрямую к избирателям и разоблачить безобразия, называющиеся российской политикой» – говорит Галеотти. «Она может быть гораздо более агрессивной, чем ожидает Кремль»'.

(3) *According to our sources inside Deutsche Bank, Trump’s bid to become president made him a politically exposed person* [Harding, 29 December 2017, p. 25] – 'Согласно нашим источникам в Deutsche Bank, стремление Трампа стать президентом сделало его политически значимым человеком'.

(4) *The more Putin’s popularity depends on keeping Russia forever at war, the more dangerous he becomes* [Matthews, 22 December 2017, p. 21] – 'Чем больше популярность Путина зависит от того, чтобы Россия находилась в состоянии вечной войны, тем опаснее он становится'.

4. Последовательность действий.

(1) *A few days before Thanksgiving in 1969,* ***I left Vietnam and the army*** *<…> Then, one day in early 2012,* ***I got an email that rekindled my interest*** *in my spymaster rival.* ***It came from Merle Pribbenow****, a former CIA officer who has spent his retirement years translating documents from Hanoi’s archives* [Stein, 27 October 2017, p. 30] – 'За несколько дней до Дня Благодарения в 1969 году я покинул Вьетнам и армию <…> Затем, однажды в начале 2012 года я получил электронное письмо, которое пробудило интерес к моему врагу-шпиону. Оно пришло от Мерля Приббеноу, бывшего офицера ЦРУ, который, будучи на пенсии, занимался переводом документов из архива Ханоя'.

(2) *Nonetheless,* ***Sobchak has had her run-ins*** *with the authorities.* ***She was a prominent leader of the wave of protests that followed Putin’s return to the presidency in 2012 – masked police raided her apartment,*** *and* ***investigators threatened her with tax evasion charges*** [Matthews, 10 November 2017, p. 14] – 'Тем не менее, Собчак вступала в конфронтацию с властями. Она возглавила волну протестов, которая последовала после возвращения Путина на пост президента в 2012 году – полиция в масках врывалась в её квартиру, а следователи угрожали обвинениями в уклоне от уплаты налогов'.

(3) ***Two years after Molo wrote his letter*** *to the court,* ***Trump settled his feud*** *with the German bank. How he did it was bizarre:* ***He paid back Deutsche*** *with a massive lifeline – from Deutsche. Only this time* ***he eschewed its real estate team*** *– which wanted nothing to do with him – and* ***got a loan*** *from its private wealth division* [Harding, 29 December 2017, p. 19] – 'Через 2 года после того, как Моло написал письмо в суд, Трамп разрешил свои междоусобицы с немецким банком. Вышло это довольно странным образом – огромный спасательный круг ему бросил сам от Deutsche Банк. Помощи от своей команды, с которой он работал на проектах по недвижимости, он не получил, поскольку та не хотела иметь с ним ничего общего, кредит же был предоставлен другим подразделением самого Deutsche Банка, управлявшим большим количеством частных активов'.

Автор предлагает читателю проследить за развитием событий, излагая их в достаточно сдержанной в смысле выбора языковых средств форме. Поскольку речь идёт о последовательном изложении хода событий, для динамичности описания происходящего автор использует прошедшее простое время. По синтаксической структуре – это чаще всего распространённые предложения с полной грамматической основой, с помощью которых автор обозначает суть происходящего, дополняя основу событий информативными деталями и характеристиками.

5. **Атмосфера происходящего.** Для достижения эффекта большего эмоционального отклика у читателя на представленное событие, автор делает акцент на “тональности”, атмосфере происходящего.

(1) *And of course, that’s why two generations of peasants gave sticky rice and protection to people like Cung and lied to people like us. As I listened to the one story he could remember from all his years as a spy, t****he exhilaration I’d felt from tracking him down melted into a deep sadness. The general seemed to sense it, but he was fading, and it was time to leave*** [Stein, 27 October 2017, p. 35] – 'И, конечно, именно поэтому два поколения крестьян делились рисом и защищали таких людей, как Кунг, и лгали таким людям, как мы. Пока я слушал ту единственную историю, которую он смог вспомнить за все свои годы шпионажа, волнение, которое я испытывал во время его рассказа, перешло в чувство глубокой печали. Казалось, генерал это ощущал, но он устал и нужно было уходить'.

В приведённом примере автор текста воздействует на эмоции читателя – он делится не только своими переживаниями, эксплицитно выражая собственные эмоции в тексте (exhilaration / sadness), но и старается вербализовать чувства другого участника (he was fading).

(2) *Ksenia Sobchak’s instagram* ***isn’t your usual presidential candidate’s social media feed****. Snapshots of five-star hotel breakfasts, selfies of Sobchak hanging out in a helicopter and fashion shots of the blond socialite posing in a diaphanous sequined dress* ***don’t exactly suggest a person ready to wrest power from Russian President Vladimir Putin*** [Matthews, 10 November 2017, p. 14] – 'Инстаграм Ксении Собчак представляет собой не совсем привычный аккаунт кандидата в президенты. Фото завтраков в пятизвёздочных гостиницах, селфи Собчак в вертолёте по пути на тусовку, фэшн-съёмки

белокурой светской львицы, позирующей в прозрачном платье с пайетками, – всё это не совсем очевидно характеризуют её как человека, готового отвоевать власть у президента России Владимира Путина'.

Начиная статью с указанного фрагмента, автор даёт понять читателю, что описываемый в тексте кандидат в президенты России не соответствует привычной общепринятой модели кандидата. Это выражается как описанием самого образа (*don't exactly suggest a person ready to wrest power from Russian President Vladimir Putin*), так и иллюстрацией контента её социальных сетей (Ksenia Sobchak's instagram isn't your usual presidential candidate's social media feed).

(3) *Back in that Hooters parking lot, Kulikov and I* ***stared at each other for a long, tense moment*** [Jamali, 8 September 2017, p. 11] – 'На той стоянке "Hooters" мы с Куликовым долго и напряжённо смотрели друг на друга'.

Психологизм описываемого момента подчёркивается следующим оразом: вначале автор передаёт ощущение напряжённости путём использования прилагательного *tense* применимо к характеристике описываемого момента действия, этой же цели служит дополнительная характеристика действия, выражающаяся в том, что участники ситуации долго пристально изучали друг друга.

После этого автор имплицитно выражает разряжение обстановки, отмечая, что один из участников события расплылся в улыбке:

(4) *Suddenly,* ***a smile spread across his face****, and he assured me that more money would be coming my way* [Jamali, 8 September 2017, p. 11] – 'Внезапно его губы растянулись в улыбке и он пообещал, что я получу больше денег'.

6. Набор используемых языковых средств. К ним Д. Хаймс относит многообразие форм и стилей языковых средств, создающее специфику отдельного реализуемого события в тексте. Публицистические тексты представляют собой довольно сложные явления по своей структуре и особенностям функционирования, поэтому с этой точки зрения интересен анализ разнообразных художественных средств, используемых автором для придания тексту большей содержательности и выразительности.

Поскольку первоочередной целью публицистических текстов служит информирование читателя, то особое внимание стоит уделить способу придания тексту большей информативности путём использования различных интертекстуальных элементов. В публицистических текстах могут присутствовать следующие типы интертекстуальных элементов: цитаты (с атрибуцией / без атрибуции), аллюзии (с атрибуцией / без атрибуции), цитаты-заглавия, реминисценции. В анализируемых текстах встречаются многочисленные интертекстуальные включения, которые в большинстве случаев представляют собой аттрибутивные цитаты.

(1) *"To say that the secretary of defense and his subordinates have a legal duty to comply with presidential orders is not to say that they should do so," Jack Goldsmith, who held high positions in the Justice and Defense departments, wrote recently* [Stein, 13 October 2017, p. 10] – 'Говорить, что у министра обороны и его подчинённых есть законная обязанность выполнять распоряжения президента, не означает говорить, что они должны это делать'.

(2) *Not because he would win but because of what he would say if given airtime" on state-controlled TV, says Mark Galeotti, a senior researcher at the Institute of International Relations in Prague. <…>The authorities have decided to suffocate me with affection," Sobchak recently told The Guardian. "It's a very clever tactic. They're doing everything to make it look like we're together", "The Kremlin is trying to find safer ways to sex up the [presidential] campaign – and Sobchak is ideal," says Galeotti* [Matthews, 10 November 2017, pp. 14–15] – '«Не потому что он выиграет, а из-за того, что он скажет, если ему дадут эфирное время на государственном телевидении» – говорит Марк Галеотти, старший исследователь Института Международных Отношений в Праге. <…> «Власти решили задушить меня любовью» – недавно сказала Собчак The Guardian. «Это очень разумная тактика. Они делают всё, чтобы это выглядело так, будто мы вместе». «Кремль пытается найти более безопасные способы раскрутить [президентскую] кампанию, и Собчак – идеальный способ» – говорит Галеотти'.

(3) *Years earlier, at a real estate conference in 2008, Donald Trump Jr. said, "Russians make up a pretty disproportionate cross-section of a lot of our assets." He later added, "We see a lot of money pouring in from Russia"* [Harding, 29 December 2017, p. 25] – 'Несколькими годами ранее, на конференции по недвижимости в 2008 году Дональд Трамп-младший сказал: «Русские составляют довольно непропорциональную долю многих наших активов». Позже он добавил: «Мы видим, что из России перетекает много денег»'.

Аттрибутивные цитаты особенно характерны для публицистических текстов, поскольку они добавляют определённую информативность в содержание текста, главным образом за счёт того, что они несут в себе информацию не только непосредственно о содержании высказывания, что в свою очередь, расширяет и дополняет текст статьи, но и о том, кто является установленным автором высказывания.

Отметим также, что пример (1) в предыдущем компоненте «атмосфера происходящего» представляет собой реминисценцию, однако такие примеры немногочисленны.

Авторы публицистических текстов нередко используют различного рода интердискурсивные включения для того, чтобы усилить информативность текста и сделать его более запоминаемым для читателя. В широком смысле под интердискурсивностью понимается взаимодействие дискурсов, и публицистические тексты, репрезентирующие медиадискурс, весьма показательны в этом отношении, поскольку с одной стороны максимально подробно моделируется реальность путём воссоздания репрезентируемого события, а с другой – автор также старается сделать текст запоминающимся. С этой целью авторы нередко используют лирические отступления, общеизвестные пословицы, поговорки и другие элементы интердискурсивных включений. Анализируя примеры реализации шестого компонента, можно обратить внимание на значительное количество интердискурсивных включений, которые активно используются для воссоздания деталей произошедшего события, представленного в тексте. В рассмотрен-

ных текстах с этой целью главным образом используются термины и общепринятая тематическая лексика различной направленности, в зависимости от специфики репрезентируемого события:

1) обозначения реалий из военно-политической сферы (*a former Viet Kong guerrilla fighter* 'бывший вьетнамский партизан', *the Vietnamese Communist Party* 'коммунистическая партия Вьетнама', *a U.S. Army intelligence operative* 'разведчик армии США', *deputy commander* 'заместитель командующего', *the Soviet-bloc secret police* 'спецслужбы советского блока', *the genocidal Khmer Rouge regime* 'геноцидный режим красных кхмеров', a counter-revolution 'контрреволюция') [Stein, 27 October 2017, pp. 28–35];

2) термины по тематике банковского дела (*to fund* 'финансировать', *a loan* 'займ', *the debtor* 'дебитор', mortgage 'ипотека', *a bad credit risk* 'плохая кредитная история', *revenue* 'прибыль', *investment banks* 'инвестиционные банки', *to bankroll* 'субсидировать', *petrodollars* 'нефтедоллары', "*mirror trades*" 'зеркальные сделки') [Harding, 29 December 2017, pp. 16–29].

Вышеприведённые примеры не исчерпывают всего многообразия интердискурсивных взаимодействий в рамках медиадискурса, но даже по ним можно сделать следующий вывод: включение интердискурсивных элементов в принимающий текст позволяет усилить его информативную и эмотивную функции благодаря большей информативности и наглядности – реципиенту предоставляется возможность узнать о деталях и тонкостях не только референтного события, описанного в тексте, но и глубже вникнуть в некоторые аспекты реализуемого в тексте события.

7. Специфика социальных норм и правил. Стоит отметить, что данный компонент модели ситуации, выражающий специфику социальных норм и правил, обуславливающих ситуацию, в анализируемых текстах главным образом выражается путём подчёркивания нарушений этих норм: во многих случаях институциональный характер взаимодействия участников ситуации предопределяет ход развития событий и нарушения этих договорённостей относительно социального взаимодействия как раз приводят к внезапным перипетиям, которые часто и служат информационными поводами.

(1) К примеру, одним из ярких моментов в тексте о воспоминаниях американского ветерана вьетнамской войны является вопрос, заданный коренному вьетнамцу, ветерану войны против американцев о том, что является его крупнейшим успехом в шпионской деятельности в этой войне: *What was your greatest espionage triumph against us?* [Stein, 27 October 2017, p.34].

(2) Пожилой вьетнамец говорит, что по его мнению победой он считает тот факт, что местные жители ни при каких обстоятельствах не следовали инструкциям американских военных, несмотря ни на какие устрашения: *"Cung said the Americans threatened to burn her with lit cigarettes"* [Stein, 27 October 2017, p.35] – 'Кунг говорил, что американцы угрожали ей тем, что будут тушить о неё сигареты'.

В частности, он вспоминает отдельный эпизод, когда местная жительница после допроса американцами угостила рисом вьетнамских военных, укрывающихся в её жилище. Эти воспоминания возвращают автора статьи к размышлениям ветерана-американца относительно сути военных

действий тех лет. В результате он приходит к неутешительному выводу – все усилия, которые он прилагал к своей военной службе во Вьетнаме в те годы, были напрасны, ведь вопреки всему, большинство местных жителей поддерживали всеми силами вьетнамскую армию.

Данный эпизод является одним из самых ярких и запоминающихся фрагментов анализируемого текста, поэтому можно предположить, что упоминаемое в тексте нарушение предполагаемого порядка установленного социального взаимодействия служит особым информационным поводом для автора статьи и позволяет оказать значительное эмоциональное воздействие на читателя.

Аналогичным образом можно охарактеризовать следующий эпизод, в котором описано нападение на человека в нарушение всех действующих норм и законов.

(3) *"Ivan Skripnichenko, a 35-year-old Russian opposition activist, was standing guard at a memorial to a slain foe of the Kremlin when a man in the army surplus clothing approached. "Don't you love Putin?" he asked, then knocked Skripnichenko down with a punch to the face"* [Bennetts, 17 November 2017, p. 16] – 'Иван Скрипниченко, 35-летний российский оппозиционный активист, стоял на страже у мемориала убитому врагу Кремля, когда к нему подошёл человек в армейской одежде. Он спросил: "Не любишь Путина?", а затем ударил Скрипниченко в лицо';

8. Жанровый состав. Наконец, в соответствии с последним компонентом модели ситуации стоит также обратить внимание на то, что по жанровому составу проанализированные тексты представляют собой развернутые медиатексты, содержащие, помимо ключевых информационных параметров новостного текста, анализ представленного события и изложение определённой авторской точки зрения относительно него.

Первый пример – сюжет с Собчак. Автор не только сообщает о выдвижении кандидатуры Ксении Собчак в президенты России, но и даёт ей некую характеристику как будущему кандидату в президенты, упоминая факты из её личной биографии, подчёркивая давнюю связь её семьи с Путиным и противопоставляя другой известной фигуре в президентской гонке:

(1) *the 35-year-old former reality-TV presenter and Playboy cover girl declared that she would stand against Putin in next year's elections as the candidate* <…> – 'тридцатипятилетняя бывшая ведущая реалити-шоу и модель обложки Playboy объявила, что будет соперничать с Путиным на выборах в следующем году' [Matthews, 10 November 2017, p. 14];

(2) *Sobchak has known Putin and his family since her early childhood* – 'Собчак знает Путина и его семью с раннего детства';

(3) *Navalny has a spiky relationships with Sobchak* [Matthews, 10 November 2017, pp. 14–15] – 'У Навального прохладные отношения с Собчак'.

Другой пример – освещение темы криптовалюты в России. Автор подчёркивает повышенный интерес к криптовалюте:

(1) *Russians have been involved in cryptocurrencies since their inception in the mid-2000s* – 'Россияне увлекались криптовалютой с момента её появления в середине двухтысячных'.

Далее автор выражает свою мысль относительно прогнозов дальнейшего развития популярности криптовалюты в России:

(2) *Russia, with its unique nexus of computer genius and money laundering expertise, looks set to become the new cryptocurrency world's Wild East* [Matthews, 29 September 2017, pp. 8–13] – 'Россия, обладая уникальным сочетанием компьютерного гения и умения отмывать деньги, похоже, станет новым Диким Востоком для мировой криптовалюты'.

В результате второй части проведённого исследования было выявлено, что в рассмотренных текстах, представленных в жанре аналитической статьи, присутствуют все компоненты модели ситуации в соответствии с лингвистической концепцией Д. Хаймса: в данных текстах можно выделить все компоненты, реализованные автором при помощи разнообразных лингвистических средств. В частности, такие компоненты как «результаты / исходы событий», «акцент на атмосфере происходящего», «специфика социальных норм и правил» и «жанровый состав» позволяют не только выполнить информативную функцию, но также способствуют оказанию задуманного автором текста воздействия на читателя. При помощи реализации компонента «результаты / исходы событий» автор может сообщить о предыстории / предпосылках описываемого события и дать некоторые прогнозы относительно будущего. При помощи языковых средств, выражающих компонент «акцент на атмосфере происходящего», автор задаёт тот или иной тон описываемому событию. Компонент «специфика социальных норм и правил» призван обратить внимание реципиента именно на нарушение принятых норм социального взаимодействия, что нередко становится информационным поводом. Также стоит отметить, что в исследованных текстах в жанре аналитической статьи шире представлен компонент «набор используемых языковых средств». Автор прибегает к богатому арсеналу изобразительных средств языка с целью сделать текст более ярким и запоминающимся для реципиента.

Таким образом, установлено, что выделение автором медиатекста большего количества компонентов модели ситуации объясняется его интенцией достижения сразу нескольких целей – информировать читателя о произошедшем событии и оказать влияние на формирование читателем определённой точки зрения относительно представленного события / его участников, а именно: сформировать позитивное / негативное отношение к событию / участникам, привлечь внимание к значимости и актуальности произошедшего события / обозначить абстрактность и безличность события / его участников; указать на реальные намерения участника или особенности его биографии с целью формирования к нему задуманного отношения и так далее.

3. Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующему выводу: особенности представления структуры ситуативной модели находятся в непосредственной зависимости от жанра статьи, а прежде всего – от интенции автора. В случае стремления информировать читателя автором может быть выбран неполный набор компонентов модели ситуации Д. Хаймса для

репрезентации референтного события в тексте – часто достаточно обозначить место, время, ключевых действующих лиц с минимальными определениями и общую последовательность событий, поэтому с этой целью автор акцентирует внимание читателя преимущественно на таких компонентах, как «характеристика времени и места события», «характеристика участников события и их предыстория», «последовательность действий». Использование вышеназванных компонентов в ситуативной модели позволяет автору информативно, но в то же время лаконично изобразить репрезентируемое событие. Подобная структура представления события встречается преимущественно в медиатекстах в формате кратких новостных заметок о самых актуальных событиях – они могут сопровождаться иллюстрирующими документальными фотографиями, которые в данном случае будут нести в себе функцию воздействия на эмоции и мнения читателя.

С целью оказания воздействия на читателя автор медиатекста стремится отразить референтное событие максимально полно, используя все компоненты модели ситуации Д. Хаймса – обозначить место и время описываемого события, назвать действующих лиц и дать им некоторую характеристику, рассказать их предысторию, указать на цели участников события и рассказать о результатах описываемого события, изложить этапы развития референтного события, обозначить тон / атмосферу, в которой происходило событие, использовать широкий арсенал языковых средств для большей наглядности и запоминаемости текста, обращать внимание на соблюдение / несоблюдение принятых норм социального взаимодействия между участниками события, а также грамотно оформлять текст в соответствии со специфичными признаками текста того или иного жанра. Полное представление ситуации с использованием всех компонентов модели Д. Хаймса позволяет не только информировать читателя о произошедшем событии, но и оказывать воздействие на его эмоции и способствовать формированию желаемого мнения относительно представленного в тексте события.

Таким образом, прагмалингвистический аспект, реализуемый в данных текстах в виде интенций автора, определяет специфику реализации ситуации и доминирование определённых её компонентов, что, в свою очередь, непосредственно влияет на когнитивное восприятие и представление реципиентами как определённых фрагментов действительности в частности, так и дискурса в целом.

Список литературы

1. Ван Дейк, Т. А. Принципы критического анализа дискурса [Текст] / Т. А. Ван Дейк // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Том 2. – 2015. – С. 439–483.
2. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания [Текст] / Т. Г. Добросклонская // Научные ведомости БелГУ. Серия : Гуманитарные науки. – 2014. – № 13 (184). – С. 181–187.
3. Максимчик, О. А. Манипуляция общественным сознанием в англоязычных СМИ (на примере освещения катастрофы Боинга-777 в июле 2014 г.): граммати-

ко-синтаксический аспект. Статья 1 [Текст] / О. А. Максимчик, Е. Ю. Макеева // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – № 1–5. – С. 1167–1171.
4. Орлова, О. Г. Дискурс-анализ американской публицистики [Текст] / О. Г. Орлова // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия : Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 190–193.
5. Присяжнюк, Т. А. Дискурс печатных СМИ vs. газетно-публицистический стиль [Текст] / Т. А. Присяжнюк, Р. З. Назарова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2012. –№ 4. – С. 102–106.
6. Савосин, А. Ю. Элементы художественной выразительности в английском публицистическом тексте [Текст] / А. Ю. Савосин // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2013. – № 1. – С. 78–86.
7. Фэрклоу, Н. Политический дискурс в прессе: аналитическая схема [Текст] / Н. Фэрклоу // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. – 2015. – С. 507–526.
8. Шевченко, В. Д. Теория интерференции дискурсов (на материале англоязычной публицистики) : монография [Текст] / В. Д. Шевченко. – Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 2010. – 212 с.
9. Яцко, В. В. Функционально-текстуальные аспекты современной британской публицистики [Текст] / В. В. Яцко // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6 (16). – С. 160–167.
10. Hymes, D. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach [Text] / D. Hymes. –Philadelphia : University of Pennsylvania, 1974. – 260 p.

Источники иллюстративного материала [Illustration material resources]

1. Bennetts, M. And the Beating Goes On [Text] /M. Bennetts // Newsweek, 17 November 2017. – P. 16–19.
2. Cooper, M. Mnuchin Impossible? [Text] / M. Cooper // Newsweek, 20 October 2017. – P. 8–10.
3. Harding, L. Dirty Laundry [Text] / L. Harding // Newsweek, 29 December 2017. – P. 16–29.
4. Jamali, N. Moscow's mules [Text] / N. Jamali // Newsweek, 8 September 2017. – P. 8–11.
5. Kuntzman, G. Raising the Dead [Text] / G. Kuntzman // Newsweek, 27 October 2017. – P. 6.
6. Kuntzman, G. New Car Smell [Text] / G. Kuntzman // Newsweek, 10 November 2017. – P. 4.
7. Kuntzman, G. Let the Bodies Hit the Floor [Text] / G. Kuntzman // Newsweek, 29 December 2017. – P. 6.
8. Matthews, O. Highway Ruble-ry [Text] / O. Matthews // Newsweek, 29 September 2017. – P. 8–13.
9. Matthews, O. Russia's Trump [Text] / O. Matthews // Newsweek, 10 November 2017. – P. 14–15.
10. Matthews, O. War is Peace, Ignorance is strength [Text] / O. Matthews // Newsweek, 22 December 2017. – P. 17–21.
11. Stein, J. Madman on the Potomac [Text] / J. Stein // Newsweek, 13 October 2017. – P. 8–12.

12. Stein, J. The Ghosts of Danang [Text] / J. Stein // Newsweek, 27 October 2017. – P. 26–35.

References

1. Van Dijk, T. A. (2015). Printsipy kriticheskogo analiza diskursa [Principles of critical discourse analysis]. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and language sociology], (pp. 439–483); European University at St.Petersburg. Saint-Petersburg: Publishing house of European University of Saint-Petersburg.
2. Dobrosklonskaya, T. G. (2014). Massmediynyy diskurs kak ob”ekt nauchnogo opisaniya [Mass media discourse as an object of scientific description]. *Nauchnye vedomosti Belgorod State University. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities], 13 (184), 181–187.
3. Maksimchik, O. A., Makeeva E.Yu. (2015). Manipulyatsiya obshchestvennym soznaniem v angloyazychnykh SMI (na primere osveshcheniya katastrofy Boinga-777 v iyule 2014 g.): grammatiko-sintaksicheskiy aspekt. Stat’ya 1 [Manipulation of public opinion in mass media (Based on news coverage of MH 17 air crash in July 2014): Level of grammar and syntax. Article 1]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAS* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences], 1–5, 1167–1171.
4. Orlova, O. G. (2010). Diskurs-analiz amerikanskoy publitsistiki [Discourse analysis of the American Journalism]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies], 3, 190–193.
5. Prisyazhnyuk, T. A., Nazarova, R. Z. (2012). Diskurs pechatnyh SMI vs. gazetno-publicisticheskiy stil’ [Media discourse vs. Newspaper style]. *Izvestija saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Journal Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philology], 4, 102–106.
6. Savosin, A. Yu. (2013). Elementy khudozhestvennoy vyrazitel'nosti v angliy-skom publitsisticheskom tekste [Elements of artistic expression in English journalistic texts]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [Russian Journal of Linguistics], 1, 78–86.
7. Fairclough, N. (2015). Politicheskiy diskurs v presse: analiticheskaya shema [Political discourse in the media: An analytical framework]. *Sociolingvistika i sociologiya yazyka* [Sociolinguistics and language sociology], (pp. 507–526) ; European University at St Petersburg. Saint-Petersburg: Publishing House of European University of Saint-Petersburg.
8. Shevchenko, V. D. (2010). *Teoriya interferentsii diskursov (na materiale angloyazychnoy publitsistiki)* [Theory of interference of discourses (Based on the material of English journalism]. Samara : “Samarskiy universitet” Press.
9. Yatsko, V. V. (2013). Funktsional'no-tekstual'nye aspekty sovremennoy bri-tanskoy publitsistiki [Functional and textual aspects of modern British journalism]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Science for Education Today], 6 (16), 160–167.
10. Hymes, D. (1974). *Foundations of sociolinguistics: An ethnographic approach*. Philadelphia : University of Pennsylvania.

УДК 81'23, 81'36
UDC 81'23, 81'36

Береза Евгения Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Evgeniia V. Bereza
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
kravchenko0992@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТИЦ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
GRAMMATICAL CLASSIFICATION OF PARTICLES IN MODERN CHINESE

Аннотация
Настоящая статья посвящена одной из самых противоречивых тем, с которой сталкиваются исследователи при изучении частиц современного китайского языка – их классификации. В современном китайском языке значимость данного класса служебных слов возрастает в десятки раз из-за их способности выражать некоторые морфологические категории, дополнительные эмоциональные оттенки и отношение говорящего к высказыванию. В статье описаны грамматические особенности частиц, приведены классификации частиц, представленные отечественными и китайскими лингвистами. В результате анализа данных классификаций, путём сравнения, сопоставления и обобщения, была разработана грамматическая классификация частиц. Классификация включает 6 групп частиц, выделенных на основе их значения и способов функционирования: 1) структурные, 2) видо-временные, 3) модальные, 4) частицы, использующиеся при перечислении, 5) сравнительные, 6) частицы, выражающие численные значения. Эти группы пополнены частицами, ранее в них не входившими. Так, 之 zhī и 所 suǒ добавлены в первую группу; все частицы, имеющие отношение к выражению вида и времени действия и состояния, в том числе 来着 láizhe 来 lái1, 的 de2, 看 kan – во вторую, частица 们 men – в шестую.

Abstract
This article aims at studying one of the most controversial issues that researchers encounter when considering particles of modern Chinese – their classification. In modern Chinese, the importance of this class of functional words is immensely greater as a result of their ability to express certain morphological categories, additional emotional coloring as well as the speaker's attitude to what is uttered. This paper describes grammatical features of particles, presents classifications of particles developed by Russian and Chinese linguists. As a result of analyzing these classifications, by means of comparison and generalization, a new grammatical classification of particles was offered. The classification includes 6 groups formed on the basis of particles' meanings and functioning patterns: 1) structural, 2) aspect-tense, 3) modal; 4) particles used for enumeration; 5) comparative; 6) particles expressing numbers. In these groups, particles that had not been included there before were added. Thus, 之 zhī и 所 suǒ entered the first group, all particles related to expressing aspect, time of the

action and condition including 来着 láizhe，来 lái1, 的 de2, 看 kan formed the second group, 们 men were added to the sixth group.

Ключевые слова: частицы, грамматическое значение, классификации китайских и отечественных лингвистов, грамматическая классификация частиц.

Keywords: particles, grammatical meaning, classifications by Chinese and domestic linguistics, grammatical classification of particles.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_24_40

1. Грамматические особенности частиц

Частицы – это разряд неизменяемых служебных слов, участвующих в выражении форм отдельных морфологических категорий, входя в состав слова либо присоединяясь к нему, передающих коммуникативный статус высказывания, а также отношение высказывания и / или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому [Ярцева, 1998, с. 579]. Уже из данного определения частиц, предлагаемого в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», можно сделать вывод о многообразии способов функционирования частиц в общем языкознании. В современном китайском языке значимость данного класса служебных слов возрастает в десятки раз. Причина заключается в том, что китайский язык относится к языкам изолирующего типа, которые характеризуются слаборазвитой морфологией и преобладанием служебных слов над аффиксами. Именно способность частиц выражать некоторые морфологические категории способствует усилению значимости частиц в китайском языке. В свою очередь, выражение дополнительных эмоциональных оттенков и отношения говорящего к высказыванию, является важнейшей функцией данного класса служебных слов во всех языках мира, поскольку они делают язык более «живым».

Понятие частиц 助词 zhùcí 'вспомогательные слова' в китайском языкознании впервые ввёл Ма Цзяньчжун. Исследователь выделял такие частицы, как 矣 yǐ, 耳 ěr, 也 yě, 乎 hū[1] и говорил о том, что основная их функция – передача дополнительной информации [Ма Цзяньчжун, 1956, с. 8]. По мере развития науки о языке в Китае круг частиц как вспомогательных слов заметно расширился. В данный класс слов вошли элементы, которые выполняли другие функции. Несмотря на многообразие функций, все же удаётся выделить общие грамматические особенности всех представителей данного класса, а именно, частицы: 1) не могут употребляться отдельно, они всегда присоединяются к словам, словосочетаниям или предложениям (чаще всего стоят после них, но также существуют частицы, находящиеся в препозиции к данным структурным элементам); 2) выпол-

[1] В статье приведено только чтение частиц, так как невозможно привести конкретный перевод частиц по причине того, что частицы как слова служебные не имеют определённого лексического значения, а обладают только грамматическим значением, выполняя в предложении свойственные им, достаточно разнообразные функции, которые раскрыты в тексте статьи.

няют вспомогательную функцию, выражая только грамматическое значение; 3) в фонетическом плане претерпевают определённые изменения: большинство частиц из-за выполнения вспомогательной функции произносятся нейтральным тоном.

Частицы удивительным образом совмещают в себе объективно- и субъективно-модальные значения, они тесно связаны с лексико-грамматической структурой высказывания, при этом некоторые частицы относятся непосредственно к одному слову в предложении и характеризуют его, а некоторые относятся ко всему предложению в целом. В одном предложении могут употребляться сразу несколько частиц, причём как одного, так и нескольких классов.

Семантические границы данного класса служебных слов в некоторой мере трудно определить. Возможно, именно по этой причине частицы дословно переводятся с китайского языка, как вспомогательные слова. Дословный перевод показывает нам, что данный класс слов не имеет определённого самостоятельного значения, а выполняет только грамматические функции, которые «помогают» знаменательным словам. Кроме этого, название показывает нам, что данный класс слов не ограничен только одной функцией, по которой можно было бы его наименовать. Например, когда речь идёт про союз, очевидно, что он будет связывать слова или предложения между собой, так как это основная функция всех представителей данного класса служебных слов. При упоминании послелогов китайского языка, понятно, что речь пойдёт об обозначении места, так как основной функцией послелогов является перевод простых существительных в класс существительных с грамматическим значением места. Но когда мы сталкиваемся с частицей, необходимо разобраться, к какому именно классу частиц она относится для того, чтобы определить её функцию. Это связано с тем, что не выделяется одной основной функции, которая бы объединила все частицы. Каждый класс отличается своей сферой употребления и передаёт совершенно разное значение.

Вышеуказанные факторы затрудняют работу учёных-исследователей по классифицированию частиц и способствуют значительной вариантности классификаций и, иногда, совершенно разному наполнению одного и того же класса.

2. Классификации частиц отечественных исследователей

Вопросом классификации частиц современного китайского языка занимались как отечественные, так и китайские исследователи. Среди отечественных исследователей грамматики необходимо выделить А. И. Иванова и Е. Д. Поливанова. Хотя они не дают определения частицам, часто называя их суффиксами, префиксами, окончаниями, наращениями, в своей работе они всё же выделяют несколько видов частиц. Например, числительными частицами они называют особые слова, которые стоят между числительным и существительным. Числительные частицы разделяются на общие и специальные. Общая частица одна – 个 gè, а наиболее

распространёнными специальными являются частицы – 把 bǎ, 件 jiàn, 位 wèi, 条 tiáo, 只 zhǐ, 匹 pǐ, 本 běn, 部 bù, 块 kuài, 张 zhāng, 管 guǎn, 顶 dǐng, 处 chù, 所 suǒ, 间 jiān, 辆 liàng, 根 gēn, 双 shuāng, 对 duì [Иванов, 2001, с. 56–59]. Кроме того, к частицам отрицания исследователи относят 不 bù, 没 méi, 莫 mò, 非 fēi, 无 wú, 否 fǒu и 别 bié [Иванов, 2001, с. 77]. К окончательным частицам они относят частицы – 吧 ba, 吗 ma, 么 me, 呢 ne, 啊 a, 哪 na, 咧 lie, 焉 yān, 也 yě. При этом частицы 呢 ne, 吗 ma и 啊 a исследователи выделяют в качестве отдельной группы и называют их «синтаксическими суффиксами», указывая на то, что в эту группу входят морфемы, неспособные к изолированному существованию на правах самостоятельного слова, но, присоединяясь к такому или другому конечному элементу фразы, в семантическом отношении принадлежат не данному слову, как таковому, а всей фразе. Они могут стоять не только в конце фразы, но и после первого её логического завершения, выделяя его в смысловом отношении [Иванов, 2001, с. 263]. Слова 了 le, 过 guo, 着 zhe, 来着 láizhe, 吧 ba, 就 jiù, 的 de, 得 de, 叫 jiào, 所 suǒ, 由 yóu, 为 wèi А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов называют частицами и соответствующими суффиксами, которые используются для определения времени, наклонения, вида и залога глагола [Иванов, 2001, с. 66–71]. Они не разделяют частицы на группы в соответствии с выполняемыми ими функциями, не представляют их полное описание, лишь упоминают о них, описывая более общие аспекты грамматики китайского языка.

В «Исследованиях по грамматике современного китайского языка» А. А. Драгунов тоже не предлагает классификацию частиц, но выделяет отдельную группу модальных частиц, к которой относит частицы 了 le, 呢 ne, 着呢 zhene (的呢 de ne), 的 de. Частицы 了 le, 过 guo, 着 zhe, 来 lái (着 zhe) он называет суффиксами глагола. По мнению учёного, эти суффиксы употребляются для образования времени глагола, причём 了 le, 过 guo, 着 zhe, 来 lái (着 zhe) относятся к системе прошедшего времени, обозначая прошедшее завершённое, прошедшее неопределённое и недавно прошедшее время. А суффикс 着 zhe выражает действие, представленное в виде длящегося состояния. Стоит отметить, что наряду с модальной 了 le и глагольным суффиксом 了 le, А. А. Драгунов рассматривает модальную 的 de и глагольную 的 de частицы, которые по линии прошедших времён соотносятся с 了 le, 过 guo, 着 zhe [Драгунов, 1952, с. 129, 143, 151].

Отечественный исследователь В. М. Солнцев в своих исследованиях касается только частиц 了 le, 过 guo, 着 zhe, называя их суффиксами глагола, утверждая, что они используются для выражения вида глагола – совершенного, несовершенно-многократного и продолженного, несовершенный вид представлен глаголом без оформления суффиксом [Солнцев, 1978, с. 66–67].

Наиболее развернутую и структурированную классификацию частиц среди отечественных исследователей предлагает В. И. Горелов. В соответствии с его классификацией, частицы подразделяются на частицы-связки (系词 xìcí), союзные (连词性助词 liáncí xìng zhùcí), усилительные (强调小词 qiángdiào xiǎo cí), ограничительные (限制小词 xiànzhì xiǎo cí),

отрицательные (否定小词 fǒudìng xiǎo cí), обобщающие (概括小词 gàikuò xiǎo cí), темпоральные (时间助词 shíjiān zhùcí) и экспрессивные (语气词 yǔqìcí). Частицы каждого из указанных разрядов обладают своими смысловыми и синтаксическими особенностями.

Частицы-связки выражают отношение между субъектом и предикатом или же указывают на принадлежность субъекта к классу предметов, обладающих определёнными свойствами. К данному классу частиц относятся 是 shì, 为 wèi, 乃 nǎi, 系 xì.

Союзные частицы выражают отношения между однородными членами предложения, а также между частями сложных синтаксических единиц. К основным союзным частицам относятся 也 yě, 又 yòu, 且 qiě, 还 hái, 尚 shàng, 却 què, 则 zé, 就 jiù, 才 cái, 越 yuè… 越 yuè…, 既 jì…, 又 yòu… и другие. По мнению исследователя, данные слова перестали быть наречиями, но ещё и не перешли в разряд союзов, поэтому, учитывая их двойственную природу, их можно назвать союзными частицами.

Усилительные частицы являются важным средством эмоционально-логического выделения структурных элементов предложения, увеличивают смысловую значимость слов, словосочетаний, а иногда и сложных синтаксических единиц. К этой группе относятся: 连 lián, 就 jiù, 便 biàn, 就是 jiùshì, 即 jí, 甚至 shènzhì, 乃至 nǎizhì, 也 yě, 都 dōu и другие.

Ограничительные частицы позволяют логически подчеркнуть, эмоционально окрасить отдельные элементы структуры предложения. Ограничительный оттенок означает обособление одного предмета от других подобных ему. Ограничительными являются следующие частицы: 只 zhǐ, 只是 zhǐshì, 仅 jǐn, 仅有 jǐnyǒu, 惟 wéi, 但又 dànyòu, 独 dú и другие.

Отрицательные частицы являются основным средством выражения отрицания в китайском языке. Основными отрицательными частицами являются 不 bù, 没 méi, 莫 mò, 非 fēi, 无 wú, 未 wèi.

Обобщающие частицы обозначают, что действие, выраженное сказуемым, относится ко всем предметам, обозначенным перед частицей. Это частицы: 都 dōu, 皆 jiē, 均 jūn.

Темпоральные частицы являются показателем грамматической категории синтаксического времени. В данный класс входят: 的 de, 来着 láizhe, 了 le, 过 guo, 着 zhe.

Экспрессивные частицы вносят в предложение различные экспрессивные, модальные и дополнительные смысловые значения. Основными экспрессивными частицами являются 了 le, 啦 la, 的 de, 呢 ne, 哪 na, 啊 a, 吗 ma, 吧 ba, 罢了 bàle, 而已 éryǐ, 着呢 zhene [Горелов, 1989, с. 79–85].

3. Классификации частиц китайских исследователей

В отличие от отечественных исследователей грамматики, китайские учёные более подробно рассматривают данный вопрос. Китайские лингвисты вплоть до конца XX в. не дают чётко структурированной и подробной классификации частиц, но очень большое внимание уделяют описанию функций частиц и способов их употребления.

Люй Шусян к служебным словам, выражающим отношения, относит 的 de, 所 suǒ, 之 zhī, 地 de. При этом частицы 的 de, 地 de, 之 zhī выражают подчинительную связь, а 所 suǒ выполняет двойную функцию: во-первых, 所 suǒ указывает на определяемое слово, во-вторых, придаёт словосочетанию законченное оформление [Люй Шусян, 1961, с. 50, 55, 172]. Частица 得 de занимает постпозицию относительно глагола, принимая за собой обстоятельственные слова, а также глаголы и прилагательные со значением результата действия [Люй Шусян, 1965, с. 212].

Лексические единицы 了 le, 着 zhe исследователь называет словами, но говорит о том, что смысловое значение этих слов настолько слабое, что они приравниваются к суффиксам. По мнению учёного, 着 zhe обозначает длящийся вид, 了 le – законченный вид. При этом к данной категории слов он также относит 起来 qǐlái, 起 qǐ, 下去 xiàqù, 去 qù, 来 lái, 来着 láizhe, 来 lái2 указывая на то, что 起来 qǐlái, 起 qǐ обозначают зачинательный вид, 下去 xiàqù –продолженный вид, 去 qù, 来 lái – предшествующий вид, 来着 láizhe, 来 lái2 – последующий вид [Люй Шусян, 1965, с. 176–181].

Подробно исследователь описывает группу модальных частиц и явление модальности в китайском языке, указывая на, что частицы являются одним из способов выражения модальности, которая также может быть выражена интонацией. При этом между модальными частицами и категориями модальности полного соответствия не существует: с одной стороны, одна и та же модальная частица может быть использована при выражении различных оттенков модальности; с другой стороны, один и тот же модальный оттенок высказывания может быть выделен посредством различных модальных частиц. К основным модальным частицам исследователь относит частицы 了 le, 吗 ma, 呢 ne, 吧 ba, 啊 a, 的 de, 罢了 bàle, 也 yě, 焉 yān, 已 yǐ, 矣 yǐ, 而已 éryǐ, 耳 ěr, 麽 mó и другие [Люй Шусян, 1965, с. 231].

Ван Ляои разделяет понятия служебные слова и грамматические показатели. К служебным словам исследователь относит модальные частицы и соединительные слова, а к грамматическим показателям, которые, по его мнению, не относятся ни к служебным, ни к знаменательным словам – морфемы 的 de, 得 de, 地 de, 了 le, 着 zhe, 来着 láizhe. Эти морфемы употребляются для обозначения различных функций слова или принадлежности слова к определённой части речи. Группа модальных частиц включает в себя частицы – 吗 ma, 么 me, 呢 ne, 不成 bùchéng, 吧了 bale, 了 le, 啊 a, 呀 ya, 哪 na, 咧 lie, 去 qù , 也吧 yěba [Ван Ляои, 1954, с. 47].

Учёный считает, что, хотя морфемы 着 zhe, 了 le и 来着 láizhe и имеют отношение к грамматической категории времени, они выражают не настоящее, прошедшее или будущее время, а виды глагола. Морфема 了 le является показателем совершенного вида, может выражать совершенный вид в прошедшем, настоящем и будущем времени. Морфема 着 zhe является показателем длительного вида, употребляется в тех случаях, когда действие находится в процессе осуществления. Морфема 来着 láizhe выражает недавно-прошедший вид, при этом подчёркивается не то, что действие протекало в прошлом, а то, что оно совершилось недавно [Ван Ляои, 1954, с. 110–118].

Что касается, 得 de и 地 de Ван Ли называет их вариантами написания морфемы 的 de, при этом указывая сферы употребления каждого из них. Так, по мнению учёного, морфема 的 de употребляется в словосочетаниях с подчинительной связью, обозначающих предметы. В данном случае она является показателем определения. В словосочетаниях с подчинительной связью, обозначающих действие или качество, возможно использование варианта написания 地 de. Вариант написания 得 de используется в последовательно-связанных предложениях. Эта частица присоединяет сказуемое-описание к подлежащему всего предложения [Ван Ляои, 1954, с. 32, 110, 113, 118].

В своей классификации слов по частям речи, Чжу Дэси выделяет группу частицы (助词 zhùcí) и относит к ним 的 de, 得 de, 地 de, 所 suǒ и 似的 shìde, а также группу модальных частиц, к которой относит 了 le, 啊 a, 吗 ma, 呢 ne, 吧 ba, 来着 láizhe, 呕 ǒu, 罢了 bàle, 嘿 me, 欸 āi. Частицы 了 le, 着 zhe, 过 guo исследователь называет постфиксами глагола [Чжу Дэси, 1999, с. 40, 68].

Наиболее структурированными и подробными являются классификации современных исследователей грамматики китайского языка – Чжан Биня и Чжан Ишэна, Бай Сяохуна, Ян Юйлина и Ин Чэньцзина, Лю Юэхуа и Пань Вэньюя, а также классификация Фан Юйцина.

Лю Юэхуа и Пань Вэньюй выделяют три класса частиц: структурные (结构助词 jiégòu zhùcí) – 的 de, 得 de, 地 de, 所 suǒ, 等 deng, 给 gěi, 似的 shìde (地 de); аспектные (动态助词 dòngtài zhùcí) – 了 le, 着 zhe, 过 guo, 来着 láizhe; модальные (语气词 yǔqìcí) – 啊 a, 吗 ma, 呢 ne, 吧 ba, 了 le, 的 de, 嘛 ma , 么 me, 罢了 bàle и др. [Лю Юэхуа, 2012, с. 354].

Ян Юйлин и Ин Чэньцзинь, помимо структурных (结构助词 jiégòu zhùcí), аспектных (动态助词 dòngtài zhùcí) и модальных (语气词 yǔqìcí), выделяют сравнительные частицы (比况助词 bǐ kuàng zhùcí), частицы, использующиеся при перечислении (列举助词 lièjǔ zhùcí), и частицы, обозначающие множественное число (表示复数的助词 biǎoshì fù shǔ de zhùcí). К структурным частицам учёные относят 的 de, 得 de, 地 de，所 suǒ; к аспектным – 着 zhe, 了 le, 过, 来着 láizhe; к модальным – 啊 a, 的 de2, 了 le2, 罢了 bàle, 呢 ne, 吗 ma, 吧 ba, 嘛 ma, 等 deng; к сравнительным – 似的 shìde, 一样 yīyàng, 一般 yībān; к частицам, использующимся при перечислении – 等 deng, 等等 dengdeng; к частицам, образующим множественное число – 们 men [Ян Юйлин, 2011, с. 186].

Бай Сяохун все частицы делит на традиционные и нетрадиционные. Традиционные частицы обладают синтаксическими и семантическими особенностями частиц, а нетрадиционные проявляют эти свойства только при наличии определённых условий. К тому же, сфера употребления традиционных частиц намного шире.

Исследователь выделяет следующие классы частиц: структурные (结构助词 jiégòu zhùcí); аспектные (动态助词 dòngtài zhùcí); временные частицы (时制助词); сравнительные (比况助词 bǐ kuàng zhùcí); частицы, выражающие численные значения (表数助词 biǎo shù zhùcí); частицы, ис-

пользующиеся при перечислении (列举助词 lièjǔ zhùcí); модальные частицы (语气词 yǔqìcí).

Традиционными являются следующие частицы: структурные: 的 de1, 得 de, 地 de; аспектные: 了 le, 着 zhe, 过 guo; временные частицы: 来着 láizhe; сравнительные частицы: 似的 shìde, 似地 shìde, 一样 yīyàng, 一般 yībān; частицы, выражающие численные значения: 第 dì, 来 lái3, 多 duō, 把 bǎ; частицы, использующиеся при перечислении: 等 deng, 等等 dengdeng.

К нетрадиционным частицам относятся: структурные частицы: 之 zhī, 所 suǒ, 个 gè; аспектные частицы: 看 kan, 中 zhong; временные частицы: 来 lái1, 来 lái2, 以来 yǐlái; сравнительные частицы: 样 yàng, 般 bān; частицы, выражающие численные значения: 初 chū, 开初 kāichū, 左右 zuǒyòu, 上下 shàngxià, 前后 qiánhòu; частицы, использующиеся при перечислении: 一类 yīlèi, 之类 zhīlèi, 之流 zhīliú, 什么的 shénmede, 的 de2.

Модальными частицами Бай Сяохун называет: 吗 ma, 吧 ba, 呢 ne, 啊 a, 的 de, 罢了 bàle, 了 le, 啦 la, 嘛 ma, 哪 na, 哇 wa и т. д. [Бай Сяохун, 2007, с. 210–211].

Чжан Бинь и Чжан Ишэн выделяют структурные частицы (结构助词 jiégòu zhùcí): 的 de, 得 de, 地 de, 之 zhī; видо-временные частицы (时态助词 shí tài zhùcí): 了 le, 过 guo1, 过 guo 2, 着 zhe, 看 kan; временные частицы (时制助词 shízhì zhùcí): 来着 láizhe, 来 lái, 的 de2; сравнительные частицы (比况助词 bǐ kuàng zhùcí): 似的 shìde, 似地 shìde, 一样 yīyàng, 一般 yībān, 般 bān, 样 yàng; частицы, выражающие численные значения частицы (表数助词 biǎo shù zhùcí): 第 dì, 初 chū, 老 lǎo, 来 lái, 把 bǎ, 开外 kāiwài); частицы, использующиеся при перечислении (列举助词 lièjǔ zhùcí): 等 deng, 等等 dengdeng, 云云 (云) yúnyún (yún), 一类 yīlèi, 之类 zhīlèi, 之流 zhīliú (一流 yīliú，者流 zhěliú), 什么的 shénme de (的 de3); модальные частицы (语气词 yǔqìcí): 了 le, 吧 ba, 吗 ma, 呢 ne, 啊 a, 的 de4, 嘛 ma ,啦 la, 么 me, 喽 lóu, 呗 bei, 咧 liě, 嘿 hēi, 哟 yō, 哩 lī, 嘞 lei, 呐 nà, 啰 luō, 啵 bō, 呕 ǒu, 咯 gē, 也好 yě hǎo, 也罢 yěbà, 的话 dehua, 着呢 zhene (着呐 zhena), 罢了 bàle, 便了 biànle, 似的 shìde, 而已 éryǐ, 不可 bùkě, 不成 bùchéng, 不行 bùxíng, 也就是 yě jiùshì. Кроме того, исследователи выделяют ‘другие частицы’, к которым относят: 们 men, 所 suǒ, 被 bèi, 给 gěi, 连 lián [Чжан Бинь, 2000, с. 200, 218, 234, 240, 246].

Классификация Фан Юйцина включает 8 классов частиц: 1) аспектные (动态助词 dòngtài zhùcí): 了 le, 着 zhe, 过 guo1, 过 guo2, 来 lái, 去 qù, 起来 qǐlái, 下去 xiàqù, 来着 láizhe; 2) структурные (结构助词 jiégòu zhùcí): 的 de, 地 de, 得 de, 所 suǒ, 被 bèi; 3) сравнительные (比拟助词 bǐnǐ zhùcí): 一般 yībān, 一样 yīyàng; 4) модальные частицы (语气词 yǔqìcí): 啊 a, 了 le, 吧 ba, 啦 la, 吗 ma, 嘛 ma, 的 de, 罢了 bàle, 不成 bùchéng, 哟 yō; 5) частицы времени (时间助词 shíjiān zhùcí): 的时候 de shíhòu, 以来 yǐlái, 以前 yǐqián, 以后 yǐhòu; 6) частицы места (处所助词 chùsuǒ zhùcí): 一带 yīdài, 这儿 zhèr, 那儿 nàr; 7) количественные частицы (数量助词 shùliàng zhùcí): 们 men, 把 bǎ, 来 lái, 开外 kāiwài, 上下 shàngxià, 左右 zuǒyòu; 8) частицы связи (关系助词 guānxì zhùcí): (为 wèi)...起见 qǐjiàn, (因为 yīnwèi)...的 de, 关系 guānxì, (由于 yóuyú)...的 de 缘故 yuángù, (到 dào)...为止 wéizhǐ, (无论

wúlùn / 不管 bùguǎn)...也好 yě hǎo / 也罢 yěbà, (如果 rúguǒ)...的话 dehuà. Что касается частиц места, то, по его мнению, послелоги 上 shàng, 下 xià, 前 qián, 后 hòu, 里 lǐ, 外 wài, 中 zhōng, 内 nèi по своей природе также должны быть включены в данный класс, поскольку они читаются нейтральным тоном, не употребляются отдельно, единственной их функцией является образование конструкции, обозначающей место [Фан Юйцин, 2001, с. 45–46].

4. Сравнение классификаций китайских и отечественных исследователей

Рассмотрев классификации частиц отечественных и китайских лингвистов, мы пришли к следующим выводам.

1. Большинство исследователей грамматики китайского языка сходятся во мнении, что частицы 的 de, 得 de, 地 de являются структурными частицами, так как структурные частицы – это служебные слова, выполняющие функцию синтаксической связи значимых компонентов в предложении. Данный класс частиц используется для уточнения грамматических отношений между словами, которые в других языках передаются средствами словоизменения. Частица 的 de связывает определение с определяемым словом и соответственно стоит между ними; 地 de обычно стоит после обстоятельства, которое занимает препозицию относительно глагола; 得 de связывает обстоятельство, которое занимает постпозицию относительно глагола, и глагол.

2. Что касается частиц 了 le, 着 zhe, 过 guo, 来着 láizhe, мы можем увидеть из классификаций отечественных исследователей, что их мнения в отношении наименования 了 le, 着 zhe, 过 guo, 来着 láizhe расходятся. Некоторые исследователи называют их суффиксами глагола, другие – морфемами, третьи – грамматическими показателями.

Китайские лингвисты называют их только частицами – 助词 zhùcí, но также не могут прийти к общему наименованию этих частиц. Расхождения заключаются в следующем: некоторые называют их 动态助词 dòngtài zhùcí – аспектными частицами, другие 时态助词 shí tài zhùcí – видо-временными частицами (их также можно назвать аспектно-временными, так как понятие 'аспект' обозначает вид), третьи выделяют отдельную группу – 时制助词 shízhì zhùcí временные частицы. К группе 时制助词 shízhì zhùcí – временных частиц – обычно относят 来着 láizhe, 来 lái, 的 de. Это объясняется тем, что аспектные частицы, главным образом, указывают на вид. А частицы 来着 láizhe, 来 lái, 的 de в основном обозначают именно время – указывая, что действие отнесено к прошедшему времени. Что касается группы видо-временных частиц 时态助词 shí tài zhùcí, которую в своей классификации выделили Чжан Бинь и Чжан Ишэн, включив в неё частицы 了 le, 过 guo, 着 zhe, 看 kan, то необходимо сказать, что данное название «видо-временные» 时态 shí tài исследователи считают более подходящим, чем название «аспектные частицы» 动态助词 dòngtài zhùcí. Свое мнение исследователи обоснуют тем, что частицы 了 le, 过 guo, 着 zhe, 看 kan кроме обозначения вида, аспекта 体 tǐ (в данном названии обозначен как 态 tài)

могут обозначать 时 shí время. В китайском языке вид – это показатель процесса действия или изменения состояния: 了 le – появление, 过 guo – приобретение опыта, прохождение через, переживание, 着 zhe – продолжительность, 看 kan – испытание. Если в предложении нет слов, указывающих на конкретное время совершения действия или сохранение состояния, они обозначают, что действие или состояние относится к настоящему времени. Они могут употребляться как в настоящем, так и в прошедшем и будущем времени. Однако для того, чтобы обозначить аспект в будущем и прошедшем времени, обязательно необходимы дополнительные лексические единицы, обозначающие время, что как раз отличает их от временных частиц 时制助词 shízhì zhùcí, которые главным образом указывают именно на время. Кроме того, термин 时态助词 shí tài zhùcí видо-временные частицы является более подходящим для данных частиц, так как они могут занимать постпозицию не только относительно глагола, выражая изменение процесса совершения действия, но и относительно прилагательного, выражая изменения состояния [Чжан Бинь, 2000, с. 220]. А в термине 'аспектные частицы' 动态助词 dòngtài zhùcí иероглиф 动 указывает именно на действие (глагол).

3. В отношении частицы 过 guo мнения китайских лингвистов также расходятся. Исследователи грамматики китайского языка Чжан Бинь, Чжан Ишэн и Фан Юйцин выделяют две частицы 过 guo: частицу 过 guo1, обозначающую завершение, законченность действия, и частицу 过 guo2, обозначающую действие, происходящее когда-то в прошлом или состояние в неопределённом прошлом [Чжан Бинь, 2000, с. 226 ; Фан Юйцин, 2001, с. 226].

Китайские лингвисты Лю Юэхуа и Пань Вэньюй утверждают, что существует одна частица 过 guo, обозначающая действие или состояние, которое происходило когда-то в прошлом. Морфему 过 guo, обозначающую завершённость и законченность действия, они относят к разряду дополнительных членов результата (结果补语 jiéguǒ bǔyǔ) [Лю Юэхуа, 2012, с. 399, 405].

Люй Шусян и Бай Сяохун утверждают, что существует только одна аспектная частица 过 guo, которая может выполнять разные функции: обозначать, что действие происходило когда-то в прошлом, или состояние сохранялось в неопределённом прошлом, кроме того, по мнению лингвистов, эта частица может выражать законченность и завершённость действия. [Люй Шусян, 1996, с. 216 ; Бай Сяохун, 2005, с. 231].

4. Частица 的 de в разных классификациях попадает в различные группы. Чжан Бинь и Чжан Ишэн помимо структурной частицы 的 de, выделяют 的 de, использующуюся при перечислении, видо-временную и модальную. При этом видо-временная частица 的 de, помимо обозначения прошедшего времени, выполняет вспомогательную функцию выделения, фокусирования внимания на времени совершения действия, на месте, способе и. т. д. Но при этом, в отличие от модальной частицы 的 de, одной из функций которой также является выделение и фокусирование внимания, видо-временная частица будет стоять всегда после глагола [Чжан Бинь, 2000, с. 231].

Бай Сяохун в своей классификации кроме структурной частицы 的 de, выделяет и модальную частицу 的 de, при этом также упомянув о том, что она ещё может обозначать прошедшее время, но он не относит её к частицам, обозначающим время [Бай Сяохун, 2005, с. 261–263].

Лю Юэхуа также выделяют только структурную и модальную частицу 的 de, утверждая, что в роли модальной частицы, частица 的 de употребляется только в конце предложения или словосочетания и обозначает подтверждение и уверенность в сказанном, добавляя предложению интонацию «все и так понятно, нет повода сомневаться» [Лю Юэхуа, 2012, с. 427].

А. А. Драгунов также у частицы 的 de выделяет две функции – модальную и временную, – утверждая, что модальная частица 的 de стоит в конце предложения и является фразовой модальной частицей, а временная частица 的 de стоит непосредственно после глагола и имеет модально-временное либо временное значение [Драгунов, 1952, с. 142].

5. Частицу 们 men исследователи относят к разным группам, но они единодушны относительно её функции – образование множественного числа.

6. В отношении сравнительных частиц, частиц, выражающих численные значения, и частиц, использующихся при перечислении, Чжан Бинь и Чжэн Ишэн представляют самое подробное описание. В соответствии с их классификацией выделяются три группы.

6.1. Сравнительные частицы: 似 的 shìde, 似 地 shìde, 一样 yīyàng, 一般 yībān, 样 yàng, 般 bān которые являются производными от знаменательных слов – глагола и прилагательного. Эти слова в процессе грамматикализации превратились в частицы, выражающие сравнения и использующиеся в сравнительных оборотах [Чжан Бинь, 2000, с. 234–236].

6.2. Частицы, выражающие численные значения, разделяются на два вида: частицы, которые используются для образования порядковых числительных (第 dì, 初 chū, 老 lǎo) и частицы, которые выражают приблизительное, примерное число (来 lái, 把 bǎ, 开外 kāiwài). Основными особенностями этих частиц является выражение перечисления и порядка [Чжан Бинь, 2000, с. 240].

6.3. Частицы, использующиеся при перечислении и обобщении, делятся на четыре группы: 1) 等 deng и 等等 dengdeng (наиболее распространённые перечислительные частицы, замещают опущенные слова, выражая, что это не конец перечисления; используются при наличии двух или более объектов перечисления в предложении); 2) 云 yún, 云云 yúnyún (в основном используются в цитатах и пересказах в книжной речи, при описании ситуаций с негативной окраской, оттенками недовольства и высмеивания); 3) 一类 yīlèi, 之类 zhīlèi, 之流 zhīliú, 一流 yīliú, 者流 zhěliú выполняют функцию замены, выражают существование ещё множества вещей данного типа, могут употребляться после комбинированных словосочетаний и одно объектного словосочетания, которое представляет предметы данного типа); 4) 什么的 shénme de ((的 de – сокращённая форма) выражает наличие однотипных предметов, иногда может показывать на завершение перечисления) [Чжан Бинь, 2000, с. 242–244].

7. Насчёт группы модальных частиц мнения исследователей в основном совпадают. В группу модальных частиц большинство исследователей китайского языка относят частицы: 了 le, 吧 ba, 吗 ma, 呢 ne, 啊 a, 的 de, 嘛 ma, 啦 la, 么 me, 喽 lóu, 呗 bei, 咧 liě, 嘿 hēi, 哟 yō, 哩 lī, 嘞 lei, 呐 nà, 啰 luō, 啵 bō, 呕 ǒu, 咯 gē, 也好 yě hǎo, 也罢 yěbà, 的话 dehua, 着呢 zhene (着呐 zhena), 罢了 bàle, 便了 le, 便了 biànle, 似的 shìde, 而已 éryǐ, 不可 bùkě, 不成 bùchéng, 不行 bùxíng, 也就是 yě jiùshì [Чжан Бинь, 2000, с. 251–270].

8. Относительно наименования частиц, следует отметить, что данная работа строилась в основном на анализе трудов китайских лингвистов, которые все предложенные элементы называют понятием 助词 zhùcí, которое на русский язык переводится как 'частицы', дословный перевод – 'вспомогательные слова'. Разное наименование встречается только в работах отечественных исследователей и (в данной статье) двух работах китайских лингвистов (Люй Шусян и Ван Ляои), так как они использовались в русском переводе, который также выполнили отечественные исследователи. Разные названия можно связывать с разным переводом, разным толкованием термина, а также с желанием подвести некоторые особенности китайского языка под те, что существуют в русском языке, для упрощения освоения китайского как иностранного языка. Но русский и китайский языки, в соответствии с морфологической классификацией языков, относятся к совершенно разным типам: русский – флективный, китайский – изолирующий. Характеристика и особенности этих двух языков в корне различны: отличаются способы словообразования, словоизменения, построение предложения и тому подобное. Поэтому называть частицы суффиксами, наращениями и окончаниями, по нашему мнению, не подходит для наименования единиц китайского языка. Главным аргументом для объединения всех вышеприведенных элементов в класс частиц послужили труды китайских исследователей, где нет расхождения относительно наименования, все называются термином 助词 zhùcí – 'частицы, вспомогательные слова'.

После проведения анализа классификаций частиц современного китайского языка, разработанных исследователями грамматики, мы предлагаем следующую классификацию, основанную на грамматических признаках, в соответствии с которыми, выделяется 6 групп частиц (см. табл. 1).

Итак, на основании анализа функций, которые выполняют частицы, представленные в классификациях учёных, к классу структурных частиц, помимо 的 de1, 得 de, 地 de, мы относим частицы 之 zhī и 所 suǒ. Так, частица 之 zhī может относиться к структурным, поскольку пришла из древнекитайского языка и её функции схожи с функциями структурной частицы 的 de1: она связывает определение с определяемым словом. Например:

a) 光荣之家 guāngróng zhī jiā ‘почётная семья’ [Люй Шусян, 1996, с. 600].

Частица 所 suǒ также является структурной, так как образует конструкцию «существительное + 所 suǒ + глагол». Если к данной

конструкции присоединить частицу 的 de1, она может выступать в роли определения, дополнения и подлежащего. Например:

б) 我所认识的人 wǒ suǒ rènshì de rén ‘люди, которых я знаю’ (конструкция в качестве определения) [Люй Шусян, 1996, с. 455];

в) 我所知道的就是这些 wǒ suǒ zhīdào de jiùshì zhèxiē ‘это и есть все, что я знаю’ (конструкция в качестве подлежащего) [Люй Шусян, 1996, с. 455].

Таблица 1. **Классификация частиц**

Структурные jiégòu zhùcí	的 de1，得 de，地 de，所 suǒ，之 zhī
Видо-временные частицы 时态助词 shí tài zhùcí	了 le1，过 guo，着 zhe，看 kan，来着 láizhe，来 lái1，的 de2
Модальные 语气助词	了 le2，吧 ba，吗 ma，呢 ne，啊 a，的 de3，嘛 ma，啦 la，么 me，喽 lóu, 呗 bei, 咧 liě, 嘿 hēi, 哟 yō, 哩 lī, 嘞 lei, 呐 nà, 啰 luō, 啵 bō, 呕 ǒu, 咯 gē, 也好 yě hǎo, 也罢 yěbà, 的话 dehua, 着呢 zhene 着呐 zhena），罢了 bàle, 便了 biànle，似的 shìde，而已 éryǐ, 不可 bùkě, 不成 bùchéng, 不行 bùxíng, 也就是 yě jiùshì.
Частицы, использующиеся при перечислении 列举助词 lièjǔ zhùcí	等 deng，等 deng 等 deng，云云 yúnyún 云 yún），一类 yīlèi，之类 zhīlèi，之流 zhīliú（一流 yīliú，者流 zhěliú），什么的 shénme de (的 de4
Сравнительные частицы 比况助词 bǐ kuàng zhùcí	似的 shìde，似地 shìde，一样 yīyàng，一般 yībān, 样 yàng，般 bān
Частицы, выражающие численные значения 表数助词 biǎo shù zhùcí	第 dì, 初 chū, 老 lǎo, 来 lái2, 把 bǎ, 开外 kāiwài, 们 men

К видо-временным частицам, кроме 了 le1, 过 guo, 着 zhe, мы будем относить все частицы, связанные с выражением вида и времени действия, а также состояния; назовём эту группу 时态助词 shí tài zhùcí. Таким образом, в эту группу войдут следующие частицы: 来着 láizhe, 来 lái1 (указывают на действие, которое произошло недавно в прошлом); 的 de2 (является показателем прошедшего времени и одновременно выделяет отдельные слова в предложении и фокусирует на них внимания); 看 kan (является показателем действия, которое ещё не произошло и произойдет в ближайшем будущем). Следует отметить, что частица 看, также как частица 的 de2, помимо обозначения времени, будет в данном исследовании разобрана как видо-временная частица с оттенком модальности, так как она придаёт предложению добавочный смысл, а именно – говорящему неизвестно каким будет результат совершения действия и сначала необходимо попробовать совершить его, чтобы узнать, к чему оно приведет [Лу Цзяньмин, 1999, с. 268].

Выполнение частицей 过 guo разных функций не даёт нам основания говорить о существовании двух частиц 过 guo, так как при выполнении этих функций (законченность действия и обозначения действия, которое происходило в неопределённое время в прошлом) частица занимает единственно возможную позицию – после глагола-сказуемого. Кроме этого, значения этих функций относятся к одной области – выражение временных характеристик глагола.

Частица 们 men, в соответствии с функцией образования множественного числа, в данном исследовании будет входить в группу частиц, выражающих численные значения, наряду с частицами 第 dì, 初 chū, 老 lǎo, 来 lái2, 把 bǎ, 开外 kāiwài.

С учётом всех функций и значений частицы 的 de, которые предлагают китайские лингвисты, мы будем выделять четыре частицы 的 de: структурную частицу 的 de1 (связывает между собой члены предложения атрибутивной связью); видо-временную частицу 的 de2 (обозначает прошедшее время); модальную частицу 的 de3 (вносит в предложение добавочный смысл – подтверждения, уверенности и соответствующую интонацию); частицу 的 de4 (используется при перечислении (сокращённая форма частицы 什么的 shénme de)).

Проводя параллель с частицей 过, здесь мы видим достаточные основания выделения четырёх разных частиц, так как при выполнении разных функций, частица занимает совершенно разные позиции в предложении: структурная 的 de стоит между главным словом и определением; модальная – в конце предложения; временная – после глагола; частица, использующаяся при перечисление – непосредственно в конце списка перечисляемых предметов.

Мы выделяем две частицы 来 lái. 来 lái1 относится к видо-временным частицам и обозначает действие, которое произошло недавно в прошлом. Частица может стоять непосредственно после глагола, а может быть отделена от него дополнением или так называемым зависимым подлежащим. 来 lái2 относится к частицам, выражающим численные значения, и обозначает приблизительное количество. Частица стоит между числительным и счётным словом или после счётного слова.

5. Заключение

В данной статье мы постарались продемонстрировать всю сложность и важность такого аспекта изучения частиц современного китайского языка, как их классификация. В статье были приведены классификации отечественных и китайских лингвистов, проведён анализ, который показал, что китайские исследователи уделяют изучению частиц большее внимание, чем отечественные лингвисты. В отечественном китаеведении описывают способы функционирования некоторых частиц, при этом часто такие слова они называют суффиксами или наращениями. У большинства китайских исследователей тема частиц выделена отдельной главой, в которой они предоставляют классификацию частиц и дают подробное описание спосо-

бов их употребления. Но при этом также возникают проблемы с разной наполненностью отдельных групп. Всё это объясняется специфичностью частиц современного китайского языка, которая проявляется в многообразии совершенно разных функций, в дифференциации позиции в предложении, в многозначности частиц, в трудности перевода и выбора нужной частицы. Рассмотрев теории лингвистов и проанализировав примеры употребления частиц, мы предложили вариант классификации частиц, основанной на грамматических признаках частиц. Данная классификация позволяет структурировать и организовать все многообразие частиц современного китайского языка, в чем заключается ее теоретическое значение. Кроме того, классификация частиц представляет собой существенный вклад в исследование вопросов частеречной классификации слов китайского языка, коммуникативного синтаксиса и функциональной лингвистики. Практическая значимость данной классификации состоит в том, что она может быть использована при чтении курса теоретической грамматики, проведении спецкурсов по проблемам частеречной классификации слов, на занятиях по практической грамматике.

Список литературы

1. Ван Ляои. Основы китайской грамматики [Текст] / Ван Ляои / пер. с кит. Г. Н. Райской, под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сунъюаня. – М. : Изд-во иностр. лит., 1954. – 263 с.
2. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка [Текст] / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1989. – 318 с.
3. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка [Текст] / А. А. Драгунов. – М. : АН СССР, 1952. – 231 с
4. Иванов, А. И. Грамматика современного китайского языка [Текст] / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 304 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка [Текст] / Люй Шусян. – Т. 1 : Слово и предложение. – М. : Изд-во Вост. Лит., 1961. – 266 с.
7. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка [Текст] / Люй Шусян. – Т. 2. – Ч. 1 : Категории.– М. : Наука, 1965. – 350 с.
8. Солнцев, В М. Очерки по грамматике современного китайского языка [Текст] / В. М Солнцев. – М. : Военный институт, 1978. – 152 с.
9. 白晓红。汉语虚词 15 讲。 - 北京 ：北京语言大学出版社，2007。 - 315 页。 (= Бай Сяохун. Пятнадцать лекций о служебных словах китайского языка [Текст] / Бай Сяохун. – Пекин : Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2007. –315 с.).
10. 陆俭明。现代汉语虚词散论。 - 北京 ：语文出版社，1999。 - 277 页。 (= Лу Цзяньмин. Очерк о служебных словах современного китайского языка [Текст] / Лу Цзяньмин. – Пекин : Юйвэнь чубаньшэ, 1999. – 277 с.).
11. 刘月华，潘文娱。使用现代汉语语法。 - 北京 ：商务印书馆， 2002。 - 1003 页 。(= Лю Юэхуа. Практическая грамматика современного китайского

языка [Текст] / Лю Юэхуа, Пань Вэньюй. – Пекин : Шан'у иньшугуань, 2012. – 1003 с.).
12. 吕叔湘。现代汉语八百词。- 北京 ：商务印书馆，1996。- 668 页。(= Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка [Текст] / Люй Шусян. – Пекин : Шан'у иньшугуань, 1996. – 668 с.).
13. 马建忠。马氏文通。- 上海，1956。- 447 页。(= Ма Цзяньчжун. Правила письменного языка господина Ма [Текст] / Ма Цзяньчжун. – Шанхай, 1956. – 447 с.
14. 张斌，张谊生。现代汉语虚词。- 上海 ：华东师范大学出版社，2000。- 315 页 。(= Чжан Бинь. Служебные слова современного китайского языка [Текст] / Чжан Бинь, Чжан Ишэн. – Шанхай : Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2000. – 315 с.).
15. 朱德熙。语法讲义。- 北京 ：商务印书馆，1999。- 231 页。(= Чжу Дэси. Лекции по грамматике [Текст] / Чжу Дэси. – Пекин : Шан'у иньшугуань, 1999. – 231 с.).
16. 杨玉玲，应晨锦。现代汉语语法答问（上）。- 北京 ： 北京大学出版社，2011。- 266 页 。(= Ян Юйлин. Грамматика современного китайского языка в вопросах и ответах (Ч. 1) [Текст] / Ян Юйлин, Ин Чэньцзинь. – Пекин : Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2011. – 266 с.).

References

1. Wang Li. (1954). *Osnovy kitayskoy grammatiki* [Essentials of Chinese grammar]. Moscow : Inostrannaya Literatura Press.
2. Gorelov, V. I. (1989). *Teoreticheskaja grammatika kitayskogo yazyka* [The theory of Chinese grammar]. Moscow : Prosveshchenie Press
3. Dragunov, A. A. (1952). *Issledovanija po grammatike sovremennogo kitayskogo yazyka* [Studies in modern Chinese grammar]. Moscow : AN SSSR Press.
4. Ivanov. A. I. (2001). *Grammatika sovremennogo kitayskogo yazyka* [Modern Chinese grammar]. Moscow : Editorial URSS Press.
5. Jartseva, V. N. (1998). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Sovetskaya Entsiklopediya Press.
6. Lü Shuxiang. (1961). *Ocherk grammatiki kitayskogo yazyka (T. 1 : Slovo i predlozheniye)* [The outline of Chinese grammar. Vol. 1 : Word and sentence]. Moscow : Vostochnaya Literatura Press.
7. Lü Shuxiang. (1961). *Ocherk grammatiki kitayskogo yazyka (T. 2. Ch. 1: Kategorii*) [The outline of Chinese grammar. Vol. 2. Part 1 : Categories]. Moscow : Nauka Press.
8. Solntsev, V. M. (1978). *Ocherki po grammatike sovremennogo kitayskogo yazyka* [Essays on Modern Chinese grammar]. Moscow : Military Institute Press.
9. Ba Xiaohong (2007). *Hànyǔ xūcí 15 jiǎng* [Fifteen lectures on Chinese functional words]. Beijing.
10. Lu Jianming (1999). *Xiàndài hànyǔ xūcí sàn lùn* [Theory of modern Chinese functional words]. Beijing.
11. Liu Yuehua. Pan Wenyu (2012). *Shǐyòng xiàndài hànyǔ yǔfǎ* [Practical grammar of modern Chinese]. Beijing.

12. Lü Shuxiang (1996). *Xiàndài hànyǔ bābǎi cí* [Eight hundred words of the modern Chinese language]. Beijing.
13. Ma Jianzhong (1956). *Mǎ shì wéntōng* [The rules of the written language of Mr. Ma]. Shanghai.
14. Zhang Bin, Zhang Yisheng (2000). *Xiàndài hànyǔ xūcí* [Functional words of the modern Chinese language]. Shanghai.
15. Zhu Dexi (1999). *Yǔfǎ jiǎngyì* [Lectures on Grammar]. Beijing.
16. Yang Yuling, Ying Chenjin (2011). *Xiàndài hànyǔ yǔfǎ dá wèn (Shàng)* [Answers to questions on the Grammar of modern Chinese. Part 1]. Beijing.

УДК 81'34
UDC 81'34

Горбылева Анастасия Васильевна
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
Anastasia V. Gorbyleva
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
nastyagorbyleva@gmail.com

ПРОСОДИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОБЕСЕДНИКОВ В СПОНТАННОМ ДИАЛОГЕ
PROSODIC CONVERGENCE AS A RESULT OF SPEAKERS' INTERACTION IN SPONTANEOUS DIALOGUE

Аннотация
В процессе общения говорящие становятся схожими друг с другом по многим параметрам. Считается, что данный феномен, известный как конвергенция или согласованность, является необходимым условием для успешного взаимодействия людей. В данном исследовании изучаются три аспекта конвергенции на просодическом уровне: процесс согласованности, сигналы передачи реплик и ролевые отношения говорящих. Методом слухового и электронно-акустического анализа был выявлен характер взаимодействия говорящих в течение всего диалога и на локальном уровне, то есть на стыке реплик. Учитывая результаты эксперимента по согласованности просодических характеристик и в целом характер развертывания диалога, можно сделать вывод о том, что в данной паре собеседников женщина выполняла роль лидера, а мужчина – роль ведомого. По ряду просодических характеристик, таких как средний уровень ЧОТ и средняя длительность слога в конце реплики, собеседники либо сохранили идентичность, либо проявили схожие тенденции в настройке друг на друга. В таких характеристиках, как средняя интенсивность произнесения слов-повторов и длительность пауз перед ответной репликой, мужчина подстроился под женщину к концу беседы, что подтверждает выводы, сделанные о ролевых отношениях пары.

Abstract
In conversation, speakers become more alike in various dimensions. This phenomenon, commonly called convergence, or entrainment, is widely believed to be crucial to the success and naturalness of human interactions. We investigate three aspects of convergence in prosodic dimensions: automatic entrainment, turn-taking and role relations between speakers. We explore whether speakers coordinate with each other in these dimensions over the conversation globally as well as locally, on a turn-taking basis. The results of the research show that the female speaker had a leading part in the course of the conversation, while the male speaker was a follower. Some prosodic characteristics, such as pitch and syllable duration at the end of the turn, show either individuals' identity in contrast to that of another individual or similar strategies of accommodation. Conversely, the male speaker applied more

convergence strategies in the terminal part of the conversation within such prosodic features as mean intensity and duration of pauses marking the transition to a new speaker.

Ключевые слова: спонтанная речь, просодия, конвергенция, согласованность, идентичность.

Keywords: spontaneous speech, prosody, convergence, entrainment, identity.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_41_52

1. Введение

Имитация, которая приводит к конвергенции, является одной из важнейших характеристик поведения человека. Она проявляется на разных уровнях, включая позы, жесты и выражения лица. Согласно теории аккомодации [Giles, Smith, 1979 ; Giles, Powesland, 1997], в процессе общения одним из важных путей успешного взаимодействия на просодическом уровне является развитие адаптивных способностей для достижения согласия, избегания конфликтов и для эффективности коммуникации. Мы настраиваемся на темп речи собеседника, характер пауз, высотный уровень, громкость и даже тип произношения – этот процесс называется конвергенцией. Противоположное явление, когда человек подчёркивает свои отличительные характеристики, называется дивергенцией. Эти процессы составляют сущность теории речевой аккомодации.

В рамках речевого поведения, конвергенция была изучена на уровне лексического и синтаксического сходства [Pickering, Garrod, 2004], пауз и длительности высказывания [Jaffe, Feldstein, 1970], громкости голоса [Natale, 1975], времени включения голоса после паузы [Nielsen, 2007, 2008] и качества гласных звуков [Babel, 2007, 2009]. Один собеседник задаёт темп говорения, а второй собеседник должен подстраиваться и согласовывать с ним свой темп речи и другие характеристики [Шевченко, 2016].

Считается, что социальные факторы служат сильной мотивацией к адаптации [Dijksterhuis, Bargh, 2001 ; Babel, 2009]. Несмотря на то, что множество исследований посвящено гендерным различиям в конвергенции, результаты исследований о том, какой гендер более склонен к адаптации, остаются весьма противоречивыми. Например, Дженнифер Пардо [Pardo, 2006] установила, что мужчины более склонны к конвергенции при выполнении задания по дорожной карте (map task), а исследование Лауры Нами [Namy et al., 2002] показало, что женщины больше подвергали свою речь конвергенции в заданиях на имитацию голоса диктора (shadowing experiment).

На базе анализа двух известных корпусов диалогического характера, Switchboard и Galvano Games Corpus (корпус компьютерных игр), американские исследователи проверили, как собеседники, которые не видят друг друга, но стремятся к сотрудничеству или к выигрышу в общей игре с партнёром, настраиваются друг на друга и ищут путь к согласию. Установлено, что настройка на уровень громкости собеседника происходит сразу в

начале разговора. Индивидуальный темп (средняя длительность слога) и тембр голоса в целом сохраняются, но успешные партнёры не делают больших пауз, не перебивают друг друга, а подхваты между репликами, предвосхищающие завершение, не прерывают это завершение. Высотные уровни сближаются на границе реплик, но в дальнейшем каждый возвращается к своему среднему показателю. Все эти явления взаимной адаптации приводят к конвергенции в просодии, способствуют успешному выполнению задачи – выигрышу. Эксперимент по адаптации, которую авторы назвали «entrainment», подкрепляется статистическим анализом корпусных данных [Levitan, Hirshberg, 2011 ; Шевченко, Галочкина, 2016].

В лабораторных условиях было показано, что при повторении слов через короткий промежуток времени, повышается схожесть в речи собеседников [Goldinger, 1998 ; Namy et al., 2002], однако настоящее исследование рассматривает процесс в контексте естественного общения. Таким образом, данное исследование ставит перед собой следующие задачи:

1) изучить влияние лексической настроенности собеседников на их взаимопонимание, подтвердить или опровергнуть существующую теорию о том, что люди лучше относятся друг к другу, если используют одни и те же слова-повторы;

2) на основе анализа просодических характеристик речи собеседников выявить, что для них важнее: адаптация или сохранение идентичности;

3) определить взаимосвязь между ролевыми отношениями собеседников и степенью адаптации: кто в большей или меньшей мере подстроился под собеседника по таким характеристикам, как уровень ЧОТ, средняя длительность слога в завершении реплики и длительность пауз между репликами.

1.1. Социальные факторы конвергенции

В ходе фонетических исследований конвергенции было предложено несколько объяснений данного феномена. Один из самых распространённых предположений заключаются в том, что процесс конвергенции направлен на взаимопонимание собеседников [Street, Giles, 1982], социально мотивирован [Eckert, 2001] или происходит непроизвольно [Dijksterhuis, Bargh, 2001]. Каждое из этих объяснений подкрепляется рядом экспериментальных исследований.

Степень фонетической конвергенции между собеседниками обычно связывают с рядом следующих факторов:

– раса [Babel, 2012],
– гендер [Pardo, 2010],
– возраст [Labov, 2006],
– национальность [Giles et al., 1991],
– родной язык [Kim et al., 2011],
– статус собеседника [Gregory, Webster, 1996 ; Bane et al., 2010, 2014].

Одним из самых влиятельных факторов, связанных с конвергенцией, является положительное мнение собеседников друг о друге. В наибольшей степени успешная конвергенция проявляется при общении

людей, которые находятся в хороших отношениях [Bernieri and Rosenthal, 1991], и большая согласованность в общении ведёт к улучшению взаимоотношений между собеседниками [Giles et al., 1973]. Конвергенция также зависит от личностных характеристик говорящего: люди, наиболее обеспокоенные социальным статусом, более склонны к проявлению конвергенции [Pardo, 2006 ; Natale, 1975].

Однако степень взаимосвязи конвергенции с прочими характеристиками остаётся не вполне ясной, в частности в силу методов проведения экспериментальных исследований по измерению характеристик речи [Шевченко, 2017]. Конвергенция на уровне слов или фонем, например, форманты гласных [Babel, 2012], время включения голоса после паузы [Nielsen, 2011] или общая перцептивная схожесть [Goldinger, 1998], изучалась в ходе лабораторных экспериментов, в которых участникам предлагалось повторять слова сразу вслед за записью [Goldinger, 1998 ; Babel, 2012]. Условия лабораторных экспериментов не могут объяснить всё многообразие взаимоотношений и целевых установок собеседников, которые возникают в спонтанной беседе, записанной в естественных условиях. Ещё более усложненным может быть взаимодействие участников полилога [Шевченко, 2012].

2. Методология

В качестве предварительного опыта, с целью изучения фонетической конвергенции во время взаимодействия собеседников, был произведён электронно-акустический анализ одного диалога, взятого из Корпуса разговорной американской речи университета Санта-Барбара (Santa Barbara Corpus of Spoken American Speech) [Bois et al., 2000]. Участниками диалога является супружеская пара. Оба участника относятся к белой расе, родились и выросли в штате Калифорния и получили степень бакалавра. Мужчине 33 года, женщине 38 лет. Данный диалог был выбран с целью минимизировать воздействие разных факторов (география, возраст, социальный статус). Таким образом, оба говорящих находятся на одном уровне, что позволяет нам изучить их ролевые отношения в семье.

С целью определить степень конвергенции, которую проявляет пара собеседников в ходе беседы, в эксперименте было поставлено три задачи.

1. Изучить процесс согласованности собеседников, который проявляется в том, как люди становятся похожими в плане просодических особенностей произнесения слов, репрезентирующих концепты. Ранее были изучены повторы слов одного спикера, для данного же исследования было интересно посмотреть переход от одного спикера к другому, как они повторяют слова-подхваты. Для сравнения просодических характеристик у двух собеседников, в начале, середине и конце диалога были отобраны следующие повторяющиеся ключевые слова-подхваты, произнесённые в связи с обсуждением содержания книги – heaven, hell, chapter, book, death, paradox, teeth, brain, dolphin, schmuck and quickly. Отбор данных лексических еди-

ниц объясняется тем, что оба собеседника произносят их через короткие промежутки времени в течение диалога.

С целью определения степени конвергенции в ходе взаимодействия говорящих, четыре повторяющихся слова были отобраны в начале беседы, три – в середине и четыре – в конце беседы. Отмечая начало и конец беседы, мы видим, как люди согласуются и понимают друг друга, произнося одни и те же слова. Первый набор слов был произнесён в течение первых двух минуты беседы, а третий набор слов – в течение последних четырех минут. Общая длительность диалога составила 20 минут.

2. Изучить динамику развития дискурса и сигналы смены очередности реплик двух участников беседы, при которых проявляется характер взаимодействия двух собеседников. Такими сигналами являются:

1) уровни ЧОТ, по которым проходит сигнал завершения / незавершения реплики, сообщения информации или запрос информации;

2) увеличение средней длительности слога в завершении реплики, по которой мы узнаем о намерении говорящего передать слово собеседнику;

3) длительность паузы, по которой можно судить о готовности последующего участника вступить в разговор, то есть ответить на запрос информации или продолжить высказанную ранее мысль, развить ту же тему.

Вместе с этим, по голосам участников мы устанавливаем их гендерную принадлежность и способность к адаптации, к конвергенции. Сопоставляя уровни ЧОТ в начале и конце диалога для каждого участника индивидуально и в сравнении с другим, мы можем обнаружить, в какой мере проявляется сходство или различие высотных уровней по мере развития темы и установления согласованного речевого взаимодействия.

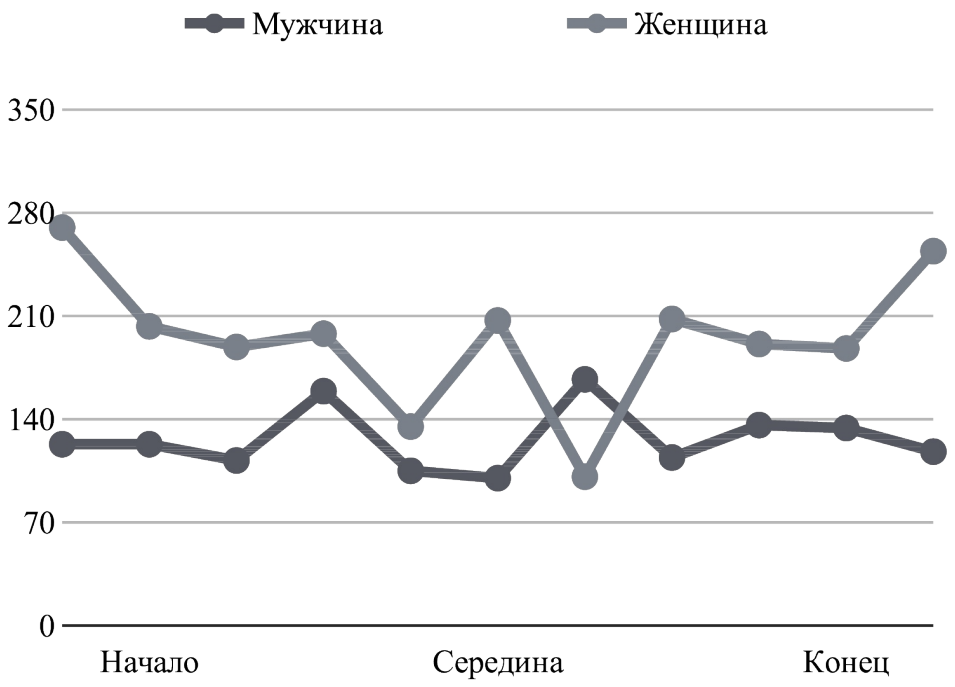
3. Установить ролевые отношения лидера и ведомого в паре собеседников, психологические особенности их личности и взаимовлияние ролевых отношений мужчины и женщины.

3. Результаты исследования

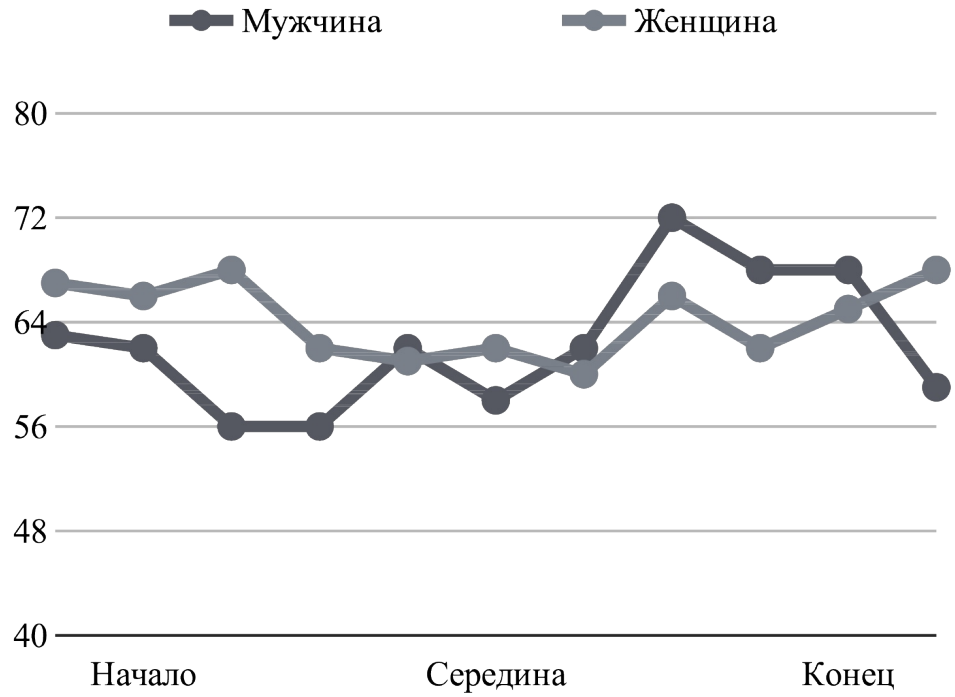
При изучении просодических особенностей произнесения ключевых слов-подхватов в начале, середине и конце диалога, были получены следующие результаты.

По уровню ЧОТ произнесения слов-подхватов собеседники проявляют частичную согласованность. Показатели ЧОТ мужчины изменяются незначительно, а показатели женщины подстраиваются под уровень ЧОТ мужчины к середине диалога, однако к концу диалога вновь поднимаются на высокий уровень (см. рис. 1).

По уровню громкости мужчина подстраивается под женщину: показатели громкости мужчины значительно вырастают к концу беседы и даже становятся немного выше женских показателей. Однако показатели громкости женского голоса тоже не остаются неизменными и понижаются в середине беседы, приближаясь к показателям громкости мужчины (см. рис. 2).



Р и с у н о к 1. **Показатели ЧОТ (Гц) ключевых слов-подхватов в течение беседы (мужчина и женщина)**



Р и с у н о к 2. **Показатели громкости (дБ) ключевых слов-подхватов в течение беседы (мужчина и женщина)**

При изучении характера взаимодействия собеседников при передаче слова (смене реплик), были получены следующие результаты.

1. Уровни ЧОТ в начале реплик обоих собеседников (мужчины и женщины) повышаются в конце беседы по сравнению с началом беседы. При этом показатели высотных уровней женщины повышаются незначительно (с 226,8 Гц до 269,4 Гц), а высотный уровень мужчины повышается на 93,3 Гц (с 139,7 Гц до 233,3 Гц) (см. табл. 1–2). В конце реплик уровни ЧОТ женщины повышаются на 29,5 Гц, а уровни ЧОТ мужчины, наоборот, значительно понижаются на 85,5 Гц (с 195,4 Гц до 109,9 Гц). Такие результаты могут говорить о том, что в начале беседы мужчина был склонен к спору о содержании обсуждаемой книги, он больше запрашивал информацию, а женщина сообщала ему информацию о книге, развивала тему беседы. В конце диалога женская речь характеризуется большей вовлечённостью и настойчивым апеллированием, в то время как показатели уровня ЧОТ мужчины, напротив, говорят о его спокойном отношении к теме беседы. Несмотря на то, что к концу беседы средний уровень ЧОТ на стыке реплик у женщины значительно выше, чем у мужчины, тенденция к повышению данной просодической характеристики в начале реплики сохраняется у обоих партнёров, что свидетельствует о неком сближении.

Таблица 1. **Частотный уровень на стыке реплик в начале и конце реплики (Гц) (начало диалога)**

	Мужчина		**Женщина**	
	Начало	Конец	Начало	Конец
	182.6	270.5	218.6	203.9
	124.4	164.6	221.8	181.3
	112.2	151.1	233.6	222.3
			233.4	
Сред. знач.	**139.7**	**195.4**	**226.8**	**187.3**

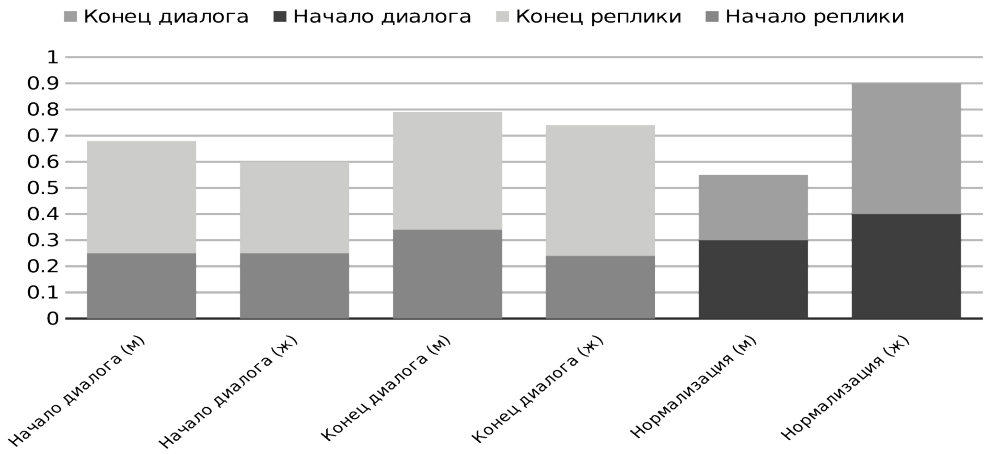
Таблица 2. **Частотный уровень на стыке реплик в начале и конце реплики (Гц) (конец диалога)**

	Мужчина		**Женщина**	
	Начало	Конец	Начало	Конец
	242.2	106.3	237.4	269.1
	199.9	90.09	190.4	188.4
	289.5	111.4	237.8	170.5
	276.5	110	258.1	239.3
	158.6	131.8	421.1	
			271.6	
Сред. знач.	**233.3**	**109.9**	**269.4**	**216.8**

2. Средняя длительность слога на стыке реплик показывает намерение участников диалога передать слово собеседнику. Данная характеристика была нормализована по гендеру путём вычисления средней длительности слога на участках начала и конца беседы (2 и 4 минуты). Нормализованные показатели в начале беседы составили 0,3 с для мужчины и 0,4 с для женщины, в конце беседы 0,25 с и 0,5 с соответственно.

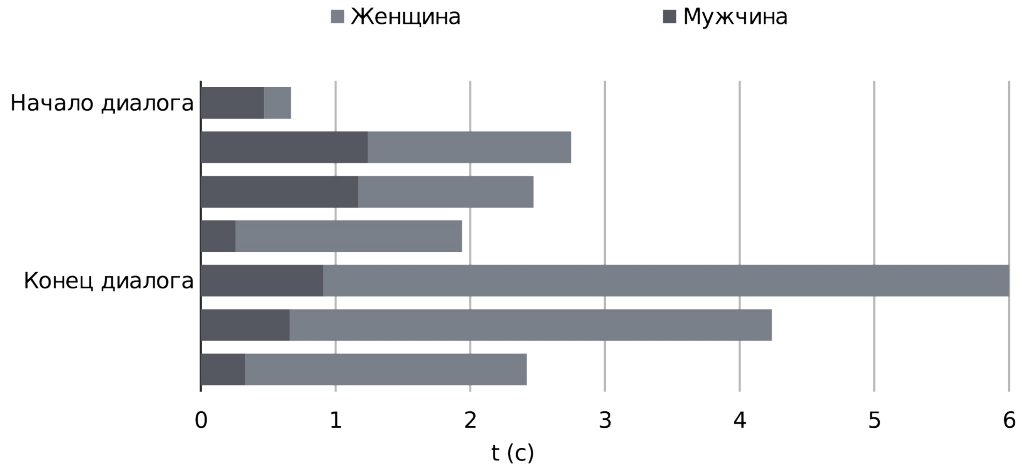
Результат исследования показывает, что длительность слога в конце реплики значительно выше, чем в начале: у мужчины 0,42 с vs 0,25 с, у женщины 0,35 с vs 0,25 с (см. рис. 3). Та же тенденция сохраняется и в конце беседы: у мужчины 0,45 с vs 0,34 с, у женщины 0,50 с vs 0,24 с. Таким

образом, завершению реплики сопутствует удлинение слога, особенно в конце диалога, что является признаком понимания друг друга.



Р и с у н о к 3. **Средняя длительность ударного слога в начале и конце реплики в течение беседы (с)**

3. Длительность пауз свидетельствует о том, что в конце диалога мужчина проявил большую готовность ответить на запрос информации: длительность пауз перед его ответными репликами сократилась с 0,96 с до 0,54 с. Женщина же, напротив, быстрее вступала в разговор и продолжала тему беседы в начале диалога: в среднем длительность пауз перед её ответными репликами удлинилась к концу беседы с 0,75 с до 4,55 с (см. рис. 4).



Р и с у н о к 4. **Пауза между репликами (сек)**

4. Выводы

Подводя итоги анализа результатов пилотного эксперимента, можно отметить, что в данном диалоге обнаруживаются признаки как согласованности партнеров по диалогу, так и сохранения их идентичности.

1. По диалогу бессознательный интуитивный процесс согласованности может проявляться в том, как люди становятся похожими в плане просодических особенностей произнесения слов-повторов. Полученные данные о средней интенсивности произнесения слов-повторов позволяют говорить, что в определённой степени мужчина подстроился под женщину, которая в свою очередь осталась похожей на саму себя. По среднему уровню ЧОТ собеседники заметно сблизились в середине диалога, а к концу вернулись к своим комфортным характеристикам, что можно интерпретировать как сохранение их идентичности.

2. На границах реплик согласованность оказалась ближе, чем по всему диалогу. Сближение по такой характеристике, как средний уровень ЧОТ, по которой в целом диалоге сближение не было отмечено, говорит о том, что согласованность состоит в постоянной настройке участников диалога друг на друга в совместной беседе. Так, например, длительность пауз перед ответными репликами мужчины сократилась в конце беседы, что свидетельствует о повышении его готовности вступить в разговор, в то время как женщина, наоборот, «устала» к концу диалога: длительность пауз перед её ответными репликами значительно повысилась.

Только в средней длительности слога в конце реплики сходство проявилось сразу в начале диалога и повысилось к концу беседы, что свидетельствует о готовности собеседников дать знак о завершении реплики и их взаимопонимании.

3. Учитывая результаты эксперимента по согласованности просодических характеристик и в целом характер развертывания диалога, можно предположить, что в данной паре собеседников женщина выполняла роль лидера, а мужчина – роль ведомого. По ряду просодических характеристик, таких как средний уровень ЧОТ и средняя длительность слога в конце реплики, собеседники либо сохранили идентичность, либо проявили схожие тенденции в настройке друг под друга. В таких характеристиках, как средняя интенсивность произнесения концептов и длительность пауз перед ответной репликой, мужчина подстроился под женщину к концу беседы, что позволяет сделать предварительные выводы о ролевых отношениях пары.

Однако следует отметить, что дальнейшее исследование будет предполагать расширение корпуса и ряда параметров исследования для сведения к минимуму получения случайных значений, связанных с другими факторами. Для подтверждения предварительных выводов необходимо также учесть фразовую позицию слов-подхватов, индивидуальные характеристики говорящих (вне взаимодействия с конкретным собеседником), а также обратить более пристальное внимание на реальные взаимоотношения между собеседниками.

Список литературы {References}

1. Шевченко, Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении [Текст] / Т. И. Шевченко. – 2-е изд, доп. М. : ЛЕНАНД, 2016. – 240 с. {Shevchenko, T. I. (2016). *Sotsiofonetika: Natsional'naya i*

sotsial'naya identichnost' v angliyskom proiznoshenii. [Sociophonetics: National and Social Identity of English Pronunciation]. 2nd ed., with additions. Moscow : LENAND Press}.

2. Шевченко, Т. И. Фонетические эффекты социальной адаптации, основанные на анализе корпусов дискурса: рекомендации для преподавания иностранного языка. [Текст] / Т. И. Шевченко // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике : сб. науч. трудов: в 2-х т. ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ / отв. ред. Д. Н. Новиков. – М., 2017. – С. 709–714. {Shevchenko, T. I. (2017). Foneticheskie effekty sotsial'noy adaptatsii, osnovannye na analize korpusov diskursa: rekomendatsii dlya prepodavaniya inostrannogo yazyka [Phonetic effects of social adaptation based on discourse corpora analysis: Implications for teaching a foreign language]. In D. N. Novikov (ed.), *Magiya INNO: novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike* [The Magic of Innovation: New dimensions in linguistics and language teaching]. A collection of scientific papers : In 2 Volumes (pp. 709–714). MGIMO University.}.
3. Шевченко, Т. И. Навстречу согласию: фонетическая адаптация собеседников в диалоге [Текст] / Т. И. Шевченко, И. Е. Галочкина // Вестник Моск. гос. лингвистич. ун-та: Фонетическая полифония звучащей речи. – 2016. – № 1 (740). – С. 185–203. {Shevchenko, T. I., Galochkina, I. E. (2016). Navstrechu soglasiyu: foneticheskaya adaptatsiya sobesednikov v dialoge [Ensuring convergence: Phonetic adaptation of partners in dialogue]. Vestnik Mosk. gos. lingvistich. un-ta: Foneticheskaya polifoniya zvuchashchey rechi [Vestnik of Moscow State Linguistic University : Phonetic polyphony of spoken language], (1) 740, 185–203.}.
4. Шевченко, Т. И. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика [Текст] / Т. И. Шевченко, Н. А. Садовникова, Л. Н. Сибилива // Вестник Моск. гос. лингвистич. ун-та. Гуманитарные науки. – 2012. –№ 634. – С. 175–187. {Shevchenko, T. I., Sadovnikova, N. A., Sibileva, L. N. (2012). Ritm i smysl prosodii diskursa: kognitivnyy podkhod i statistika [Rhythm and meaning in the prosody of discourse: A cognitive approach and statistics]. *Vestnik Mosk. gos. lingvistich. un-ta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 634, 175–187.}.
5. Babel, M. E. (2007). Social judgements and their acoustic cues in read speech. UC Berkeley Phonology Lab Annual Report (pp. 226–264). Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/adf3/fd315591d6712020e9977cc515d5dd77fb25.pdf>.
6. Babel, M. (2009). *Phonetic and Social Selectivity in Speech Accommodation*. Doctoral dissertation. University of California at Berkeley.
7. Babel, M. (2012). Evidence for phonetic and social selectivity in spontaneous phonetic imitation. *Journal of Phonetics*, 40, 177–189.
8. Bane, M., Graff, P. and Sonderegger, M. (2014). Longitudinal phonetic variation in a closed system. In R. Baglini, T. Grinsell, J. Keane, A. R. Singerman, and J. Thomas (Eds.), *Proc. of the 46th Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* (pp. 43–58). Chicago.
9. Bernieri, F., Rosenthal, R. (1991). Interpersonal coordination: Behavioral matching and interactional synchrony. In R. S. Feldman, B. Rime (Eds.), *Fundamentals of Nonverbal Behavior* (pp. 401–432). Cambridge : Cambridge University Press.

10. Dijksterhuis, A., Bargh, J. A. (2001). The perception-behavior expressway: Automatic effects of social perception on social behavior. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 33, pp. 1–40). San Diego : Academic Press.
11. Bois. D., John, W., Chafe, W. L., Meyer, C., Thompson, S. A. (2000). *Santa Barbara corpus of spoken American English*, Part 1. Philadelphia: Linguistic Data Consortium. Retrieved from <https://www.linguistics.ucsb.edu/research/santa-barbara-corpus>.
12. Eckert, P. (2001). Style and social meaning. In P. Eckert and J. Rickford (Eds.), *Style and Sociolinguistic Variation* (pp. 85–108). Cambridge : Cambridge University Press.
13. Giles, H. Taylor, D., Bourhis, R. (1973). Towards a theory of interpersonal accommodation through language: some Canadian data. *Language in Society*, 2, 177–192.
14. Giles, H., Coupland, J., Coupland, N. (1991). *Contexts of accommodation: developments in applied sociolinguistics*. Cambridge : Cambridge University Press.
15. Giles, H., Smith, P. (1979). Accommodation Theory: Optimal Levels of Convergence. In H. Giles, H. St. Clair (Eds.), *Language and Social Psychology* (pp. 45–65). Oxford : Basil Blackwell.
16. Goldinger, S. (1998). Echoes of echoes? An episodic theory of lexical access. *Psychological Review*, 105, 251–279.
17. Gregory, S. W., Webster, Jr., Webster, S. (1996). A nonverbal signal in voices of interview partners effectively predicts communication accommodation and social status perception. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70.6, 1231–1240.
18. Jaffe, J., Feldstein, S. (1970). Rhythms of dialogue. New York : Academic Press.
19. Kim, M., Horton, W., Bradlow, A. (2011). Phonetic convergence in spontaneous conversations as a function of interlocutor distance. *Journal of Language and Politics*, 2, 125–156.
20. Labov, W. (2006). A sociolinguistic perspective on sociophonetic research. *Journal of Phonetics*, 34, 500–515.
21. Levitan, R., Hirschberg, J. (2011). Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions. *Interspeech* (pp. 3081–3084). Florence, Italy.
22. Namy, L. L., Nygaard, L. C., Sauerteig, D. (2002). Gender differences in vocal accommodation: The role of perception. *Journal of Language and Social Psychology*, 21, 422–432.
23. Natale, M. (1975). Convergence of mean vocal intensity in dyadic communication as a function of social desirability. Journal of Personality and Social Psychology, 32, 790–804.
24. Nielsen, K. Y. (2007). Implicit phonetic imitation is constrained by phonemic contrast. *Proc. of the 16th International Congress of the Phonetic Sciences* (pp. 1961–1964). Saarbrcken, Germany.
25. Nielsen, K. (2008). *Word-level and feature-level effects in phonetic imitation*. Doctoral Dissertation. UCLA.
26. Nielsen, K. (2011). Specificity and abstractness of VOT imitation. *Journal of Phonetics*, 39, 132–142.

27. Pardo, J. (2006). On phonetic convergence during conversational interaction. *Journal of the Acoustical Society of America*, 119, 2382–2393.
28. Pickering, M. J., Garrod, S. (2004). Toward a mechanistic psychology of dialogue. *Behavioral and Brain Sciences*, 27, 169–226.
29. Street, R., Giles, Jr., Giles, H. (1982). Speech Accommodation Theory: A social cognitive approach to language and speech behavior. In M. Roloff, C. Berger (Eds.), *Social Cognition and Communication* (pp. 193–226). Beverly Hills : Sage Publications.

УДК 81-112
UDC 81-112

Дорогайкина Екатерина Михайловна
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнёва,
г. Красноярск, Российская Федерация,
Ekaterina M. Dorogaikina
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Russian Federation
katya.dorogaykina@ya.ru

Игнатьева Тамара Георгиевна
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск, Российская Федерация
Tamara G. Ignatieva
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation
tamara.ignatieva@mail.ru

ЗООНОМИНАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ZOOLOGICAL NAMES AS OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Аннотация
История наименований животных начинается с ранних эпох эволюции человечества, когда анимализм являлся одним из базовых компонентов мировоззрения. Несмотря на немалое количество работ, посвящённых изучению зоологической лексики в лингвистической науке до настоящего времени сохраняется неопределённость ряда терминов и произвольность употребления терминов и понятий, связанных с названиями животных, например «зооним» и «зооморфизм». Цель статьи – уточнить терминологическое значение указанных понятий, обобщить и систематизировать основные исследования по проблемам теории зоономинаций. Методология исследования была сформирована на основе теоретических положений в области зоолингвистики, ономастики и теории зоономинации в современной лингвистике. В результате проведённого теоретического анализа выявлено следующее. Термины «зооним» и «зооморфизм» не являются синонимами. «Зооним» – это более общий термин, чем «зооморфизм». Зооморфизмы представляют собой зооморфные онимы, имеющие антропологический характер, приписывая человеку черты, связанные с образом того или иного животного. Зоонимы такого характера не имеют. Общим термином предлагается считать «зооним». Выявлено, что на функционирование зоонимов и зооморфизмов в художественном тексте влияет такой фактор, как жанр текста, что выражается в жанровой детерминированности лексического состава зоонимов, номинирующих животных.

Abstract
The history of animal names begins with the early epochs of human evolution, when animalism was one of the basic components of the worldview. Despite a considerable number of works that study zoological vocabulary, the uncertainty of a number of terms and a certain arbitrariness of the use of terms and concepts associated with animal names is still present in onomastics, e.g. "zoonym" and "zoomorphism" refer to such concepts. The purpose of the article is to clarify the terminological meaning of these concepts, to generalize and systematize the basic research on the theory of zoonymic nominations. The research methodology was formed on the basis of theoretical positions in the field of onomastics and the theory of nominations in modern linguistics. As a result of the theoretical analysis the following findings were made. First, the terms "zoonym" and "zoomorphism" are not synonymous. "Zoonym" is a more general term than "zoomorphism". Zoomorphism represents zoological names of anthropological nature, attributing the traits associated with the image of an animal to a human. Zoonyms do not have such attributes. "Zoonim" is proposed to be the general term. Another finding was that the functioning of zoonyms and zoomorphisms in the literary text is influenced by the genre of the text, which is expressed in the genre determinism of the lexical composition of zoonyms nominating animals.

Ключевые слова: зооним, зооморфизм, номинация, синхронический текст, диахронический текст.

Keywords: zoonym, zoomorphism, nomination, synchronic text, diachronic text.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_53_66

1. Введение

История наименований животных начинается с ранних эпох эволюции человечества, когда анимализм являлся одним из базовых компонентов мировоззрения, и люди складывали первые обобщения-символы, конкретизируемые в образе того или иного животного. Филологический анализ текста предполагает их истолкование [Лясота, 1984, с. 97].

Лексико-семантическая группа «названия животных» давно привлекает внимание исследователей в связи со способностью её единиц обладать многозначностью, основанной на метафорических и метонимических связях. Любовь ко всему живому определяет жизненный путь человечества многие века. Необходимость людей сосуществовать с животными породила огромный пласт зоологической лексики, которая составляет неотъемлемую часть любого языка. Цель статьи – уточнить терминологическое значение понятий «зооним» и «зооморфизм», обобщить и систематизировать основные исследования по проблемам теории зоономинаций.

2. Теория наименований животных

В научной литературе XX века отмечается терминологическая неупорядоченность употребления терминов, обозначающих представителей животного мира. Так, встречаются термины «анимализмы» – названия

животных, термин образован от латинского слова *animalia* – 'животное' [Козлова, 2003, с. 14]; «зоосемизмы» – названия животных в прямом и переносном значении [Гутман, et al., 1977 с. 147; Козлова 2003, с. 14 ; Лясота, 1984]; «зоонимы» – класс языковых единиц, имён собственных, обозначающих животных [Суперанская, 1973, 2012] и вторичные переносные метафорические лексико-семантические варианты названий животных – зооморфизмы [Рыжкина, 1980, с. 5]. Несмотря на значительное количество работ по изучению зоологической лексики, в теоретическом плане до настоящего времени очевидна некая произвольность, неопределенность при употреблении терминов и понятий, связанных с именованиями животных.

В современных исследованиях [Карташкова et al., 2009 ; Игнатьева, Дорогайкина, 2014] употребляются два термина для обозначения номинаций животных – «зоонимы» и «зооморфизмы». Целью данной статьи мы ставим определение терминов «зооморфизм» и «зооним», историю их становления, а также выявление особенностей данной категории слов в современной лингвистике.

Общеизвестно, что «зоонимы» – это наименования представителей животного мира, от греч. *ζῷον* 'животное', *ὄνομα* – 'имя'. Во-первых, обращает на себя внимание отсутствие однозначного определения понятия зооним в научной литературе. Учёные данную лексико-семантическую группу определяют по-разному. Под зоонимами понимают нарицательные названия животных, собственные имена, клички животных, а также фразеологические единицы с упоминанием животных (пословицы, поговорки, сравнения).

Комментарии о зоонимах встречаются в ономастике, где речь идёт об именах собственных, их происхождении и функционировании. Так у В. П. Нерознака мы встречаем, что раздел ономастики, занимающийся кличками и названиями животных, называется зоонимикой [Нерознак, 1987, с. 260].

Согласно отечественному словарю терминов по ономастике Н. В. Подольской, óнимы (собственные имена, апеллятивы) – в ономастике репрезентируют общее наименование собственных имён. Термин объединяет различные классы собственных имён: антропонимы, зоонимы, топонимы, астронимы, фитонимы и др. По примечаниям ученой, форма «óним» удобна, как объединяющая для всех соподчиненных терминов; она используется как термин, называющий совокупность собственных имён. Производными данной формы являются: онимия, онимизация, деонимизация и др. Форма óнома служит для образования таких терминов как «ономастика», «ономасиология», «ономастикон». Таким образом, зоонимы – часть ономастики, вид óнима, который может быть традиционным (*Шарик* – дворовая собака, *Мурка* – кошка) и у которого тоже могут быть свои подвиды: áнтропозоóним (от «антропонимический зооним» – *Васька* – 'кот'), тóпозоóним (от «топонимический зооним» – *Амур* – собака, *Байкал* – 'собака'). Зоонимѝя – совокупность зоонимов, зоонѝмный – прилагательное к зоóним [Подольская, 1978, с. 58, 59, 95].

В конце XX века в отношении наименований животных в русле когнитивных исследований учёный Ю. Л. Лясота применил термин «зоосемизмы», понимая под ними названия животных в прямом и переносном значении. Работа учёного является подробным семасеологическим описанием английской зоосемии с характеристикой английских зоосемизмов с точки зрения формальной организации. Отмечая важную необходимость рассмотрения зоосемии двояко: с точки зрения формальной организации в плане выражения и с точки зрения семантического значения в плане содержания. Учёный находил должным рассматривать её структурные особенности: морфологический состав лексем и структурные типы зоосемизмов. Ю. Л. Лясота понимал под «зоосемией» «частные родовидовые общности», лексика которых охватывает как прямые, так и переносные значения названий животных в широком смысле (млекопитающие и пр., насекомые, птицы, рыбы и пр.). Учёный определял косвенную зоосемию, как звуки, которые издают животные, а также ряд существительных или глаголов, произошедших от наименований животных «на основе семантической аттракции». Исследуя фразеологизмы, в узком смысле, Ю. Л. Лясота под зоосемией понимал «совокупность лексики, тематически связанной с понятиями о животном мире», отбирая лексику по принципу частотности употребления, то есть учитывая степень узуальности и стилистическую окраску, называя данную лексику зоосемическими словами или корнесловами (зоосемизмы-существительные, зоосемизмы-прилагательные т. д.) или – лексемами, если данные слова не входили в ряд фразеологизмов. Исследователь считал, что значение зоосемических лексических единиц, употребляемых в речи весьма часто и широко, в принципе направлено на иносказательное обозначение человека, чаще всего метафорическое, стилистически подчёркнутое, наделенное явно экспрессивными семантико-стилистическими оттенками, фигуральное и содержащее элементы образности. Важным моментом в исследовании Ю. Л. Лясоты явилось определение источников зоосемизмов. Автор подчёркивал, что зоосемия широко распространена в «совершенно определённых типах текстов», отмечая «детские тексты» различных жанров: сказки, басни, присловья и т. д., говорил о необходимости реанимации забытых мотивов в зоосемии [Лясота, 1984, с. 3, 35, 41–49, 89, 96]. Так, Ю. Л. Лясота считал фразеологизмы, номинирующие животных, «зооморфизмами», а прямые номинации животных – «зоосемизмами». В дальнейшем особую разработку термин зооморфизм получил в разделе зоосемии и семасиологии.

История происхождения и современное состояние собственных имён изучается в ономастике. Круг теоретических и прикладных проблем достаточно широк: изучаются территориальное распространение, особенности функционирования зоонимов в естественной речи и художественном тексте, варьирование, традиции, мода. Прикладная ономастика регламентирует письменную передачу заимствованных собственных имён, а также искусственную номинацию и переименование объектов [Матвеева, 2010, с. 266].

Одной из первых отечественных учёных, предложивших классификацию имён собственных в связи с именуемыми объектами в ономастическом пространстве, является А. В. Суперанская. Согласно её классификации, всё

ономастическое пространство может быть разделено на своеобразные секторы, внутри которых выделяются отдельные зоны или поля. А. В. Суперанская понимает зоонимы не только как имена собственные различных животных, птиц, а также как раздел ономастики со своими традициями, которые варьируют в значительном диапазоне у различных народов и в разные эпохи. Среди живых существ или существ, воспринимаемых как живые, в этом пространстве учёный определяет антропонимы, зоонимы и мифонимы. В их описании собственные имена делятся на личные, индивидуальные и родовые. Индивидуальные даются людям и домашним животным, родовые – диким животным. В последнем случае к макрозоонимами могут быть отнесены собственные имена, которыми называют весь род или вид тех или иных животных. На стадии «микро», естественно сложившейся, в процессе становления имени, микрозоонимом, согласно классификации А. В. Суперанской, называется нарицательное употребление слова и закрепление его за одним, определённым в данной ситуации, объектом, например, верблюдом [Суперанская, 2012, с. 173, 178].

В своём исследовании А. В. Суперанская берёт за основу классификацию А. Баха (1952 г.), которую она называет «не до конца точной, но достаточно резонной». А. Бах распределил имена собственные таким образом, что имена живых существ или существ, которых считают живыми в ней занимают первое место [цит по ; Суперанская 2012, с. 169–178].

А. В. Суперанская учитывает среду приобретения имени (естественную или искусственную), национальный принцип называния (традиции культивирования, индивидуализации и именования), разновидности животных, доминирующие языковые модели (диалекты, диминютивы), а также выделяет в зоонимии официальные (паспортные) и неофициальные (обиходные) формы имён животных, сопоставляя зоонимию и антропонимию. Имена животных в классификации А. В. Суперанской описываются и среди мифонимов. Мифонимия – сектор ономастического пространства, созданный наподобие реальной его части. В него входят именования животных, в действительности никогда не существовавших. А. В. Суперанская подчёркивает, что без мифонимов исследования других типов имён были бы неполными и хронологически неточными. На ранних этапах развития человеческого сознания, когда человек еще недостаточно четко выделял себя из окружающего мира, его мировоззрение было анимистическим. Он считал, что все окружающие его предметы обладают душой, наподобие человеческой. Душа была материальной. В связи с этим вера в её чудотворную силу развивала зоолатрию – религию поклонения животными и терротеизм – обожествление животных. С развитием абстрактного мышления человек начал представлять себе предметы и животных как вместилища духов, существ высшего порядка, живущих в обществе, подобном земному, выделяя их в особый класс, не сопоставимый ни с чем земным. Именования таких духов стали подобием известных антропонимов разных типов [Суперанская, 2012, с. 178–181]. Впоследствии учёные назовут данный феномен зооморфизмом.

Одной из современных теорий об именах собственных в художественном тексте является теория, предложенная С. П. Васильевой в работе

«Имя собственное в языке и в художественном тексте». Автор рассматривает имена и номинации конкретно в художественном тексте. Так, согласно С. П. Васильевой, номинация (процесс приобретения имени или названия) происходит на основании того или иного выделяемого в денотате признака, с помощью которого объект включается в определённый класс объектов, для которых в языке либо имеется закреплённое наименование, либо оно может быть сформировано из существующих языковых элементов. С. П. Васильева [Васильева, 2017, с. 7, 138] различает четыре вида номинаций.

1. Номинации, соответствующие нормам и образующиеся естественным путём. Они называются нормальными или естественными номинациями.

2. Мутации, то есть номинации, характеризующиеся стандартностью, но возникающие в языке незаметно для его носителей. Такие номинации возникают на основе метафоры или метонимии.

3. Номинации, создаваемые сознательно, номинации целеполагающего наречения, направленное введение названия в общественный лексикон. Это искусственные номинации.

4. Так называемая «паталогическая» номинация, представляющая отклонение от нормы, возникающая в результате влияния факторов экстралингвистического характера.

Д. И. Ермолович в работах по переводоведческой ономастике, анализируя концепции имён, определил зоонимы как имена собственные, присваемые животным. Учёный считал, что имеет смысл называть собственным именем далеко не каждое животное, а только домашних и хозяйственных или имеющих какую-то значимость для общества. Среди зоонимов Д. И. Ермолович выделял единичные и множественные (типичные), классифицируя зоонимы по категориальному признаку, то есть отнесенности к тому или иному виду животных. Учёный в своих работах подчёркивает, что в наше время в лингвистической литературе данная категория имён слабо исследована. Д. И. Ермолович говорит о необходимости исследования вопросов разработки и передачи зоонимов в переводных текстах, видах зоонимов, их смысловых коннотаций, исследовании сказочных и фантастических зоонимов, связи зоонимов и антропонимов, трактовки образов зоонимов в фольклоре и литературе, словообразовании, ассоциативных связях и различий зоонимов в языках в синхронии и диахронии. Главной практической проблемой учёный определил полное отсутствие, по его мнению, справочников и словарей, где зоонимы – фольклорные персонажи – были бы описаны и систематизированы [Ермолович, 2005, с. 276–284].

В конце XX – начале XXI вв. предметом изучения стали зоонимы в составе фразеологических единиц в синхронии и диахронии на материале русского или разных иностранных языков. В диссертациях, посвящённых их анализу, вместе с термином фразеологические единицы, ученые выводят и используют также различные термины, такие как компонент-зооним [Малафеева, 1989], анималистические фразеологизмы [Бирюкова, 1990 ; Бао Хун, 1999], зоофразеологические единицы [Кацитадзе, 1985], фразеологические единицы с зоонимическим компонентом [Козлова, 1991], фразеологические зоонимы [Марданова 1997, Москаленко 2012].

Предметом изучения в XX веке, в основном, явились семантика зоонимов, их значения. Образные и переносные значения зонимов и способы их номинации изучались чаще в лингвокультурологии с позиции их этнической или этноспецифической значимости [Хахалкина, 2002], исследовались лексико-фразеологическая система и анализ семантической структуры имён животных и зооморфных метафор английского языка в пословично-поговорочном фонде [Карташкова, et al., 2009].

Одной из последних актуальных работ по зоонимам можно считать монографию Ф. И. Карташковой, И. В. Куражевой и А. В. Егоровой «Имена животных, как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре» [Карташкова et al., 2009]. В работе предлагается систематизированное описание участка лексико-фразеологической системы английского языка – имена животных в лингвокультурологическом аспекте. Работа ценна с точки зрения ориентиров английского этноса, анализа семантики имён животных в английском и русском этносах. Отдельно описаны результаты изучения имён животных в составе пословично-поговорочного фонда английского языка [Карташкова et al., с. 129]. В настоящее время зоонимы как отдельные лексические единицы и компоненты устойчивых выражений широко представлены во всех языках мира и признанно относятся к самым древним и распространённым словам. Именно поэтому их следует изучать во многих аспектах, что подчеркивается в современных работах (см., напр., [Телия, 1996 ; Козлова, 2003 ; Карташкова et al., 2009, Ilinski, 2017]).

В XX веке в обиходе учёных также было понятие «зоофóрное имя» – имя собственное, любое имя, образованное от названия животного, в том числе топозооним, гидроним, антропозооним [Суперанская, 1973, 2012]. Позднейшие из них могли быть даны метафорически по сходству, например, человека с тем или иным животным. [Подольская, 1978, с. 60].

Т. Ф. Ефремова в толковом словаре, комбинируя множество понятий через приставку зоо – начальную часть сложных слов, вносящих значение зоологический, связанный с животным миром, определяет понятие зоонима через термин зооморфизм, зооморфический и зооморфный. Зооморфизм – представление богов и духов в образе животных, зооморфический или зооморфный – соотносящийся по значению с существительным зооморфизм, связанный с ним. Под «зооморфизмами» Т. Ф. Ефремова понимает представления богов и духов в образе животных [Ефремова, 2000].

Л. В. Кузнецова объясняет зооморфизацию как способ самоидентификации, как процесс уподобления животному, как средство обретения идентичности человеком в социуме. Животные неотделимы от человека в течение жизни. Согласно Л. В. Кузнецовой [Кузнецова, 2013, с. 68–69], зверь является самой древней, архетипической формой визуального мышления человека. Это первый Другой, с которым сталкивается в процессе своего социального становления ребёнок, слушая, смотря и читая сказки, а позже басни, где животные являются главными действующими персонажами. Здесь они антропоморфизированы, приручены человеком. Наделяя животного чертами самих себя, люди снимают оппозицию «животное / человек» как трансформацию оппозиции «природа / цивилизация» и создают вокруг себя

мир, полностью понятный, упрощенный до одной-единственной точки зрения – человеческой, властной и иерархизированной. Л. В. Кузнецова говорит о том, что звери в сказках, детских стихотворениях, загадках, баснях, в массе книжной литературы и экранной продукции наделяются антропоморфными чертами: часто носят одежду, используют вещи человеческого обихода, передвигаются и мыслят, как люди, говорят человеческим языком. Таким образом, животные оказываются неким атрибутом человеческого бытия и теряют статус равноправного субъекта. Процесс зооморфизации Л. В. Кузнецова рассматривает в противоположность антропоморфизации, как её более раннюю стадию, стадию вхождения человека в социум, уподобление животному как средство обретения идентичности в ситуации уже назревшего конфликта человека с социумом. Идентификация себя с животным помогает по новому взглянуть на многие стороны человеческой природы, посмотреть на проблемы людей как бы со стороны и увидеть решения, которые были бы недоступны для «внутренней», внутричеловеческой позиции [Кузнецова, 2013, с. 68–69].

Т. В. Матвеева определяет зооморфизмы, как метафорические характеристики лица, образованные на базе животных: *баран, змея, гусь, паук* – о человеке, как обширную группу экспрессивной лексики, специфика которой состоит в диффузности значения: в зооморфизмах уподобление животному осуществляется на разных эмпирических основаниях. Так, согласно Т. В. Матвеевой, *петух* имеет актуальные смыслы: «задира, избыточно энергичный человек», «скандалист», «хвастун», «крикливо одетый человек»; *волк*: «злой, свирепый», «сильный, мощный», «гордый и одинокий»; *медведь*: «большой и сильный», «неуклюжий». Семантическим множителем в многозначном слове у зооморфизмов выступает весь эмпирический компонент лексического значения. Т. В. Матвеева также говорит о том, что зооморфизмы отражают национально-культурное представление о животных, которое складывается не без влияния фольклора и литературы. Некоторые зооморфизмы стали олицетворением нравственных качеств личности: *лиса* – хитрости, *заяц* – трусости, *осёл* – упрямства и глупости [Матвеева, 2010, с. 117–118].

Существуют теории, в которых фразеологизмы с названиями животных называют зооморфизмами [Молотков, 1977 ; Балакай, 1992]. Их теории основывались на том, что наши далёкие предки верили в то, что между людьми и животными существует родство. Каждое племя выбирало себе такого «родственника» и делало его символом рода или племени – тотемом. После этого животное нельзя было убивать и употреблять в пищу. Тотемизм был распространён у всех народов, а его пережитки сохранились в религиях, а в дальнейшем в устойчивых выражениях людей. Фразеологизмы позволяют не просто познакомиться с каждым животным, но и перенять мудрость предков, нажитую веками взаимодействия человека и природы, наблюдения наших предков за животными. Фразеологизмы с именами животных часто называют зооморфизмами. Зооморфизмы во фразеологии имеют ряд отличительных особенностей.

1) это устойчивые словосочетания с прямым наименованием животного;
2) всегда имеют переносное значение 'человек';
3) содержат оценку действий или поведения человека [Молотков, 1977].

Представляется целесообразным отметить, что рассматривая зооморфизмы, мы можем наблюдать их связь с антропоморфизмами (образами человека, людей). Теория антропоморфизма имеет длительную традицию: от антропоморфизма до описания лексико-семантического класса слов, существующих в каждом языке для номинации животных.

В работе С. Р. Омельченко, сделана попытка освещения областей языкознания, выделившихся на рубеже XX–XXI вв. лингводидактики, когнитивной и коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии и этнолингвистики. Обозначая свои научные интересы как «Аспекты изучения языковой личности» или «Антропологический ракурс новых областей лигвистики», С. Р. Омельченко видит их содержание несколько шире обозначенного, включает также описание некоторых явлений, не связанных напрямую с понятием «языковая личность», возможно оставляя попытку предположить, возможно, занять эту позицию зооморфизмами или зооморфическим аспектом лингвистики [Омельченко, 2007, с. 150–151].

Изучение роли антропоморфных предметов в формировании мировоззренческих установок и жизненных стратегий личности рассмотрел в диссертационном исследовании И. А. Морозов. Для достижения своей цели он решил выделить типы зоо- и антропоморфных артефактов в различных культурах; исследовать использование зоо- и антропоморфных игрушек в формировании и развитии «пространства личности» ребёнка, осознании им своего «Я», противопоставленного «Другому», преодолении им возрастного этапа «аутизма» и освоении социальных ролей [Морозов 2010]. При этом ученый использовал методы культурологического и этнолингвистического анализа, а также структурно-функциональный и структурно-семиотический методы. Результаты его диссертационного исследования интересны нам, как смежные. Выделенные автором типы зоо- и антропоморфных артефактов в различных культурах позволили автору дать дефиницию понятиям, описать их разновидности.

Во французской справочной литературе, в частности в таком фундаментальном труде как Larousse Lexis (1998 г.), зооморфизм понимается как «métamophose en animal», то есть 'метаморфизация в животного', что можно понять как «croyance au zoomorphisme», т.е. 'вера в животных' [Lexis, 1998, с.2044]. Термин зооним в данном словаре не освещён.

3. Заключение

Подводя итог проведённому теоретическому анализу, можно сделать следующие выводы.

1. В теоретической литературе, посвящённой изучению способов номинации представителей животного мира, отсутствует единый термин для обозначения интересующего нас класса слов. Это объясняется тем, что исследования проводятся на базе разных дисциплин, разных уровней языка, с

привлечением разных методик. В данной работе для номинации животных принимаются термины «зооним» и «зооморфизм».

2. В качестве общего термина, существующего для номинации животных, принимается термин «зооним». Термин «зооним» трактуется традиционно как слово, употребляемое для обозначения животных в устном или письменном тексте.

3. Термин «зооморфизм» употребляется с более узким значением – как «зооним, имеющий антропологический характер» Термин «зооморфизм» соотносится с понятием «человек», в каждом конкретном случае приписывая этому понятию характеристики, связанные с образом того или иного животного. Зоонимы такого характера не имеют. Таким образом, мы считаем, что данные термины не являются синонимами. Зооморфизмами мы называем зооморфные номинации. Для незооморфных образований следует оставить термин «зоонимы».

4. В художественном тексте употребляются оба феномена – зоонимы и зооморфизмы. На лексико-семантический состав зоонимов в художественном тексте влияет такой фактор, как жанр текста, но этот вопрос требует специального рассмотрения.

Список литературы

1. Бакалай, А. Г. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие [Текст] / А. Г. Бакалай. – Новокузнецк : Кузбассвузиздат, 1992. – 78,[1] с.
2. Бао Хун Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках [Текст] / Бао Хун // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Язык русской культуры, 1999. – С. 305–310.
3. Бирюкова, Н. В. Анималистическая фразеология русского языка [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Бирюкова Нина Викторовна ; Ташкентский гос. ун-т. – Ташкент, 1990. – 18 с.
4. Васильева, С. П. Имя собственное в языке и художественном тексте: учеб. пособие [Текст] / С. П. Васильева. – Красноярск: КГПУ, 2017. – 221 с.
5. Гутман, Е. А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) [Текст] / Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина // Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. А. А. Леонтьева. – М. : Наука, 1977. – С. 147–165.
6. Ермолович, Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи [Текст] / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2005. – 416 с.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.
8. Игнатьева, Т. Г. Зоопоэтика старофранцузского текста [Текст] / Т. Г. Игнатьева, Е. М. Дорогайкина // Вестник Моск. город. пед. ун-та. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2014. – № 2. – С. 64–71.
9. Карташкова, Ф. И. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре [Текст] / Ф. И. Карташкова, И. В. Куражева, А. В. Егорова. – Иваново : ИвГУ, 2009. – 152 с.

10. Кацитадзе, Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Э. А. Кацитадзе ; Тбилис. гос. ун-т. – Тбилиси, 1985. – 20 с.
11. Козлова, Т. В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке [Текст] / Т. В. Козлова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6 : Языкознание. – 2003. – № 4. – С. 145–150.
12. Кузнецова, Л. В. Звериная самоидентификация современного российского киногероя: кот, медведь и волк [Текст] / Л. В. Кузнецова // Бестиарий и стихии / сост. А. Л. Львова, О. Л. Довгий. – М. : Intrada, 2013. – С. 68–87.
13. Лясота, Ю. А. Английская зоосемия : учеб. пособие [Текст] / Ю. А. Лясота. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. – 116 с.
14. Малафеева, Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / Екатерина Радиогеловна Малафеева ; Челяб. ордена знак почета гос. пед. ин-т. – Л., 1989. – 16 с.
15. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
16. Марданова, Д. М. Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках [Текст] : дис. канд. филол. наук : 10.02.20 / Дина Марсовна Марданова ; Казан. гос. пед. ун-т. – Казань, 1997. – 449 с.
17. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977. – 248 с.
18. Морозов, И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма) [Текст] : автореф. дис. … докт. истор. наук : 07.00.07 / Морозов Игорь Алексеевич ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 2010. – 50 с.
19. Москаленко, А. В. Концепт «ПТИЦА» в английской фразеологической картине мира [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Анна Валерьевна Москаленко ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб, 2015. – 23 с.
20. Нерознак, В. П. Ономастика [Текст] / В. П. Нерознак // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 260 с.
21. Омельченко, С. Р. Возможности антропологического подхода в языкознании : учеб. пособие [Текст] / С. Р. Омельченко. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 198 с.
22. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская / отв. ред. А. В. Суперанская ; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187,[2] с.
23. Рыжкина, О. А. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах [Текст] / О. А. Рыжкина, С. Чакыралгу // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – Т. 7. – № 2. – С. 18–26.
24. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
25. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – Изд. 4-е. – М. : URSS, 2012. – 367 с.

26. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
27. Хахалкина, Т. В. Нганасанская зоосемия в становлении и развитии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. В. Хахалкина. – Том. гос. пед. ун-т. – Томск : ТГПУ, 2002. – 26 с.
28. Ilinski, K. De la chauve-souris et des parties du discours : [на французском языке] / K. Ilinski [Текст] // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сборник материалов XVIII Международной конференции Школы-семинара имени Л. М. Скрелиной (Москва, 13–16 сентября 2017 г.) / ред. Л. Г. Викулова. – М. : МГПУ, 2017. – С. 114–121.
29. Dictionnaire de la langue Française Lexis [Text] / ed. J.-P. Mével, dir. Jean Dubois. – Paris : Larousse – Bordas, 1998. – 2109 p.

References

1. Bakalay, A. G. (1992). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka : ucheb. posobie* [Phraseology of the modern Russian language: A coursebook]. Novokuznetsk.
2. Bao Khun (1999) Natsional'no-kul'turnaya spetsifika frazeologizmov v russkom i kitayskom yazykakh [National and cultural specificity of phraseological units in Russian and Chinese]. In V. N. Teliya (Ed.), *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow.
3. Biryukova, N. V. (1990). Animalisticheskaya frazeologiya russkogo yazyka: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Animalistic phraseology of the Russian language] PhD in Philological sci. diss. Tashkent : Tashkent State University.
4. Vasil'eva, S. P. (2017). *Imya sobstvennoe v yazyke i khudozhestvennom tekste: ucheb. posobie* [Proper name in language and literary text]. Krasnoyarsk.
5. Gutman, E. A. (1977). Sopostavitel'nyy analiz zoomorfnykh kharakteristik (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov) [Comparative analysis of zoomorphic characteristics (by the material of Russian, English and French languages)]. In A. A. Leontiev (Ed.), *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National-cultural specificity of speech behavior] (pp. 147–165). Moscow : Nauka Press.
6. Ermolovich, D. I. (2005). *Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezh"yazykovoy peredachi* [Proper names: theory and practice of cross-language transmission] Moscow : R. Valent Press.
7. Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* : v 2-kh t. [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative : In 2 volumes]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
8. Ignat'eva, T. G., Dorogaykina, E. M. (2014). Zoopoetika starofrantsuzskogo teksta [Zoopoetics of the old French text]. *Vestnik Mosk. gorod. ped. un-ta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie»* [Vestnik of Moscow City Pedagogical University. Series : Philology. Theory of linguistics. Linguistic education], 2, 64–71.
9. Kartashkova, I. V., Kurazheva, A. V., Egorova, F. I. (2009). *Imena zhivotnykh kak otrazhenie tsennostnoy kartiny mira v angliyskoy lingvokul'ture* [Animal names as a

reflection of the value picture of the world in English linguoculture]. Ivanovo : IvGU Press.

10. Katsitadze, E. A. (1985). *Metaforizatsiya zoonimov v nemetskom yazyke* [Metaphorization of zoonyms in the German language]: Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Tbilisi : Tbilisi State University.
11. Kozlova, T. V. (2003). Semantika frazeologizmov s nazvaniyami zhivotnykh v sovremennom russkom yazyke [Semantics of phraseological units with names of animals in modern Russian]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6: yazykoznanie.* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6 : linguistics.], 4, 145–150.
12. Kuznetsova, L. V. (2013). Zverinaya samoidentifikatsiya sovremennogo rossiyskogo kinogeroya: kot, medved' i volk [Animal self-identification of the modern Russian film hero: cat, bear and wolf]. In A. L. L'vova, O. L. Dovgiy (Eds.), *Bestiariy i stikhii* [Bestiary and forces of nature] (pp. 68–87). Moscow : Intrada Press.
13. Lyasota, Yu. A. (1984). *Angliyskaya zoosemiya: ucheb. posobie* [English zooseme: Tutorial]. Vladivostok : Far Eastern University Press.
14. Malafeeva, E. R. (1989). *Semanticheskaya struktura frazeologizmov s komponentom-zoonimom v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Semantic structure of phraseological units with component-zoonym in modern Russian literary language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Chelyabinsk Order of Honor State Pedagogical Institute. Leningrad.
15. Matveeva, T. V. (2010). *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Full dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don : Feniks Press.
16. Mardanova, D. M. (1997). *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh zoonimov v angliyskom i turetskom yazykakh* [Comparative analysis of phraseological zoonyms in English and Turkish]. PhD in Philological sci. diss. Kazan : Kasan State Pedagogical University.
17. Molotkov, A. I. (1977). *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [The basics of the phraseology of the Russian language]. Leningrad : Nauka Press.
18. Morozov, I. A. (2010). *Fenomen kukly v traditsionnoy i sovremennoy kul'ture (kross-kul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma)* [The phenomenon of dolls in traditional and modern culture (cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism)]. Author's abstract of Doctoral in Historical diss. sci. Moscow : Institute of Ethnology and Anthropology. N.N.Miklukho-Maklaya RAS.
19. Moskalenko, A. V. (2015). Kontsept «PTITSA» v angliyskoy frazeologicheskoy kartine mira [The concept of "BIRD" in the English phraseological picture of the world]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Saint -Petersburg : Saint-Petersburg State University.
20. Neroznak, V. P. (1987). Onomastika [Onomatology]. In V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaeva (Eds.), *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
21. Omel'chenko, S. R. (2007). *Vozmozhnosti antropologicheskogo podkhoda v yazykoznanii* : ucheb. posobie [The possibilities of the anthropological approach to linguistics : A coursebook]. Volgograd : VolGU Press.

22. Podol'skaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow : Nauka Press.
23. Ryzhkina, O. A. (2009). Issledovanie zoonimicheskikh metafor v russkoy i turetskoy lingvokul'turakh [The study of zoonimic metaphors in Russian and Turkish cultures]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series : Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2, 18–26.
24. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow : Nauka Press.
25. Superanskaya, A. V. (2012). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow : URSS Press.
26. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Press.
27. Khakhalkina, T. V. (2002). *Nganasanskaya zoosemiya v stanovlenii i razvitii* [The Nganasan tosame in the formation and development]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Tomsk : Tomsk State Pedagogical University.
28. Ilinski, K. (2017). De la chauve-souris et des parties du discours: [na frantsuzskom yazyke] [From the bat and parts of the speech]. In L. G. Vikulova (Ed.), *Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazyka: kategorii, faktory, mekhanizmy: sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoy konferentsii Shkoly-seminara imeni L. M. Skrelinoy* [Fundamental and relevant in the development of language: categories, factors, and mechanisms: Proc. of the XVIII International Conference of the School-Seminar Named After L. M. Skrelina] (pp.17–34). Moscow : MGPU Press.
29. Dictionnaire de la langue Française Lexis (1988). Ed. by J.-P. Mével, dir. Jean Dubois. Paris.

УДК 81’42
UDC 81’42

Ермакова Людмила Витальевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Lyudmila V. Ermakova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
lyucy@inbox.ru

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ ДИСКУРСА СМИ
THE AXIOLOGICAL ASPECT OF MASS-MEDIA DISCOURSE

Аннотация
Аксиологичность дискурса СМИ проявляется при актуализации определённых аксиологических смыслов, которые создаются в процессе осмысления действительности на основе выработанных в обществе ценностей, норм, правил поведения. В дискурсе такие аксиологические смыслы объективируются посредством различных модусных категорий. Проведённое исследование показывает, что в рамках изученной нами категории эвиденциальности формируется несколько аксиологических смыслов. Высокую частоту встречаемости имеют случаи имплицитного выражения модуса прямой эвиденциальности в ситуациях простой достоверности, когда адресант сообщает об известном ему факте и представляет описываемое событие как истинное. Редкой частотой встречаемости характеризуются случаи эксплицитного выражения прямой эвиденциальности в ситуациях простой и проблематичной достоверности.

Abstract
The axiological aspect of mass-media discourse is revealed through actualization of definite axiological meanings expressed in the process of reality conceptualization on the basis of values and social norms. Such axiological meanings are objectivized with the help of different modus categories. The conducted research demonstrates that the modus category of evidentiality conveys some axiological meanings. Implicit expression of the direct evidentiality modus in the cases of simple certainty is characterized by high frequency. In these situations, the addresser tells about something which he/she knows for certain and presents the described event as true in reality. Explicit expression of the direct evidentiality modus in the cases of simple and problematic certainty are characterized by low frequency.

Ключевые слова: дискурс СМИ, модусная категория эвиденциальности, субъективно-оценочная позиция адресанта, адресат, простая достоверность, проблематичная достоверность.

Keywords: mass-media discourse, modus category of evidentiality, evaluative addresser’s attitude, addressee, simple certainty, problematic certainty.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_67_77

1. Введение

Изучение языка СМИ является предметом многочисленных исследований на протяжении уже не одного десятилетия. Отечественные и зарубежные учёные описывают и выявляют фразеологические особенности языка СМИ, синтагматику текстов массовой информации, речевое воздействие в сфере массовой коммуникации, стилевую дифференциацию текстов СМИ, лингвокультурологические аспекты, когнитивные механизмы функционирования языковых единиц в сфере массовой коммуникации, лингвопрагматические особенности языка СМИ. На наш взгляд, одним из актуальных и перспективных направлений исследования языка СМИ является изучение когнитивно-дискурсивных особенностей этой сферы коммуникации. Методы исследования такой относительно молодой науки как когнитивная лингвистика, расцвет которой приходится на конец 1980-х гг., позволяют по-новому взглянуть на феномен массовой коммуникации и расширить список её языковых особенностей.

Настоящее исследование является продолжением работы, начатой в 2008 г. в рамках диссертационного исследования модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века). Целью диссертационного исследования являлось изучение и описание эволюции дискурса американской прессы XX века как динамического процесса использования категорий языка для выражения субъективно-оценочного отношения автора. Материалом проведенного исследования послужили информационно-аналитические статьи американских газет *The New York Times* и *The Washington Post*, взятых в трех периодах: 1920-е гг., 1960-е гг. и 1998–2000 гг.

В данной работе в качестве материала исследования были выбраны только информационные статьи двух популярных американских журналов *Time* и *Newsweek*, также относящиеся к качественной прессе. Статьи были взяты с соответствующих интернет-сайтов данных журналов. Таким образом, объект описываемого исследования – новостной дискурс как один из основных типов дискурса качественной американской прессы, под которым понимается «тип медиадискурса, представляющий собой оперативное информирование в доступной форме массового адресата о каком-то значимом событии с целью удовлетворения его общественных и личных потребностей в получении необходимых сведений» [Васильева, 2010, с. 41].

Цель настоящего исследования состоит в изучении языковых особенностей реализации субъективно-оценочной позиции адресанта как автора новостной статьи журнала. В качестве основного метода исследования выступает метод когнитивно-дискурсивного анализа модусных категорий как способов выражения отношения адресанта. Кроме того, нами использовался метод градуальной шкалы измерений, базирующейся на средних частотах встречаемости изучаемых единиц (низкий, средний и высокий уровни) [Ерофеева, 2005]. Данный метод позволяет представить частотность выражения того или иного аксиологического смысла в рамках исследуемой модусной категории. Использование такого метода даёт возможность

определять относительные показатели встречаемости изучаемых языковых единиц по типу «часто – редко».

Модусные категории (категории модуса) в рамках когнитивной лингвистики отражают концепты, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его существования и осуществления. Специфика модусных категорий заключается в том, что они обеспечивают возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания. Данный тип категорий является онтологическим для человеческого сознания и гносеологическим по отношению к окружающему миру и миру языка [Болдырев, 2005 а].

Модусные категории являются коммуникативными по своей сути, поскольку они тесно связаны с самим процессом коммуникации, служат процессу общения и понимания и существуют как формы выражения субъективности человека. Кроме того, данные категории характеризуют и реализуют приёмы и механизмы речевой деятельности [Попова, Стернин, 2007 ; Болдырев, 2005 б ; Кобрина, 2006 ; Васильева, 2010 ; Тупикова, 2014.].

Следует отметить, что на сегодняшний день существует несколько классификаций модусных категорий. Подробнее хотелось бы остановиться на классификации О. А. Кобриной, поскольку при проведении исследования именно она взята нами за основу.

О. А. Кобрина отмечает, что модус даёт возможность выразить различные концепты психологического плана: эмоциональные состояния, модально-оценочные значения, значения приблизительности, эвиденциальности, эмотивности, отрицания, персуазивности и другие. В связи с этим она выделяет нижеследующие модусные категории, представленные на рисунке 1.

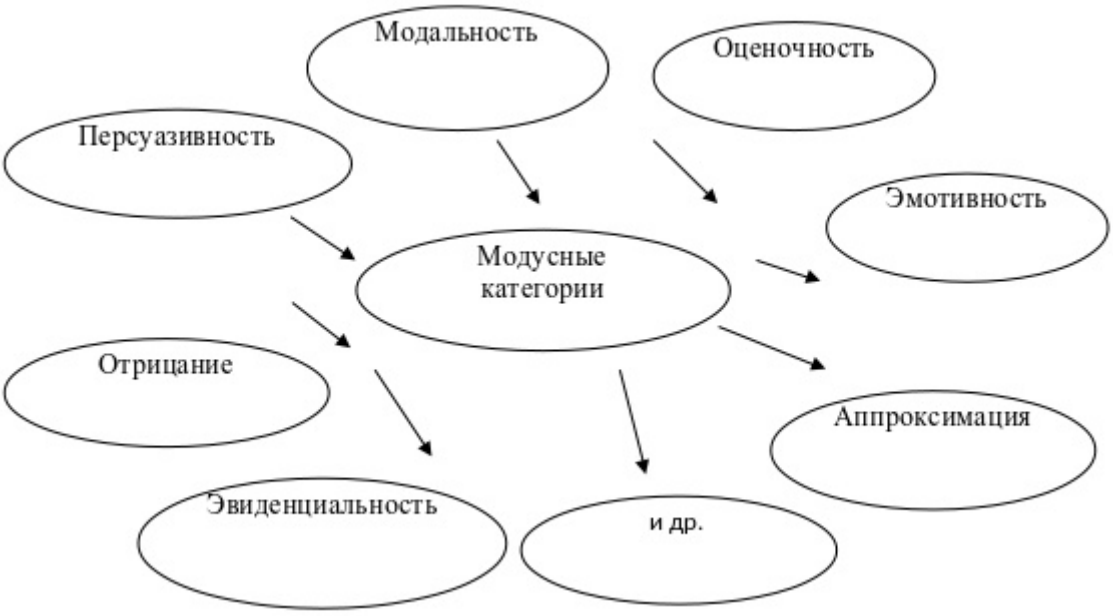


Рисунок 1. **Модусные категории (по О. А. Кобриной)**

Поскольку модус тесно связан с оцениваемой им реальной действительностью, он способен приобретать новые значения и формы.

В связи с этим можно сказать, что категории модуса относятся к категориям открытого типа [Кобрина, 2006]. Соответственно, приведённая классификация может быть расширена и дополнена.

2. Методика исследования

В качестве предмета нашего исследования выбрана языковая реализация модусной категории эвиденциальности. Она позволяет выразить авторство высказывания или источник исходящей информации [Литвинов, 1986 ; Козинцева, 1994 ; Кобрина, 2006 ; De Haan, 1999]. Кроме того, данная категория передаёт дополнительные сведения о мотивации и цели высказывания, характеризации описываемой ситуации и повода её раскрытия [Кобрина, 2006]. Таким образом, очевидна релевантность данной категории для дискурса СМИ (медиадискурса), так как указание на источник полученной информации – его неотъемлемая составляющая. Поскольку основным функциональным назначением модусных категорий, в том числе и категории эвиденциальности, является актуализация субъективного отношения при выражении объективной реальности, то любую из этих категорий можно рассматривать как аксиологическую составляющую дискурса. При этом с помощью модусных категорий в процессе концептуализации действительности на основе выработанных обществом ценностей порождаются определённые аксиологические смыслы, выражаемые в дискурсе с помощью различных языковых средств. В нашем исследовании мы попытались выявить некоторые аксиологические смыслы, актуализируемые в рамках категории эвиденциальности.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию получившихся результатов исследования, необходимо дать краткую характеристику журналам *Time* и *Newsweek Global* как ведущим новостным американским изданиям. Журнал *Time* был основан в 1923 как первый в мире новостной еженедельник. Десять лет спустя у него появился конкурент – журнал *Newsweek*, который существовал в печатной версии до 31 декабря 2012 года. Затем журнал перешёл к полностью цифровому формату и приобрёл название *Newsweek Global*. Оба журнала освещают события внутренней и внешней политики США, бизнеса, образования, медицины, спорта и других сфер жизни, а также мировые события. Новости на данные темы представлены в разнообразных рубриках: *“US”, “Politics”, “World”, “Health”, “Business”* в журнале *Time* и *“US”, “World”, “Business”, “Culture”, “Sport”, “Health”* в журнале *Newsweek*. Описываемые в данных журналах произошедшие события могут быть представлены как в виде кратких (*News in Brief*), так и в виде подробных новостных сообщений (*News items/ News stories*).

В ходе нашего исследования было проанализировано 45 новостных сообщений из журнала *Time* и 43 сообщения из журнала *Newsweek*. Все изученные новостные статьи были взяты из рубрик *“US”, “Politics”, “World”*, датированных 2018–2019 гг.

Модусная категория эвиденциальности в новостном дискурсе американских качественных журналов *Time* и *Newsweek Global* актуализируется

в виде модусов прямой и косвенной эвиденциальности. В случае прямой эвиденциальности источником полученных сведений является зрительное, слуховое или интеллектуальное восприятие, логическая или оценивающая деятельность адресанта. Косвенная эвиденциальность выражается в высказываниях, основанных на сообщениях, умозаключениях других лиц (участников события, наблюдателей, экспертов и др.), представленных в дискурсе в виде косвенной речи. В соответствии с целью данного исследования нами анализируются только случаи прямой эвиденциальности.

Как показывает исследование, прямая эвиденциальность в новостном дискурсе может быть выражена имплицитно и эксплицитно. Пропозиции (номинативная основа предложения) с имплицитно объективируемым модусом прямой эвиденциальности имеют значение констатации. Их можно рассматривать как имплицитно достоверные, не нуждающиеся в обосновании. Такие случаи употребления составляют простую достоверность. Аспектно-временная форма глагола (*Past Simple, Present Perfect, Present Simple, Future Simple*) имплицирует знание, восприятие события, наводит адресата на мысль, что адресант говорит об известном ему факте и характеризует (оценивает) описываемое положение дел как истинное в реальном мире. Необходимо отметить, что данный аксиологический смысл актуализируется в каждой из изученных нами новостных статей, что определяется целью адресанта новостного сообщения, которая состоит в объективном информировании читателя о произошедшем событии. Приведём несколько примеров.

(1) *President Donald Trump's top Mideast adviser, son-in-law Jared Kushner, was in Israel and scheduled to meet with Netanyahu on Thursday (Time, May 30, 2019)*. – 'Ведущий советник президента Дональда Трампа на Ближнем Востоке побывал в Израиле и запланировал встречу с Нетаньяху на четверг'[1].

(2) *Less than a week since President Donald Trump declared a national emergency to divert funds to build a border wall, multiple groups are already challenging the move in court (Time, February 19, 2019)*. – 'Не прошло и недели с тех пор как президент Дональд Трамп объявил о чрезвычайном положении в стране в связи с необходимостью перенаправить средства на строительство стены на границе, а многочисленные группы уже оспаривают этот шаг в суде'.

(3) *It was the first time a pastor and a church have been involuntarily removed in the denomination's history – because of the ECC's disinclination toward same-sex marriage (Newsweek, June 29, 2019)*. – 'Впервые в истории вероисповедания пастор и его церковь были в принудительном порядке изгнаны из Евангелической церкви конвента из-за её неприязни к однополым бракам'.

В ходе исследования нами выявлены и случаи эксплицитного выражения прямой эвиденциальности, когда адресант указывает, что сообщаемое является его логическим выводом из определенного стечения обстоятельств, статистических данных либо следствием личных наблюдений. Такие случаи также составляют простую достоверность, т.к.

[1] Здесь и далее перевод наш – Л. Е.

вывод делается на основе очевидных фактов. Такой аксиологический смысл прямой эвиденциальности редко объективируется в изучаемом типе дискурса. В качестве языковых средств его реализации используются лексические единицы типа *apparent / apparently*, главные предложения в составе сложноподчиненных типа *It became clear…, It explains why…, The figures show…:*

(4) *But as a parliamentary debate stretched toward midnight, it became clear there would be no compromise (Time, May 30, 2019).* – ‘Но в связи с тем, что парламентские дебаты продолжались до полуночи, стало ясно, что компромисс не будет достигнут’.

В следующих примерах адресант делает вывод и разъясняет некоторые факты на основе статистических данных, приведённых ранее в статье:

(5) *What these figures show is that Trump's support is durable but more dynamic than most realize… That helps explain the reason why many Representatives on Capitol Hill have engaged in running battles with the President. It also explains why so many in the party have embraced Brett Kavanaugh's Supreme Court nomination as a uniting factor… (Time, October11, 2018)* – ‘Эти данные показывают, что поддержка Трампа является более активной и продолжительной, чем ожидало большинство… Это помогает объяснить, почему многие члены палаты представителей в конгрессе США ведут борьбу с президентом. Это также объясняет, почему многие члены партии воспользовались назначением Бретта Кавано на должность помощника судьи Верховного суда США как объединяющим фактором…’.

(6) *Trump has continued to speak positively of North Korea's strongman leader despite an apparent breakdown in talks regarding denuclearization (Newsweek, May 27, 2019).* – ‘Трамп продолжает положительно высказываться о северо-корейском авторитарном лидере, несмотря на очевидный провал переговоров по поводу уничтожения ядерного оружия’.

Помимо уже отмеченной выше простой достоверности, выявлены случаи объективации проблематичной достоверности. В таких ситуациях адресант считает, что он не обладает достаточными знаниями для утверждения истинности пропозиции и выражает неуверенное субъективное восприятие, умозаключение, предположение об осуществлении события на основе имеющихся у него данных. Данный вид достоверности актуализируется только при эксплицитном выражении модуса прямой эвиденциальности.

В качестве языковых средств объективации данного аксиологического смысла используются модальные глаголы *may, could* в сочетании с различными типами инфинитива: *Indefinite* или *Continuous Infinitive* для выражения возможности настоящего или будущего действия или *Perfect Infinitive* для выражения возможности осуществления события в прошлом, а также модальное слово presumably и модальные сочетания to *be likely, to be unlikely / to be highly unlikely* (наречие *highly* усиливает значение неуверенности). Следует указать, что по сравнению с простой достоверностью, аксиологический смысл проблематичной достоверности редко встречается в изучаемом типе дискурса. Если простая достоверность отмечена нами в

100% случаев (все новостные материалы), то случаи проблематичной достоверности составляют 16% (14 новостных материалов). При этом исследование показало, что актуализация данного смысла типична для дискурса подробных новостных сообщений, когда у адресанта есть больше возможностей для представления каких-то деталей, нюансов произошедшего события. Сравнение изучаемых нами журналов указывает на то, что в дискурсе новостных сообщений издания Newsweek случаи реализации проблематичной достоверности отмечены реже, чем в издании Time. Приведём несколько примеров:

(7) *Pyongyang's patience with Washington's unwillingness to provide sanctions relief may be wearing thin as evidenced by a recent short-range missile test… (Newsweek, April 25, 2019)* – ‘Терпение Пхеньяна в отношении нежелания Вашингтона ослабить санкции небезгранично, о чём свидетельствует недавнее испытание ракеты малого радиуса действия’.

(8) *The FBI uncovered messages shared in March 2017 between Butina and the official, who is presumably Torshin, after media articles were published about her exploits as a gun rights activist (Time, July 18, 2018).* – ‘ФБР обнаружило переписку между Бутиной и чиновником, возможно Торшиным, которая осуществлялась в марте 2017 г., после того как в прессе были опубликованы статьи о её деяниях в качестве активиста движения за право на владение, ношение, хранение оружия и на самооборону’.

(9) *It’s highly unlikely Mueller’s final report will include the same type of smoking gun that Nixon’s tapes provided in the Watergate probe (Time, February 21, 2019).* – ‘Крайне маловероятно, что итоговый отчёт Мюллера будет содержать такие же неопровержимые улики, как магнитофонные записи Никсона, представленные в Уотергейтском деле’.

Кроме того, неуверенное умозаключение говорящего об истинности сообщаемого может объективироваться через модусные глаголы кажимости *seem, appear, look*. Данные предикаты используются в конструкциях *Complex Subject* в сочетании с *Indefinite* или *Continuous Infinitive* для выражения возможности настоящего или будущего действия или *Perfect Infinitive* для выражения возможности в отношении прошедшего действия:

(10) *The news appeared as an apparent reversal for an administration that seemed to be further entrenching itself in Syria's nearly eight-year civil war by challenging Damascus and its Iranian ally* (Newsweek, December 19, 2018). – ‘Эта новость появилась как явная репетиция для администрации, которая, кажется, ещё больше укрепляет свои позиции в почти восьмилетней гражданской войне в Сирии, бросая вызов Дамаску и его иранским союзникам’.

(11) *Direct U.S.-North Korea talks appear to have stalled in recent weeks, but South Korean President Moon Jae-in has continued to embrace closer contacts across with his country's Cold War-era rival (Newsweek, November 20, 2018).* – ‘Прямые переговоры между США и Северной Кореей, кажется, приостановились в течение нескольких последних недель, но южнокорейский президент Мун Чжэ Ин продолжает устанавливать более близкие контакты со своим противником времён холодной войны’.

(12) *The campaign looks to complicate Netanyahu's precarious legal standing (Time, May 30, 2019).* – ‘Похоже на то, что кампания усложнит ненадёжное законное положение Нетаньяху’.

Проведённый анализ новостных сообщений выявил также случаи использования адресантом таких лексических единиц, как *alleged / allegedly*, а также глаголов *to expect, to believe,* используемых в конструкциях *Complex Subject.* В некоторых работах [Козинцева, 2004 ; Кобрина, 2006] данные случаи трактуются как ситуации актуализации модуса косвенной эвиденциальности, когда адресант пересказывает чужие мысли и идеи без указания источника информации со значением предположения, неуверенности в достоверности сообщаемого. Случаи такого употребления считаем целесообразным называть промежуточными, поскольку при использовании вышеназванных конструкций не совсем понятно авторство высказывания: информация может исходить как от самого журналиста, так и от других неизвестных источников. Приведём примеры:

(13) *Washington and Caracas have been at odds since a 2002 coup attempt against late Venezuelan President Hugo Chávez allegedly tied to U.S. officials, who have also been blamed for plots against his successor, current President Nicolás Maduro (Newsweek, June 12, 2019).* – ‘Вашингтон и Каракас враждуют между собой с 2002 г., когда была осуществлена попытка госпереворота в отношении предыдущего президента Венесуэлы Уго Чавеса, связанного, по неподтвержденной информации, с американскими властями, которых также обвиняли в заговоре против нынешнего президента Николаса Мадуро’.

(14) *In all, the Pentagon is expected to shift about $6.1 billion to help build a border wall, including about $3.6 billion from military construction projects, some of which will be delayed (Time, May 10, 2019).* – ‘В целом, предполагается, что Пентагон перенаправит около 6,1 миллиарда долларов на строительство стены на границе, включая примерно 3,6 миллиардов долларов, взятых из программ военного строительства, осуществление которых будет отложено’.

(15) *The death toll from the attacks carried out by the radical Islamist National Tawheed Jamaat (NTJ) group at St. Sebastian's Church in Negombo is believed to be close to 200, making the assault there the deadliest of six blasts across the country (Newsweek, April 25, 2019).* – ‘Считается, что число погибших в результате атак, которые были предприняты радикальной исламистской группировкой Джамаат Таухид в церкви Св. Себастьяна в Негомбо, достигнет 200 человек. Из всех шести атак, предпринятых в стране, данная атака привела к самым многочисленным жертвам’.

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Аксиологичность дискурса СМИ проявляется при актуализации определённых аксиологических смыслов, которые создаются в процессе осмысления действительности на основе выработанных в обществе ценностей,

норм, правил. В дискурсе такие аксиологические смыслы объективируются посредством различных модусных категорий. В рамках изученной нами категории эвиденциальности формируется несколько аксиологических смыслов. Высокую частоту встречаемости имеют случаи имплицитного выражения модуса прямой эвиденциальности в ситуациях простой достоверности, когда адресант сообщает об известном ему факте и представляет описываемое событие как истинное. Редкой частотой встречаемости характеризуются случаи эксплицитного выражения прямой эвиденциальности в ситуациях простой и проблематичной достоверности. Редкость актуализации данных аксиологических смыслов можно объяснить стремлением и целью адресанта как автора новостного сообщения качественных изданий, которые заключаются в сообщении важной объективной информации, последовательности развития события. Однако наличие таких случаев может свидетельствовать о том, что при описании того или иного события информация проходит через призму ценностей адресанта и приобретает ту или иную степень оценочной характеристики.

Хотя целью настоящей работы не являлось изучение модуса косвенной эвиденциальности, считаем целесообразным отметить, что издание Newsweek характеризуется более высокой частотой встречаемости случаев реализации данного модуса по сравнению с модусом прямой эвиденциальности. При этом модус косвенной эвиденциальности объективируется через указание точного источника исходящей информации, которым являются участники события, авторитетные эксперты, ведущие информационные агентства или газетные издания. Такой способ представления информации о событии позволяет адресанту и изданию в целом быть более объективными и указать на того, кто, кроме адресанта, несёт ответственность за достоверность сообщаемого.

Как показывает теоретический материал данного и предыдущего исследований, степень субъективно-оценочного отношения адресанта зависит от типа публикации (новостные сообщения, информационно-аналитические материалы и др.), типа издания (качественное или массовое), целей редакции издания в целом (например, занять место самого объективного новостного еженедельника в стране). Таким образом, перспективой дальнейшей работы может стать изучение аксиологичности дискурса на материале публикаций из рубрики “Opinion”, адресанту которых предоставлены практически неограниченные возможности для объективации своей субъективно-оценочной позиции. Кроме того, интерес для исследования могут представлять также массовые издания, основной целью адресанта которых является привлечение огромного количества читателей за счёт представления сенсационных или даже скандальных материалов.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке [Текст] / Н. Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. к юбилею профессора Н. Н. Болдырева. – Тамбов, 2005а. – С. 16–39.

2. Болдырев, Н. Н. Модусные категории в языке [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Часть 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. ст. к юбилею профессора Н. А. Кобриной. – СПб. : Тригон, 2005 б. – С. 31–46.
3. Васильева, Л. В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века) [Текст] : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Васильева Людмила Витальевна ; Дальневос. гос. гуманит. ун-т. – Хабаровск, 2010. – 224 с.
4. Ерофеева, Е. В. Идиомы как вероятностные структуры: социолингвистический аспект (на материале фонетического уровня) [Текст] : дис. … докт. филол. наук : 10.02.19 / Ерофеева Елена Валентиновна ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2005. – 503 с.
5. Кобрина, О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию [Текст] / О. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.
6. Козинцева, Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) [Текст] / Н. А. Козинцева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 92–104.
7. Литвинов, В. П. Типологический метод в лингвистической семантике [Текст] / В. П. Литвинов. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. Ун-та, 1986. – 168 с.
8. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
9. Тупикова, С. Е. Модусная категория тональности и языковые способы её реализации в публицистическом дискурсе [Текст] / С. Е. Тупикова // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 20–25.
10. De Haan, F. Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries [Electronic Resource] / F. De Haan. – Режим доступа : www.u.arizona.edu/~fdehaan/papers/SWJL99.pdf (дата обращения 22.03.2009).
11. Newsweek [Electronic Resource]. – Режим доступа : https://newsweek.com (дата обращения 30.06.2019).
12. Time [Electronic Resource]. – Режим доступа : https://time.com (дата обращения 31.05.2019).

References

1. Boldyrev, N. N. (2005 a). Kategorii kak forma reprezentatsii znaniy v yazyke [Categories as a form of knowledge representation in the language]. *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [Conceptual language field]: A collection of works to Professor N. N. Boldyrev's anniversary (pp. 16–39). Tambov.
2. Boldyrev, N. N. (2005 b). Modusnye kategorii v yazyke [Modus categories in the language]. *Kognitivnaya lingvistika: mental'nye osnovy i yazykovaya realizatsiya. Chast' 1. Leksikologiya i grammatika s kognitivnoy tochki zreniya* [Cognitive linguistics: Mental basis and language realization. Part 1. Lexicology and grammar from the cognitive point of view]: A collection of works to professor N. A. Kobrina's anniversary] (pp. 31–46). St Petersburg : Trigon Press.

3. Vasil'eva, L. V. (2010). *Issledovanie modusnyh kategoriy v evolyutsii mediadiskursa (na materiale amerikanskoy pressy XX veka)* [Research of modus categories in the mass-media discourse evolution (The 20th century American newspapers studies]. PhD in Philological sci. diss. Khabarovsk : Far-Eastern State University for Humanities.
4. Erofeeva, E. V. (2005). *Idiomy kak veroyatnostnye struktury: sotsiolingvisticheskiy aspekt (na materiale foneticheskogo urovnya)* [Idioms as probabilistic structures: Sociolinguistic aspect (Phonetic study)]. Doctoral in Philological sci. diss. St Petersburg : St-Petersburg University.
5. Kobrina, O. A. (2006). Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniya sub"ektivnogo otnosheniya cheloveka k vyskazyvaniyu [Modus categories as expression means of the subjective personal attitude to statements]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, 90–100.
6. Kozinceva, N. A. (1994). *Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza)* [Category of evidentiality (Problems of typological analysis)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 5, 92–104.
7. Litvinov, V. P. (1986). *Tipologicheskiy metod v lingvisticheskoy semantike* [Typological method in linguistic semantics]. Rostov-on-Don : Rostov-on-Don University.
8. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [Language and national worldview]. Voronezh : Istoki Press.
9. Tupikova, S. E. (2014). Modusnaya kategoriya tonal'nosti i yazykovye sposoby ee realizatsii v publitsisticheskom diskurse [Modus category of tonality and methods of its realization in journalistic discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism], 14 (1), 20–25.
10. De Haan, F. *Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries* [Electronic resource]. Retrieved March 22, 2009 from <www.u.arizona.edu/~fdehaan/papers/SWJL99.pdf>.
11. Newsweek [Electronic resource]. Retrieved June 30, 2019 from <https://newsweek.com>.
12. Time [Electronic resource]. Retrieved May 31, 2019 from <https://time.com>.

УДК 81′33+39
UDC 81′33+39

Квашнин Юрий Николаевич
Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН
г. Тобольск, Российская Федерация
Yury N. Kvashnin
Institute of the Problems of Northern Development
Tyumen Scientific Center SB RAS
Tobolsk, Russian Federation
ukwa@yandex.ru

Бакиева Гульсифа Такиюлловна
Национально-культурная автономия сибирских татар Тюменской области
г. Тобольск, Российская Федерация
Gulsifa T. Bakieva
National cultural autonomy of the Siberian Tatars of the Tyumen region
Tobolsk, Russian Federation
gulsifa-bakieva@yandex.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ЮГЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ СИБИРСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА[1]
ETHNOCULTURAL EDUCATION IN THE SOUTH OF TYUMEN REGION AND THE CHALLENGES OF PRESERVING THE SIBERIAN-TARTAR LANGUAGE

Аннотация
В статье рассматриваются проблемы этнокультурного образования в татарских школах юга Тюменской области. Анализ исторических процессов показал, что в 20–40-е гг. XX в. в татарских учебных заведениях обучение велось на старотатарском языке, понятном большинству сибирских татар. После перевода обучения на язык татар Среднего Поволжья (татарский литературный) ситуация изменилась. Возникли трудности с восприятием учащимися чужого языка. Установлено, что многолетнее преподавание в национальных школах татарского литературного языка не принесло значительных результатов. Сибирские татары в быту продолжали использовать родной и русский языки. Исследование современной ситуации выявило, с одной стороны, заинтересованность учащихся и их родителей в изучении сибирскотатарского языка, с другой – нежелание руководителей органов управления образованием менять устоявшуюся систему. Основным выводом исследования является необходимость постепенной полной или частичной переориентации образовательного процесса в татарских школах юга Тюменской области в сторону языка и литературы сибирских татар.

[1] Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики», а также по госзаданию – проект № АААА-А17-117050400143-4.

Abstract
The article reflects the results of an ethnosociological study of the situation with ethnocultural education in the south of the Tyumen region. The analysis of historical processes showed that in the 20s–40s of the 20th century in Tatar educational institutions, instruction was conducted in the Old Tatar language, which was understandable to the majority of Siberian Tatars. However, after turning from the Old Tatar to the Tatar language of the Middle Volga region (Tatar literary), the situation changed. There were difficulties with the students perception of the language that was non-native for them. It has been established that long-term teaching in the national schools of the Tatar literary language did not bring significant results. Siberian Tatars continued to use native and Russian languages in everyday life. The study of the current situation has revealed, on the one hand, the interest of students and their parents in studying the Siberian-Tatar language, on the other – the unwillingness of the heads of education administration bodies to change the established system. The main conclusion of the study is the need for a gradual full or partial reorientation of the educational process in Tatar schools in the south of the Tyumen region towards the language and literature of Siberian Tatars.

Ключевые слова: сибирские татары, юг Тюменской области, этнокультурное образование, проблемы, татарский литературный язык, сибирскотатарский язык, нормирование.

Keywords: Siberian Tatars, south of the Tyumen Region, ethnocultural education, problems, Tatar literary language, Siberian-Tatar language, standardization.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_78_98

1. Издалека

Тюменская область раскинулась от казахских степей на юге до Карского моря на севере, от Уральских гор на западе до притоков Енисея на востоке. Она делится на три неравные части – большие по площади Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа и скромную южную часть. Здесь проживают люди более 50 национальностей, среди которых исконные обитатели – ненцы, ханты, манси, селькупы, сибирские татары; укоренившиеся на протяжении XVII – первой четверти XX столетия русские, коми, чуваши, поволжские татары; переселенцы советского и постсоветского времени разных национальностей.

Российская национальная политика в отношении коренных народов Сибири, частью которой является современная Тюменская область, менялась со сменой власти. В императорской России она была направлена на унификацию управленческой структуры у русских крестьян и иноверцев/инородцев и приобщении последних к православию. В большей или меньшей степени в разных регионах это было реализовано с учётом местной специфики [Христианство…, 1979, с. 3–11; Конев, 1997, с. 170–176; Семёнов, 1998, с. 42–52, 59]. Распространением образования среди инородцев занимались в основном религиозные учреждения. Значительных успехов в этом деле добились только татарские школы при мечетях [Ядринцев, 2000, с. 233–252].

При советской власти на Севере и в Сибири были созданы национальные автономии. Путём проб и ошибок была выработана политика развития этнокультурного образования коренных народов, включившая в себя изучение в школах и специализированных институтах родного языка, литературы, особенностей традиционной культуры [Увачан, 1971, с. 236–252 ; Еремеева, 2012 ; Пустогачева, 2014]. В современной России к развитию этнокультурного образования народов Сибири подключились созданные национально-культурные автономии и ассоциации коренных жителей.

Положительный опыт развития этнокультурного образования на территории Тюменской области можно наблюдать в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Большая работа была проведена советскими лингвистами в 30–50-х гг. XX в. Были изданы словари и учебная литература на языках манси и тундровых ненцев, на тазовском диалекте селькупов, на четырёх диалектах хантыйского языка [Языки и письменность…, 1937 ; Языки народов…, 1966]. В 1990-е гг. началась разработка письменности для лесных ненцев и для трёх, не охваченных ранее, групп селькупов. Периодически выходили в свет сборники образцов фольклора северных народов и литературные произведения северных поэтов и прозаиков.

Сибирские татары тоже не были обделены вниманием учёных, только оно оказалось весьма тенденциозным. Известно, что в царской России *татарами*, в официальных документах и в просторечии, нередко называли представителей бóльшей части тюркоязычных народов, как мусульман (крымских, поволжских, сибирских тюрок, азербайджанцев, туркмен, узбеков и др.), так и немусульман (хакасов, алтайцев, чулымцев и др.) [Благова, 1973, с. 102–103 ; Валеев, 1993, с. 10 ; Соколовский, 2003, с. 321–322]. Ситуация не менялась и после октябрьского переворота 1917 г., вплоть до 1936 г., когда в новую конституцию были внесены упорядоченные лингвистами этнонимы народов, населявших СССР [Долгих, 1970, с. 22–23 ; Благова, 1973 с. 129–130]. Однако в отличие от некоторых народов Севера и Сибири, которых избавили от путаницы в названиях (остяки, енисейские остяки, остяко-самоеды, самоеды-юраки, енисейские самоеды), крымских, поволжских и сибирских тюрок искусственно объединили в метаэтническую общность и навязали им самоназвание татары. Хотя ещё в 1902 г. видным учёным тюркологом П. М. Мелиоранским термин *татары* был охарактеризован как неопределённый и ненаучный, основанный на историческом недоразумении [Турецкие…, 1902, с. 159].

В переписи 1926 г. такие тюркоязычные группы как мишари, тептяри, нагайбаки, бухарцы, барабинцы и другие числились как самостоятельные народности, а в перепись 1937 г. они вошли под единым этнонимом татары[2]. В основе этого объединения были идеологические причины. С одной стороны, советская власть, активно боровшаяся с любыми проявлениями религиозности, приветствовала замену самоназвания мусульмане, бытовавшее наряду с локальными самоназваниями у отдельных тюрко-

[2] В материалах Всероссийской переписи населения 2010 г., сибирскими татарами были записаны всего 6779 чел., хотя по оценочным данным, их насчитывалось более 295000 чел.

язычных групп, как в Поволжье, так и в Сибири. С другой – некоторые учёные-тюркологи развивали идеи казанского философа, историка и просветителя XIX в. Ш. Марджани о единой татарской нации как наследнице населения Золотой орды [Валеев, 1993, с. 11; Соколовский, 2003, с. 322–324].

2. Язык мой…

Огромную роль в попытках объединения под одним этнонимом тюркоязычного населения Крыма, Поволжья, Приуралья и Западной Сибири сыграло образование. Современную татарскую письменность начали создавать казанские лингвисты в 20-30-х гг. XX в., опираясь на преемственную связь со *старотатарским* языком, восходящим, в свою очередь, к языку *тюркú*. Старотатарский язык записывался арабской графикой с добавлениями нескольких букв персидского алфавита, отражающих особенности нескольких звуков тюркских языков. Кроме того, в старотатарском, как и в других языках тюрок-мусульман было определённое количество заимствований из арабского и персидского языков. До установления советской власти старотатарский преподавали, наряду с арабским языком, в мектебе и медресе при мечетях, как в Крыму, Поволжье и Приуралье, так и в Западной Сибири. С 1918 г. его стали вести как татарский в светских национальных школах, а с 1930-х гг. – в нескольких педагогических училищах.

С 1927 г. арабская графика татарского языка стала заменяться на латиницу. С 1939 г. переведённая на кириллицу, очищенная от арабских и персидских заимствований татарская письменность стала официально утверждаться как норма для всех групп населения, имевших этноним *татары* и проживавших от Крыма до Волги и Иртыша.

Первыми учителями в национальных «татарских» школах становились выпускники мектебе и медресе, нередко муллы, в достаточной мере владевшие письменным и устным старотатарским языком. По ходу развития новой татарской письменности и нормирования татарского литературного языка, в Казани выпускались учебники, словари и методические пособия. Они, по мере необходимости, приобретались руководством образовательных учреждений, где велось преподавание татарского языка [Бакиева, 2016, с. 136–138].

К началу 1950-х г. казанскими лингвистами была разработана новая теория развития татарского литературного языка. Как пишет И. Б. Баширова, общенациональный язык стали понимать теперь «не как язык определенного класса, не как язык учёных, культурных людей, а как язык понятный всему народу, обработанный, отшлифованный, зафиксированный в письменных текстах, который может базироваться только на одном определенном диалекте». Новый татарский язык создали на основе языков средневолжских татар и мишарей, «очистив» его от регионально-диалектных форм [Баширова, 2000, с. 12]. Послевоенные поколения учащихся татарских школ юга Тюменской области вынуждены были изучать язык другого народа.

Подготовку профессиональных педагогических кадров для татарских начальных и неполных средних школ Тюменской области стали вести уже

в начале 1920-х гг. В Тюмени с 1922 по 1930 г. работало тюрко-татарское отделение Тюменского педагогического техникума [ГБУТО ГАТ. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 108. Л. 4]. В 1930 г. оно было преобразовано в самостоятельный педагогический татаро-башкирский техникум [Гарифуллин, 2000, с. 137]. Однако острая нехватка учителей-предметников, материальные и бытовые проблемы вынудили областное руководство образования в 1934 г. перевести техникум в Тобольск, где он был преобразован в татарское педагогическое училище. На протяжении двух десятилетий (до 1955 г.) Тобольское педучилище играло ведущую роль в Зауралье в подготовке учителей для национальных школ, обучая их методике преподавания татарского литературного языка, русского языка, татарской и русской литературы и других предметов. К 1951 г. в Тюменской области насчитывалось 156 татарских школ, из них 118 начальных, 36 семилетних, 2 средних с общим числом учащихся 8427 человек [История и культура…, 2015, с. 329]. В них работали выпускники Тобольского татарского педучилища.

В высших учебных заведениях Тюменской области педагогов для татарских школ начали готовить с 1950-х гг. В Тюменском педагогическом институте в 1950 г. был открыт факультет для подготовки учителей русского и татарского языков и литературы. В 1953 г. он был переведён в Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева. На татарском отделении факультета началась подготовка учителей татарского литературного языка и татарской литературы, а на русско-татарском – учителей русского языка и литературы для национальных восьмилетних и средних школ области [Сайфулина, 2016, с. 5–6]. За двенадцать лет работы (с 1953 по 1965 г.) эти два отделения подготовили в общей сложности 250 учителей русского и татарского языков и литературы. По всей видимости, потребность в учительских кадрах в татарских школах была быстро исчерпана, и в 1959 г. закрылось татарское отделение, а в 1965 – русско-татарское [От учительского…].

Возрождение татарского национального образования в Тюменской области началось после перестройки на волне самоопределения народов и парада суверенитетов. В 1989 г. при Тобольском педагогическом училище было открыто татарское отделение, а в 1990 г. – русско-татарское, при Тобольском педагогическом институте [От учительского…]. В 1993 г. первая татарская группа была набрана на русско-татарское отделение филологического факультета Тюменского государственного университета [Почетный член…]. Этот порыв был поддержан правительством республики Татарстан, а также историками и филологами республиканской академии наук. На развитие образовательных программ по татарскому литературному языку в Тюменской области из Казани выделялись гранты, образовательные учреждения обеспечивались учебными и методическими пособиями. Однако это не принесло значительных результатов. В течение двадцати лет русско-татарские отделения выпускали учителей татарского языка и литературы, но с каждым годом всё меньше и меньше. К 2010 г. набор на первые курсы отделений снизился настолько, что были приняты решения об их закрытии.

3. Плоды просвещения

Многолетнее преподавание языка и литературы казанских татар в учебных заведениях Тюменской области принесло свои плоды. Выпускники татарского педагогического училища и русско-татарского отделения Тобольского пединститута 1950-60-х гг., в настоящее время пожилые люди, с трудом признают, что татарский литературный язык не пользуется популярностью у подавляющего большинства современных сибирских татар. Некоторые бывшие преподаватели русско-татарского отделения (сами коренные сибирские татары) настаивают на том, что татарский литературный – это родной язык для всех татар, а сибирскотатарский является его диалектом. Однако далеко не все выпускники школ, где преподавался татарский литературный язык, могут свободно его понимать и разговаривать на нём. Многие из них, кроме приветствия и некоторых общих фраз на татарском языке, в бытовом общении ничего не используют, а с родственниками и друзьями разговаривают на родном сибирскотатарском или на русском языке. Из-за этого они ощущают определённый дискомфорт, если не сказать ущербность по сравнению с казанскими татарами.

Поддержка со стороны республики Татарстан развития в областях Западной Сибири образовательных программ для изучения татарского языка и литературы в течение нескольких десятилетий сопровождается культурной экспансией. На всей территории проживания сибирских татар от Тюмени и Тобольска до Томска и Кемерово регулярно проводят концерты казанские певцы и музыкальные коллективы. На Сибирь из Казани вещают «Татар Радиосы» (Татарское Радио) и телеканал «Татарстан-Новый Век». В Тюмени издаётся газета «Яңарыш» (Возрождение) на татарском языке, в Омске – газета «Татар дэньясы» (Татарский мир) на татарском и русском языках.

Издания на сибирскотатарском языке, а также радио и телепередачи пока являются редкостью, поэтому многие сибирские татары находятся сейчас на распутье. С одной стороны, они привыкли к постоянной пропаганде татарского литературного языка, с другой – начинают осознавать ценность своего родного языка. В разговорах с сибирскими татарами разного возраста часто приходится слышать противоречащие друг другу мнения. Сначала они говорят, что «язык казанских татар красивее, изысканнее, а сами они культурнее сибирских», а затем – «песни на казанском языке красивые, только ни слова не понятно» [Бакиева, Квашнин, 2013, с. 157].

Самыми упорными противниками «разделения» татар на поволжских и сибирских часто выступают потомки казанских татар из числа интеллигенции. Среди них работники местных татарских средств массовой информации и директора некоторых школ, которые в определённой степени зависят от финансирования из Татарстана, а больше боятся потерять работу, так как сибирскотатарским языком не владеют.

4. Реалии этнокультурного образования

Нынешнее положение этнокультурного образования и, в частности, изучения татарского языка и литературы на юге Тюменской области можно

рассмотреть на примере г. Тобольска, Тобольского района и прилегающего к нему Вагайского района[3].

Население Тобольского городского округа, по имеющимся в нашем распоряжении данным на 01.01.17, составляло 102417 человек. По национальному составу оно распределено следующим образом: 73,3% составляют русские, 16,6% – татары[4], 1,8% – украинцы, 0,8% – азербайджанцы, по 0,4% – белорусы, немцы, башкиры, 1,8% – другие национальности[5]. В настоящее время в городском округе работает 19 общеобразовательных учреждений. Из них 14 средних школ, 1 основная школа для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, 1 гимназия, 1 лицей, 1 вечерняя школа, 1 православная гимназия. Также имеется 3 средних специальных и 2 высших учебных заведения.

В Тобольском районе, по данным на 01.01.17, проживало 21151 человек. Из них: русских 63%, татар – 31%, украинцев – 1,4%, немцев – 1%, других национальностей – 3,6%[6]. В каждом населённом пункте имеется средняя общеобразовательная школа.

В Вагайском районе, по данным на 01.01.17, проживало 20849 человек. Из них русских насчитывалось 51,2%, татар – 39,7%, других национальностей – 9,1%[7]. Школы здесь имеются в основном в крупных населённых пунктах. Некоторые малокомплектные школы были закрыты около 10 лет назад. Школьников из отдалённых деревень стали возить на автобусах в школы, расположенные в центрах сельских администраций.

Единственным в Тобольске образовательным учреждением с этнокультурным компонентом является школа № 15. Из населённых пунктов Тобольского и Вагайского районов, где компактно проживают сибирские татары, школы с этнокультурным компонентом в образовательных программах имеются в с. Лайтамак, с. Ачиры, д. Иземеть, д. Тахтагул, с. Санниково, д. Полуяново, д. Епанчино, д. Нижние Аремзяны; с. Тукуз, д. Юрмы, д. Абаул, д. Осиновская, д. Второвагай, с. Казанское, с. Большой Карагай. Всего же татарский язык и литературу изучают в 49 школах Тюменской области [Татарский язык…].

Для исследования в Тобольске были выбраны следующие учебные заведения: школа № 15, с этнокультурным компонентом в образовании; две обычные общеобразовательные школы – № 16 и № 18; колледж при Тюменском индустриальном университете. В Тобольском районе опрос проводился в обычной школе п. Прииртышский (Зверосовхоз) и в школе с этнокультурным компонентом д. Епанчино. В Вагайском районе были опрошены школь-

[3] Исследование проводилось авторами статьи в апреле-мае 2017 г. Было проведено анкетирование учащихся, родителей учащихся, а также директоров и преподавателей образовательных учреждений, сотрудников отделов народного образования.

[4] Здесь и далее в статистических данных понимаются сибирские татары. Потомки поволжских татар составляют незначительную часть населения, записанного татарами.

[5] Это данные на 01.01.2016. Они являются актуальными, так как существенных изменений национального состава постоянного населения Тобольского округа в течение многих лет не происходит.

[6] Данные на 01.01.2009 являются актуальными с несущественными поправками в сторону увеличения.

[7] Данные на 01.01.2010 являются актуальными с несущественными поправками в сторону увеличения.

ники обычной школы в с. Бегишево, и ученики школы с этнокультурным компонентом с. Второвагай. Отбор по этническому признаку специально не проводился, однако по ходу работы число респондентов разделилось на примерно равные части – 48,8% составили сибирские татары, 41,5% русское население. Среди других национальностей были отмечены немцы, украинцы, белорусы, таджики, буряты, казахи, марийцы, осетины.

В ходе исследования было выявлено, что программы этнокультурного образования введены только в школах. В Тобольском среднем профессиональном училище этнокультурные компоненты входят в курс Обществознания. В высших учебных заведениях Тобольска этнокультурному образованию вообще не уделяется внимания. Из языков народов, проживающих в Российской Федерации, в школах изучаются только язык казанских татар и татарская литература. Хотя препятствий для преподавания других национальных языков и культур в учебных учреждениях нет, всё упирается в отсутствие квалифицированных кадров и методической литературы.

Во всех школах Тобольска, Тобольского и Вагайского районов с 4 класса ведётся предмет Основы религиозной культуры и светской этики. В большинстве из них преподают светскую этику, в некоторых – основы православной религии. Здесь инициаторами выступили родители, которые являются священниками. Изучать основы исламской религии никто из учащихся желания не изъявил.

Учащиеся школ участвуют в различных этнокультурных мероприятиях: «Кирилло-мефодиевские чтения», «Курултай», «Сабантуй». В школе № 6 (п. Сумкино), где большой процент детей татарской национальности, работает кружок «Изучение родной культуры», в музее школы № 8 имеется экспозиция славянской культуры. Недавно армянская диаспора Тобольска открыла воскресную школу, где изучается армянский язык.

В ходе анкетирования было опрошено 150 школьников 8–11 классов и учащихся 1 курса среднего профессионального училища. Выявлено, что половина из них (50%) не желают учить в школе национальный язык, стандартное изучение предпочитают 28,7% опрошенных, только общее знакомство с ним – 13,3%, углублённое изучение – 4,7%, а обучение другим предметам на национальном языке – всего 3,3%. Изучение культурных особенностей народов России интересно также немногим. Менее половины опрошенных хотели бы изучать в школе географию и историю родного края, историю своего народа и его культурные особенности. На наш взгляд это обусловлено несколькими причинами – запасом знаний о народной культуре, который накопился в результате обучения в школе и личной заинтересованностью ученика в получении таких знаний вне учебного времени.

Родители учащихся подошли к этим вопросам более основательно. Хотя из 150 опрошенных родителей многие (56%) высказались за обучение детей без национального языка, большинство отметили важность изучения детьми в школе истории и географии родного края (89,3% и 75,3% от опрошенных соответственно), истории своего народа (59,3%). Менее половины заинтересованы в изучении детьми особенностей национальной культуры.

Многонациональный состав г. Тобольска и прилегающих к нему Тобольского и Вагайского районов определил соотношение ответов об использовании языков в общении с друзьями и знакомыми. Большинство сибирских татар ответили, что, кроме русского языка, общаются на своём родном языке. Такие же ответы давали школьники других национальностей (таджики, казахи, осетины, украинцы). Положительных ответов на этот вопрос насчитывается всего 42%. Остальные респонденты (58%) общаются только на русском языке.

Большинство из опрошенных учащихся (56,7%) не испытывают проблем в общении на родном языке, среди них и сибирские татары, в основном ученики сельских школ. Некоторые дети из сибирскотатарских семей, проживающих в городе, или из смешанных семей не знают или мало знают родной язык. Таких, вместе с некоторыми представителями других национальностей, насчитывается 19,1%. Не говорят на родном языке из-за того, что окружающие их не понимают 15,9% респондентов. Стесняются своего родного языка дети из сибирско-татарских семей (7,0%). В этом проявляется, между прочим, негативное влияние от навязывания им языка казанских татар в школах.

Обобщая вышесказанное можно сказать, что результаты опроса учащихся школ Тобольска, Тобольского и Вагайского р-нов, а также родителей учащихся, в значительной мере отражают ситуацию с этнокультурным образованием на всей территории юга Тюменской области. Опрос показал, что внедрение и совершенствование в средних и средних-специальных учебных заведениях программ этнокультурного образования является насущной необходимостью. Отсутствие таких программ привело к тому, что учащиеся плохо разбираются в национальных и религиозных вопросах, мало знают представители каких этносов проживают в их регионе, не интересуются культурными отличиями разных народов.

Татарский или сибирскотатарский?

Старейшее учебное заведение г. Тобольска – школа № 15 – определила этнокультурное образование и воспитание в качестве приоритетного направления в 2006 году. Наряду с обучением татарскому литературному языку, здесь пытаются приобщить школьников к истории сибирских татар, к истокам их культуры. В школе проводятся конкурсы, фестивали, научно-практические конференции и совещания по развитию и совершенствованию этнокультурного образования в учебных заведениях Тюменской области. Финансирование данной образовательной программы осуществляется из средств областного бюджета. Определённая помощь в виде грантов приходит в школу из Республики Татарстан.

В школе № 15 обучается 450 детей, из них 220 детей – сибирских татар, 1 узбек, 1 таджик. В школе имеется «Этнокультурный центр», объединяющий учебную деятельность и кружковую работу. Здесь школьников обучают татарскому литературному языку, включая его в другие образовательные предметы. В школьном музее учащиеся занимаются исследовательской деятельностью.

Умения и навыки, наработанные в «Этнокультурном центре», используются при проведении как школьных, так и городских мероприятий, например:

1) «Детский сабантуй» (в июне во время летнего пришкольного лагеря). На него приезжают дети в основном из татарских школ области. На праздник приходит мулла из соборной мечети Тобольска.

2) «Венок дружбы» – фестиваль детского творчества, где показываются образцы национальных культур (участвуют примерно 300 учащихся из всех школ города). Здесь представлены три номинации – «Народное пение», «Художественное слово», «Народный танец».

3) «Выставка прикладного творчества», для которой школа № 15 выступает площадкой.

В школе имеются кабинет татарского исторического краеведения, кабинет татарского языка, литературного краеведения (там проводятся выставки книг местных сибирскотатарских прозаиков и поэтов, писавших и пишущих на татарском литературном языке – Я. Занкиева, Б. Сулейманова, Г. Абайдуллиной). Недавно был открыт читальный зал, где учащиеся будут разыгрывать сценки из произведений татарских писателей. В школьном музее экскурсии проводятся на трех языках – русском, татарском литературном и английском. Наименования учебных классов и кабинетов также написаны на трёх языках. Школа тесно сотрудничает с Центром сибирскотатарской культуры, организует с ним совместные праздники.

Учителя школы № 15 постоянно участвуют в областном конкурсе «Учитель татарского языка». На базе школы проводятся конкурсы: «Татарская учительская династия», детский интеллектуальный конкурс «Сыерчык» (Скворец). В школе имеется студия вокально-хорового пения на татарском языке «Сузге» (часто занимает призовые места на различных конкурсах).

Директор школы № 15 С. З. Хисматуллин возглавляет организацию некоммерческое партнерство «Истоки», в котором объединены школы с этнокультурным компонентом (49 школ Тюменской области). На базе школы проводятся областные семинары по проблемам татарского языка, обобщению передового опыта. Эти мероприятия организуются при поддержке Департамента образования и науки и Тюменского областного государственного института регионального развития образования (ТОГИРРО). Директор школы один раз в 2–3 года объезжает с инспекцией школы Тюменской области, в учебной программе которых имеется этнокультурный татарский компонент.

Во время проведения нашего исследования в школе № 15 проходил областной семинар по проблемам этнокультурного образования школах с преподаванием татарского языка [Областной семинар-совещание…]. На него съехались директора, специалисты отделов образования, учителя татарского языка и литературы большинства школ Тюменской области с этнокультурным компонентом. На круглом столе обсуждались разные вопросы – от методики обучения языку в разных классах, до финансирования развития этнокультурного образования в татарских школах. Главной

проблемой, вынесенной на обсуждение, была проблема нежелания многих родителей изучения их детьми татарского литературного языка. Директор С. З. Хисматуллин призывал учителей работать с населением, внушать им необходимость и значимость татарского языка для их детей. Свои мнения высказывали учителя из школ разных районов области, но никто не назвал основную причину нежелания родителей – изучаемый в школах татарский литературный язык не является родным для сибирских татар.

Помимо областных семинаров в Тюменской области проводятся районные. В 2012 г. в средней школе с. Лайтамак Тобольского района прошёл семинар учителей татарского языка и литературы по теме «Нетрадиционные формы организации образовательного процесса в условиях новых стандартов». Учителями Лайтамакской школы были проведены два урока, одно внеклассное мероприятие и концерт художественной самодеятельности. Одним из проектов, выполненных школьниками на уроке, назывался «Традиции и обычаи татарского народа» [Районный семинар учителей…]. Под татарским народом здесь, как обычно, понимали всех татар, не разделяя их на поволжских и сибирских.

В феврале 2017 г. семинар районного методического объединения учителей татарского языка и литературы состоялся на базе средней школы с. Ачиры Тобольского района по теме «Использование инновационных педагогических технологий как фактор профессионального роста учителя и качество повышения образования учащихся». На семинаре присутствовали учителя татарского языка и литературы из Лайтамакской, Санниковской, Полуяновской средних школ, Епанчинской основной школы, Тахтагульской и Иземетьевской начальных школ, а так же представитель из Тобольской районной библиотеки и ветеран педагогического труда, местная сибирскотатарская поэтесса Г. Т. Абайдуллина. Кроме обмена опытом между учителями разных школ, здесь обсуждались вопросы формирования положительной мотивации учебной деятельности и построении урока для достижения лучших результатов [Районное методическое…]. Как видим, проблемы, затронутые на этом семинаре, напрямую касаются сибирских татар, у которых нет достаточного желания для изучения чужого языка.

В Тобольском районе с первого сентября 2017 г. татарский литературный язык и литературу преподают в восьми школах. Некоторые школы были реорганизованы или объединены в ходе бездумной оптимизации. К примеру, школу с. Епанчино из средней сделали начальной. Из 29 учеников теперь здесь учится 4. До реорганизации Епанчинская школа была мононациональной сибирскотатарской. Здесь в образовательную программу был введён этнокультурный компонент. Много проводилось краеведческой работы, культурных мероприятий. Учащиеся участвовали в разработке проектов, связанных с национальными традициями, выступали на научно-практических конференциях. Во всех мероприятиях упор делался на историю и культуру сибирских татар. В деревне нет клуба, поэтому школа была центром культурной жизни села. Учеников Епанчинской школы перевели в школу с. Абалак, куда их стали возить каждый день на автобусе. Преподавания татарского языка и литературы в Абалакской школе никогда не было.

Однако для родителей некоторых абалакских школьников это не главная проблема. Одна из мам объяснила свою позицию так: «Нам не важно – преподают в школе татарский язык или не преподают. Мы разговариваем на родном (сибирскотатарском) языке дома. Сын у меня разговаривает, понимает, отвечает. Конечно, если введут в программу, то будет ходить и на татарский язык» [Татарский язык…].

Мнения большинства руководителей и учителей школ, где ведутся татарский язык и литература, сходятся в одном – этнокультурное образование в школах крайне необходимо, но, чтобы оно было востребовано учениками, нужно перейти на преподавание родного сибирскотатарского языка. Приведём несколько примеров.

1. Татарский язык всегда вёлся здесь, и сейчас он помогает в изучении и русского языка. Сейчас 1 час татарского языка и 1 час литературы. По ФГОС прибавляется на 1 час. Будет 2 часа языка, 1 час литературы. Во внеурочной деятельности, начиная с начальных классов ведется «Путешествие по Тюменской области». Детям нужно изучать свою культуру, историю и язык. Много в школе проводится мероприятий с татарской тематикой (Заведующая основной школой с. Второвагай, Вагайский р-н);

2. «По новым стандартам формируем УУД (универсальные учебные действия). Там в разделе «Развитие коммуникативности» и формируется и прослеживается этнокультурный компонент. Сибирским татарам для сохранения своей самобытности нужно изучать свой родной язык и культуру, а сейчас они изучают чужой язык» (Директор общеобразовательной школы п. Прииртышский, Тобольский р-н);

3. «Учащимся нужно больше знать о своей истории, нужно вводить предметы этнокультурной направленности. Но татарский язык родители не хотят, так как он иностранный для наших сибирских татар» (Директор общеобразовательной средней школы д. Нижние Аремзяны, Тобольский р-н);

4. «В школе учатся много сибирских татар. Татарский язык ведется с 1978 года, но некоторые родители не хотят, чтобы дети изучали татарский язык, написали заявление, чтобы их ребенок не изучал татарский язык. В школе есть учитель татарского языка, есть учебники и пособия. Причина: нагрузка на детей большая, а язык не пригодится» (Заведующая общеобразовательной школы с. Санниково, Тобольский р-н);

5. «Нельзя соглашаться с тем, что некоторые родители не хотят, чтобы их дети изучали татарский язык. Надо учителям работать среди населения и вести беседы, что язык нужен. Хотя лучше, чтобы дети изучали свой родной язык сибирскотатарский, а не чужой (Учитель истории и обществознания основной школы д. Маслово, Тобольский р-н);

Очень показателен комментарий учителя татарского языка и литературы из Тобольской школы № 15: «Язык поволжских татар – он как иностранный. Дети даже на уровне лексики замечают отличие языков. Чтобы учащиеся поняли материал, мне приходится сначала объяснять его на русском языке, затем на родном сибирскотатарском, и только потом на казанском».

Из разговоров с учителями школы № 15 выяснилось, что директор выступает категорически против введения в образовательную программу сибирскотатарского языка. Этому есть несколько причин. Первая – в его роду были потомки переселенцев из Поволжья и этот язык знаком ему с детства. Вторая и главная – определённая зависимость от финансирования из Республики Татарстан. Изучение сибирскотатарского языка не получит поддержки из Казани.

На вопрос почему сибирскотатарский язык не ведётся в школах хотя бы факультативно, многие учителя отвечали, что нет программ и методик. На наш взгляд, это препятствие уже не является непреодолимым, так как на сегодняшний день имеется учебная, научная и художественная литература на сибирскотатарском языке.

Первым учебным пособием для сибирских татар на арабской графике был «Букварь татарского и арабского письма. С приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочинённый в Тобольском главном народном училище бухарцом Ният Бакою Атнометевым, под руководством татарского языка учителя, соборного священника Иосифа Гиганова» [Букварь…, 1802].

Спустя сто лет попытки создания письменности на сибирскотатарском языке на основе русской графики были предприняты филологом А. Х. Насибуллиной. Она издала в Тюмени книгу «Алифба: Первый букварь тоболо-иртышских татар» [Насибуллина, 2000]. Однако тираж этой книги был незначительным (500 экз.), поэтому она осталась практически незамеченной научным и учительским сообществом.

В 2010 г. сибирскотатарский язык был внесён ЮНЕСКО под кодом ISO 639-3 в число явно подвергающихся опасности исчезающих языков Российской федерации [UNESCO Atlas…]. В это же время началась работа по нормированию сибирскотатарского языка. Тюменский учёный-лингвист, кандидат филологических наук М. А. Сагидуллин разработал и выпустил в свет несколько учебных пособий: «Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка», «Русско-сибирскотатарский словарь», «Грамматика современного сибирскотатарского языка» [Сагидуллин, 2008, 2010, 2014].

Инициативу учёных поддержали тюменские поэты. Стали выходить сборники стихов и прозы на сибирскотатарском языке: «Әйткем киләте…» 'Хочу сказать…' и «Цыйылмаган ацак» 'Неочерченный круг', «Күңелемнән…» 'От души…', «Сағыныу» 'Тоска' Клары Кучковской [Кучковская, 2010, 2011, 2016, 2018]; «Алтын сағыш» 'Золотая грусть' Муниры Хуснутдиновой [Хуснутдинова, 2013]. Вышел в свет фольклорный сборник «Песни, баиты и мунаджаты сибирских татар» Луизы Сурметовой [Сурметова, 2015].

За последние несколько лет учёными и общественными деятелями изданы: Пословицы и поговорки сибирских татар [Бакиева, 2016], Сибирскотатарские пословицы и поговорки [Марганова, 2017], Словарь имен сибирских татар [Бакиева, 2016], Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар [Бакиева, 2016], Тематический словарь сибирскотатарского языка [Бакиева, 2017].

С 2015 г. в Тюмени начала издаваться газета «Қаберцесе» («Вестник») на сибирскотатарском и русском языках (учредитель Союз сибирскотатарских писателей Тюменской области, редактор М. А. Сагидуллин).

Мы считаем, что, опираясь на работы учёных и в тесном сотрудничестве с ними, можно в короткие сроки разработать программу и методику преподавания сибирскотатарского языка для начальных и средних учебных заведений. Однако здесь нужна воля директоров конкретных школ и поддержка со стороны городских, районных и областных отделов народного образования. В настоящее время можно вести уроки сибирскотатарского языка факультативно силами самих заинтересованных в этом преподавателей.

5. Заключение

Этнокультурное образование – это образование, направленное на сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры. На юге Тюменской области сложилась ситуация, при которой заинтересованность в развитии этнокультурного образования в учебных заведениях существует, но сам вектор этого развития задан неверно. Опираясь на старые, проверенные временем программы и методические разработки по татарскому языку и литературе, руководители органов управления образованием не видят необходимости для перехода на изучение сибирскотатарского языка и развивающейся сибирскотатарской литературы. Хотя в самих образовательных учреждениях при реализации учебных программ возникают противоречия – преподаётся язык казанских, а культура сибирских татар, руководство старается этого не замечать. На протесты учеников и их родителей против изучения чужого языка оно отвечает уговорами и убеждениями в том, что татарский литературный язык необходим сибирским татарам для дальнейшей жизни. Итогом обучения, на протяжении многих лет, языку другого народа вкупе с культурной экспансией из Татарстана стала маргинализация определённой части сибирских татар. Люди оказались словно подвешенными в воздухе. Они и свою культуру плохо знают и постичь чужую до конца не в силах. Им внушили, что они часть единой татарской нации, но свою включённость в неё они до конца не ощущают, так как не знают или недостаточно знают татарский литературный язык.

Выходом из создавшегося положения может стать постепенная полная или частичная переориентация образовательного процесса в сторону языка и литературы сибирских татар. Тем более, что тенденция к развитию и совершенствованию сибирскотатарской письменности усиливается с каждым годом. Татарский литературный язык может оставаться в учебных программах в качестве дополнительного для тех, кто желает его изучать или для потомков поволжских переселенцев. Только в этом случае будут сглажены все противоречия, возникающие в процессе обучения. Изучение самобытной культуры сибирских татар будет подкреплено изучением родного сибирскотатарского языка. В данном случае уместно привести слова народной мудрости – «живое слово дороже мёртвой буквы».

Список сокращений

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске

Список литературы

1. Бакиева, Г. Т. Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурного развития [Текст] / Г. Т. Бакиева, Ю. Н. Квашнин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3(22). – С. 156–164.
2. Бакиева, Г. Т. Образование у сибирских татар с 1918 по 1930-й г.: задачи, проблемы, итоги (по материалам Тобольского уезда) [Текст] / Г. Т. Бакиева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 4 (35). – С. 136–138.
3. Бакиева, Г. Т. Словарь имен сибирских татар [Текст] / ред.-сост. Г. Т. Бакиева. – Тобольск : Полиграфист, 2016. – 236 с.
4. Бакиева, Г. Т. Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар [Текст] / сост. и ред. Г. Т. Бакиева. – Тобольск : Полиграфист, 2016. – 280 с.
5. Бакиева, Г. Т. Пословицы и поговорки сибирских татар [Текст] / сост. Г. Т. Бакиева. – Тобольск : Полиграфист, 2016. – 76 с.
6. Бакиева, Г. Т. Тематический словарь сибирскотатарского языка [Текст] / авт.-сост. Г. Т. Бакиева. – Тобольск : Полиграфист, 2017. – 291 с.
7. Баширова, И. Б. Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола [Текст] : автореф. дис. ... докт. филол. наук 10.02.06 / Баширова Илида Басыровна ; Казанский гос. ун-т. – Казань, 2000. – 68 с.
8. Благова, Г. Ф. Вариантные заимствования турок~тюрк в русском языке [Текст] / Г. Ф. Благова // Тюркологический сборник 1972 / отв. Ред. А. В. Кононов ; Главная редакция восточной литературы. – М. : Наука, 1973. – С. 93–140.
9. Букварь татарского и арабского письма. С приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочиненный в Тобольском главном народном училище бухарцом Ният Бакою Атнометевым, под руководством татарского языка учителя, соборного священника Иосифа Гиганова [Текст]. – СПб. : Тип. при Императорской Академии наук, 1802. – 66 с.
10. Валеев, Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт [Текст] / Ф. Т. Валеев. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1993. – 208 с.
11. Гарифуллин, И. Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области [Текст] / И. Б. Гарифуллин. – Тюмень : Б.и, 2000. – 220 с.
12. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 108. Л. 4.
13. Долгих, Б. О. Этнический состав населения Севера СССР (вопросы численности коренных народностей и классификация их языков в свете последних статистических данных) [Текст] / Б. О. Долгих // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих ; Академия наук СССР. – М. : Наука, 1970. – С. 11–27.

14. Еремееева, О. И. Обеспечение сибирского Севера квалифицированными кадрами в 30-е годы XX в. [Текст] / О. И. Еремеева // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2012. – № 1(17). – С. 39–44.
15. История и культура татар Западной Сибири [Текст] / под ред. З. А. Тычинских и Г. Ф. Габдрахмановой. – Казань : Изд-во «Артифакт», 2015. – 728 с.
16. Конев, А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – нач. XX в.) [Текст] / А. Ю. Конев. – М. : ИЭА РАН, 1997. – 217 с.
17. Кучковская, К. Әйткем киләте…: шиғерләр (Хочу сказать: стихи) [Текст] / К. Кучковская. – Төмән (Тюмень) : ТюмГНГУ, 2010. – 71 с.
18. Кучковская, К. Цыйылмаған ацақ (Неочерченный круг: стихи) [Текст] / К. Кучковская. Тюмень : Мандр и К^{а}, 2011. – 96 с.
19. Кучковская К. Күңелемнән…: шиғерләр (От души: стихи). [Текст] / К. Кучковская. – Тюмень : Альфа-СТАМП, 2016. – 112 с.
20. Кучковская, К. Сағыныу: ҡикәйәләр (Тоска: рассказы). [Текст] / К. Кучковская. – Тюмень : ОАО «Тюменский дом печати», 2018. – 64 с.
21. Марганова, Ф. Ф. Әйтемнәр пелән лағаплар (сибирскотатарские пословицы и поговорки) [Текст] / сост. Ф. Ф. Марганова. – Тюмень : Изд-во ГАУК ТОНБ, 2017. – 97 с.
22. Насибуллина, А. Х. Алифба: Первый букварь тоболо-иртышских татар [Текст] / А. Х. Насибуллина. – Тюмень : Изд-во ТОГИРРО, 2000. – 100 с.
23. Областной семинар-совещание по теме «Региональные особенности деятельности школ с этнокультурным (татарским) компонентом» // МАОУ Средняя общеобразовательная школа №15. 04/18/2017 [Электронный ресурс]. URL : http://xn--15-6kcg5beceveb1bi1f9c.xn--p1ai/oblastnoi-seminar-sovesanie-regionalnye-osobennosti-deatelnosti-skol-s-etnokulturnym-tatarskim
24. От учительского института к академии: вехи истории // Музей народного образования Тюменской области [Электронный ресурс]. URL : http://www.tgspa.ru/museum/gallery/history/
25. Почетный член Академии наук Республики Татарстан Алишина Ханиса Чавдатовна // Академия наук Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL : http://www.antat.ru/ru/staff/3296/
26. Пустогачева, А. Ф. Современное состояние обучения и изучения родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования российской федерации [Текст] / А. Ф. Пустогачева // История и педагогика естествознания. – 2014. – № 2. – С. 41–46.
27. Районный семинар учителей татарского языка и литературы по теме «Нетрадиционные формы организации образовательного процесса в условиях новых стандартов» // Тобольский муниципальный район Тюменской области. 09 февраля 2012 [Электронный ресурс]. URL : https://tobolsk-mr.admtyumen.ru/mo/Tobolsk-mr/news/more.htm?id=10916358%40egNews
28. РМО учителей татарского языка и литературы // Отдел образования администрации Тобольского муниципального района [Электронный ресурс]. URL : http://imctob.ru/news/events/1389-rmo-uchitelej-tatarskogo-yazyka-i-literatury5.html
29. Сагидуллин, М. А. Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка [Текст] / М. А. Сагидуллин. – Тюмень : «Искер», 2008. – 64 с.

30. Сагидуллин, М. А. Русско-сибирскотатарский словарь (Урысца-себертатарца сүслек): около 15000 слов [Текст] / М. А. Сагидуллин. Тюмень : Мандр и К[а], 2010. – 216 с.
31. Сагидуллин, М. А. Грамматика современного сибирскотатарского языка [Текст] / М. А. Сагидуллин. – Тюмень : ОАО «Тюменский дом печати», 2014. – 152 с.
32. Сайфулина, Ф. С. Историческая роль ТГПИ им. Д. И. Менделеева в подготовке национальных педагогических кадров и сохранении культуры татарского народа [Текст] / Ф. С. Сайфуллина // Материалы XXVII Всероссийской научно-практической конференции «Менделеевские чтения, посвященные 100-летию Тобольского учительского института «Образование и культура как фактор развития региона» (23–24 ноября 2016 г.). – Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2016. – С. 168–173.
33. Семёнов, Ю. И. Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки. Сб. документов [Текст] / Ю. И. Семёнов сост. – М. : Старый сад, 1998. – 368 с.
34. Соколовский, С. «Татарская проблема» во Всероссийской переписи населения – 2002 [Текст] / С. Соколовский // Этнография переписи – 2002 / под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. – М. : ОАО «Авиаиздат», 2003. – С. 314–350.
35. Сурметова, Л. Р. Песни, баиты и мунаджаты сибирских татар [Текст] / Л. Р. Сурметова. – Тюмень : ОАО «Тюменский издательский дом», 2015. – 260 с.
36. Татарский язык в школах Тюменской области // Конгресс татар Тюменской области. 10.09.2017 [Электронный ресурс]. URL : http://ktto.ru/novosti/obrazovanie/tatarskiy-yazyik-v-shkolah-tyumenskoy-oblasti-2/
37. Турецкие наречия и литературы [Текст] // Энциклопедический словарь. Т. XXXIV. – СПб. : Изд-во. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1902. – 159 с.
38. Увачан, В. Н. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере (Исторический очерк) [Текст] / В. Н. Увачан – М. : Мысль, 1971. – 391 с.
39. Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – началоXX в.) / отв. ред. И. С. Вдовин [Текст]. – Л. : Наука, 1979. – 228 с.
40. Хуснутдинова, М. Алтын сағыш: шиғерләр, йырлар (Золотая печаль: стихи, песни) [Текст] / М. Ҡөснәтдинова. – Тюмень : Тюменский дом печати, 2013. – 110 с.
41. Ядринцев, Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение [Текст] / Н. М. Ядринцев. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 336 с.
42. Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов [Текст] / ред. Г. Н. Прокофьев. – М.-Л. : Учпедгиз, 1937. – 242 с.
43. Языки народов СССР. В V томах. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки [Текст] / глав. ред. В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1966. – 465 с.
44. UNESCO Atlas of the World's Languages in danger [Электронный ресурс]. URL : http://www.unesco.org/languages-atlas/ru/atlasmap/language-id-680.html.

References

1. Bakieva, G. T., Kvashnin, Yu. N. (2013). Povolzhskie tatary v Zapadnoy Sibiri: osobennosti rasseleniya i etnokul'turnogo razvitiya [Volga Tatars in Western Siberia: Features of Settlement and Ethnocultural Development]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 3(22). 156–164.
2. Bakieva, G. T. (2016). Obrazovanie u sibirskikh tatar s 1918 po 1930-y g.: zadachi, problemy, itogi (po materialam Tobol'skogo uezda) [Education in Siberian Tatars from 1918 to 1930: objectives, problems, results (based on materials from Tobolsk County)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 4 (35). 136–138.
3. Bakieva, G. T. (2016). *Slovar' imen sibirskikh tatar* [The Dictionary of Names of Siberian Tatars], Tobolsk : Poligrafist Press.
4. Bakieva, G. T. (2016). *Slovar' narodno-razgovornoy leksiki sibirskikh tatar* [Dictionary of the national-spoken vocabulary of the Siberian Tatars]. Tobolsk : Poligrafist Press.
5. Bakieva, G. T. (2016). *Poslovitsy i pogovorki sibirskikh tatar* [Proverbs and sayings of Siberian Tatars]. Tobolsk : Poligrafist Press.
6. Bakieva, G. T. (2017). *Tematicheskiy slovar' sibirskotatarskogo yazyka* [Thematic Dictionary of the Siberian-Tatar language]. Tobolsk : Poligrafist Press.
7. Bashirova, I. B. (2000). *Tatarskiy literaturnyy yazyk kontsa XIX – nachala XX veka: literaturnaya norma, variativnost' normy i funktsional'no-stilisticheskaya variativnost' v kategoriyakh imeni sushchestvitel'nogo i nakloneniyakh glagola* [Tatar literary language of the late XIX – early XX century: The literary norm, the variation of the norm and the functional and stylistic variability in the categories of the substantive and inclinations of the verb]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. ; Kazan State University. Kazan.
8. Blagova, G. F. (1973). Variantnye zaimstvovaniya turok~tyurk v russkom yazyke [Alternative borrowings of Turks~Turk in Russian]. In A. V. Kononov (Ed..), *Tyurkologicheskiy sbornik. 1972* [Turkological collection. 1972] (pp. 93–140); The main edition of oriental literature. Moscow : Nauka Press.
9. Bukvar' tatarskogo i arabskogo pis'ma. S prilozheniem slov so znakami, pokazyvayushchimi ikh vygovor, sochinennyy v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche bukhartsom Niiat Bakoyu Atnometevym, pod rukovodstvom tatarskogo yazyka uchitelya, sobornogo svyashchennika Iosifa Giganova (1802). [ABC-book of the Tatar and Arabic letters. With the application of words with signs showing their reprimand, composed in the Tobolsk main national school of the Bukhara Niyat Bakoy Atnometev, under the guidance of the Tatar language of the teacher, the cathedral priest Joseph Giganov]. St Petersburg : Imperial Academy of Sciences Publishing House.
10. Valeev, F. T. (1993). *Sibirskie tatary: kul'tura i byt* [Siberian Tatars: Culture and Life]. Kazan : Tatar Book Publishing House.
11. Garifullin, I. B. (2000). *Ocherki istorii tatarskogo naseleniya Tiumenskoy oblasti* [Essays on the history of the Tatar population of the Tyumen Region]. Tyumen.
12. State Archive in Tobolsk. F. R-167. Op. 1. D. 108. L. 4.

13. Dolgih, B. O. (1970). Etnicheskiy sostav naseleniya Severa SSSR (voprosy chislennosti korennyh narodnostey i klassifikaciya ih yazykov v svete poslednih statisticheskih dannyh) [Ethnic composition of the population of the North of the USSR (questions of the number of indigenous peoples and the classification of their languages in the light of the latest statistical data)]. In I. S. Gurvich, B. O. Dolgih (Eds.), *Preobrazovaniya v hozyaystve i kul'ture i etnicheskie processy u narodov Severa* [Transformations in the economy and culture and ethnic processes among the peoples of the North] (pp. 11–27) ; USSR Academy of Sciences. Moscow : Nauka Press.
14. Eremeeeva, O. I. (2012). Obespechenie sibirskogo Severa kvalificirovannymi kadrami v 30-e gody XX v. [Providing the Siberian North with qualified personnel in the 30s of the XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 1(17), 39–44.
15. Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri (2015). [History and culture of Tatars in Western Siberia]. Kazan : “Artifakt” Press.
16. Konev, A. Yu. (1997). *Korennye narody Severo-Zapadnoy Sibiri v administrativnoy sisteme Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Indigenous peoples of North-Western Siberia in the administrative system of the Russian Empire (XVIII – beginning of XX century)]. Moscow : IEA RAS Press.
17. Kuchkovskaia, K. (2010). *Khochu skazat': stikhi* [I want to say: poems]. Tyumen : Tyumen State Oil and Gas University Press.
18. Kuchkovskaia, K. (2011). *Neocherchennyy krug: stikhi* [Uncirculated Circle: Poems]. Tyumen : Mandr i Kª Press.
19. Kuchkovskaia, K. (2016). *Ot dushi: stikhi* [From the soul: Poems]. Tyumen : “Alfa-STAMP” Press.
20. Kuchkovskaia, K. (2018). *Toska: rasskazy* [Sorrow: stories] Tyumen : Tyumen Publishing House.
21. Marganova, F. F. (2017). *Sibirskotatarskie poslovitsy i pogovorki* [Siberian Tatar words and sayings]. Tyumen : Tyumen Regional Scientific Library Publishing.
22. Nasibullina, A. Kh. (2000). *Alifba: Pervyj bukvar' tobolo-irtyshskih tatar* [Alifba: the first ABC-book of the Tobol-Irtysh tatar]. Tyumen : Publishing House TOGIRRO.
23. Oblastnoy seminar-soveshchanie po teme «Regional'nye osobennosti deyatel'nosti shkol s etnokul'turnym (tatarskim) komponentom» [Regional semnar-meeting on the theme “Regional features of the activities of schools with an ethno-cultural (Tatar) component”]. *MAOU Srednyaya obshcheobrazovatel'naya shkola №15* [Secondary School no. 15]. Retrieved April 18, 2017 from <http://xn--15-6kcg5beceveb1bi1f9c.xn--p1ai/oblastnoi-seminar-sovesanie-regionalnye-osobennosti-deatelnosti-skol-s-etnokulturnym-tatarskim>.
24. Ot uchitel'skogo instituta k akademii: vekhi istorii [From the Teacher's Institute to the Academy: Milestones of History]. *Muzey narodnogo obrazovaniya Tyumenskoy oblasti* [Museum of Public Education of the Tyumen Region]. Retrieved from <http://www.tgspa.ru/museum/gallery/history/>.
25. Pochetnyy chlen Akademii nauk Respubliki Tatarstan Alishina Hanisa Chavdatovna [Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Alishina Hanisa Chavdatovna]. *Akademiya nauk Respubliki Tatarstan*

[Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. Retrieved from <http://www.antat.ru/ru/staff/3296/>.

26. Pustogacheva, A. F. (2014). Sovremennoe sostoyanie obucheniya i izucheniya rodnyh yazykov korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniya rossiyskoy federacii [The current state of education and learning the native languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the education system of the Russian Federation]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya* [History and Pedagogy of Natural Science], 2, 41–46.
27. Raionnyy seminar uchiteley tatarskogo yazyka i literatury po teme «Netradicionnye formy organizacii obrazovatel'nogo processa v usloviyah novyh standartov» [District seminar for teachers of the Tatar language and literature on the topic “Non-traditional forms of organization of the educational process under the conditions of new standards”]. *Tobol'skiy municipal'nyy rayon Tiumenskoy oblasti* [Tobolsk municipal district of the Tyumen region]. Retrieved February 9, 2012 from <https://tobolsk-mr.admtyumen.ru/mo/Tobolsk-mr/news/more.htm?id=10916358@egNews>.
28. Rajonnoe metodicheskoe ob"edinenie uchitelej tatarskogo yazyka i literatury [District methodical Association teachers of the Tatar language and literature]. *Otdel obrazovaniya administratsii Tobol'skogo munitsipal'nogo rayona* [Education Department of the Administration of the Tobolsk Municipal District]. Retrieved from <http://imctob.ru/news/events/1389-rmo-uchitelej-tatarskogo-yazyka-i-literatury5.html>.
29. Sagidullin, M. A. (2008). *Fonetika i grafika sovremennogo sibirskotatatarskogo yazyka* [Phonetics and graphics of the modern Siberian-Tatar language]. Tyumen : Isker Press.
30. Sagidullin, M. A. (2010). *Russko-sibirskotatarskiy slovar'* [Russian-Siberian-Tatar Dictionary]. Tyumen : Mandr i Kª Press.
31. Sagidullin, M. A. (2014). *Grammatika sovremennogo sibirskotatarskogo yazyka* [Grammar of the Modern Siberian-Tatar Language]. Tyumen : Tyumen Publishing House.
32. Saifulina, F. S. (2016). Istoricheskaya rol' TGPI im. D. I. Mendeleeva v podgotovke nacional'nykh pedagogicheskih kadrov i sokhranenii kul'tury tatarskogo naroda [The historical role of TGPI named after DI Mendeleev in the preparation of national pedagogical personnel and the preservation of the culture of the Tatar people]. *Materialy XXVII Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Mendeleevskie chteniya, posvyashchennye 100-letiyu Tobol'skogo uchitel'skogo instituta "Obrazovanie i kul'tura kak faktor razvitiya regiona' (23–24 noiabria 2016 g.)* [Proc. of the XXVII all-Russian scientific and practical conference “Mendeleev readings devoted to the 100th anniversary of the Tobolsk Pedagogical Institute "Education and culture as a factor of development of the region” (23–24 November 2016)] (pp. 168–173)]. Tobolsk : D. I. Mendeleev Tobolsk pedagogical Institute Press.
33. Semyonov, Yu. I. (1998). *Natsional'naya politika v imperatorskoy Rossii. Pozdnie pervobytnye i predklassovye obshchestva Severa Evropeyskoy Rossii, Sibiri i Russkoy Ameriki. Sbornik dokumentov* [National policy in imperial Russia. Late

primitive and pre-class societies of the North of European Russia, Siberia and Russian America]. Moscow : Staryy sad Press.

34. Sokolovskiy, S. (2003). “Tatarskaya problema” vo Vserossiiskoy perepisi naseleniya – 2002 [“The Tatar problem” in the All-Russian population census – 2002]. In E. Filippova, D. Arel, K. Gusef (Ed.), *Etnografiya perepisi – 2002* [Ethnography of the census – 2002] (pp. 314–350). Moscow : “Aviaizdat” Press.
35. Surmetova, L. R. (2015). *Pesni, baity i munadzhaty sibirskih tatar* [Songs, Baits and Munadjats of the Siberian Tatars]. Tyumen : Tyumen Publishing House.
36. Tatarskiy yazyk v shkolah Tiumenskoy oblasti [Tatar language in schools of the Tyumen region]. *Kongress tatar Tiumenskoy oblasti* [Congress of Tatars of the Tyumen region]. Retrieved Septembr 10, 2017 from <http://ktto.ru/novosti/obrazovanie/tatarskiy-yazyik-v-shkolah-tyumenskoy-oblasti-2/>.
37. Turetskie narechiya i literatury (1902). [Turkish adverbs and literatures]. Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic dictionary. T. XXXIV] (p. 159). St Petersburg : F. A. Brokgauz, I. A. Efron Press.
38. Uvachan, V. N. (1971). *Put' narodov Severa k sotsializmu. Opyt sotsialisticheskogo stroitel'stva na Eniseyskom Severe (Istoricheskiy ocherk)* [The path of the peoples of the North to socialism. The experience of socialist construction in the Yenisei North (Historical outline)]. Moscow.
39. Hristianstvo i lamaizm u korennogo naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) (1979). [Christianity and Lamaism among the indigenous people of Siberia (second half of the XIX – beginning of the XX centuries)]. Leningrad : Nauka Press.
40. Husnutdinova, M. (2013). *Zolotaya pechal': stikhi, pesni* [Golden sorrow: poems, songs]. Tumen.
41. Yadrincev, N. M. (2000). *Sibirskie inorodtsy, ih byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian aliens, their life and current situation]. Tyumen.
42. Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. I. Yazyki i pis'mennost' samoedskih i finno-ugorskih narodov (1937). [Languages and scripts of the peoples of the North. Part I. Languages and scripts of Samoyeds and Finno-Ugric peoples]. Moscow-Leningrad : Uchpedgiz Press.
43. Yazyki narodov SSSR. V V tomakh. T. III. Finno-ugorskie i samodiyskie Yazyki (1966). [Languages of the peoples of the USSR. In V volumes. Vol. III. Finno-Ugric and Samoyed languages]. Moscow.
44. UNESCO Atlas of the World’s Languages in danger. Retrieved from <http://www.unesco.org/languages-atlas/ru/atlasmap/language-id-680.html>.

УДК 81'34
UDC 81'34

Ли Ифан, Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Li Yifang, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
liyifang.1993@163.com, androsova_s@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ В ИХ ОБЫЧНЫХ ФУНКЦИЯХ И В КАЧЕСТВЕ СЛОВ-ПАРАЗИТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)
PHONETIC PATTERNS OF WORDS IN THEIR ORDINARY FUNCTIONS AND AS PARASITE WORDS (BASED ON CHINESE)

Аннотация
Лексические единицы в языке выполняют разные функции и обладают разной информационной нагрузкой. Некоторые из них могут фигурировать и в своих обычных значениях, и в качестве слов-паразитов – выполнять двойную функцию. Согласно гипотезе, выдвигаемой в настоящем исследовании, указанные слова в китайской спонтанной речи в их обычных значениях и в роли слов-паразитов должны быть по-разному оформлены фонетически, а именно – последние должны быть чаще представлены в неполных / слабых формах. Для подтверждения гипотезы был проведён акустический анализ на материале речи 6 информантов – носителей Путунхуа. Пять служебных слов然后 *ranhou* 'потом', 就是 *jiushi* 'именно так, то есть, так и есть', 那个 *nage* 'тот, этот', 这个 *zhege* 'этот', 那种 *nazhong* 'тот вид, тот род, такой, типа как, типа такой' были выбраны объектами исследования из-за их сравнительно высокой частотности и встречаемости в речи всех 6 субъектов. Полученные данные в целом подтвердили гипотезу. При реализации слов, за редким исключением, в обеих функциях присутствовали слабые формы, однако при их употреблении как слов-паразитов количество слабых форм чаще всего возрастало в несколько раз. Слабые формы характеризовались различной степенью неполноты реализации и явились результатом модификации сегментного состава слогов и в ряде случаев – стяжения слогов.

Abstract
In the language, lexical units perform different functions and are characterized by different informativeness. Some of them can appear both in their usual meaning and as parasite words and thus perform double function. This paper aims at studying those words. We hypothesize that in Chinese spontaneous speech, the same words that appear in their usual meaning and as parasite words have different phonetic manifestation, particularly, the latter are used in weak forms more often. An acoustic study was performed to prove the hypothesis. The material was obtained from 6 young females Putonghua speakers. Five functional words 然后 *ranhou*, 就是 *jiushi*, 那个 *nage*, 这个 *zhege*, 那种 *nazhong* were chosen for this study as far as they

were relatively frequent and appeared in the speech of all the 6 subjects. In general, the obtained data proved the hypothesis. In both functions, weak forms were found with very few exceptions, however, the number of weak forms increased several times when functioning as parasite words. Different degrees of their incompleteness were noticed as a result of various modifications of the syllable elements as well as syllables liaison.

Ключевые слова: китайский язык, двойная функция, слово-паразит, полная форма, слабая форма, модификации слога.

Keywords: Chinese, double function, parasite word, full form, weak form, syllable modifications.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_99_116

1. Введение

Для лексики всех известных языков мира характерна важная особенность: слова в них выполняют разные функции и обладают разной информационной нагрузкой. Проще всего это продемонстрировать на примере деления слов на знаменательные и служебные (а также полуслужебные), которое можно назвать универсальным, хотя принципы в разных языках могут не совпадать, равно как и набор частей речи в каждой группе. Китайский язык – не исключение (см. подробнее историю вопроса о развитии теории классификации частей речи в китайском языка в работе Цзин Байлян [Цзин Байлян, 2019]). Разумеется, это упрощение реальной картины. Так, нельзя забывать о частотности слов, о так называемых новых и старых словах, повторяющихся в одном тексте словах, и о целом ряде других феноменов, включая процесс десемантизации, в результате которой слова могут переходить в разряд так называемых дискурсивных маркеров, среди которых особое место занимают слова-паразиты. Объектом настоящего исследования являются слова, которые в устной речи могут функционировать и в своих обычных значениях, и в роли слов-паразитов, иными словами, могут выполнять двойную функцию.

В китайской лингвистике нет специального термина «слово-паразит» – такие слова трактуются как слова-связки (коннекторы), которые частично или полностью утратили свою изначальную семантику [Fang Mei, 2000 ; Song Huanjie, 2016]. Поэтому мы будем пользоваться определениями таких слов, имеющимися в российской лингвистике. Слова-паразиты – это один из видов хезитативов, представляющих собой форму вербального поиска [Яковлева, 2016, с. 7]. Они относятся к десемантизированным элементам, наряду с частично десемантизированным дискурсивами и полностью десемантизированными хезитативами, но, в отличие от них, употребляются слишком часто [Разлогова, 2003 ; Кокошкина, 2011, с. 7–9]. Наиболее близко к данной трактовке находится понимание слов-паразитов в китайской лингвистики как «излюбленных словечек» или «избитых фраз» [Ma Guoyan, 2010].

Репертуар слов-паразитов может определяться уровнем образования, речевой культурой, профессией, диалектом, а также индивидуальными предпочтениями говорящего, хотя жёстких социально-стилистических ограничений может и не быть [Петрунина, 2005, с. 102–103].

У исследователей разное отношение к словам-паразитам. Обычно оно отрицательное (напр., информационный спам, коммуникативно вредные или деструктивные элементы [Петрунина, 2005 ; Кокошкина, 2011, с. 9] и др.). Однако всё чаще говорят и об их положительной роли. Как место без микробов является неестественной средой обитания человека, так и речь без слов-паразитов выглядит неестественно. Эти слова относят к дискурсивным маркерам и наделяют их определёнными функциями. Так, Ю. В. Дараган указывала, что слова-паразиты «отражают внутреннее программирование высказывания и мыслительные процессы, связанные с реализацией сценария его порождения» [Дараган, 2000]. Таким образом, слова-паразиты не несут значения, но важны для процесса говорения.

Вопрос о том, несут ли слова-паразиты в себе какую-нибудь информацию, по нашему мнению, следует считать дискуссионным. Так, Чэн Чень [Чэн Чень, 2017, с. 54–55], говоря о хезитационных явлениях в русской речи китайцев, подчёркивает, что использование слов-паразитов может быть признаком более высокого уровня владения китайцами русским языком, достигнутого в результате долгого времени проживания в России и активного общения с носителями русского языка, а это уже своего рода информация. К самым частотным словам-паразитам в исследуемой речи автор относит *ну*, *там*, и *в общем*.

Не вдаваясь в дальнейшие теоретические дебаты, перейдём к сравнению фонетических форм слов в их обычных значениях и при их употреблении как слов-паразитов в китайской спонтанной речи.

В процессе анализа китайских литературных источников [Ma Guoyan, 2010 ; Li Feng, 2014 ; Wang Huayun, 2015 ; Cong Yuqing, 2016 ; Song Huanjie, 2016 ; Jin Yingzhe, Zhang Jingyu, 2016 и др.] было выявлено 15 слов, которые употреблялись в двух функциях – в обычном значении и в качестве слов-паразитов. К таким словам относятся *jiushi* 就是 «именно так», *zhezhong* 这种 «такой», *nazhong* 那种 «тот вид», *nage* 那个 «тот», *zhege* 这个«этот», *ranhou* 然后 «потом», *zheme* 这么 «вот насколько», *name* 那么 «в такой степени», *zhexie* 这些 «эти», *naxie* 那些 «те», *zheyang* 这样 «итак», *nayang* 那样 «таким образом», *fanzheng* 反正 «во всяком случае», *nikan* 你看 «ты смотри», *wokankan* 我看看 «дай мне подумать» и некоторые другие. Это местоимения, местоимённые наречия, союзы, частицы. Все они с той или иной частотностью встретились в экспериментальном материале. Большинство из них стали предметом отдельных исследований китайских лингвистов. Опишем 5 из них, встретившихся в речи всех дикторов, которые приняли участие в нашем эксперименте.

На то что слово 然后 ranhou – союз 'потом, после' – может употребляться в качестве слова-паразита указывал Ма Гоянь (36.3% от общего количества употреблении данного слова) [Ma Guoyan, 2010, p. 70]. Чтобы не терять нить разговора, говорящие обычно добавляют это слово-паразит под

влиянием когнитивно-психологического и языкового механизмов, действующих при речепроизводстве. Это слово является предпочтительным заполнителем, однако если слишком часто его употреблять, то в результате разговор теряет логичность и его становится трудно воспринимать на слух [Ma Guoyan, 2010, p. 71]. Исследование Сун Хуаньцзе [Song Huanjie, 2016] показало, что данное слово употребляется в 8 функциях и может выражать 1) последовательные отношения, 2) причинно-следственную связь, 3) прогрессивные отношения, 4) дополнительные отношения, 5) переходные отношения, 6) перечислительные отношения, 7) контрастные отношения, 8) условные отношения. При этом выражение последовательных отношении – это его основная функция. Остальные 7 – производные и по характеру являются неустойчивыми. Более того, функция выражения условных отношений постепенно отпадает. В последнее время произошло семантическое ослабление данного слова, и оно стало гораздо чаще повторяться в разговорной речи, чем раньше, и перешло в разряд дискурсивных слов. Дальнейшее увеличение частотности его употребления привело к тому, что оно стало использоваться и в качестве слова-паразита, затрудняя порой понимание основной идеи фразы. Для дальнейшего анализа мы объединим 8 указанных функций в одну группу и назовём её «обычное значение», противопоставив её употреблению данного слова в качестве слова-паразита. Аналогично мы поступим с другими четырьмя словами.

Слово 就是 *jiushi* – это уточняющее наречие либо союз; на русский язык в обычном значении его можно перевести как 'именно так, то есть, так и есть', а в функции слова-паразита – как 'ну / как бы / типа'. В своей магистерской диссертации Цун Юйцин [Cong Yuqing, 2016, p. 6, 10] указала что, слово jiushi употребляется в качестве слова-паразита, когда говорящему тема беседы не знакома или она забыта и ему требуется время чтобы сконцентрировать и вспомнить нужные слова, правильно их выстроить и, возможно, выразить нужную эмоцию. Данное слово может располагаться в разных позициях в предложении.

1) в начале, например: 就是管你是谁，你不重要。***Jiushi*** *guanni shishei, ni buzhongyao* – 'То есть кто ты, не важно';

2) в середине, например: 有一天就是他就是说要带我去看无家可归的孩子。*Youyitian* ***jiushi*** *ta jiushishuo yaodaiwo qukan wujiakeguide haizi* – 'Так / Ну… однажды он… так / ну… сказал, что отвезёт меня навестить бездомного ребёнка';

3) в конце, например:或者说就是情感发泄嘛，我们都习惯了就是。*Huozheshuo* ***jiushi*** *qinggan faxiema, women dou xiguanle jiushi* – 'Другими словами… то есть…это такая эмоциональная разрядка, и мы уже привыкли к такому типа поведению'.

Кроме этого, слово *jiushi* также можно повторить несколько раз при употреблении как слова-паразита, например: 我当年就是，就是就是为了他，选择了这个城市。

Сун Юйцин [Cong Yuqing, 2016, с. 8–9] отметила, что слово *jiushi* может употребляться с другими словами-паразитами в разном порядке: 就是反正/反正就是，*jiushi fanzheng / fanzheng jiushi,* 'во всяком случае, то

есть / то есть, во всяком случае' 这个就是，*zhege jiushi*, 'это и есть', 就是你看 *jiushi nikan*, 'то есть, смотри' и подобные. Чтобы проиллюстрировать это, приведём примеры из нашей языковой практики.

(1) 然后就是，也是因为他，我才留了下来。***Ranhou jiuhi**, yeshi yinweita, wocai liule xialai* – 'Ну, типа / как бы, из-за него, я остался тут';

(2) 就是这个，怎么说呢，算是一个惊喜吧，对我来说。***Jiushi zhege**, zenmeshuone, suanshi yige jingxiba, duiwolaishuo*. – 'То есть, типа / как бы, как бы сказать… это можно считать сюрпризом для меня';

(3) 就是那个，上次你说过的那个男孩。***Jiushi nage**, shangci nishuoguode nage nanhai*. – 'Ну, типа / как бы, в прошлый раз ты упоминал про того мальчика';

(4) 就是那种，你知道，那种说不出来的感觉。***Jiushi nazhong**, nizhidao, nazhong shuobuchulai deganjue*. – 'Ну, типа / как бы, ты в курсе, такое чувство невозможно объяснить';

(5) 就是反正，无论如何，他都想知道这个事情是怎么引起的。***Jiushi fanzheng**, wulun ruhe, tadou xiangzhidao zhege shiqing shi zenme yinqide*. – 'Как бы, типа, он в любом случае хочет узнать, что вызвало это действие';

(6) 就是你看，有时候有些事情没法说，他还什么都想了解。***Jiushi nikan**, youshihou youxie shiqing meifashuo, tahai shenme douxiang liaojie*. – 'Ну как бы, смотри, иногда есть вещи, о которых нельзя говорить, а он всё равно хочет знать всё';

(7) 就是我看看啊，应该这个事情是没有问题的。***Jiushi wokankana**, yingai zhegeshiqing shimeiyou wentide*. – 'То есть, сейчас-сейчас…, вроде с этим проблем нет'.

Цун Юйцин [Cong Yuqing, 2016, p. 33] также заметила, что женщины используют слово *jiushi* чаще, чем мужчины (анализ проводился на каждую тысячу слов). По её мнению это связано с тем, что мужчины стараются быть точными, а женщины предпочитают двусмысленность, вольно или невольно демонстрируют неуверенность в себе. Таким образом, на частоту использования этого слова влияет гендер.

Обычное значение слова 那个 *nage* – указательное местоимение 'тот, этот'. Цзинь Инчжэ и Чжан Цзиньюй указывали, что оно также употребляется для указания на запретную (неприятную) тему, когда не принято называть её непосредственно при разговоре [Jin Yingzhe, Zhang Jingyu, 2016]. Как слово-паразит оно употребляется, когда говорящий не может подобрать сразу нужное слово, или когда говорящий считает, что слушатель понимает, что он имеет в виду. Например: 就是那个，就是咱上次一起去的那个饭店. *Jiushi **nage**, jiushi zanshangci yiqiqude **nage** fandian*. – 'То есть этот, тот ресторан, который в прошлый раз мы сходили вместе'. В первом случае слово употреблено в качестве слова-паразита, а во втором – в обычном значении указательного местоимения. Зачастую, когда человек не может вспомнить нужное слово, данное слово-паразит может идти подряд несколько раз. Например: 就那个，那个那个那个，上次你提到的那个人，叫什么来着？ *Jiushi **nage, nage nage nage**, shangci nitidaode nageren? Jiaoshenme laizhe?* – 'То есть этот, тот тот тот, тот человек, который ты в прошлый раз упоминал,

как зовут?'. В этом примере, только последнее употребление демонстрирует обычное значение, остальные – слова-паразиты. Возможно, наиболее близкий русский эквивалент будет «ну, это, как его там…».

Слово 这个 *zhege* (обычное значение – указательное местоимение 'этот') китайский исследователь Ли Фын [Li Feng, 2014] также относит к дискурсивным маркерам (а именно, к словам-паразитам), которые образованы в результате ослабления семантического значения в разговорной речи. В своей работе автор попытался с точки зрения частотности его употребления объяснить причину ослабления семантического значения. Он произвёл статистический анализ, употреблений данного слова в письменной и разговорной речи и установил, что частота встречаемости в разговорной речи намного выше, чем в письменной.

Ли Фын называет несколько характерных черт данного слова в роли слова-паразита в отличие от употребления в обычном значении [Li Feng, 2014, p. 13]:

1) на уровне фонетики: до и после «этот» можно сделать паузу;

2) на уровне семантики, его наличие не влияет на смысл целого предложения;

3) на уровне грамматики, его позиция не зафиксирована, иногда слово может многократно повторяться – то есть появляться в так называемой перекрывающей форме;

4) на уровне его употребления, хотя слово не является компонентом предложения, оно обладает уникальным эффектом в разговорной речи.

Последнее означает, что говорящий использует этот слово, чтобы, с одной стороны, заполнить вынужденную паузу в разговоре (например, когда не может вспомнить нужное слово), а с другой – показать, что он ещё не закончил говорить, то есть чтобы поддержать непрерывность своей речи и не позволить собеседнику «вклиниться» в разговор. Ли Фын также заметил, что в последние годы появилась тенденция употреблять данное слово в конце предложения, чтобы выразить недовольство ситуацией или неясность ситуации [Li Feng, 2014, p. 14].

Слово 那种 *nazhong* 'тот вид, тот род, такой, типа как, типа такой' было объектом исследования в работе Ван Хуаюнь [Wang Huayun, 2015], которая рассмотрела реализацию данного слова в качестве слова-паразита в рамочной конструкции «X de nazhong». Например: 很普通的那种 *Henputongde nazhong*. 'Очень обычный такой вид'. Автор заметила, что молодые люди, особенно бакалавры и магистры, в своей речи очень часто используют эту структуру: она встречается почти один раз на каждые 100 слогов.

Анализируемое слово как слово-паразит может употребляться не только в этой конструкции, но и в середине фразы, а также многократно повторяться, как и слова-паразиты 这个 *zhege* и 那个 *nage*. Однако его расположение в начале фразы будет обозначать, что оно употреблено в обычном значении указательного местоимения.

Полученная информация позволила сформулировать гипотезу нашего исследования: указанные слова в их обычных значениях и в роли слов-паразитов должны быть по-разному оформлены фонетически, а имен-

но – последние должны быть чаще представлены в неполных / слабых формах. Для проверки данной гипотезы был проведён акустический анализ.

2. Эксперимент

2.1 Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили спонтанные тексты общей длительностью звучания 6 часов 8 минут в произнесении шести дикторов-женщин без дефектов речи, в возрасте 20–30 лет. Дикторов можно назвать носителями путунхуа, поскольку при экспертной оценке диалектных черт в их речи обнаружено не было. Весь материал был получен в лаборатории экспериментальной фонетики Амурского государственного университета. Дикторы условно обозначены как F-LYF, F-LJY, F-YCh, F-XJW, F-ZhY, F-LH.

Перед дикторами стояла задача ответить на ряд вопросов по темам: 1) моя семья и мои друзья, 2) моя любимая книга, 3) мой любимый фильм, 4) как я провожу в Китае и в России свободное время, 5) достопримечательности Китая, 6) моя учеба. Времени на подготовку не давалось, что обеспечивало спонтанность материала.

Из всего объёма материала методом сплошной выборки были сегментированы 5 слов, которые могли функционировать в своих обычных значениях и в качестве слов-паразитов и которые встретились в речи всех шести дикторов. Это слова 然后 *ranhou* – союз 'потом'; 就是 *jiushi* – уточняющее наречие или союз 'именно так, то есть, так и есть'; 那个 *nage* – указательное местоимение 'тот, этот'; 这个 *zhege* – указательное местоимение 'этот'; 那种 *nazhong* – указательное местоимение 'тот вид, тот род, такой, типа как, типа такой'.

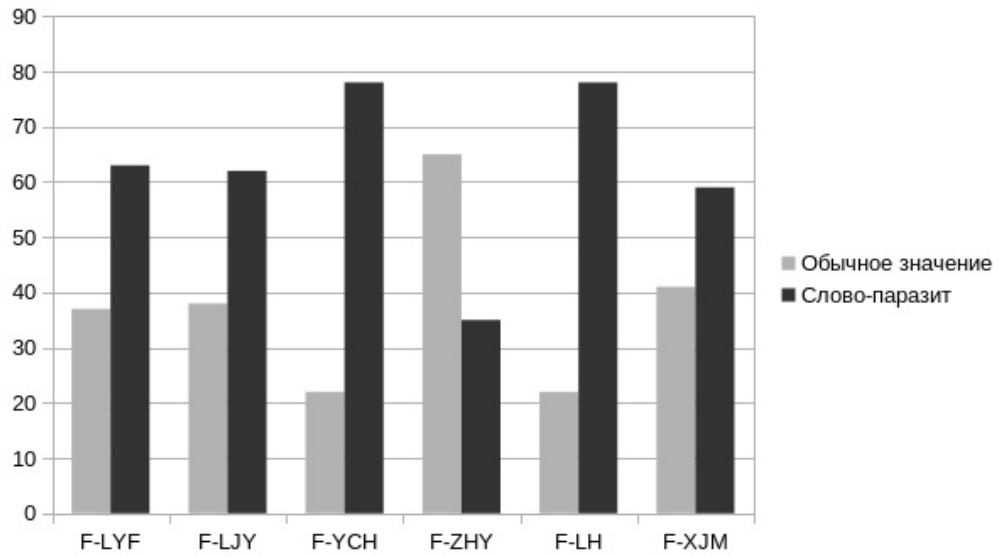
Сегментация и акустический анализ материала проводились в программе Praat (версия 6.0.05) [Boersma, Weenink, 2015]. Сегментация была произведена по осциллограмме и сонограмме (динамической спектрограмме) в соответствии с принципами, детально представленными в монографии П. А. Скрелина [Скрелин, 1999]. Было снято 2745 динамических спектрограмм и кривых основного тона (графики ОТ использовались для определения глухости и звонкости согласных-инициалей). Полученные рисунки через Praat сохранялись в формате eps, а затем обрабатывались в графическом редакторе Gimp, где добавлялись транскрипционные знаки, и экспортировались в формат tiff. Транскрипционные знаки подбирались для максимальной точности отображения акустической транскрипции.

2.2. Обсуждение результатов

Акустический анализ показал, что, в целом, при употреблении выбранных пяти слов в обычном значении, количество полных форм больше, чем при их употреблении как слов-паразитов. Для некоторых из них, даже в основной функции количество полных форм превышает количество слабых. Начнём анализ с самого частотного слова 然后 *ranhou* – союза 'потом, после'. В нашем экспериментальном материале оно встретилось 1299 раз (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. **Соотношение полных и слабых форм слова *ranhou* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

Дикторы	Обычное значение		Слово-паразит	
	Полная форма	Слабая форма	Полная форма	Слабая форма
F-LYF	14	21	12	48
F-LJY	6	15	7	28
F-YCh	11	28	32	107
F-ZHY	18	14	4	13
F-LH	60	60	61	373
F-XJW	26	50	29	79
Итого	135	188	145	831
	1299			

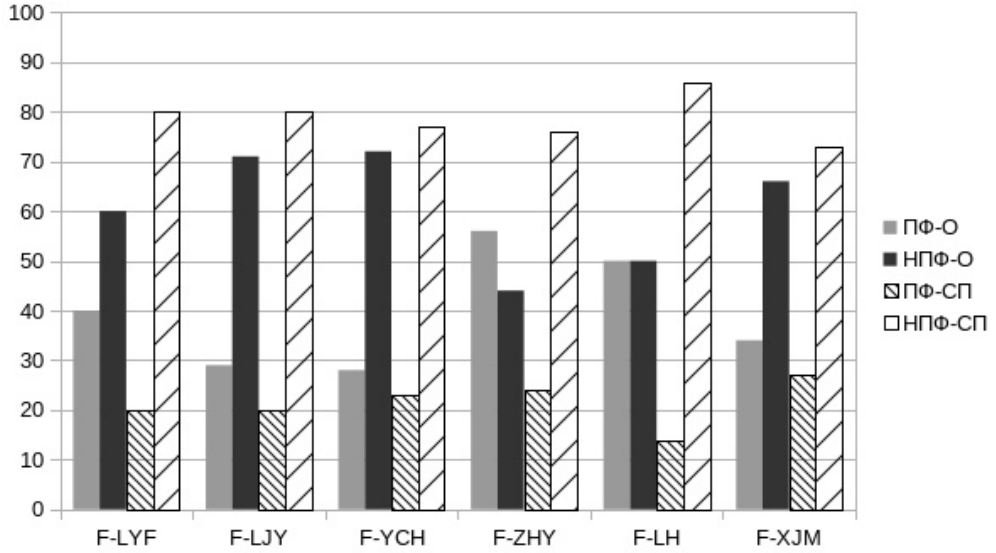


Р и с у н о к 1. **Слово *ranhou* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

При реализации слова *ranhou*, в обычном значении количество неполных форм было больше, чем полных, у 4 дикторов из 6; у одного диктора (F-LH) их количество оказалось одинаковым, а ещё у одного диктора (F-ZHY) количество полных форм немного превышало количество неполных (см. табл. 1, рис. 1).

В функции слова-паразита у всех дикторов количество неполных форм превышало количество полных. Кроме того, в роли слова-паразита, в зависимости от диктора, это превышение было в 3–6 раз, тогда как в обычном значении превышение было в 2 раза (у трёх дикторов) и меньше. Более наглядно это представлено на гистограмме (см. рис. 2).

Фонетическая оболочка в полной форме выглядит как [ʒanhoʊ]. Неполные формы значительно варьируют: [ʒaoʊ], [ʒao], [ənhoʊ], [nhoʊ]. Как видно из спектра вариантов, они могут быть образованы в результате выпадение носового соната из первого слога, инициали из второго слога, монофтонгизации дифтонга второго слога, качественной редукции гласного первого слога. Нельзя не заметить, что в каждой из указанных слабых форм имеет место сразу несколько модификации, но количество слогов в слове не меняется.



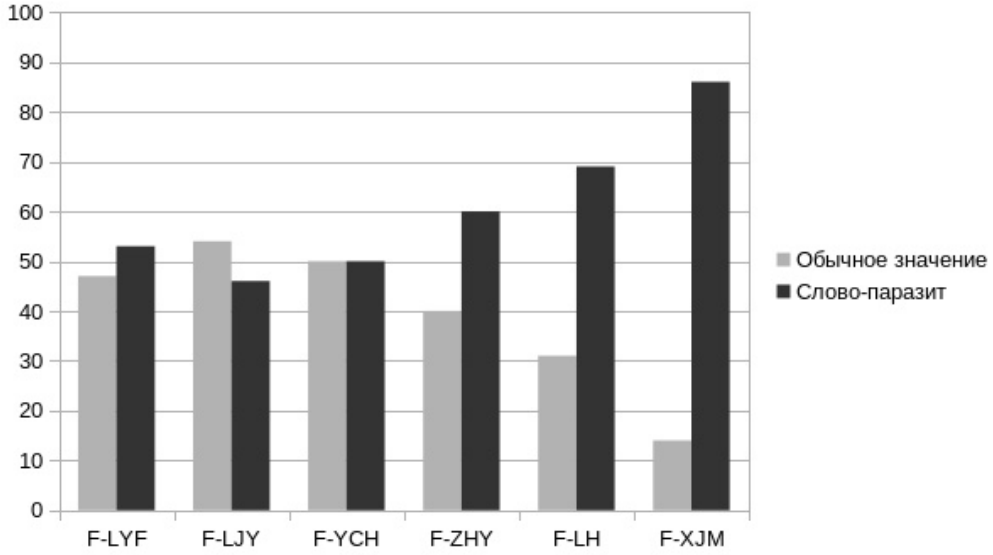
Р и с у н о к 2. **Соотношение полных и слабых форм слова *ranhou* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

На втором месте по частотности употребления находится слово 就是 *jiushi* – уточняющее наречие либо союз 'именно так, то есть, так и есть' (см. табл. 2, рис. 3).

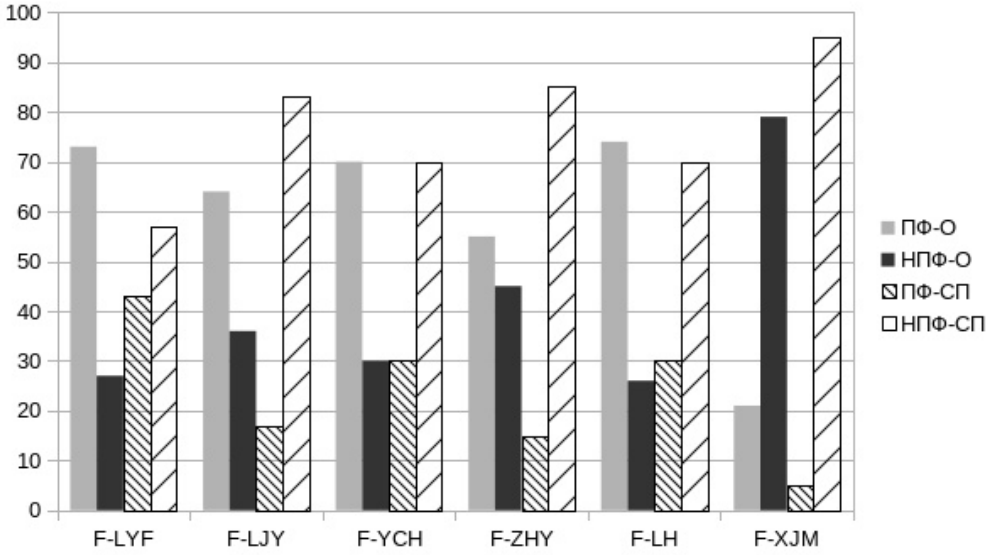
Т а б л и ц а 2. **соотношение полных и слабых форм слова *jiushi* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

Дикторы	Обычное значение		Слово-паразит	
	Полная форма	Слабая форма	Полная форма	Слабая форма
F-LYF	27	10	18	24
F-LJY	9	5	2	10
F-YCh	7	3	3	7
F-ZHY	24	20	10	57
F-LH	52	18	47	108
F-XJW	6	22	9	158
Итого	125	78	89	364
	656			

Всего в речи шести дикторов было зафиксировано 656 реализаций данного слова; из них 203 – в обычном значении, а 453 в качестве слова-паразита. В обычном значении у 5 дикторов из 6 количество полных форм превышало неполные. В функции слова-паразита у всех дикторов количество слабых форм значительно превышало количество полных. У диктора F-LYF это превышение составило чуть более 33%, у 4 дикторов – в 2–5 раз, а у диктора F-XJW – в 17 раз (рис. 4). Полная форма выглядит как [dʑʲiuʃɨʳ], а слабые варьируют от [dʑʲiöʒɚ] до [dʑʲiöʒʳ].



Р и с у н о к 3. **Слово *jiushi* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

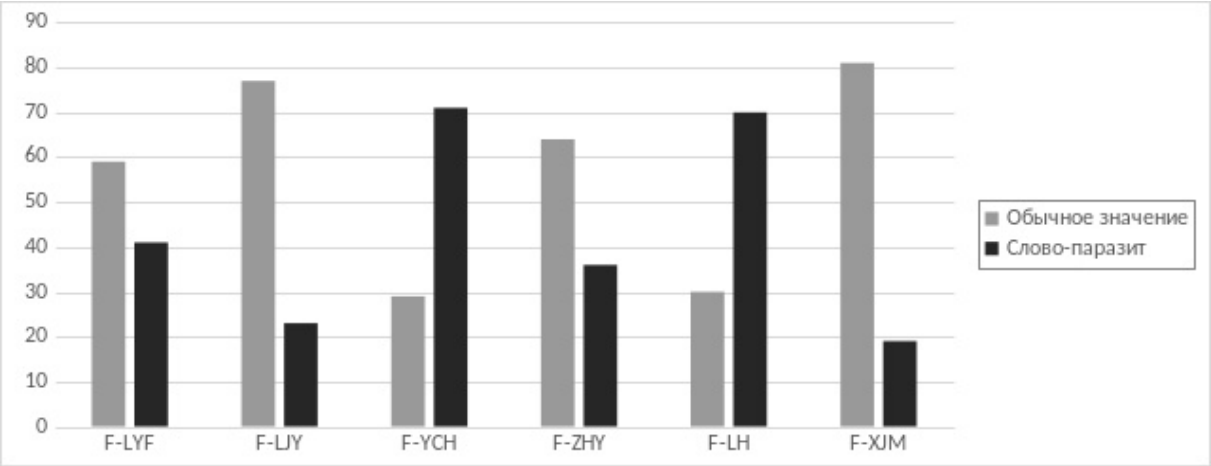


Р и с у н о к 4. **Соотношение полных и слабых форм слова *jiushi* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

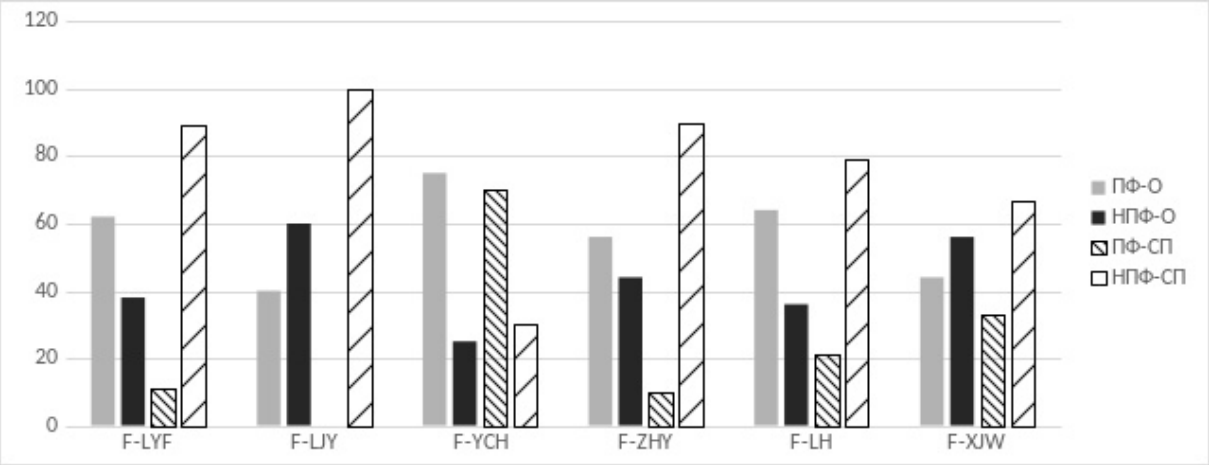
На третьем месте по частотности употребления находится слово 那个 *nage* – указательное местоимение 'тот, этот' (см. табл. 3, рис. 5). Всего в речи шести дикторов была зафиксирована 381 реализация данного слова; из них 153 – в обычном значении, а 228 в качестве слова-паразита. В обычном значении у 4 дикторов из 6 количество полных форм превышало неполные; У двух дикторов преобладали неполные формы. В функции слова-паразита у 1 диктора из 6 количество полных форм превышало неполные, а у остальных неполных форм было значительно больше, чем полных. У диктора F-LJY полных форм вообще не зафиксировано (см. рис. 6). Полная форма выглядит как [neigɤ], а слабые варьируют от [nɪg] до [nɪ].

Т а б л и ц а 3. **Соотношение полных и слабых форм слова *nage* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

Дикторы	Обычное значение		Слово-паразит	
	Полная форма	Слабая форма	Полная форма	Слабая форма
F-LYF	8	5	1	8
F-LJY	4	6	0	3
F-YCh	3	1	7	3
F-ZHY	10	8	1	9
F-LH	53	30	39	151
F-XJW	11	14	2	4
Итого	89	64	50	178
	381			



Р и с у н о к 5. **Слово *nage* в обычном значении и в качестве слова-паразита**



Р и с у н о к 6. **Соотношение полных и слабых форм слова *nage* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

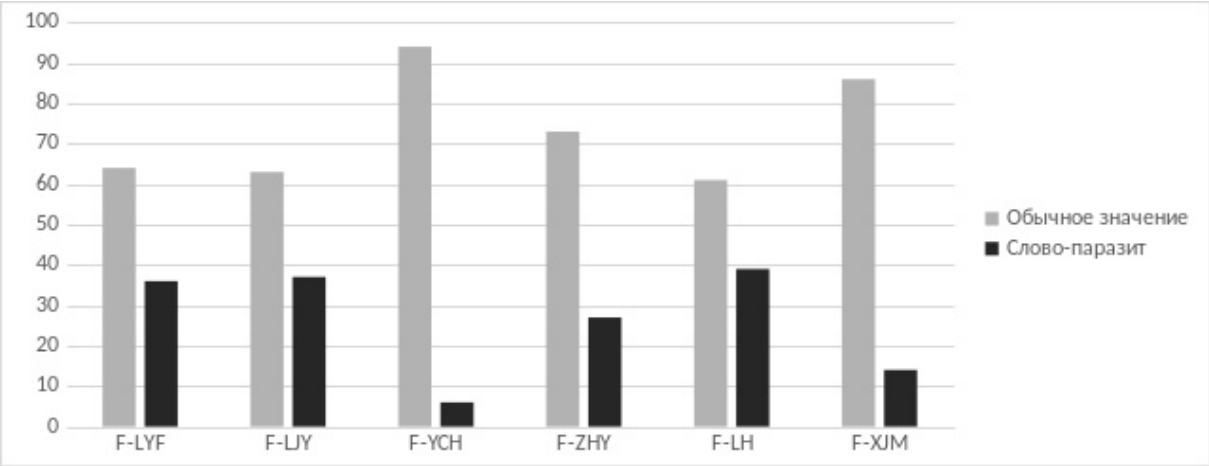
Четвёртым по частотности было слово 这个 *zhege* – указательное местоимение 'этот'. Все дикторы употребляли данное слово в обычном значении чаще, чем в качестве слова-паразита. Диктор F-LJY вообще редко употреблял данное слово, по сравнению с другими дикторами, а дикторы F-ZHY и F-LH – чаще остальных. Дикторы F-YCH и F-XJW употребляли слово в обычном значении в подавляющем большинстве случаев (табл. 4, рис. 7).

Т а б л и ц а 4. **Соотношение полных и слабых форм слова *zhege* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

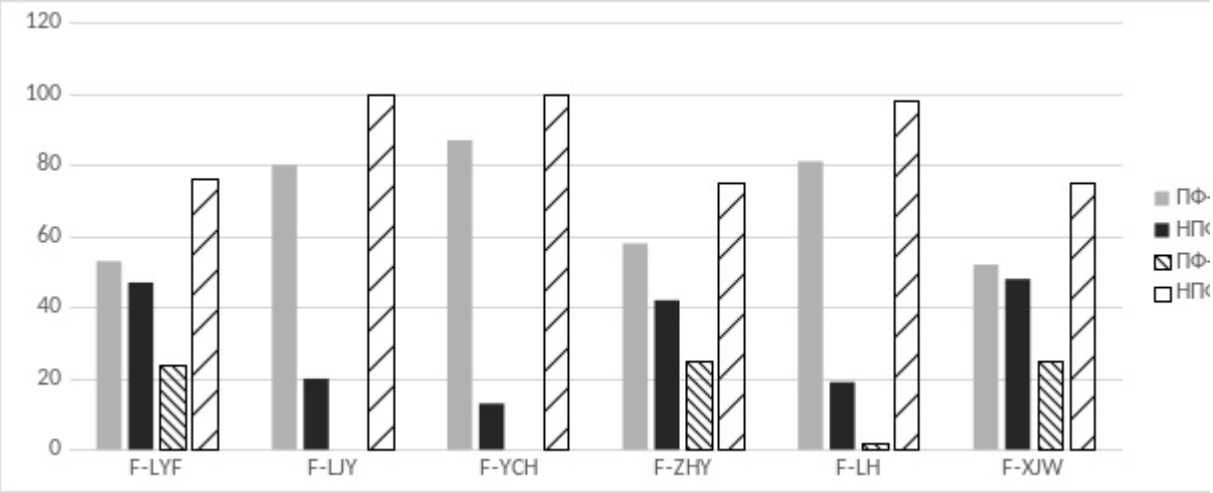
Дикторы	Обычное значение		Слово-паразит	
	Полная форма	Слабая форма	Полная форма	Слабая форма
F-LYF	31	28	8	25
F-LJY	4	1	0	3
F-YCh	13	2	0	1
F-ZHY	38	28	6	18
F-LH	57	13	1	43
F-XJW	13	12	1	3
Итого	156	84	16	93
	349			

При реализации слова *zhege* в обычном значении количество неполных форм было меньше чем полных; (см. табл. 4, рис. 8). В функции слова-паразита у всех дикторов количество неполных форм превышало количество полных. Полная форма выглядит как [ʤɤgɤ], а слабые варьируют от

[ʤɤg] / [ʤɪg] до [ʤɤ] / [ʤɪ]. Нельзя не заметить, что эта схема вариантности слогового и сегментного состава очень похожа на ранее описанную для слова nage. Для обоих слов может меняться не только сегментный, но и слоговой состав: вместо двух слогов – один, причём в двух вариантах: открытый и закрытый с фонотактически запрещённым согласным в роли коды (конечной периферии).



Р и с у н о к 7. **Слово *zhege* в обычном значении и в качестве слова-паразита**



Р и с у н о к 8. **Соотношение полных и слабых форм слова *zhege* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

Последним по рангу частотности было слово 那种 *nazhong* – указательное местоимение 'тот вид, тот род, такой, типа как, типа такой'. В речи трёх дикторов слово встречалось редко – 1–3 раза; у остальных – от 14 до 39 раз. У диктора F-LJY оно встретилось только в роли слова-паразита, у трёх дикторов – одинаковое количество раз в обеих функциях, у двух оставшихся дикторов – намного чаще в основном значении (см. табл. 5, рис. 9–10).

Таблица 5. **Соотношение полных и слабых форм слова *nazhong* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

Дикторы	Обычное значение		Слово-паразит	
	Полная форма	Слабая форма	Полная форма	Слабая форма
F-LYF	1	0	1	0
F-LJY	0	0	5	9
F-YCh	2	0	2	0
F-ZHY	1	2	1	2
F-LH	10	20	0	9
F-XJW	4	14	2	4
Итого	18	36	11	25
	90			

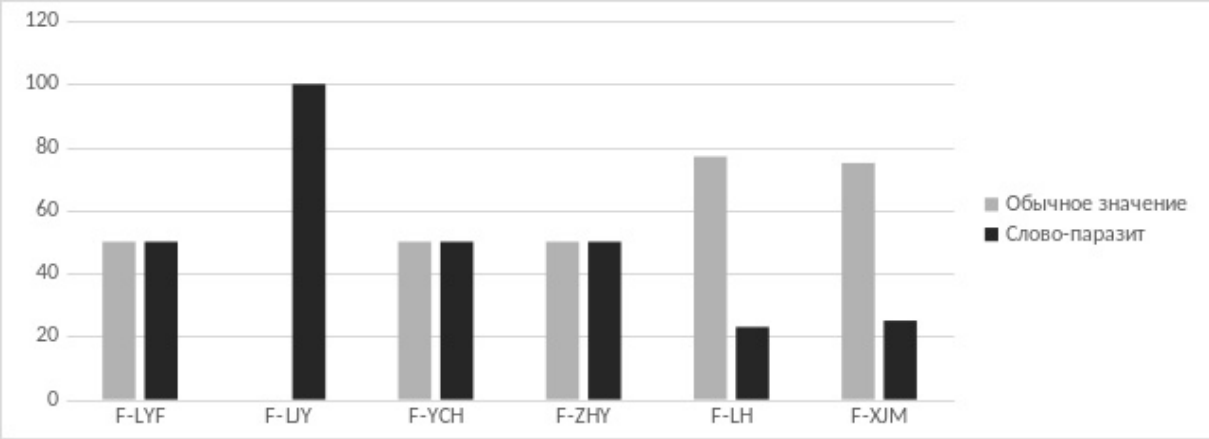


Рисунок 9. **Слово *nazhong* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

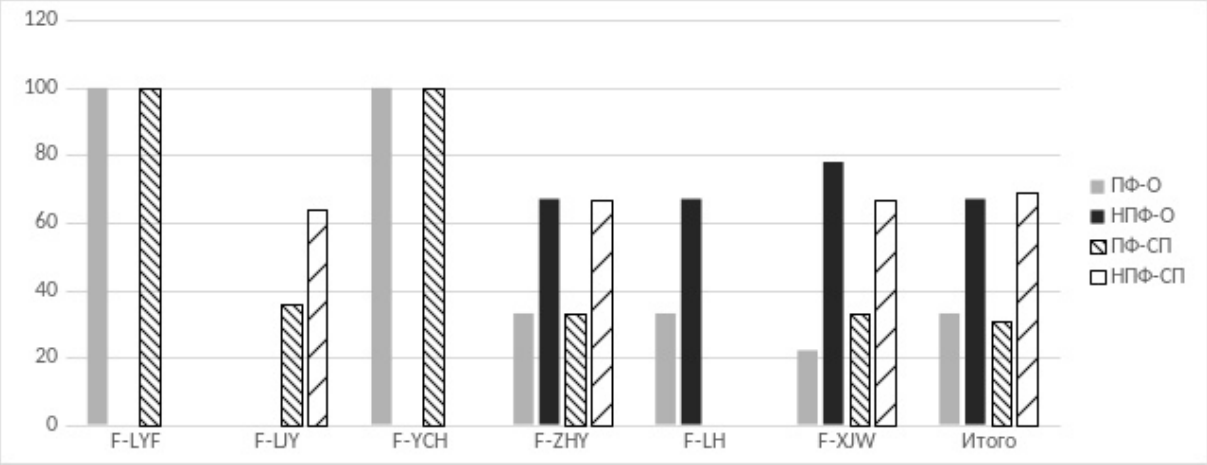


Рисунок 10. **Соотношение полных и слабых форм слова *nazhong* в обычном значении и в качестве слова-паразита**

В обычном значении единичные реализации двух дикторов были только в полной форме, у остальных неполных форм было в два-три раза больше. В функции слова-паразита у двух дикторов были единичные реализации только в полных формах, у 4 дикторов количество неполных форм превышало количество полных примерно в два раза. Полная форма выглядит как [neiʤɔŋ], слабая зафиксирована одна – [neiɔ] – и количество слогов в ней сохранилось.

3. Заключение

Проведённое исследование показало, что частотность пяти служебных слов (然后 *ranhou* – союз 'потом'; 就是 *jiushi* – уточняющее наречие или союз 'именно так, то есть, так и есть'; 那个 *nage* – указательное местоимение 'тот, этот'; 这个 zhege – указательное местоимение 'этот'; 那种 *nazhong* – указательное местоимение 'тот вид, тот род, такой, типа как, типа такой'), выполняющих двойную функцию – фигурирующих в обычном значении и в качестве слов-паразитов – может быть довольно высокой. Частота их употребления во второй функции может не уступать данному показателю в первой функции и даже в ряде случаев значительно превышать его.

Поскольку все 5 слов являются служебными, при их реализации, за редким исключением, в обеих функциях присутствовали неполные / слабые формы. В целом, выявлена прямая зависимость между употреблением этих слов в указанных функциях и количеством их слабых форм. При употреблении как слова-паразита количество слабых форм чаще всего возрастало в несколько раз. Вместе с тем, была обнаружена междикторская вариантность, касающаяся частотности употребления исследуемых слов в целом, соотношения употреблений в двух функциях и соотношения полных и слабых форм в каждой, однако на общий результат она не повлияла.

Слабые формы характеризовались различной степенью неполноты реализации и явились результатом модификации сегментного состава (озвончение глухой инициали, изменение качества гласного (в том числе монофтонгизация дифтонга), выпадение инициали, части финали) и даже количества слогов (выпадение сегментов с последующим стяжением слогов). Количество слабых форм варьировало от 1 до 4, при этом наибольшее количество слабых форм – 4 – зафиксировано для слов *ranhou* и *zhege*.

Список литературы

1. Дараган, Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи [Текст] / Ю. В. Дараган // Русская филология : сб. науч. работ / под ред. Т. Фраймана, О. Паликовой.– № 11. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000 – С. 201–209.
2. Кокошкина, И. В. Десемантизированные элементы дискурса: функционирование, классификуция, факторы употребления [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Кокошкина Ирина Владимировна ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2011. – 23 с.

3. Петрунина, С. П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты [Текст] / С. П. Петрунина // Вестник ТГПУ. – 2005. – Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 101–106.
4. Разлогова, Е. Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и францускої речи [Текст] / Е. Э. Разлогова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филол. – 2003. – № 6. – С. 152–169.
5. Скрелин, П. А. Сегментация и транскрипция [Текст] / П. А. Скрелин. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 106, [2] с.
6. Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Чэн Чэнь ; Санкт Петербургский государственный университет. – СПб., 2017. – 204 с.
7. Яковлева, Э. Б. Речевые хезитации: Формальный и функциональный аспекты : аналит. обзор [Текст] / Э. Б. Яковлева. – М., 2016. –73 с. – (Сер.: Теория и история языкознания).
8. Boersma, P. Praat: Doing phonetics by computer (Version 6.0.05) [Computer Program] / P. Boersma, D. Weenink. – 2015. http:// www.fon.hum.uva.nl/praat/ (Accessed 27.11. 2015).
9. 丛玉青 曲阜师范大学文学院 （2016 年 12 月）电视访谈节目中话语标记“就是”“就是说”研究. [Cong Yuqing. Qufu shifan daxue wenueyuan (2016 nian 12 yue). Dianshi fangtan jiemu zhong huayu biaoji “jiushi” “jiushishuo” yanjiu] [Сун Юйцин. Исследование употребления дискурсивных маркеров jiushi, jiushishuo 'то есть, именно так' в телевизионных ток-шоу [Текст] : магистерская дис. / Сун Юйцин ; Цюйфуский педагогический университет, 2016. – 39 с.].
10. 李峰 华中师范大学文学院 （2014 年 7 月）口语中“这个”的语义弱化及话语标记用法 （唐山师范学院学报第 36 卷第 4 期）。 [Li Feng. Huazhong shifan daxue wenxueyuan. (2014 nian 7 yue). Kouyu zhong “zhege” de yuyi ruohua ji huayu biaoji yongfa. (Tangshan shifan xueyuan xuebao di 36 juan di 4 qi).] [Ли Фын. Ослабление значения слова «этот» и его употребление в роли дискурсивного маркера в разговорной речи [Текст] / Ли Фын // Вестник Таншаньского педагогического института. – 2014. – Т. 36. – № 4. – С. 12–14].
11. 金颖哲，安徽铜陵学院外国语学院。张京鱼，西安外国语大学英文学院（2016 年 10 月）. 指示代词的模糊用法研究 – 以“那个”一词为例（合肥工业大学学报社会科学版第 30 卷第 5 期). [Jing Yingzhe. Anhui tongling xueyuan waiguoyu xueyuan. Zhang Jingyu, xi’an waiguoyu daxue yingwen xueyuan (2016 nian 10 yue). Zhishi deici de mohu yongfa yanjiu – yi “nage” yici weili (hefei gongye daxue xuebao shehui kexueban di 30 juan di 5 qi)] [Цзинь Инчжэ. Проблемные аспекты использования указательного местоимения на примере «тот» [Текст] / Цзинь Инчжэ, Чжан Цзиньюй // Вестник Хэфэйского технологического университета. – 2016. – Т. 30 – № 5. – С. 93–99].
12. 宋欢婕，陕西理工大学文学院（2016 年 12 月）. 连词“然后”在自然会话中的语义功能变化（绥化学院学报第 36 卷第 12 期）. [Song Huanjie. Shanxi ligong daxue (2016 nian 12 yue). Lianci “ranhou” zai ziran huihua zhong de yuyi gongneng bianhua. (Suihua xueyuan xuebao di 36 juan di 12 qi)] [Сун Хуаньцзе. Изменения семантической функции союза “потом” в спонтанном диалоге [Текст] / Сун Хуаньцзе // Вестник Суйхуаского университета. – 2016. – Т. 36. – № 12. – С. 92–94].

13. 方梅，自然口语中弱化连词的话语标记功能（中国语文 2000 年第 5 期）[Fang Mei. Ziran kouyu zhong ruohua lianci de huayu biaoji gongneng (Zhongguo yuwen 2000 nian di 5 qi)] [Фан Мей. Функционирование союзов в качестве дискурсивных маркеров в спонтанной речи [Текст] / Фан Мей // Китайская филология. – 2000 – № 5 – С. 459–480].
14. 马国彦，话语标记与口头禅 – 以 “然后”和“但是”为例（语言教学与研究 2010 年第 4 期）[Ma Guoyan. Huayu biaoji yu koutouchan – yi “ranhou” he “danshi” weili (yuyan jiaoxue yu yanjiu 2010 nian di 4 qi)] [Ма Гоянь. Дискурсивные маркеры и слова-паразиты – на примере слов «потом» и «но» [Текст] / Фан Мей // Преподавание языка и лингвистические исследования. – 2010 – № 4 – С. 69–76].
15. 汪化云，说“X 的那种”（语言教学与研究 2015 年第 1 期）[Wang Huayun. Shuo X de nazhong (Yuyan jiaoxue yu yanjiu 2015 nian di 1 qi)] [Ван Хуаюнь. К вопросу о значениях рамочной конструкции «Тот, который X…» [Текст] / Ван Хуаюнь // Обучение языку и лингвистические исследования. – 2015. – № 1. – С. 88–96].

References

1. Daragan, Yu. V. (2000). Funktsii slov-«parazitov» v russkoy spontannoy rechi [The functions of parasitic words in Russian spontaneous speech]. In T. Frayman, O. Palikova, *Russkaya filologiya* [Russian Philology] : A collection of scientific papers (Vol. 11, pp. 201–209). Tartu : Tartu Ülikooli Kirjastus.
2. Kokoshkina, I. V. (2011). *Desemantizirovannye elementy diskursa: funktsionirovanie, klassifikutsiya, faktory upotrebleniya* [Discourse words as a result of desemantization: Functions, classification, use patterns]. Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. Saratov : Saratov State University.
3. Petrunina, S. P. (2005). Informatsionnyy shum v ustnoy spontannoy kommunikatsii: slova-parazity [Information Spam in Oral Spontaneous Communication: Parasite Words]. *Vestnik TGPU. Ser. Gumanitarnye nauki (Filologiya)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series of Humanities (Philology)], 3 (47), 101–106.
4. Razlogova, E. E. (2003). K voprosu o spetsificheskikh upotrebleniyakh modal'nykh slov: slova-parazity v russkoy i frantsuskoy rechi [Discussing specific use of modal words: Parasite words in Russian and French speech]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 6, 152–169.
5. Skrelin, P. A. (1999). *Segmentatsiya i transkriptsiya* [Segmentation and transcription]. St Petersburg : St Petersburg University Press.
6. Cheng Chen. (2017). *Khezitatsii v russkoy ustnoy rechi nositeley kitayskogo yazyka* [Hesitations in oral Russian speech of Chinese speakers]. PhD in Philological sci. diss. St-Petersburg : St-Petersburg State University.
7. Yakovleva, E. B. (2016). *Rechevye khezitatsii: Formal'nyy i funktsional'nyy aspekty : analit. obzor* [Speech hesitations: Form and function: Analytic review]. Moscow. (Series: Theory and History of Language Studies).

8. Boersma, P., Weenink, D. (2015). *Praat: Doing phonetics by computer* (Version 6.0.05) [Computer Program]. Retrieved November 27, 2015 from <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.
9. 丛玉青 曲阜师范大学文学院 （2016 年 12 月）电视访谈节目中话语标记“就是”“就是说”研究. [Cong Yuqing. Qufu shifan daxue wenueyuan (2016 nian 12 yue). Dianshi fangtan jiemu zhong huayu biaoji “jiushi” “jiushishuo” yanjiu] [Cong Yuqing. (2016). *Discourse words jiushi, jiushishuo 'that is, exactly so' and their patterns in TV talk shows*. Master’s thesis. Qufu Pedagogical University].
10. 李峰 华中师范大学文学院 （2014 年 7 月）口语中“这个”的语义弱化及话语标记用法 （唐山师范学院学报第 36 卷第 4 期）。 [Li Feng. Huazhong shifan daxue wenxueyuan. (2014 nian 7 yue). Kouyu zhong “zhege” de yuyi ruohua ji huayu biaoji yongfa. (Tangshan shifan xueyuan xuebao di 36 juan di 4 qi).] [Li Feng. (2014). Desemantization of the word “this” and its patterns as a discourse word in colloquial speech. *The Bulletin of Tangshan Pedagogical Institute*, 36 (4), 12–14].
11. 金颖哲，安徽铜陵学院外国语学院。张京鱼，西安外国语大学英文学院（2016 年 10 月）. 指示代词的模糊用法研究 – 以“那个”一词为例（合肥工业大学学报社会科学版第 30 卷第 5 期）. [Jing Yingzhe, Zhang Jingyu. Anhui tongling xueyuan waiguoyu xueyuan. Xi’an waiguoyu daxue yingwen xueyuan (2016 nian 10 yue). Zhishi deici de mohu yongfa yanjiu – yi “nage” yici weili (hefei gongye daxue xuebao shehui kexueban di 30 juan di 5 qi)] [Jing Yingzhe, Zhang Jingyu. (2016). Challenging aspects of using the relative pronoun “that”. *The Bulletin of Hefei Technological University*, 30 (5), 93–99].
12. 宋欢婕，陕西理工大学文学院（2016 年 12 月）. 连词“然后”在自然会话中的语义功能变化（绥化学院学报第 36 卷第 12 期）. [Song Huanjie. Shanxi ligong daxue (2016 nian 12 yue). Lianci “ranhou” zai ziran huihua zhong de yuyi gongneng bianhua. (Suihua xueyuan xuebao di 36 juan di 12 qi)] [Song Huanjie. (2016). Changing semantic function of the conjunction then in spontaneous dialogue. *The Bulletin of Suihua University*, 36 (12), 92–94].
13. 方梅，自然口语中弱化连词的话语标记功能（中国语文 2000 年第 5 期）[Fang Mei. Ziran kouyu zhong ruohua lianci de huayu biaoji gongneng (Zhongguo yuwen 2000 nian di 5 qi)] [Fang Mei. (2000). Conjunctions in the functions of discourse words in spontaneous speech. *Chinese Philology*, 5, 459–480].
14. 马国彦，话语标记与口头禅 – 以 “然后”和“但是”为例（语言教学与研究 2010 年第 4 期）[Ma Guoyan. Huayu biaoji yu koutouchan – yi “ranhou” he “danshi” weili (yuyan jiaoxue yu yanjiu 2010 nian di 4 qi)] [Ma Guoyan. (2010). Discourse words and parasite words – the examples of ranhou 'then' and danshi 'but'. *Language Teaching and Linguistic Studies*, 4, 69–76].
15. 汪化云，说“X 的那种” （语言教学与研究 2015 年第 1 期）[Wang Huayun. Shuo X de nazhong (Yuyan jiaoxue yu yanjiu 2015 nian di 1 qi)] [Wang Huayun. (2015). The meanings of the frame sentence «The one that X…». *Language Teaching and Linguistic Studies*, 1, 88–96].

УДК 81'34
UDC 81'34

Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна,
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru, androsova_s@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна
Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Nadezhda Ya. Bulatova
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St Petersburg, Russian Federation
bulatovany@gmail.com

ЧАСТОТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФОНЕМ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ ПИЛОТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА* PHONEME FREQUENCY OF OCCURRENCE IN EVENKI: A PILOT STUDY

Аннотация

В задачи настоящего исследования входило изучение системной и объективной частотности групп фонем и их некоторых пар фонем в эвенкийском языке. Результаты анализа речевых образцов (устная сказка и спонтанная речь), полученных от четырёх информантов, показали, что имеются объективные основания, чтобы считать данный язык одним из самых мелодичных. Это системное и объективное преобладание вокалических звуков языка (гласные + сонорные согласные) над шумными согласными. По системной частотности эвенкийский язык более мелодичный, чем английский и особенно чем русский, однако он менее мелодичный, чем якутский. По объективной частотности эвенкийский ещё более мелодичный, чем английский и русский, однако ввиду отсутствия данных по объективной частотности фонем якутского языка, это сопоставление ещё предстоит сделать.

В группах эвенкийских согласных между системной и объективной частотностью наблюдается довольно чёткий параллелизм: и для шумных, и для сонорных зафиксировано преобладание смычных над щелевыми и переднеязычных над согласными других локусов. Разница двух видов частотности заключалась в размере преобладания. Между системной и объективной частотностью гласных параллелизм нарушался по признакам ряда и подъёма: гласные центрального ряда, которых в системе меньше, обладали самой высокой объективной частотностью в обоих видах материала; в спонтанной речи открытые гласные проявили ту же тенденцию. Параллелизм по признаку долготы вовсе

* Исследование выполнено в рамках НИР по базовой части государственного задания 34.6414.2017/8.9.

отсутствовал: хотя в системе кратких гласных на 1 меньше, в обоих видах материала краткие значительно преобладали над долгими (в целом по группе и в парах). Несмотря на разные жанры, дисбаланс по полу дикторов, большую разницу времени получения материала и неодинаковый объём материала, частотность фонемных групп и пар в двух видах материала оказалась во многом сопоставимой.

Abstract

The current paper aimed at studying the 2 types of frequency of occurrence of phoneme groups and in some phoneme pairs – in the Evenki phonological system and speech. The results of the analysis of speech samples obtained from 4 Evenki subjects showed that there are objective grounds to consider this language as highly vocalic. These are notably higher frequencies of occurrence of vocalic sounds (vowels + sonorants) compared to obstruents both in the system and speech. Evenki is more vocalic than English and Russian and less vocalic than Yakut as far as system frequency of occurrence. This tendency is even better expressed in speech for Evenki, English and Russian. As far as there are no data on Yakut phoneme objective frequency, this comparison is a matter of further study.

For both sonorants and obstruents, system and objective frequency showed similar tendencies: prevailing of stops over fricatives, nasals over approximants, fore-lingual consonants over ones of other loci. The difference lies mainly in the degree of prevalence. Thus, both types of frequencies were balances. However, the balance was disrupted when it came to vowels grouped by the relevant features of advancement-retraction and openness degree. There were more central vowels in speech than front and back ones though there were less of them in the system. The same concerns open vowels in spontaneous speech. There was no balance whatsoever between the 2 frequency types for long and short vowels. In speech, the latter occurred several times more often than the former (the whole group and in pairs), although in the system, there were more long vowels (6 vs 5). Despite genre differences, disproportion between male and female subjects, drastic difference in the recording period and imbalances in total duration of fairy tale and spontaneous speech, the frequencies of the phoneme groups and in the phoneme pairs turned out mostly compatible.

Ключевые слова: системная частотность, объективная частотность, шумные, сонорные, способ образования, активный орган, долгие и краткие гласные.

Keywords: system frequency, frequency in speech, obstruents, sonorants, manner of production, locus, long and short vowels.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_117_126

1. Введение

Частотность языковых единиц – вопрос, который в последние несколько десятилетий всё чаще попадает в центр внимания лингвистов во всём мире, исследующих самые разные языки, включая те, что находятся на грани исчезновения. На основании частотности фонологических единиц в парадигматике (т. е. в системе) и синтагматике (т. е. в речевой цепи) – гласных и согласных – языки условно делят на консонантные (с превышением среднего числа согласных по языкам мира) и вокалические

(с превышением среднего числа гласных по языкам мира) [Мечковская, 2001, с. 55]. Насыщенность речи гласными и сонорными создаёт впечатление так называемой звучности / мелодичности / певучести речи на том или ином языке [Мечковская, 2001, с. 53–54].

Тунгусо-маньчжурские языки также являются частью данного процесса, хотя для них подобных исследований было проведено очень немного. В этой связи необходимо упомянуть статью Г. Л. Радченко, которая указала частотность наиболее употребляемых нанайских фонем: трёх гласных (/i/ (19%), /a/ (11,8%), /ʌ/ (8,9%)) и трёх согласных – двух носовых сонантов и плавного среднеязычного сонорного. Из этих трёх сонорных самые частотные переднеязычный /n/ (5%) и билабиальный /m/ (4%) [Радченко, 1988, с. 17]. На материале эвенкийского языка подобных исследований до настоящего времени не проводилось. Имеются лишь субъективные впечатления самих эвенков о том, что эвенкийский язык по сравнению с якутским более мелодичен. Данное обстоятельство обусловило наш интерес к частотности гласных и сонорных в звучащей эвенкийской речи, особенно учитывая то, что оба языка являются вокалическими и допускают только двучленные консонансы и только в середине слова, в отличие от того же русского языка, являющегося консонантным, богатого сочетаниями согласных в разных позициях (особенно дву- и трёхчленными; 4 согласных возможны в начале слова).

В лингвистике уже выработана методика подсчёта частотности тех или иных языковых единиц (историю вопроса см. в работе Т. Н. Чугаевой и др. [Сопоставительный, 2019]), согласно которой следует различать системную частотность и объективную частотность употребления. Изучение этих видов частотности и стало задачей настоящего пилотного исследования. Согласно нашей гипотезе, 1) субъективные впечатления эвенков о чрезвычайной мелодичности своего языка должны подтверждаться данными по системной частотности, но главным образом – данными по вероятностным характеристикам в речи, т. е. объективной частотности; 2) между системной и объективной частотностью нет полного параллелизма. Для проверки данной гипотезы были проведены соответствующие подсчёты.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили 2 сказки, записанные Н. Я. Булатовой со слов двух информантов-эвенков в 1976 году (женщина, 1908 года рождения, род Бута, неграмотная, хорошо владела русским и якутским языками; мужчина, 1894 года рождения, род Бута, неграмотный, русским языком владел слабо), и спонтанная речь в произнесении двух информантов-эвенков (женщины, 1966 и 1961 годов рождения) проживающих в с. Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области. В работе применялись методы количественных подсчётов и сравнительно-сопоставительного анализа.

Всего в материале было реализовано 10935 фонемоупотреблений (далее – ф/у). Подсчёты велись, во первых, по группам фонем, например, вокалические сегменты (гласные + сонорные) vs шумные согласные, долгие гласные vs краткие гласные, плавные сонорные vs носовые сонанты и тому подобное; во-вторых, по парам фонем. Внутри экспериментального материала сравнение и сопоставление велись по группам и некоторым парам фонем; кроме этого по литературным данным проводились сравнение и сопоставление с другими языками – якутским, английским и русским.

2.2. Обсуждение результатов

Всего в сказке было реализовано 9120 ф/у; гласные и сонорные в сумме составили 6251 ф/у. Таким образом, на долю вокалических сегментов приходится более 2/3 от всего количества реализаций (в 3 раза больше, чем шумных). В спонтанной речи было реализовано 1815 ф/у; гласные и сонорные в сумме составили 1375 ф/у. Это означает, что на долю вокалических сегментов приходится более 3/4 от всего количества реализаций – ещё больше (в 4 раза), чем в материале сказки. Здесь прослеживается определённый параллелизм с системной частотностью вокалических сегментов – их почти в два раза больше, чем шумных согласных (19 и 10 соответственно). Эти количественные параметры подтверждают субъективные представления носителей языка о высокой мелодичности языка.

Вместе с тем, субъективные впечатления о большей певучести эвенкийского по сравнению с якутским не подтверждаются на основании критерия системной частотности гласных и сонорных, поскольку и тех, и других в якутском больше: сонорных – на 1 единицу, а гласных почти в 2 раза (см. таблицы якутских гласных и согласных, напр., в работах Н. Д. Дьячковского [Дъячковский, 1971, 1977]). В то же время, объективная частотность может быть совсем иной, однако данные о ней по якутскому языку только предстоит получить.

Сравнение с имеющимися данными по английскому языку, в том числе в его американском варианте, [Deneš, 1964; Андросова, 2001, с. 70–76; Деркач, 2002, с. 63–66] при аналогичной методике подсчётов показывает, что его мелодичность меньше, чем эвенкийского, поскольку системная частотность вокалических сегментов выше только в 1,5 раз, а объективная – только в 1,7 раз. Однако в обоих языках и системная, и объективная частотность суммы гласных и сонорных выше, чем шумных согласных. В русском языке всё с точностью до наоборот с системной частотностью: шумных в 1,8 раз больше, чем вокалических сегментов, при этом объективная частотность шумных в 1,8 раз ниже (подсчёты произведены по статистическим материалам и сводной таблице Ю. А. Тамбовцева, который собрал данные других исследователей, в том числе, Л. В. Бондарко, А. С. Штерн и Л. Р. Зиндера, В. Н. Ёлкиной и Л. С. Юдиной и свои собственные [Тамбовцев, 2008, с. 152–154]). Выходит, что объективно английский и русский языки очень схожи по мелодичности, несмотря на их явную противопоставленность по системной частотности вокалических и шумных сегментов.

Приступим к детальному анализу частотности фонемных групп и пар в эвенкийском языке. Количественные данные по каждой фонеме и ранги частотности представлены в таблицах 1–2.

Т а б л и ц а 1. **Частотность согласных**

№ п/п	Фонема	Абсолютное количество		Ранг частотности	
		Сказка	Спонт. речь	Сказка	Спонт. речь
1	p	44	17	17	17
2	b	280	7	8	11
3	β	324	69	6	7
4	m	242	68	11	8
5	t	514	82	3	3
6	d	192	78	14	4
7	n	801	162	1	1
8	n^j	99	18	16	16
9	s	185	22	15	14
10	l	374	74	4	6
11	r	357	77	5	5
12	tʃ	248	33	9	12
13	d^j	323	41	7	9
14	j	145	37	16	11
15	k	640	114	2	2
16	g	246	24	10	13
17	ŋ	201	38	12	10
18	h	197	21	13	15

Внутри группы ш у м н ы х согласных по г л у х о с т и / з в о н к о с т и в сказке преобладают глухие согласные – их почти в 1,8 раза больше, чем звонких. Схожее преобладание отмечено и в спонтанной речи (в 1,9 раза). Системная частотность глухих также выше за счёт непарных глухих /s/, /h/ (парные: /p/-/b/, /k/-/g/, /t/-/d/, /tʃ/-/d^j/). По с п о с о б у о б р а з о в а н и я отмечается абсолютное преобладание смычных над щелевыми – в 7,5 раз, если в группу смычных включать аффрикату, и почти в 6,9 раз, если её рассматривать отдельно. В спонтанной речи это преобладание выражено ещё больше: в 10 раз с включением аффрикаты в группу смычных и почти в 9,3 раза при отдельном её рассмотрении. Наконец, по а к т и в н о м у о р г а н у, при одинаковой системной частотности губных и заднеязычных, последних в материале сказки в 2,7 раза больше; в спонтанной речи преобладание ещё выше – почти в 5,8 раз. Переднеязыч-

ные, обладая самой высокой системной частотностью (в 2,5 раз больше, чем губных и заднеязычных), сохраняют её и в речи: в 4,5 и почти в 1,7 раз больше соответственно; в спонтанной речи тенденция сохраняется, но преобладание над губными выше – в 10,6 раз, в над заднеязычными практически такое же – в 1,8 раз. Единственный фарингальный и в сказке, и в спонтанной речи формирует самую низкочастотную «группу», но если в сказке его количество меньше губных в 1,6 раз, то в спонтанной речи разница составляет всего 3 ф/у.

В группе сонорных согласных по способу образования в системе носовые сонанты (смычно-проходные) преобладают над плавными сонорными (плавными щелевыми) – 4 и 3 соответственно (в 1,3 раза); в экспериментальном материале преобладание сохраняется (почти в 1,6 раз и в сказке, и в спонтанной речи). Частотность единственного дрожащего в 3,7–3,8 раз ниже носовых сонантов и в 2,3–2,4 раза ниже плавных сонорных (разницей в 0,1 раза в сказке и спонтанной речи можно пренебречь). По активному органу, как и в группе шумных, системно преобладают переднеязычные, затем следуют губные, а заднеязычные и среднеязычные включают по одному сонорному и имеют самую низкую системную частотность (в отличие от группы шумных, где частотность губных и заднеязычных была одинаковой). Соотношение объективной частотности полностью соответствует системной: в сказке переднеязычных в 2,9 раза больше, чем губных и в 8,1 и 11,2 раз больше, чем заднеязычных и среднеязычных соответственно; в спонтанной речи тенденция схожая (но частотность среднеязычного выше): в 2,4, 8,9 и 8,7 раз соответственно.

Перейдём к анализу гласных (см. табл 2). По признаку ряда самыми частотными в сказке оказались гласные центрального ряда (1737 ф/у), затем переднего (1141 ф/у) и заднего (829 ф/у) рядов. Аналогичное соотношение имело место и в спонтанной речи (221, 397 и 185 ф/у соответственно). Перевес объективной частотности центральных гласных оказался довольно заметным по сравнению с переднерядными и особенно заднерядными гласными (в 1,5 и 2 раза в сказке; 1,8 и 2 раза в спонтанной речи), хотя системно центральнорядных в восточных говорах на 1 меньше по вышеупомянутой причине (см. примечание к табл. 2). По признаку подъёма в сказке преобладали гласные высокого (1359 ф/у), затем среднего (1197 ф/у) и низкого (1123 ф/у) подъёмов, а в спонтанной речи, наоборот, низкого (309 ф/у), высокого (272 ф/у) и среднего (217 ф/у) подъёмов с несколько меньшим дисбалансом в соотношении групп, чем по признаку ряда в обоих видах материала.

По рангам отдельных гласных фонем (табл. 2) в обоих видах материала, у четырёх гласных были одинаковые ранги частотности, у трёх – с разницей в единицу, а у четырёх различия оказались ещё больше, особенно для гласного /æ:/ – в 4 единицы. Последнее может быть объяснено жанровыми отличиями.

Нельзя не заметить огромную разницу системной частотности групп долгих и кратких гласных. Если в системе долгих гласных на 1 больше, чем кратких (в связи с долгим непарным /e:/), то в материале

отмечается явное преобладание кратких над долгими как в целом в группе, так и по парам гласных (см. табл. 2–3). В сказке кратких в 4 раза больше, чем долгих, в спонтанной речи разрыв не столь большой – почти в 2,2 раза. По парам гласных преобладание кратких над долгими варьировало от 1,8 до 4,5 раз в спонтанной речи и от 2,9 до 7,4 раз в сказке. Общими для обоих видов материала были самая большая разница, которая фиксировалась для /u/-/u:/, и вторая за минимальной – для /o/-/o:/.

Таблица 2. **Частотность гласных**

№ п/п	Фонема	Абсолютное количество		Ранг частотности	
		Сказка	Спонт. речь	Сказка	Спонт. речь
1	i	668	99	3	3
2	i:	127	55	7	7
3	e:	29	35	10	8
4	a	679	190	2	1
5	a:	127	87	7	5
6	з	932	120	1	2
7	з:→æ:	317	32	5	9
8	o	201	66	6	6
9	o:	64	31	9	10
10	u	497	97	4	4
11	u:	67	21	8	11

Примечание к таблице 2: обозначение з:→æ: отражает восточное «аканье» – употребление фонемы /æ:/ вместо /з:/ [Гласные реализации…, 2016] и, следовательно, его перемещение в передний ряд низкий подъём из центрального ряда среднего подъёма. В остальном распределение по рядам и подъёмам соответствует принятому традиционно при рассмотрении системы эвенкийских гласных.

Таблица 3. **Величина преобладания частотности кратких гласных фонем над долгими**

Пара фонем	Величина преобладания (раз)	
	сказка	спонт. речь
/i/-/i:/	5,3	1,8
/a/-/a:/	5,3	2,2
/з/-/з :/	2,9	3,8
/o/-/o:/	3,1	2,1
/u/-/u:/	7,4	4,5

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, проанализированный материал подтверждает гипотезу о том, что имеются объективные основания, связанные с вероятностными характеристиками групп звуков эвенкийского языка, чтобы считать данный язык звучным / мелодичным / певучим. Это значительное преобладание вокалических звуков, включающих гласные и сонорные. Оно заметно выше, чем в английском и русском языках.

Во-вторых, исследование показало, что между системной и объективной частотностью наблюдается определённый параллелизм. На изученном материале он лучше всего прослеживался на согласных. Преобладание 1) смычных над щелевыми, 2) переднеязычных над согласными других локусов, выявленное в системе, имело место и в речи как в группе шумных согласных, так и сонорных. Разница заключалась, в основном, в размере преобладания. Системная частотность гласных по признакам ряда и подъёма, и долготы, отличалась от объективной. Гласные центрального ряда, которых в системе меньше, обладали самой высокой объективной частотностью в обоих видах материала. Узкие гласные с более высокой системной частотностью в сказке имели и более высокую объективную частотность, а в спонтанной речи таковой обладали открытые гласные, которых в системе меньше. Самые разительные несовпадения фиксировались по признаку долготы: хотя в системе кратких гласных на 1 меньше, в обоих видах материала краткие значительно преобладали над долгими.

Сравнение результатов по двум видам материала – сказки и спонтанной речи – показало, что ранги частотности отдельных фонем также во многом совпадали, несмотря на разные жанры, дисбаланс по полу дикторов, разное время получения материала (временной разрыв в 41 год) и неодинаковый объём материала. Значительные расхождения рангов отмечались для 4 гласных из 11, что может объясняться разной жанровой принадлежностью и, в определённой степени, дисбалансом в объёме материала.

Как уже отмечалось, сделанные выводы можно считать предварительными, но и они довольно чётко показывают тенденции по частотности групп фонем и их некоторых пар. Перспективу исследования составит достижение большей точности в сравнении и сопоставлении за счёт балансировки материала по объёму, гендеру, жанрам, а также общего увеличения объёма материала. Весьма перспективным представляется сопоставление с объективной частотностью фонем в других урало-алтайских языках, в том числе в якутском, постоянно контактирующем с эвенкийским.

Благодарности

Авторы статьи благодарят коллег Елену Александровну Процукович и Татьяну Владимировну Кравец за неоценимую помощь в составлении орфографических версий спонтанных текстов.

Список литературы

1. Андросова, С. В. Аллофонное варьирование согласных фонем в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка) [Текст] : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Андросова Светлана Викторовна ; Амурский государственный университет. – Благовещенск, 2001. – 220 с.
2. Афанасьева, Е. Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка [Текст] / Е. Ф. Афанасьева. – Улан-Удэ : Издво Бурятского гос. ун-та, 2010. – 116 с.
3. Гласные реализации на месте канонической долгой фонемы /з:/ в селемджинском говоре эвенкийского языка и их фонологический статус [текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Т. В. Кравец, Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 3. – С. 63–73.
4. Деркач, С. В. Фонетические свойства гласных в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка) [Текст] : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Деркач Светлана Викторовна ; Амурский государственный университет. – Благовещенск, 2002. – 220 с.
5. Дьячковский, Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. 1 : Вокализм [Текст] / Н. Д. Дьячковский. – Якутск : Якутск. книж. изд-во, 1971. – 192 с.
6. Дьячковский, Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. 2 : Консонантизм [Текст] / Н. Д. Дьячковский. – Якутск : Якутск. книж. изд-во, 1977. – 256 с.
7. Максимова, Л. Н. Аудирование на занятиях по эвенкийскому языку [Текст] / : магистер. Дис. / Максимова Любовь Николаевна ; Амур. гос. ун-т. – Благовещенск, 2019. – 104 с.
8. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков : учеб. пособие. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 312 с.
9. Радченко, Г. Л. О фонетическом типе нанайского языка [Текст] / Г. Л. Радченко // Грамматическая и семантическая структура слова в языках народов Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 15–18.
10. Сопоставление результатов лингвостатистического анализа перцептивных типов русского и английского слова (на материале НКРЯ, БНК, АНК) [Текст] / Т. Н. Чугаева, О. В. Байбурова, А. А. Вахотин, С. Ю. Дмитриева // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5. – № 3. – С. ….
11. Тамбовцев, Ю. А. Звуковая картина русского языка с точки зрения частоты встречаемости фонемных групп [Текст] / Ю. А. Тамбовцев // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 148–155.
12. Deneš, P. B. On the Statistics of Spoken English // Zeitschrift für Phonetic. – 1964. – № 17. – S. 51–72.

References

1. Androsova, S. V. (2001). *Allofonnoe var'irovanie soglasnykh fonem v spontannoy rechi (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka)* [Allophonic variation of consonants in spontaneous speech (Experimental phonetic study based on American English)]. PhD in Philological sci. diss. ; Amur State University. Blagoveshchensk.

2. Afanaseva, E. F. (2010). *Fonologiya i fonetika Evenkiyskogo yazyka* [Phonology and phonetics of the Evenki language]. Ulan-Ude.
3. Morozova, O. N., Androsova, S. V., Kravets, T. V., Protsukovich, E. A. (2017). Glasnye realizatsii na meste kanonicheskoy dolgoy fonemy /з:/ v selemdzhinskom govore evenkiyskogo yazyka i ikh fonologicheskiy status [Phonetic patterns of canonical /з:/ in the Selemdzha accent of the Evenki language and their phonological status]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (3), 63–73.
4. Derkach, S. V. (2002). *Foneticheskie svoystva glasnykh v spontannoy rechi (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka)* [Phonetic properties of vowels in spontaneous speech (Experimental phonetic study based on American English)]. PhD in Philological sci. diss. ; Amur State University. Blagoveshchensk.
5. D'yachkovskiy, N. D. (1971). *Zvukovoy stroy yakutskogo yazyka. Ch. 1 : Vokalizm* [Sound system of the Yakut language. Part 1 : Vowels]. Yakutsk : Yakutia Publishing House.
6. D'yachkovskiy, N. D. (1977). *Zvukovoy stroy yakutskogo yazyka. Ch. 2 : Konsonantizm* [Sound system of the Yakut language. Part 2 : Consonants]. Yakutsk : Yakutia Publishing House.
7. Maksimova, L. N. (2019). *Audirovanie na zanyatiyakh po evenkiyskomu yazyku* [Listening comprehension on Evenki classes]. MA. Amur State University ; Blagoveshchensk.
8. Mechkovskaya, N. B. (2001). *Obshchee yazykoznanie. Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* [General linguistics. Structural and social language typology], 2nd edition. Moscow.
9. Radchenko, G. L. (1988). O foneticheskom tipe nanayskogo yazyka [On phonetic type of the Nanai language]. *Grammaticheskaya i semanticheskaya struktura slova v yazykah narodov Sibiri* [Grammatical and semantic word structure in Siberian peoples' languages] (15–18). Novosibirsk.
10. Chugaeva, T. N., Baiburova, O. V., Vakhotin, A. A., Dmitrieva, S. Yu. (2019). Sopostavlenie rezul'tatov lingvostatisticheskogo analiza perceptivnyh tipov russkogo i anglijskogo slova (na materiale NKRYA, BNK, ANK) [Statistic-linguistic comparative analysis of the perceptual types of a Russian and an English word (Based on NCRL, BNC, ANC)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (3), … .
11. Tambovtsev, Yu. A. (2008). Zvukovaya kartina russkogo yazyka s tochki zreniya chastoty vstrechaemosti fonemnykh grupp [Sound pattern of the Russian language from the point of view of frequency of occurrence of phonemic groups]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 4, 148–155.
12. Deneš, P. B. (1964). On the Statistics of Spoken English. *Zeitschrift für Phonetic*, 17, 51–72.

УДК 811.1
UDC 811.1

Петрова Инна Михайловна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
Inna M. Petrova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
miinna@yandex.ru

ПОТЕНЦИАЛ ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ GOOGLE ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ КОГНИТИВНОЙ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
THE POTENTIAL OF GOOGLE SEARCH FOR STUDIES IN COGNITIVE CORPUS LINGUISTICS

Аннотация
Статья посвящена использованию поисковой системы Google в качестве аналога корпуса текстов при проведении когнитивных исследований языка. Цель статьи – определить значимость статистических данных, доступных в результате использования разных операторов и фильтров поисковой системы, при изучении когнитивных механизмов репрезентации языковой действительности в речи. В статье проводится сравнение результатов конкурирующих запросов в Google и Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), сформированных на основе вариативности комбинаторики биноминальных фраз. Проведённый эксперимент показал, что объём и разнообразие языкового материала указывают на бóльшую эффективность использования Google для исследования комбинаторики и вариативности фразы, что позволяет сделать вывод относительно обоснованности применения этих данных в качестве лингвистического материала для дальнейшей интерпретации в когнитивных исследованиях языка.

Abstract
The paper investigates the possibility to employ the Google search system as an analogue of the corpus of texts for potential use in further cognitive research of a language. The purpose of the article is to elucidate the significance of statistical data available due to the use of different operators and filters of the search system in the study of cognitive mechanisms of representation of linguistic reality in speech. Experimental observations have been made to compare the results of competing queries in Google and Russian National Corpus based on the word order variability of binomial phrases. The results obtained showed that the volume and variety of language data justifies the employment of Google for these purposes. This leads to the conclusion that these data can be considered valid as linguistic material for further interpretation in cognitive language research.

Ключевые слова: корпусная когнитивная лингвистика, алгоритм поисковой системы, комбинаторика фразы, биноминальные конструкции, поисковый запрос.

Keywords: corpus cognitive linguistics, search engine algorithm, phrase combinatorics, binominal phrases, search query.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_127_142

1. Введение

В современной лингвистике всё больше и больше исследований проводится с использованием корпусов текстов [Бурыкин, 2015 ; Манерко, 2018 ; Сулейманова, Демченко, 2018 и др.]. Это обусловлено тем, что ускоренная компьютерная обработка массивов текстов (корпусов), согласно заданным параметрам, предоставляет обширный лингвистический материал, позволяющий получать новые знания о языке. Перспективы использования этих технологий активно обсуждаются в научном сообществе [Голубкова, 2017 ; Рахилина, 2017 ; Чумарина, 2017 и др.]. Отмечая положительные и отрицательные стороны использования корпусных методик при изучении языковых явлений, практически все исследователи констатируют неизбежность обращения к данному инструментарию. Постоянно растущий интерес к возможностям поисковых систем типа Google и недостаточная изученность применения инструментария, предоставляемого современными технологиями, в лингвистических и, в частности, в когнитивных исследованиях определяют актуальность данной работы.

При изучении когнитивных процессов чрезвычайно важными оказываются статистические параметры, учёт которых позволяет интерпретировать эти процессы на другом уровне. К. Фишер одним из первых поставил перед лингвистами-когнитологами вопрос о том, как можно при помощи количественных методов исследовать значение в когнитивной семантике [Fischer, 2010, с. 44]. В результате возник целый ряд количественных методов, которые активно используются в когнитивной семантике. В их число входят, например, метод математической модели, кластерный анализ, корреляционный анализ, логистическая регрессия и другие (подробнее об этом см. [Fischer, 2010]). Объединение статистической обработки данных с результатами применения других экспериментальных методик становится важным элементом исследования в когнитивной науке. Анализ эмпирических данных и их интерпретация позволяют чётче формулировать гипотезу и выявлять противоречия между теоретическим и практическим исследованием явления, особенно в том случае, когда «первичная гипотеза, полученная в ходе интроспективного анализа, противоречит результатам статистических данных корпуса; интерпретируя результаты, мы можем прийти либо к формулированию более точной гипотезы и постановке новых вопросов, которые в последующем могут стать основой для экспериментальных проверок данной гипотезы, либо к новым противоречиям с результатами корпусных данных и т. д.» [Tummers, 2005, с. 233]. Другими словами, анализ статистики корпусных данных выступает таким инструментом исследования, в основе которого заложен значительный потенциал

для интерпретации определённого лингвистического явления и коррекции наших воззрений на данное явление с учётом объективных факторов. Таким образом, новизна настоящего исследования заключается в том, что в нём предпринята попытка выявления возможностей современного инструментария для изучения языковой действительности с позиций когнитивной науки.

Цель настоящей работы – установить, насколько репрезентативен и релевантен языковой материал, полученный на основе поисковой системы Google, для когнитивных исследований языка. Для достижения указанной цели планировалось решить следующие задачи:

1) выявить роль корпусных данных при проведении когнитивных исследований языка;

2) выяснить и описать особенности обработки языкового материала поисковой системой;

3) сравнить результаты поисковых запросов, полученных на основе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и Google, и установить обоснованность применения Google данных как аналога языкового корпуса.

В данной статье мы рассматриваем потенциал поисковой системы Google как базы корпусных данных при проведении когнитивных исследований языка. Языковой корпус текстов выступает как «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров, Богданов, 2011, с. 7]. Подробное описание лингвистического корпуса и его видов можно найти, например, в работе Н. В. Козловой [Козлова, 2013]. Однако наряду с существующими языковыми корпусами активно используется и сеть Интернет, поскольку она обладает многими характеристиками данного инструментария. Дискуссия о «вебе как корпусе» становится всё более популярной у исследователей и, несмотря на то, что веб отличается спонтанностью и специфической репрезентативностью, а также отсутствием лингвистического замысла, А. Ю. Мордовин полагает, что лёгкая доступность и высокая объективность данных ввиду отсутствия авторского коллектива в значительной степени компенсируют эти недостатки и функционально приравнивают веб к корпусу, что требует переосмысления онтологического определения последнего. При этом он отмечает, что веб «успешно применяется для решения исследовательских задач корпусными методами, и воспроизводит многие существенные признаки корпуса текстов: аутентичность текстов, их машиночитаемый формат и средства навигации по материалу, репрезентативность материала (в соответствии с идеологией мониторного типа корпуса), а также более чем достаточный размер» [Мордовин, 2015, с. 171]. Это позволяет говорить о том, что необходимо корректировать современные воззрения о классическом корпусе текстов. Настоящая статья представляет собой попытку рассмотрения этого вопроса в определённом ключе, а именно, в контексте использования таких данных в когнитивных исследованиях языка.

2. Информационная поисковая система как база корпусных данных в лингвистических исследованиях

Многие исследователи уже используют веб как источник аутентичных, естественных, контекстуализированных языковых моделей (конкордансов, устойчивых словосочетаний, лексических комбинаций, фраз, идиом и др.) [Сулейманова, Демченко, 2018 ; Квашина, Ажель, 2017 ; Мордовин, 2015 ; Gatto, 2014 ; Geluso, 2013 и др.]. Благодаря неисчерпаемому объёму Всемирная сеть является уникальным ресурсом для анализа частоты использования тех или иных языковых моделей, а значит, естественного, «живого» языка. Наиболее востребованной поисковой системой является система Google благодаря своей простоте и быстроте, функциональности поиска информации, а также репрезентативности. Результат работы Google можно сравнить с интернет-каталогом, отобранным с помощью рейтинговой системы на основе алгоритмов. Более конкретно алгоритм поиска можно описать как «нахождение элемента с заданными свойствами среди списка элементов». В современном обучении иностранному языку эта система используется в качестве инструмента, позволяющего проанализировать частоту употребления и значение той или иной языковой модели [Panah, 2013 ; Квашина, Ажель, 2017].

Информационная поисковая система (далее – ИПС) строится на особом алгоритме обработки языковой информации. При вводе документа в базу данных ИПС его индексируют (поэтому саму базу поисковой системы часто называют индексом). Процесс индексирования связан с определением и выборкой ключевых слов обрабатываемых документов и выражением их формально в виде поискового образа. Так, база данных ИПС состоит из множества индексных поисковых образов. Непосредственно при поиске производится сопоставление сделанного запроса, то есть того, что указано в запросе, с поисковым образом, то есть с тем, что хранится в индексе.

Ключевыми характеристиками информационного поиска, релевантными для обоснованности надежности Google данных, служат такие показатели, как: полнота выдачи информации и точность её выдачи; но при этом имеют место потери информации и информационный шум.

Отношение количества выданных релевантных документов к общему числу релевантных документов, содержащихся в базе информационно-поисковой системы, определяет полноту поиска. Точность поиска определяется количеством выданных системой релевантных документов к общему числу документов в выдаче. Понятие «релевантность» выступает как фундаментальное понятие теории информационного поиска. Документ, центральный предмет или тема которого в целом соответствует смысловому содержанию информационного запроса, называется релевантным, а свойство смысловой близости между документом и информационным запросом – релевантностью.

Важное место в системе представления информации в ИПС играют поисковые тезаурусы (одноязычные или многоязычные). Они представляют собой специальные словари для информационного поиска по массивам естественно-языковых документов, организованные по принципу

сопоставления слов с их понятиями. Их структура и разработка часто стандартизируются (см., напр., ГОСТ 7.25-2001). Такой дескрипторный словарь используется как средство лексического контроля (напр., снятия омонимии, синонимии единиц) при индексировании документов и запросов. Например, при индексировании все синонимы запроса и поискового образа представляются одной и той же лексической единицей – дескриптором (*ср. лингвистика – языкознание языковедение, наука о языке*).

Как правило, тезаурусы относятся к классу семантических словарей. Пример организации семантической информации в поисковом тезаурусе можно продемонстрировать на примере «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой [Шведова, 1998]. Так, в разделе «Формы и сущностные характеристики реалий и явлений действительности» представлена следующая семантическая структура организации лексической информации: в вершине древа лежат четыре исходных множества: 1) «Время; его ход, периоды и моменты его течения»; 2) «Пространство: его основные характеристики; мера пространства, его величины»; 3) «Движение, изменение местоположения в пространстве» и 4) «Количество. Счёт. Масса (вес), её мера. Степень, предел, граница». Каждое из этих четырёх множеств включает свои собственные подмножества, членящиеся каждое по принципу сужения и конкретизации общего значения и нисходящие, разветвляясь до конечных лексико-семантических рядов, далее разбиваемых только на отдельные лексические единицы или их мельчайшие объединения. Например, лексическое множество «Время: его ход, периоды и моменты его течения» существует в двух подмножествах: «Время, его основные характеристики» и «Отрезки, периоды времени, соотносимые с каким-нибудь состоянием, событием, деятельностью, действием». В первом из них исходный смысл ‘время’ далее конкретизируется по признакам, организующим предконечные и конечные группировки словозначений; а) ход, течение времени (напр., *давность, длительность, продолжительность*), б) способы, системы исчисления времени (напр., *летосчисление, календарь, стиль*), в) виды сегментации и единицы исчисления времени (напр., *интервал, момент, период; век, год, месяц, день, час*). Второе из названных выше подмножеств – «Отрезки, периоды времени, соотносимые с каким-нибудь состоянием, событием, деятельностью, действием» – включает такие единицы, которые, наряду со смыслом ‘время’ заключают в своём значении либо обобщённое указание на социальные или физические явления, соотносимые с определённым временным периодом (напр., *будущее, настоящее, прошлое /человечества/, времена, годы /юности/, полоса, сезон /дождей/*), либо конкретную характеристику такого явления, состояния (например, *сеанс, антракт, отпуск, стаж; рассвет, закат; зима, весна, лето; молодость, старость; неолит, палеолит*). Соотношение этих элементов значения в слове определяет собою последующее членение данного подмножества.

Таким образом, у поисковых систем Интернета имеются свои алгоритмы поиска и выдачи информации, которые разработаны на основе компьютерной семантики. Для управления и использования гибкого поиска

в языке поисковых запросов используются, так называемые, операторы – это символы и команды, позволяющие настраивать условия поиска запроса. Сам язык запросов максимально упрощён, чтобы любой пользователь мог с ним справиться и выбрать необходимый для его случая оператор. Подробнее язык запросов и значения операторов можно изучить, задав поиск в браузере поисковой системы. Важной особенностью операторов является возможность их комбинирования. За счёт комбинаций операторов можно выстроить сложные запросы. Например, оператор «» фиксирует порядок слов и слова идут именно в этом порядке: «пламень и лёд». В результате запрос выдает 8,660 результатов, в которых именно такой порядок следования компонентов. Комбинирование операторов позволяет максимально гибко настроить поиск.

Вхождение ключевого слова – это органично вписанный в текст поисковый запрос. Вхождения ключевых слов в текст бывают прямые и разбавленные. К первому типу относятся фразы, вписанные в текст как есть, без изменений, а ко второму – все остальные. Прямые и точные вхождения ключевых слов встречаются не так часто, потому что оставить все словоформы без изменений почти никогда не получается. Чаще всего они выступают текстом анкора для ссылок, используются в контекстной рекламе или в метатегах. Разбавочные вхождения ключевых слов – это вхождения, в которых фразы изменяются разнообразным способом, например, введение дополнительных слов, изменение словоформы, порядка слов. Ключевой запрос: «семантический словарь» выдаёт следующие разбавочные вхождения: «Русский семантический словарь», «семантические словари», «семантический словарь русского языка», «семантические и понятийные словари русского языка» и прочее. Выделяют семь видов вхождения ключей: прямое, разбавленное, морфологическое, прямое вхождение с разбавлением знаками препинания, ключи с ошибками, вхождение на англоязычной раскладке, обратные вхождения[1]. По логике роботов-поисковиков формальное прямое вхождение на 100% соответствуют пользовательскому запросу, а значит и вся страница релевантнее. Стоит отметить, что для поисковых роботов разница между прямым и разбавочным вхождением ключевого слова не очевидна. Слова в ключевых фразах могут быть заменены синонимами, роботы-поисковики также учитывают эти вхождения.

Таким образом, частота вхождений в поисковой системе отражает релевантность сайта запросу пользователя. Чем точнее сформулирован запрос, тем точнее получается результат поиска. Другими словами, представление информации по результатам запроса будет отражать некий аспект общей системы знаний через призму компьютерной семантики. Компьютерная семантика является элементом интеллектной системы и косвенным образом коррелирует с интеллектуальной системой индивида. Соответственно, результаты исследования семантических явлений через призму интеллектной системы дают возможность опосредованно исследовать семантику интеллектуальной системы человека.

[1] Подробнее об этом см. http://kopiraitery.ru/seo-kopirajting/7-vidov-vxozhdeniya-klyuchej.htm

2.1. Сравнение результатов запросов в НКРЯ и Google при изменении комбинаторики фразы

Для обоснованности использования поисковой системы в когнитивных исследованиях мы обращаемся к механизмам репрезентации действительности в языке посредством биноминальных конструкций, хотя для этих целей могут быть использованы и другие языковые структуры, например, атрибутивные конструкции (см., напр., работу О. А. Сулеймановой и И. М. Петровой [Сулейманова, Петрова, 2018].

Биноминальные конструкции представляют собой парные образования существительных, объединённых либо антонимическими отношениями, например, *добро и зло*, либо синонимическими *тепло и свет* и тому подобные. Исследование комбинаторики такой фразы или порядка организации подобной синтаксической структуры можно рассматривать как способ указания на распределение значимой для говорящего информации во фразе, то есть актуализации того элемента высказывания, который выступает ведущим в данной паре. Соответственно, изменение этого порядка отражает изменение в ментальной модели репрезентации этих компонентов информации, что сопряжено с индивидуальной интерпретацией данных элементов фразы. Так, если мы говорим *свет и тьма, добро и зло*, то очевидно, что в такой репрезентации понятий первый компонент играет ведущую роль в данной дуальной паре. Изменение комбинаторики фразы на *тьма и свет* демонстрирует смещение акцента и актуализацию понятия *тьма* в прагматическом аспекте фразы [Петрова 2018, 2019].

Рассмотрим потенциал Google для когнитивного исследования на примере предоставления эмпирических данных при изучения данного вопроса более подробно. Для этой цели сравним результаты поисковых запросов в НКРЯ и Google на предмет потенциальных возможностей для изучения комбинаторики биноминальных фраз. Возьмём некоторые базовые понятия, выраженные биноминальной фразой, и произведём изменение комбинаторики этой фразы, например, *мужчина и женщина* (1) и *женщина и мужчина* (2); *свет и тьма* (3) и *тьма и свет* (4). В рамках данного эксперимента формирование поискового запроса в Google строилось с помощью двух операторов: (1) фиксирующего порядок слов [] и (2) отмечающего порядок слов «». Для проведения этого эксперимента мы не использовали фильтры расширенного поиска намеренно, поскольку на данном этапе основанная задача, стоящая перед нами, состояла в установлении репрезентативности и релевантности отобранного материала в контексте корпусного подхода.

Как видно из представленной таблицы (табл. 1), количество вхождений, определённых оператором «», устанавливающим точный порядок слов, ниже, чем оператором, фиксирующим порядок слов. Это говорит в пользу того, что запрос, оформленный оператором «» представляет релевантную по структуре фразы информацию. Поскольку вхождения фразы могут быть прямыми и разбавочными, приведём примеры такого представления информации.

Т а б л и ц а 1. **Результаты поискового запроса в Google, оформленного операторами [] и «»**

Русский вариант фразы			
Оператор []	Число вхождений	Оператор «»	Число вхождений
(1) [мужчина и женщина]	121,000,000	(1) «мужчина и женщина»	6,950,000
(2) [женщина и мужчина]	114,000,000	(2) «женщина и мужчина»	694,000
(3) [свет и тьма]	4,710,000	(3) «свет и тьма»	404,000
(4) [тьма и свет]	4,920,000	(4) «тьма и свет»	128,000
Английский вариант фразы			
Оператор []	Число вхождений	Оператор «»	Число вхождений
(1) [man and woman]	21,020,000,000	(1) “man and woman”	41,700,000
(2) [woman and man]	3,250,000,000	(2) “woman and man”	9,340,000
(3) [light and darkness]	891,000,000	(3) “light and darkness”	8,140,000
(4) [darkness and light]	876,000,000	(4) “darkness and light”	6,840,000

Примечание к таблице 1 : Дата обращения 18.11.2018.

1. Примеры прямого вхождения фразы:

– ***Мужчина и женщина****: в чем отличия* (http://russian7.ru/post/7-razlichijj-mezhdu-muzhchinami-i-zhenshhinami/);

– ***Женщина и мужчина*** *– отношения сквозь века* (https://foma.ru/zhenshhina-i-muzhchina-otnosheniya-skvoz-veka.html);

– *The creation and separation of light and dark comes up in the myths of creation or cosmogony—from kosmos, meaning “order,” and genesis, meaning “birth.”* (https://www.psychologytoday.com/us/blog/myth-the-mind/201805/myths-light-and-dark)

Данные примеры содержат заданные формы биномов. В основном они были получены в результате использования оператора «».

2. Примеры разбавочного вхождения фразы:

– ***A Man And A Woman*** by U2 *song meaning, lyric interpretation, video and chart position*. (https://www.songfacts.com/facts/u2/a-man-and-a-woman). – В данной фразе введён артикль «а».

– *Jun 5, 2018 – Showrunner Joe Pokaski and director Gina Prince-Bythewood weigh in on* ***the darkness and light*** *parallels of Freeform’s new show* (https://www.tvguide.com/news/cloak-dagger-preview-behind-darkness-light-metaphors/). В этом примере имеет место введение новых элементов в результате запроса, в частности артикль *the* и слово *parallels*, которые дополняют структуру.

Приведённые примеры по большей части представляют собой тексты, выполняющие номинативную функцию. Очевидно, что выданные поисковым роботом данные гораздо разнообразнее. Мы представили указанные примеры исходя из их относительной краткости и возможности продемонстрировать сохранение порядка следования компонентов биномов. В результате анализа экспериментального материала мы пришли к выводу, что оператор «» представляет более точную выборку материала, поскольку процент разбавочных вхождений фраз в этом случае ниже.

Проанализируем полученные данные на предмет процентного соотношения количества фраз (1) *мужчина и женщина* и (3) *тьма и свет*, которые показывают максимальное число вхождений в поисковую систему и представляют собой традиционный порядок следования данных биномов, с фразами (2) *женщина и мужчина* и (4) *тьма и свет*. Для анализа используем данные, полученные с помощью оператора «», который продемонстрировал более релевантную выборку материала (см. табл. 2).

Таблица 2. **Число вхождений фраз в Google, отобранных с помощью оператора «»**

Фраза	Русский язык	Английский язык
(1) мужчина и женщина / man and woman	6,950,000	41,700,000
(2) женщина и мужчина / woman and man	694,000	9,340,000
(3) свет и тьма / light and darkness	404,000	8,140,000
(4) тьма и свет / darkness and light	128,000	6,840,000

Примечание к таблице 2 : Дата обращения 18.11.2018.

Расчёт процентного соотношения производился нами на основании пропорции, в которой количество вхождений фраз (1) и (3) приравнивалось к 100%. Цель проведения данных расчётов – установить сколько процентов составляют инвертированные фразы от объёма традиционных фраз. Данный процент наглядно демонстрирует частотность употребления инвертированной фразы пользователями интернета в конкретный временной период. В итоге были получены результаты, представленные в таблице 3.

Таблица 3. **Процентное соотношение числа вхождений фраз в Google**

Соотносимые фразы	Русский язык	Английский язык
(1) мужчина и женщина /man and woman (2) женщина и мужчина / woman and man	9,98%	22,39%
(3) свет и тьма / light and darkness (4) тьма и свет / darkness and light	31, 68%	84,02%

Как видно из полученных данных, для англоязычных пользователей процент инвертированной фразы (2) *женщина и мужчина* / *woman and man* на порядок выше, чем для русскоязычных пользователей. Это может свидетельствовать о том, что значение компонента бинома *женщина* в репрезентации действительности в англоязычной среде Интернета выше по сравнению с русским языком.

Соотношение фраз (3) *свет и тьма / light and darkness* и (4) *тьма и свет / darkness and light* показывает достаточно высокую частотность инвертированных фраз в обоих языках, но в английском языке мы наблюдаем очень высокий показатель – 84%. Это означает, что компоненты, составляющие этот бином, не представляют существенной разницы для англоязычной среды Интернета, в то время, как для русскоязычной среды эта разница существенна.

Таким образом, проведённый эксперимент демонстрирует возможности поисковой системы Google при исследовании вопросов отражения реальной действительности в языке посредством статистических данных. Разумеется, подобный подход не заменяет других методов лингвистического исследования, но, безусловно, обогащает наше представление о языковой реальности.

Теперь рассмотрим, как представлен результат исследования комбинаторики фразы с помощью НКРЯ[2]. Поиск по НКРЯ строится по принципу поиска точных форм.

Т а б л и ц а 4. **Результаты поискового запроса (НКРЯ)**

Фраза	Число вхождений
(1) мужчина и женщина	447 (363 документа)
(2) женщина и мужчина	2 (1 документ)
(3) свет и тьма	54 (36 документов)
(4) тьма и свет	19 (14 документов)

Примечание к таблице 4 : Дата обращения 28.11.2018.

Согласно этим результатам, процентное соотношение фраз (1) мужчина и женщина и (2) женщина и мужчина составляет 0,4%, а фраз (3) свет и тьма и (4) тьма и свет соответственно 35,1%. Можно отметить, что трудно обнаружить корреляцию в соотношениях фраз (1) и (2) между данными НКРЯ и Google, поскольку мы имеем 0,4% в НКРЯ и практически 10% в Google. Корреляция соотношения фраз (3) и (4) выглядит следующим образом: 35,1% в НКРЯ и 31,68% в Google, что достаточно близко. Из этого

[2] Для сравнения, в «Библиотеке лексикографа» (которая, к сожалению, носит принципиально оффлайновый характер) А. А. Бурыкина [Бурыкин, 2015] это соотношение выглядит следующим образом: (1) «мужчина и женщина» – 19530 документов; (2) «женщина и мужчина» – 4177 документов; (3) «свет и тьма» – 1298 документов; (4) «тьма и свет» – 428 документов. Эти цифры также демонстрируют значительно более высокую частотность первой биноминальной фразы по сравнению со второй и третьей по сравнению с четвёртой.

следует, что, хотя объём анализируемого материала в НКРЯ несопоставимо меньше, чем в Google, определённая корреляция между данными прослеживается, что свидетельствует об их релевантности.

Приведём несколько примеров из НКРЯ по результатам поискового запроса, чтобы получить представление о том, какого рода языковой материал подвергался обработке.

Пример к фразе (1) *мужчина и женщина*:

В этот самый момент к нашему столу подошли двое, ***мужчина и женщина****, и уселись на свободные места* [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья. М., 1985].

Пример к фразе (2) *женщина и мужчина*:

Вдруг трое – ***мужчина, женщина****, старик, только что спокойно с ним разговаривавшие, – кто что-то объясняет, кто советы дает, как пройти, – увидели хлеб и как-то дернулись, словно бы бросились мгновенно и тут же сдержались* [Татьяна Толстая. Сомнамбула в тумане. М., 1989].

Пример к фразе (3) *свет и тьма*:

Свет и тьма *в едином, в Огне – это и есть Макиавелли* [Юрий Азаров. Подозреваемый. М., 2002].

Пример к фразе (4) *тьма и свет*:

Поэтому мне кажется, в каждом из нас есть ***тьма и свет****, просто не всегда у нас в жизни есть возможность воспитать в себе хорошее* [Юлия Идлис. Красота – это мы, люди // «Русский репортер». № 22 (200), 9 июня 2011].

Анализ приведённых примеров показывает, что языковой материал НКРЯ нуждается в тщательном анализе, поскольку, хотя запрос и выдал 1 документ с фразой (2) *женщина и мужчина*, фактически, в представленном примере порядок следования компонентов бинома был другим (см. выше пример к фразе 2). Тем не менее, и в Google, и в НКРЯ имеет место статистическое отражение изменённой комбинаторики фразы, в частности, количество вхождений фраз (2) *женщина и мужчина* и (4) *тьма и свет* значительно ниже по показателям обоих баз данных. Количество примеров, представленных Google, гораздо больше, чем в НКРЯ.

В результате проведённого исследования можно отметить ряд особенностей рассматриваемых корпусных систем обработки языковых данных, которые мы представляем в таблице 5.

Таким образом, поставленная перед нами задача относительно установления правомерности использования Google данных в качестве аналога корпусной базы данных представляется решённой. Очевидно, что в проведённом эксперименте релевантность примеров относительно комбинаторики фразы требует внимательного рассмотрения, поскольку в поисковой системе может иметь место разбавочное вхождение, а в НКРЯ, например, изменение синтаксической организации фразы. Однако применение опции расширенного поиска в Google открывает перед нами возможность получения данных, ограниченных рядом параметров, например, точной структурой фразы, типом текста, страной употребления и так далее.

Т а б л и ц а 5. **Сравнение НКРЯ и Google в контексте лингвистических исследований**

Особенности системы	НКРЯ	Google
Объём текстового материала	Ограничен в объёме и временных параметрах	Неограничен
Широта диапазона рассматриваемого текстового материала	Ограничена определёнными текстовыми жанрами и требованиями репрезентативности	Неограниченная, позволяющая обнаружить материалы различных типов и жанров
Лингвистическая обработка текстового материала	Имеет место непосредственная обработка с выделением различных лингвистических аспектов	Имеет место семантическая обработка поисковой системой в процессе подготовки информации к регистрации в сети
Возможность отбора данных, отвечающих определённым критериям	Имеется возможность поиска с учетом лексико-грамматических, морфологических особенностей фразы	Функция расширенного поиска позволяет более точно подобрать материал, отвечающий определённым запросам

Полученные результаты могут служить материалом для дальнейшего более подробного изучения вопросов комбинаторики и вариативности фразы в когнитивном ключе.

Необходимо отметить, что данная поисковая система предоставляет возможность решать задачи не только относительно биноминальных конструкций, но и других синтаксических структур, например, атрибутивных групп, типа *большой красивый дом* / *красивый большой дом*. Анализ статистических данных вариативности подобных фраз в контексте теории классов позволяет делать важные выводы об изменении когнитивного фокуса высказывания. Кроме того, инструментарий Google представляется полезным и при проведении лингвистических экспериментов, например, на вариативность предикаций, выраженных фразами с фазовыми глагольными биномами такими, как *решил начать учиться* / *учиться решил начать*. Анализ вариативности таких структур даёт возможность внимательно рассмотреть механизм распределения информации в когнитивном поле через призму категорий Интенция – Фаза – Действие. Таким образом, спектр задач с использованием рассматриваемого экспериментального инструментария может быть достаточно широким.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что язык запросов Google не поднимается на более высокий уровень абстракции. Это не позволяет работать с частями речи, синтаксическими единицами, модальностями и тому подобными вещами, а только с конкретными лексемами (и ограниченно – с формами этих лексем: числами, падежами, родами и т. п.; а также ограниченно – с опечатками и синонимами (благодаря специаль-

ной системе синонимов, работа над которой велась разработчиками Google 5 лет)). Это означает, что исследователи, использующие Google и другие поисковые системы в сети Интернет, не должны питать иллюзий относительно их аналитических возможностей на уровне языковых абстракций. Эффективное планирование поисковых запросов, систематизация полученных данных и их анализ по-прежнему остаются на плечах лингвистов. Однако грамотное использование сети с ясным пониманием её ограниченности, несомненно, поможет нарастить объёмы данных, что, в сочетании с традиционными методами лингвистического анализа, сделает исследование более объективным и достоверным.

3. Заключение

Проведённое исследование показывает, что статистические данные, полученные на основе корпусов текстов и поисковых систем, могут выступать в качестве материала исследования при изучение когнитивных аспектов языковой действительности. В ходе когнитивных исследований языка с помощью корпусных баз данных важным представляется правильность формулировки исследовательской задачи, позволяющая интерпретировать полученные данные в контексте заданного подхода. Объёмный статистический материал может служить основой для верификации выдвигаемых гипотез. Поисковая система Google может выступать в качестве аналога корпуса текстов при исследовании тех языковых явлений, которые находят отражение в статистических результатах. Данный инструментарий особенно эффективен при изучении комбинаторики и вариативности фразы, поскольку позволяет собрать достаточный по объёму и разнообразию эмпирический материал, который не всегда доступен традиционным корпусам.

Список литературы

1. Бурыкин, А. А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования [Текст] / А. А. Бурыкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 4. – С. 5–28.
2. Голубкова, Е. Е. Возможности использования корпусов в целях лингвистического исследования [Текст] / Е. Е. Голубкова. // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и дидактике / [отв. ред. Д. Н. Новиков]. – Т. 1. – М. : МГИМО–Университет, 2017. – С. 394–400.
3. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика : учебник [Текст] / В. П. Захаров, С. Ю. Богданов. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.
4. Квашина, О. С. Использование Google как системы поиска языковых данных в веб-корпусе: обучение англоязычной письменной речи [Текст] / О. С. Квашина, Ю. П. Ажель // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2017. – № 6. – С. 106–109.
5. Козлова, Н. В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология [Текст] / Н. В. Козлова // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Том 11. – Вып. 1. – С. 79–88.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : http://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 28.11.2018).
7. Манерко, Л. А. Методологические основы использования корпусных данных в исследованиях по когнитивной лингвистике [Текст] /Л. А. Манерко // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 70–78.
8. Мордовин, А. Ю. «Веб как корпус» или «корпус как веб»: новая реальность корпусной лингвистики [Текст] / А. Ю. Мордовин // Вестник МГЛУ. – 2015. – № 3 (714) : Языкознание и литературоведение. Когнитивные аспекты языка и речи. – С. 163–172.
9. Петрова, И. М. Когнитивный аспект комбинаторики сочинительных парных словосочетаний в английском и русском языках [Текст] / И. М. Петрова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2018. – № 9. – С. 151–156.
10. Петрова, И. М. Комбинаторика биноминальных конструкций как отражение процесса иконической репрезентации объектов действительности [Текст] / И. М. Петрова // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 621–625.
11. Рахилина, Е. В. Экспериментальная и корпусная лингвистика: рецензия на сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой «Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность» [Текст] / Е. В. Рахилина. / отв. ред. Т. Д. Шабанова. – М. : Флинта, 2016 // Вестник Моск. город. пед. ун-та. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2017. – № 3 (27). – С. 119–128.
12. Сулейманова, О. А. Использование BIGDATA в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола shudder [Текст] / О. А. Сулейманова, В. В. Демченко // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 466–472.
13. Сулейманова, О. А. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений [Текст] / О. А. Сулейманова, И. М. Петрова // Филология: научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 52–64.
14. Чумарина, Г. Р. Ресурсы и арсенал электронных корпусов в современной лексикографии [Текст] / Г. Р. Чумарина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3–1 (69). – С. 173–175.
15. Fischer, K. Quantitative Methods in Cognitive Semantics. Introduction to the volume [Text] / K. Fisher // Quantitative methods in cognitive semantics: corpus-driven approaches / D. Glynn, K. Fischer (eds). – Berlin / N.Y. : Walter de Gruyter, 2010. – P. 43–59.
16. Gatto, M. The Web as Corpus: Theory and practice [Text] / M. Gatto. – London, New York : Bloomsbury Academic. – 2014. – 256 p.
17. Geluso, J. Phraseology and frequency of occurrence on the web: native speakers' perceptions of Google–informed second language writing [Text] / J. Geluso // Computer Assisted Language Learning. – 2013. – № 26:2. – P. 144–157.
18. Panah, E. Google-informed pattern-hunting and pattern-defining: Implication for language pedagogy [Text] / E. Panah, M. Yunus, M. A. Embi // Asian Social Science. – 2013. – № 9 (3). – P. 229–238.

19. Tummers, J. Usage-based approaches in Cognitive Linguistics: A technical state of the art [Text] / J. Tummers, K. Heylen, D. Geeraerts // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. – 2005. – № 1(2). – P. 225–261.

References

1. Burykin, A. A. (2015). Elektronnyy resurs dlya issledovaniy v oblasti russkoy leksikologii i leksikografii «biblioteka leksikografa»: opyt raboty, perspektivy popolneniya, vozmozhnosti ispol [Electronic resource for studies in the field of Russian lexicology and lexicography «Lexicographer's library»: Experience, outlook for enlarging, possibilities of using]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (4), 5–28.
2. Golubkova, E. E. (2017). Vozmozhnosti ispol'zovaniya korpusov v celyah lingvisticheskogo issledovaniya [Corpora in linguistic research]. In D. N. Novikov, *Magiya INNO: novye izmereniya v lingvistike i didaktike* [The magic of INNO: New dimensions in linguistics and didactics] (Vol. 1, pp. 394–400). Moscow : MGIMO University Press.
3. Zaharov, V. P., Bogdanova, S. Yu. (2011). *Korpusnaya lingvistika: uchebnik* [Corpus linguistics: A coursebook]. Irkutsk : Irkutsk State Linguistic University.
4. Kvashina, O. S., Azhel', Yu. P. (2017). Ispol'zovanie Google kak sistemy poiska yazykovyh dannyh v veb-korpuse: obuchenie angloyazychnoy pis'mennoy rechi [Using Google as the system of search of language data in Web corpus: training in English writing pedagogy]. *Alma mater (Vestnik Vysshey Shkoly)* [Alma Mater (Higher School Herald)], 6, 106–109.
5. Kozlova, N. V. (2013). Lingvisticheskie korpusa: opredelenie osnovnyh ponyatij i tipologiya [Linguistic corpus: Typology and terms]. *NSU Vestnik.* Series : Linguistics and intercultural communication, 11(1), 79–88.
6. Russian National Corpus [Digital resource]. Retrieved November 28, 2018 from <http://ruscorpora.ru/>.
7. Manerko, L. A. (2018). Metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya korpusnyh dannyh v issledovaniyah po kognitivnoj lingvistike [Methodological foundations of corpus data usage in cognitive linguistics research]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 33, 70–78.
8. Mordovin, A. Yu. (2015). «Veb kak korpus» ili «korpus kak veb»: novaya real'nost' korpusnoj lingvistiki [«Web as corpus» or «corpus as web»: The new reality of corpus linguistics]. *Vestnik MGLU. Series : Yazykoznanie i literaturovedenie. Kognitivnye aspekty yazyka i rechi* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics and Literary Studies. Cognitive Aspects of Language and Speech], 3 (714), 163–172.
9. Petrova, I. M. (2018). Kognitivnyj aspekt kombinatoriki sochinitel'nyh parnyh slovosochetanij v anglijskom i russkom yazykah [Cognitive aspect of combinatorics of compositional paired phrases in English and Russian]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Modern science: actual problems of theory and practice], 9, 151–156.
10. Petrova, I. M. (2019). Kombinatorika binominal'nyh konstrukysiy kak otrazhenie protsessa ikonicheskoy reprezentatsii ob"ektov deystvitel'nosti [Combinatorics of

binomial phrases as a reflection of the process of iconic representation of objects of reality]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 37, 621–625.

11. Rahilina, E. V. (2017). Eksperimental'naya i korpusnaya lingvistika: retsenziya na sbornik statey k yubileyu O. A. Suleymanovoy «Kontensivnye aspekty yazyka: konstantnost' i variativnost'» [Experimental and corpus linguistics: Review of the collection of articles for the anniversary of O. A. Suleymanova «Content aspects of language: constancy and variability»]. *Vestnik Mosk. gorod. ped. un-ta. Ser: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [Vestnik of Moscow City University. Series : Philology. Theory of language. Language education], 3 (27), 119–128.
12. Souleimanova, O. A., Demchenko, V. V. (2018). Ispol'zovanie BIGDATA v eksperimental'nyh lingvokognitivnyh issledovaniyah: analiz semanticheskoj struktury glagola shudder [Using big data in experimental linguo-cognitive studies: Analysis of the semantic structure of the verb shudder]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 33, 466–472.
13. Souleimanova, O. A., Petrova, I. M. (2018). Eksplanatornyj potencial teorii klassov dlya lingvisticheskogo issledovaniya: poryadok sledovaniya opredelenij [Explanatory potential of the theory of classes for linguistic research: Word order in attributive group]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific researches], 3, 52–64.
14. Chumarina, G. R. (2017). Resursy i arsenal elektronnyh korpusov v sovremennoj leksikografii [Resources and arsenal of electronic corpora in contemporary lexicography]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 3–1 (69), 173–175.
15. Fischer, K. (2010). Quantitative Methods in Cognitive Semantics. Introduction to the volume. In D. Glynn, K. Fischer (Eds.), *Quantitative methods in cognitive semantics: corpus-driven approaches* (pp. 43–59). Berlin / N. Y. : Walter de Gruyter.
16. Gatto, M. (2014). *The Web as Corpus: Theory and practice*. London, New York : Bloomsbury Academic.
17. Geluso, J. (2013). Phraseology and frequency of occurrence on the web: native speakers' perceptions of Google-informed second language writing. *Computer Assisted Language Learning*, 26 (2), 144–157.
18. Panah, E., Yunus, M., Embi, M. A. (2013). Google-informed pattern-hunting and pattern-defining: Implication for language pedagogy. *Asian Social Science*, 9 (3), 229–238.
19. Tummers, J., Heylen, K., Geeraerts, D. (2005). Usage-based approaches in Cognitive Linguistics: A technical state of the art. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 1 (2), 225–261.

УДК 81'342.9
UDC 81'342.9

Пиотровская Лариса Александровна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Larisa A. Piotrovskaya
Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation
larisa11799@yandex.ru

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЭМОТИВНОЙ ФУНКЦИИ ИНТОНАЦИИ
DIFFERENTIATED APPROACH TO STUDYING THE EMOTIVE FUNCTION OF INTONATION

Аннотация
Цель исследования – с одной стороны, определить принципы отбора языкового материала для экспериментально-фонетических исследований, направленных на изучение интонационных средств выражения эмоций, с другой – на основе обобщения результатов собственного экспериментально-фонетического исследования, во-первых, определить место эмотивных типов интонации в интонационной системе русского языка, во-вторых, обосновать возможность разграничения трёх аспектов эмотивной функции интонации: коммуникативно-эмотивной, эмотивно-дифференцирующей и формообразующей. Автор обосновывает положение о том, что объектом соответствующих экспериментально-фонетических исследований должны быть эмотивные высказывания, представляющие собой самостоятельный коммуникативный тип, а не эмоционально окрашенные повествовательные, вопросительные или побудительные высказывания, и определяет принципы их разграничения. Детально представлен материал проведённого автором экспериментально-фонетического исследования интонации эмотивных высказываний (134 фрагмента текстов с эмотивными высказываниями 18 структурных типов в произнесении 11 дикторов, что позволило получить 1474 реализации, из которых на основе слухового анализа для аудиторского анализа были выделены 424 реализации, из них 406 реализаций стали объектом инструментального анализа). Особое внимание уделено описанию методики проведения эксперимента, включившего шесть этапов. Наряду с выводом о трёх функциях эмотивной интонации сделаны и другие выводы: 1) эмотивные типы интонации, образующие особую подсистему, надо отличать от модальных реализаций интонационных типов, оформляющих эмоционально окрашенные повествовательные, вопросительные или побудительные высказывания; 2) корректная интерпретация результатов экспериментально-фонетического исследования возможна при условии независимого проведения инструментального и аудиторского анализа, в котором следует использовать метод «свободных инструкций».

Abstract
The current paper has several aims: on the one hand, it is meant to determine the principles for selecting language material for experimental phonetic research of prosodic means to

express emotions, on the other hand it applies the results of this study (i) to determine the place of emotive intonation patterns in the Russian intonation system, (ii) to provide enough ground for identifying 3 aspects of emotive function of intonation: communicative-emotive, emotive-differentiating and form-building. I argue that, first, the focus of the corresponding phonetic studies should be emotive utterances that present a separate utterance communicative type but not emotionally colored statements, interrogative or imperative sentences, and second, that there are definite principles to differentiate between them. The paper provides a detailed description of the experimental material used in this study of emotive utterances intonation including 134 text samples containing emotive utterances of 18 structural types pronounced by 11 native Russian speakers. These gave 1474 samples of emotive utterances from which 424 samples were selected based on the results of auditive analysis and perceptual study. From them, 406 samples were chosen for further acoustic study. A thorough description of the six-step method of study is also presented. In addition to the first finding about the 3 aspects of emotive function, other conclusions were made: 1) emotive intonation patterns form a separate sub-system and they should be differentiated from modal realizations of intonation patterns marking emotionally colored statements, interrogative or imperative sentences; 2) adequate interpretation of the results of the experimental phonetic research can only be possible under the condition of independent performance of an acoustic and perceptual studies, the latter with the preferable technique of "free instructions".

Ключевые слова: эмотивная интонация, эмотивные высказывания, эмоционально окрашенные высказывания, коммуникативный тип высказывания, выражение эмоций, коммуникативно-эмотивная функция, эмотивно-дифференцирующая функция, формообразующая функция.

Keywords: emotive intonation, emotive utterances, emotionally colored utterances, utterance communicative type, expression of emotions, communicative-emotive function, emotive-differentiating function, form-building function.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_143_163

1. Исходные положения

Корректная постановка вопроса о лингвистичности интонационных средств выражения эмоций требует прежде всего выработки строгих критериев отбора языкового материала.

Во-первых, следует различать интонационное выражение эмоций в тексте (первым монографическим исследованием в этой области была работа Э. А. Нушикян [Нушикян, 1986]; в последние годы интонационное выражение эмоций в устном тексте сочетается с описанием других способов кодирования эмоций [Киршинова, 2010]) и в минимальной коммуникативной единице, то есть в высказывании.

Во-вторых, принципиально важным считаем разграничение двух типов высказываний: с одной стороны, эмоционально окрашенных, с другой – высказываний, называемых нами эмотивными

[Пиотровская, 1994, с. 5–45]. Существенное различие между этими двумя классами высказываний состоит в следующем: в эмоционально окрашенных высказываниях выражение эмоций имеет статус дополнительной коммуникативной задачи (в соответствии с традиционной терминологией – статус «эмоциональной окраски»), тогда как в эмотивных высказываниях – статус доминирующей коммуникативной задачи. Эмоционально окрашенными (восклицательными) могут быть не только повествовательные высказывания, но также вопросительные и побудительные, например: повествовательное восклицательное высказывание *Мы не виделись целую вечность!*; вопросительное восклицательное высказывание *И после всего этого вы будете с ним разговаривать?!*; побудительное восклицательное высказывание *Помогите же хоть кто-нибудь!*. Примером эмотивных высказываний русского языка являются следующие: *Кто бы мог подумать!*; *А ещё друг называется!*; *Это я-то не знаю?*; *Тоже мне, герой!*; *До чего он любил свою жену!*; *Вот это сюрприз так сюрприз!*; *Ну и погода!*; *Какие роскошные цветы!*; *Он ещё и кофе попивает!*; *Что за конструктора в нашей стране!*; *Вот тебе и разогрела!*; *Неужели все сгорело?* и многие другие. Иначе говоря, эмотивные высказывания, в отличие от повествовательных, вопросительных и побудительных, в принципе нельзя характеризовать «по эмоциональной окраске».

Таким образом, корректная, с нашей точки зрения, «двухуровневая» классификация предложений по цели высказывания предстаёт следующим образом:

1) по цели высказывания различаются повествовательные, вопросительные, побудительные (и, возможно, оптативные) и эмотивные;

2) по эмоциональной окраске разграничиваются «невосклицательные» и «восклицательные» высказывания, однако по этому признаку классифицируются только повествовательные, вопросительные, побудительные (и, возможно, оптативные) высказывания.

В интонационном оформлении эмоционально окрашенных высказываний «переплетено» выражение и доминирующей коммуникативной задачи (сообщение, вопрос, побуждение), и определённой эмоции. Используя в качестве объекта изучения такие высказывания, фонетист должен «вырезать» те составляющие интонационного контура, которые коррелируют именно с выражением эмоций. Очевидно, что интонационное выражение эмоций в эмотивных высказываниях является более выразительным, чем в эмоционально окрашенных.

К сожалению, подавляющее большинство экспериментально-фонетических исследований, авторы которых ставили перед собой задачу описать интонационное выражение тех или иных эмоций в высказывании, базируются на внутренне неоднородном языковом материале, поскольку объектом изучения были как эмоционально окрашенные, так и эмотивные, в нашем понимании, высказывания. Это обусловлено тем, что интонологи стали «заложниками» традиционной классификации предложений по цели высказывания, представленной в грамматиках, в которых термин «восклицательные предложения» остается недифференцированным, так как в ил-

люстративном языковом материале представлены и повествовательные восклицательные, и эмотивные высказывания. Поэтому нельзя не согласиться с Ф. Данешем, подчеркнувшим в начале 80-х годов, что традиционная классификация предложений не является «надёжной и исчерпывающей» [Daneš, 1982, p. 93] Следствием этого является то, что результаты различных фонетических исследований оказываются трудно сопоставимыми.

Поскольку отбор языкового материала для экспериментально-фонетических исследований, посвящённых изучению интонационного выражения эмоций, является принципиально важным, назовём кратко критерии выделения эмотивных высказываний (эмотивных речевых актов), разработанные нами на основе теории речевых актов.

1. Эмотивные речевые акты содержат семантический компонент, отражающий их иллокутивную силу, – выражение, а не описание эмоций.

2. Эмотивные речевые акты характеризуются преобладанием эмоциональной оценки над рациональной (ср.: эмотивный речевой акт *Какой ты молодец!* и эмоционально окрашенный репрезентатив *Ты молодец!*), то есть в эмотивных высказываниях не сообщается о мнении говорящего. Доказательством этого является невозможность их употребления в качестве зависимой пропозиции при глаголе *считать*; ср.: *Ты молодец!* ⇨ *Я считаю, что ты молодец*; ср. неприемлемость трансформации *Какой ты молодец!* ⇨**Я считаю, что какой ты молодец* (см. также: [Wierzbicka, 1980, p. 330–339]).

3. Для описания иллокутивной силы эмотивных речевых актов можно использовать семантическое представление в виде предложения метаязыка, включающего в свой состав слова, называющие конкретную эмоцию, причину эмоции или объект эмоциональной оценки, а также указание на субъекта речи, например: *Что за манера звонить в девять утра!* – ‘Меня удивляет и возмущает привычка некоторых людей звонить в девять утра’. Данный способ семантического представления эмотивных высказываний позволяет не только определить конкретное речевое намерение говорящего, состоящее в выражении его эмоции, но и решить вопрос о том, относится ли высказывание к классу эмотивных.

Итак, обобщая сказанное выше, а также учитывая некоторые другие принципы изучения интонационного выражения эмоций, считаем целесообразным различать два понятия: «эмотивная интонация» и «эмоциональная просодия» [Piotrovskaya, 2003]. Эмоциональная просодия – это область выражения неконтролируемого, неосознаваемого общего эмоционального состояния субъекта речи; сфера функционирования эмоциональной просодии – текст. Эмотивная интонация – это область выражения тех эмоций, которые могут составлять эмотивный компонент значения различных языковых единиц. Сфера функционирования эмотивной интонации – высказывания, но не любые, а прежде всего эмотивные, то есть высказывания, реализующиеся как эмотивный речевой акт, доминирующей иллокутивной силой которого является выражение эмоций субъекта речи.

Чтобы корректно ответить на вопрос о лингвистичности интонационных средств выражения эмоций, надо трактовать выражение эмоций как

определённый тип значения языковых единиц, в нашем случае – коммуникативных. В этой связи базовым теоретическим положением считаем положение, сформулированное В. Б. Касевичем, о принципах изучения семантики: «…лингвистическая семантика, с нашей точки зрения, изучает значения, опосредованные знаками и, следовательно, априори не может обращаться к значениям универсальным, которые постулируются безотносительно к знакам, безотносительно к конкретным языкам» [Касевич, 2019, с. 13–14].

Поскольку эмотивные высказывания, построенные по определённым синтаксическим моделям конкретного языка, обладают типовым эмотивным / эмотивно-оценочным значением [Пиотровская, 1994, с. 64–73], интонационное оформление эмотивных высказываний должно обладать языковой спецификой, то есть системное описание эмотивных интонационных контуров эмотивных высказываний позволит также определить место эмотивных типов интонации в интонационной системе конкретного (в нашем случае – русского) языка. В то же время нельзя отрицать и тот факт, что языковой спецификой может обладать и интонационное выражение эмоций в эмоционально окрашенных повествовательных высказываниях, о чём свидетельствует анализ результатов восприятия таких высказываний русского языка носителями, например, английского языка [Блинова, 2001].

2. Место эмотивных типов интонации в интонационной системе языка

Общее описание интонационной системы языка, в данном случае – русского, ставит вопрос о том, существуют ли конвенциональные, то есть автоматизированные, в отличие от неавтоматизированных (на это впервые обратил внимание чешский лингвист [Romportl, 1951, s. 84]), эмотивные типы интонации. Чтобы ответить на этот вопрос, надо определить критерии выделения разных интонационных контуров (в терминологии Е. А. Брызгуновой – «интонационных конструкций»), а следовательно, критерии разграничения разных интонационных контуров и вариантов одного и того же интонационного контура. Поскольку эти проблемы были рассмотрены нами ранее [Пиотровская, 2002], сформулируем лишь основные положения.

Роль интонации в дифференциации различных коммуникативных типов высказываний признаётся большинством исследователей. Наиболее ярко исключительная роль интонации проявляется «при сравнении высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или высказываний с разным синтаксическим строением, но одинаковым звуковым составом словоформ» [Русская грамматика, 1980, с. 97]. Е. А. Брызгунова, автор раздела «Интонация» в «Русской грамматике», именно этот принцип положила в основу своей классификации интонационных конструкций русского языка, которые находятся в отношении привативной оппозиции, например: ИК-1 и ИК-3 (*Студенты вернулись.* –

Студенты вернулись?), ИК-2 и ИК-3 (*Выключите свет! – Выключите свет?*), ИК-2 и ИК-7 (*Какой там климат? – Какой там климат!*) и другие [Там же, с. 97–101]. В то же время терминологическое обозначение данной функции интонации варьирует: Е. А. Брызгунова определяет её как смыслоразличительную [Там же, с. 97], Н. Д. Светозарова – как «функцию оформления и противопоставления типов высказываний» [Светозарова, 1982, с. 20].

Следовательно, если одной из функций интонации является оформление и противопоставление высказываний разных коммуникативных типов, то квалификация эмотивных высказываний как самостоятельного коммуникативного типа предполагает квалификацию интонационных контуров, оформляющих эмотивные высказывания, как отличных от интонационных контуров, оформляющих высказывания других коммуникативных типов. Кроме того, принцип выделения интонационных конструкций, предложенный Е. А. Брызгуновой, можно проиллюстрировать, например, следующими высказываниями, находящимися в отношении привативной оппозиции: повествовательное высказывание vs эмотивное (*Вот дача. – Вот, дача!*), вопросительное высказывание vs эмотивное (*Какой долг? – Какой долг!*).

Как «модальные реализации» (термин Е. А. Брызгуновой) основных интонационных конструкций предлагаем квалифицировать интонационное оформление эмоционально окрашенных повествовательных, вопросительных или побудительных высказываний, поскольку они выражают общую эмоциональную окраску, осложняющую какую-либо другую коммуникативную задачу.

Таким образом, вопрос о существовании в интонационной системе языка особых эмотивных типов интонации требует теоретического обоснования. Признание самого факта существования самостоятельных эмотивных интонационных контуров (образующих особую подсистему), изоморфных выражению эмоций в статусе доминирующей коммуникативной задачи, основано на двух теоретических положениях: о смыслоразличительной функции интонации и о наличии эмотивных высказываний как самостоятельного коммуникативного типа, отличных от эмоционально окрашенных повествовательных, вопросительных или побудительных высказываний.

Следовательно, определению места эмотивных типов интонации в интонационной системе языка будет способствовать экспериментально-фонетическое исследование интонации эмотивных высказываний.

3. Экспериментальное исследование интонации эмотивных высказываний

3.1. Материал исследования

Ниже будут сформулированы основные выводы, сделанные на основе экспериментально-фонетического исследования **134 фрагментов текстов**, в которых были представлены **эмотивные высказывания 18 структурных типов** русского языка, с различными эмотивными / эмотивно-оценочными

компонентами значения (разграничение собственно-эмотивного и эмотивно-оценочного значения как типового значения эмотивных синтаксических моделей было обосновано нами ранее [Пиотровская, 1994, с. 53–64]):

а) высказывания, синтаксическая структура которых омонимична структуре высказываний других коммуникативных типов (в приводимом ниже списке это высказывания № 1–5);

б) высказывания, построенные по семантически неспециализированным синтаксическим моделям (так мы назвали модели, по которым могут создаваться высказывания с разными эмотивными / эмотивно-оценочными компонентами значения [Пиотровская, 1994, с. 64–73]; высказывания № 6–9);

в) высказывания, построенные по семантически специализированным синтаксическим моделям (так мы назвали модели, по которым могут создаваться высказывания с одним типом эмотивного / эмотивно-оценочного компонента значения; высказывания № 10–18):

1) высказывания, формально совпадающие с вопросом-переспросом, например: *Завтра?*;

2) высказывания с частицей *что / чего*, сходные по структуре с вопросительными, например: *Что же вы смотрите!*;

3) высказывания, построенные по модели «*какой* + существительное», представляющие собой ответную реплику в диалоге, например: *Какой долг!*;

4) клишированные высказывания с формами глагола *видеть*: *Видишь ты!*; *Видели его?*;

5) высказывания с типовым эмотивно-оценочным компонентом значения ‘выражение неодобрения, упрёка’, омонимичные обращению, например: *Костя!*;

6) высказывания, построенные по модели «*что* (+ *это*) + *за* + существительное в форме именительного падежа», например: *Что за погода!*;

7) высказывания, построенные по модели «*ну и* + существительное в форме именительного падежа», например: *Ну и пушка!*;

8) высказывания, построенные по модели «*вот* + существительное в форме именительного падежа / глагол в спрягаемой форме», например: *Вот глотка!*; *Вот, работают!*;

9) высказывания, построенные по модели «*вот* + *так* + существительное в форме именительного падежа / глагол в спрягаемой форме», например: *Вот так мальчик!*; *Вот так придумал!*;

10) высказывания с маркёром эмотивности *что* (*же*) (маркёром эмотивности мы называем такие компоненты эмотивных высказываний, изъятие которых не приводит к образованию грамматически неправильного высказывания, однако принципиально меняет его коммуникативную характеристику; ср.: Вы незнакомы? vs *Вы что – незнакомы?* [Пиотровская, 1993], например: *Что же мне – не спать из-за тебя?*; *Вы что – ненормальная?*;

11) высказывания, построенные по модели «*вот* (+ *тебе*) + *и* + существительное в форме именительного падежа / глагол в форме прошедшего времени», например: *Вот тебе и Савва!*; *Вот тебе и разогрела!*;

12) высказывания с маркёром эмотивности *как*, представляющие собой ответную реплику в диалоге, например: *Как это улетать?*;

13) высказывания, структурообразующими компонентами которых являются частица *как* и слово *можно* / глагол *мочь* в спрягаемой форме, например: *Как можно воевать?*; *Как ты можешь говорить такое?*;

14) высказывания, построенные по модели «*а* + *ещё* (+ прилагательное) + существительное в форме именительного падежа (+ *называется*) / глагол в спрягаемой форме», например: *А ещё друг называется!*; *А ещё в институт поступать собрался!*;

15) высказывания с типовым значением ‘эмоциональное отрицание’, например: *Много ты понимаешь!*; *Заснёшь тут с вами!* (этот подкласс эмотивных высказываний привлекает особое внимание интонологов; см. одно из последних исследований на эту тему [Архипецкая, 2012]);

16) высказывания с типовым значением ‘ироническая оценка’, например: *Мудрецы!*; *Нашли время!* (как правило, эти высказывания объединяются в более широкий класс высказываний со значением ‘эмоциональное отрицание’);

17) высказывания с типовым значением ‘ироническая оценка’, представляющие собой реплики-повторы, например: *Мужа ей!*;

18) клишированное высказывание *Ну, знаешь!*

Таким образом, были выбраны эмотивные высказывания, доминирующим компонентом значения которых было выражение различных типов эмоционального состояния и эмоционального отношения: удивления (недоумения, изумления), неприятного удивления, радостного удивления, восхищения (умиления), неодобрения (упрёка, укора, порицания, возмущения), пренебрежения (презрения, уничижения), недовольства (раздражения, злости, негодования), досады, обиды, разочарования, иронии, эмоционального возражения, эмоционального отрицания. Каждое эмотивное / эмотивно-оценочное значение было представлено несколькими высказываниями одного структурного типа. Каждое эмотивное высказывание было включено в широкий контекст.

3.2. Методика проведения эксперимента

Весь эксперимент был осуществлен на базе Лаборатории экспериментальной фонетики Санкт-Петербургского государственного университета.

В первом этапе эксперимента, запись фрагментов текстов, содержащих эмотивные высказывания, участвовало **11 дикторов** (5 мужчин и 6 женщин) в возрасте от 22 до 45 лет. Для предварительного ознакомления языковой материал был дан дикторам за несколько дней. После эмотивного высказывания особым графическим способом была названа соответствующая эмоция. В то же время дикторам была предоставлена возможность, во-первых, иной трактовки содержания эмотивного высказывания; во-вторых, записи разных вариантов интонационного оформления одного и того же высказывания; в-третьих, повторной записи, если первую запись сам диктор считал неудачной.

На втором этапе эксперимента с помощью специальной программы эмотивные высказывания были выделены из контекста и записаны отдельно. Исключены были лишь высказывания, которые не были оформлены как самостоятельная фраза.

Третий этап эксперимента представлял собой контрольный слуховой анализ **1474 реализаций** с целью объединить сходные реализации одних и тех же эмотивных высказываний в произнесении разных дикторов в одну группу. Основанием для этого было, с одной стороны, сходство эмотивного / эмотивного-оценочного компонента значения, с другой – сходство разных составляющих интонационного контура: мелодического, динамического, временного и тембрального. Для последующего исследования из каждой группы было выбрано по одной реализации в произнесении диктора-мужчины и диктора-женщины. В корпус основного экспериментального материала были включены также оригинальные реализации в произнесении лишь одного диктора, а также все варианты реализации одного высказывания в произнесении одного и того же диктора, квалификация которых вызвала у нас затруднения (например, с точки зрения естественности интонации, степени её выразительности и подобное).

Для проведения аудиторского анализа всего было отобрано и записано на отдельную магнитную ленту **424 реализации**.

Четвёртый этап исследования представлял собой аудиторский анализ, в котором участвовало **15 испытуемых** в возрасте от 20 до 50 лет, в том числе 5 экспертов. На этом этапе исследования были поставлены две задачи: 1) определить роль интонации в дифференциации конкретных эмотивных / эмотивно-оценочных значений эмотивных высказываний, воспринимаемых вне контекста, ситуации и жестово-мимического сопровождения; 2) выявить влияние лексического значения слов на определение типового значения высказывания.

Каждое высказывание предъявлялось аудиторам три раза с интервалом 10 секунд; в отдельных случаях, по просьбе аудиторов, некоторые высказывания повторялись дополнительно.

Аудиторам была предложения инструкция, содержавшая 3 вопроса:

1) является ли интонация высказывания естественной; отрицательный ответ на первый исключал ответы на остальные вопросы, но аудитор мог написать, почему он считает данное интонационное оформление неестественным или неудачным (такие комментарии позволили получить «отрицательный языковой материал»);

2) выражает ли данная интонация эмоции;

3) какие эмоции говорящий хотел выразить (а не эмоции, которые говорящий хотел вызвать у слушающего).

Дополнительно аудиторам предлагалось отметить (с помощью восклицательного знака) наиболее удачные, с их точки зрения, реализации. При анализе высказываний, совпадающих по форме с повествовательными, вопросительными или обращением, аудиторам дополнительно предлагалось ответить на вопрос, сохраняется ли в содержании высказывания значение сообщения, вопроса или обращения.

Учитывая трудности в выборе соответствующего слова-наименования эмоции, для определения типа эмоции, выраженной говорящим, аудиторам были предложены на выбор два типа инструкций: «жёсткая» и «свободная». «Жёсткая» инструкция позволяет получить результаты, однозначно интерпретируемые, однако «наблюдения в условиях “свободных” инструкций могут помочь выявить устройство субъективной картины мира (картины мира для субъекта), отражающей в себе и его (субъекта) личностно-манипулятивные особенности» [Артемьева, 2007, с. 3].

«Жёсткая» инструкция представляла собой список из 25 слов, называющих эмоции: удивление, недоумение, изумление, неприятное удивление, радостное удивление, восхищение, неодобрение, упрёк, возмущение, недовольство, раздражение, злость, негодование, пренебрежение, презрение, высокомерие, досада, обида, разочарование, ирония, злорадство, издёвка, ехидство, эмоциональное возражение, эмоциональное отрицание. В то же время аудиторы могли дополнять этот список по своему усмотрению. Особое внимание было обращено на возможное выражение сложной эмоции; в этом случае аудиторам предлагалось либо назвать оба типа эмоции, например: «удивление + разочарование», либо, в случае затруднения исчерпывающе охарактеризовать сложную эмоцию, назвать один тип эмоции, но при этом отметить сложный характер значения (удивление +…).

«Свободная» инструкция позволяла аудиторам определить характер выраженной в высказывании эмоции двумя другими способами, если они затруднялись выбрать адекватное однословное название эмоции:

1) привести другое высказывание, в котором, по мнению аудитора, выражаются такие же эмоции; приведём примеры таких ответов: *Костя!* ⇨ *Как ты можешь говорить такое!*; *Вот тебе и Савва!* ⇨ *Кто бы мог подумать!*;

2) охарактеризовать эмоции говорящего любым описательным способом; примеры таких ответов: *Ну и баба!* ⇨ *Красивая баба, но мне такие не нравятся*; *Какой долг?!* ⇨ *С чего ты взял, что я тебе что-то должен?* и другие.

Пятый этап экспериментального исследования состоял в обработке протоколов аудиторского анализа. При обобщении разных ответов мы учитывали положение о зонном характере восприятия эмотивной интонации, находящемся в прямой зависимости от зонного характера выражения эмоций в акустических характеристиках [Витт, 1965].

В подавляющем большинстве случаев аудиторы определяли эмотивное / эмотивно-оценочное значение предъявленных эмотивных высказываний соответствующим наименованием эмоции.

Квалифицируя ответы, сформулированные в соответствии со «свободной инструкцией», мы осознавали необходимость «анализа с помощью адекватных теоретических и методических средств» [Артемьева, 2007, с. 3].

При оценке ответов, представляющих собой синонимичное эмотивное высказывание, мы основывались на критериях синонимичности эмотивных высказываний [Пиотровская, 1994, с. 95–107]; например, ответ *Подумаешь!* на высказывание *Талант!* мы квалифицировали как синони-

мичный способ выражения эмоционального отношения пренебрежения; ответ *Странно!* на высказывание *Вот так история!* – как синонимичный способ выражения удивления (недоумения); ответ *Нашлась тут принцесса!* на высказывание *Больно ты мне нужна!* – как синонимичный способ выражения пренебрежения.

Оценка описательных ответов осуществлялась на основе метода компонентного анализа содержания эмотивных высказываний [Пиотровская, 1994, с. 73–86], например: ответ *Это переходит все границы!* на высказывание *Ну, знаешь!* рассматривался нами как описание логизированных компонентов значения ‘категорическое несогласие с мнением собеседника’ и ‘противоречие представлениям говорящего о норме’, на основании чего эмотивно-оценочный компонент значения был определён как ‘выражение возмущения’; ответ *А я-то думал…* на высказывание *Вот так мальчик!* квалифицировался нами как описательный способ характеристики логизированных компонентов значения ‘несоответствие прогнозам говорящего’ и ‘противопоставление’, что соответствует эмотивно-оценочному компоненту значения ‘выражение неодобрения в сочетании с разочарованием’.

Очевидно, что интерпретация результатов, полученных с помощью метода «свободных» инструкций, несравнимо сложнее и требует широкой теоретической базы исследования выбранного объекта изучения. Кроме того, в этом случае от исследователя требуется тонкий семантический анализ, результатом которого будет однословное наименование эмоции (детальное описание процедуры обработки результатов аудиторского анализа заслуживает того, чтобы быть предметом отдельной статьи).

На основе аудиторского анализа из дальнейшего (инструментального) исследования были исключены те реализации, которые были оценены как неудачные или неестественные не менее чем двумя аудиторами-экспертами или тремя остальными аудиторами. Общее количество таких реализаций составило 18.

Шестой этап исследования представлял собой инструментальный анализ **406 эмотивных высказываний** с учётом максимально широкого перечня параметров, наиболее часто учитываемых в экспериментально-фонетических исследованиях:

– частотный диапазон: средний, низкий, высокий;

– направление частотного интервала: восходящий, нисходящий и ровный тон;

– сочетание частотных интервалов в пределах одного речевого сигнала, определяемое обычно через понятие «изрезанность» мелодического контура;

– крутизна частотного интервала: постепенное, плавное, резкое повышение / понижение тона;

– величина частотного диапазона;

– локализация частотного максимума и минимума;

– общая характеристика динамического контура через понятие фразового ударения: обычное, ослабленное, сильное, эмфатическое [Светозарова, 1982, с. 165 и сл.];

– изменение динамического контура во времени: увеличение, уменьшение, ровный уровень;

– локализация динамического максимума и минимума;

– количество усилений амплитуды колебаний, то есть «изрезанность» динамического контура;

– характеристика временного контура с точки зрения общего темпа и длительности отдельных отрезков речевого сигнала;

– особенности произношения согласных (например, аспирация, вокализация) и гласных звуков (например, делабиализация гласных [о] и [у] (на основе слухового анализа);

– тембральная окраска: нейтральный, жёсткий, скрипучий, мягкий, придыхательный, дрожащий тембр [Кодзасов, 1977, с. 180] (на основе слухового анализа).

В целях получения предельно объективных данных о соотношении между интонационными параметрами, выявленными на основе анализа акустических признаков эмотивных интонационных контуров, и значимостью этих признаков для носителей языка обработка данных инструментального и аудиторского анализа проводилась независимо друг от друга. Затем при интерпретации полученные результаты сопоставлялись.

Детальный анализ результатов экспериментально-фонетического исследования интонации эмотивных высказываний позволил нам дифференцированно охарактеризовать эмотивную функцию интонации в трёх аспектах:

1) коммуникативно-эмотивная функция – эмотивная интонация способна выполнять функцию противопоставления эмотивных высказываний как самостоятельного коммуникативного типа высказываниям других коммуникативных типов (повествовательным, вопросительным, побудительным);

2) эмотивно-дифференцирующая функция – эмотивная интонация способна дифференцировать разные типы эмотивного / эмотивно-оценочного значения эмотивных высказываний;

3) формообразующая функция – оформление эмотивных высказыванием соответствующим эмотивным типом интонации является обязательным условием адекватного понимания слушающим типа эмоции, выраженной говорящим.

Прокомментируем кратко выделенные нами функции.

4. Коммуникативно-эмотивная функция интонации

Основанием для выделения коммуникативно-эмотивной функции интонации послужило обобщение данных, полученных на основе анализа интонации эмотивных высказываний, омонимичных по структуре высказываниям других коммуникативных типов (см. раздел 3.1, типы эмотивных высказываний № 1–5); подробное сравнение интонации эмотивных и эмоционально окрашенных вопросительных высказываний было дано нами ранее [Пиотровская, 2000].

Подчеркнём, что характеристика высказываний в коммуникативном аспекте основывается на результатах аудиторского анализа. Учёт, с одной стороны, различий между вопросами разных типов, с другой – анализ полу-

ченных нами экспериментальных данных позволил нам выделить несколько разных видов оппозиции омонимичных по структуре высказываний:

1) вопрос-переспрос vs эмотивное высказывание (Инкубатор?);

2) собственно-вопросительное vs эмотивное высказывание (термин «собственно-вопросительное высказывание» заимствован из классификации И. П. Распопова [Распопов, 1970, с. 90], при этом отдельно сравнивалась интонация высказываний, имеющих структуру общего вопроса (*Защитника страны?*) и частного вопроса (*Какой долг?*; *Какая дочь?*; *Какие ещё цыплята?*; *Чего, дура, затужила?*; *Чего в этом остроумного?*);

3) обращение vs эмотивное высказывание со значением ‘выражение упрёка’ (*Костя!*).

Чтобы представить «алгоритм» интерпретации полученных данных, проиллюстрируем лишь последний тип оппозиции.

Впервые внимание на особое употребление обращений с целью выразить отрицательно-оценочное эмоциональное отношение обратил А. А. Шахматов в параграфе, посвящённом анализу вокативных предложений, отметив, что «произнесённое с особой интонацией» имя лица вызывает «сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрёк, сожаление, укор, негодование» [Шахматов, 1941, с. 86].

Сопоставление результатов инструментального и аудиторского анализа позволило нам выделить два типа интонации, один из которых можно квалифицировать как эмотивный, а другой – как модальную реализацию (эмоционально окрашенный вариант) интонации обращения.

Обе реализации имеют два акустических признака, отличающих их от ИК-2а:

1) нисходящий частотный интервал вместо восходяще-нисходящего;

2) бóльшая длительность ударного гласного звука (210–250 мс).

В то же время две реализации (в произнесении разных дикторов) получили разные оценки аудиторов, что коррелирует с их различием по другим акустическим признакам: крутизна нисходящего частотного интервала и частотный диапазон.

Интонация высказывания *Костя!* в произнесении одного диктора характеризуется плавным нисходящим частотным интервалом (понижение значений ЧОТ завершается к концу первого слога) в среднем регистре (от уровня средней индивидуальной высоты до уровня минимальной средней). Ответы аудиторов на эту реализацию распределились следующим образом: 8 аудиторов квалифицировали высказывание как вокативное (были даны следующие ответы: «обращение», «прошение», «просьба», «попытка достучаться», «Ты скоро?»), 7 – как эмотивное (ответы «упрёк», «укор», «недовольство», «Ну что же ты!»). Этот тип интонационного оформления, на наш взгляд, следует квалифицировать как модальную реализацию интонации обращения.

Интонационное оформление этого же высказывания в произнесении другого диктора, в оценке которого аудиторы были единодушны (ни один из них не назвал значение обращения, а при определении эмотивно-оце-

ночного значения были даны следующие ответы: «раздражение», «упрёк», «осуждение», «издёвка»), отличается от описанного выше, во-первых, более резким нисходящим частотным интервалом; во-вторых, низким регистром. Такое сочетание акустических признаков следует квалифицировать как особый, эмотивный, тип интонации.

Обобщая сравнительный анализ разного интонационного оформления высказываний, образующих названные выше типы оппозиции, можно сделать следующие выводы.

С одной стороны, выражение эмоций в статусе эмоциональной окраски вопросительного или побудительного (вокативного) высказывания коррелирует с изменением одного или двух акустических признаков, по сравнению с нейтральными реализациями интонационных конструкций, предназначенных для оформления высказываний, не являющихся эмотивными (по классификации Е. А. Брызгуновой, ИК-2, ИК-2а, ИК-3). Такое интонационное оформление предлагаем квалифицировать как модальную реализацию соответствующей интонационной конструкции.

С другой стороны, интонация эмотивных высказываний, в которых выражение эмоций соотносится с доминирующим компонентом значения (эмотивного или эмотивно-оценочного), характеризуется комплексом дифференциальных акустических признаков. Такие интонационные контуры, на наш взгляд, следует квалифицировать как особые эмотивные интонационные контуры, образующие особую подсистему.

5. Эмотивно-дифференцирующая функция интонации

Основанием для выделения эмотивно-дифференцирующей функции эмотивной интонации было сравнение, с одной стороны, интонационного оформления эмотивных высказываний, построенных по одной и той же семантически неспециализированной синтаксической модели (а значит, для разграничения разных типов эмотивного / эмотивно-оценочного значения); с другой – эмотивных высказываний с одинаковым эмотивным / эмотивно-оценочным значением, построенных по разным синтаксическим моделям. С теоретической точки зрения это означает следующее: для проверки гипотезы о лингвистичности эмотивной интонации важно определить, способна ли эмотивная интонация не только дифференцировать, но и отождествлять отдельные виды эмотивных речевых актов.

Для решения поставленной задачи был выбран следующий метод анализа эмотивной интонации: за основу было взято разное интонационное оформление эмотивных высказываний, построенных по одной модели (см., раздел 3.1, № 6: *Что за история?*; *Что это за вода?*; *Что это за погода?*); выделенные при этом типы эмотивной интонации, выражающие разные эмоции, сопоставлялись с интонацией эмотивных высказываний других структурных типов, доминирующим компонентом значения которых является выражение сходных эмоций.

Нами было проанализированы эмотивные типы интонации, выражающие три типа значения:

(1) ‘выражение удивления’;

(2) ‘выражение удивления в сочетании с недовольством, раздражением’;

(3) ‘выражение неодобрения (упрёка, укора, возмущения)’.

Сформулируем наиболее значимые результаты.

1. Сравнение интонации разных эмотивных высказываний типа *Что за история?*, *Чего, дура, затужила?* показало, что выражение «простых» (удивления) и «сложных» эмоций (удивления в сочетании с недовольством, раздражением) коррелирует с разными типами эмотивной интонации.

Интонация, выражающее «чистое» удивление, характеризуется следующими параметрами:

– восходящий частотный интервал, сходный с мелодическим контуром ИК-6, от уровня минимальной средней высоты до уровня выше средней индивидуальной высоты;

– средний уровень интенсивности;

– нейтральный просодический тембр;

– средний темп.

При этом расширение частотного диапазона аудиторы квалифицировали как выражение эмоции большей степени интенсивности (изумления).

Осложнение же структуры мелодического контура нисходящим частотным интервалом во второй части высказывания (важно, что значение ЧОТ в конце речевого сигнала не ниже значения ЧОТ в начале сигнала) при одновременном сужении восходящего интервала соответствует выражению удивления в сочетании с отрицательными эмоциями.

2. Одинаковые / сходные типы эмотивного значения коррелируют с одинаковым / сходным типом интонационного оформления не всего множества эмотивных высказываний, в которых может выражаться один и тот же тип эмоционального состояния или эмоционального отношения. Значимым является тип синтаксической модели, а именно наличие в составе эмотивных высказываний местоимённо-вопросительных или местоимённо-указательных слов.

Во-первых, эмотивные высказывания с местоимённо-вопросительными словами со значением ‘выражение удивления’ оформляются интонацией, сходной с ИК-6 (см. выше), тогда как высказывания с местоимённо-указательными словами (*Вот так встреча!*; *Вот так история!*) – интонацией, сходной с ИК-5, но отличающейся от неё чётким членением мелодического и динамического контуров на две части и обязательным значительным понижением тона между двумя центрами.

Во-вторых, сравнение интонации эмотивных высказываний различных структурных типов со значением ‘выражение восхищения’ свидетельствует о том, что реализация ИК-5 в средне-низком или низком регистре не наблюдается в высказываниях, сходных по структуре с вопросительными.

Таким образом, сопоставление акустических характеристик интонации эмотивных высказываний одного структурного типа с разным эмотивным / эмотивно-оценочным значением и высказываний разных структурных типов, выражающих сходные эмоции, с результатами аудиторского анализа

свидетельствует о том, что эмотивная интонация способна выполнять функцию дифференциации конкретных эмотивных / эмотивно-оценочных значений.

6. Формообразующая функция эмотивной интонации

Выделение этой функции эмотивной интонации стало возможным благодаря тщательному анализу (включая «отрицательный языковой материал») интонации эмотивных высказываний, построенных по семантически специализированным синтаксическим моделям (см. раздел 3.1, № 10–18). Поскольку характер эмотивного / эмотивно-оценочного значения задаётся самим типом синтаксической модели, анализ эмотивной интонации осуществлялся в двух аспектах:

1) установление пределов варьирования отдельных параметров интонации высказываний определённого структурного типа;

2) определение характера взаимодействия разноуровневых средств выражения эмоций, что предполагает проверку «принципа замены», сформулированного А. М. Пешковским: «…чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (также до полного своего исчезновения)» [Пешковский, 1959, с. 181].

Первый аспект анализа проиллюстрируем на примере интонационного оформления эмотивных высказываний с частицей *как* (см. раздел 3.1, № 12, например, *Как это улетать?*), функционирующих в составе ответной реплики в диалоге и предназначенных для выражения прежде всего удивления.

Различное интонационное оформление таких эмотивных высказываний обусловлено соотношением компонентов значения ‘выражение удивления’ и ‘выражение раздражения (в сочетании с неодобрением)’. При доминировании первого из названных значений используется эмотивная интонация, сходная с ИК-2, при доминировании второго – тип эмотивной интонации, сходный с ИК-5. При сочетании обоих компонентов значения изменяется ряд акустических признаков ИК-2: появляется дополнительное (ослабленное или обычное) ударение на последнем слове, что обусловливает осложнение мелодического контура восходяще-нисходящим интервалом на втором центре.

Обоснование сделанного нами вывода о том, что в области эмотивной интонации «принцип замены» не действует, было дано нами в работе [Пиотровская, 2001]. Нами было доказано обратное: при условии заданности эмотивного значения эмотивного высказывания на уровне фразеологизированной синтаксической модели (*Вот тебе и подруга!*; *Вот тебе и разогрела!*) для адекватного понимания слушающим речевого намерения говорящего обязательно оформление эмотивного высказывания конвенциональным эмотивным типом интонации, закреплённым за высказываниями

определённого структурного типа. Так, отсутствие значительного увеличения длительности гласного звука в слове с фразовым ударением, а также согласного звука [т] в частице *вот* отразилось в следующих ответах аудиторов: «спокойное недовольство», «почти равнодушно».

Таким образом, реализация эмотивных высказываний в устной речи требует их оформления адекватной «ненейтральной» интонацией.

7. Заключение

В заключение сформулируем основные принципы и результаты экспериментально-фонетического исследования эмотивных типов интонации.

1. Эмотивные типы интонации можно выделить на основе изучения типов интонационного оформления прежде всего эмотивных высказываний, то есть высказываний, доминирующей коммуникативной задачей которых является не сообщение, не запрос информации, не побуждение кого-либо к чему-либо, а выражение либо эмоционального состояния субъекта речи, либо его эмоционального отношения к кому-либо или к чему-либо.

2. Эмотивные типы интонации, образующие особую подсистему, надо отличать от модальных реализаций эмоционально нейтральных типов: последние оформляют эмоционально окрашенные («восклицательные») повествовательные, вопросительные или побудительные высказывания.

3. Корректная интерпретация результатов экспериментально-фонетического исследования возможна при условии независимого проведения инструментального и аудиторского анализа с последующим сравнением их результатов.

4. Учитывая природу эмоций как психического явления, в экспериментах по восприятию интонации считаем плодотворным предлагать аудиторам возможность выбора одного из двух типов оценки значения, выраженного интонационно: в соответствии как с «жёсткой», так и со «свободной» инструкцией.

5. Исследование интонации эмотивных высказываний русского языка свидетельствует о том, что эмотивная интонация, во-первых, способна разграничивать эмотивные высказывания и высказывания других коммуникативных типов, как эмоционально нейтральные, так и эмоционально окрашенные (коммуникативно-эмотивная функция); во-вторых, может различать разные типы эмоций и одновременно отождествлять эмотивные высказывания разных структурных типов, выражающие одинаковые / сходные эмоции (эмотивно-дифференцирующая функция); в-третьих, является обязательным условием адекватного выражения эмоций (формообразующая функция).

Список литературы

1. Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики [Текст] / Е. Ю. Артемьева. – М. : ЛКИ, 2007. – 136 с.
2. Архипецкая, М. В. Интонационные фразеологизмы со значением эмоционального отрицания [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Архипецкая Мария Вячеславовна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2012. – 26 с.

3. Блинова, Е. А. Универсальное и специфическое в интонационном оформлении нейтральных и эмоционально окрашенных высказываний на неродном языке [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Блинова Екатерина Александровна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2001. – 16 с.
4. Витт, Н. В. Об инвариантных зонах эмоциональных состояний, выраженных в интонации. Сообщение I. Опознавание эмоциональных состояний по интонации [Текст] / Н. В. Витт // Новые исследования в педагогических науках. – М. : Просвещение, 1965. – Вып. 3. – С. 27–45.
5. Касевич, В. Б. Проблемы семантики [Текст] / В. Б. Касевич. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 304 с.
6. Киршинова, О. В. Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции «радость» (на материале русского и немецкого языков) [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 19.02.19 / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2010. – 28 с.
7. Кодзасов, С. В. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи [Текст] / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – Вып. 8 : Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики / под общ. ред. В. А. Звегинцева. – С. 180–209.
8. Нушикян, Э. А. Типология интонации эмоциональной речи [Текст] / Э. Л. Нушикян. – Киев ; Одесса : Вища школа, 1986. – 160 с.
9. Пешковский, А. М. Интонация и грамматика [Текст] / А. М. Пешковский // Пешковский, А. М. Избр. труды. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 177–191.
10. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания в современном русском языке : учебное пособие к спецкурсу [Текст] / Л. А. Пиотровская. – СПб. : Образование, 1993. – 72 с.
11. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков) : монография [Текст] / Л. А. Пиотровская. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1994. – 146 с.
12. Пиотровская, Л. А. Роль интонации в противопоставлении эмотивных и вопросительных высказываний [Текст] / Л. А. Пиотровская // Язык. Функции. Жизнь : сб. статей в честь проф. Александра Владимировича Бондарко / отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – С. 115–124.
13. Пиотровская Л. А. Действует ли принцип замены в области эмотивной интонации [Текст] / Л. А. Пиотровская // Материалы XXX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов, 1–17 марта 2001, С.-Петербург. – Вып. 25 : Секция фонетики / отв. ред. Л. В. Бондарко. – СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. – С. 67–74.
14. Пиотровская, Л. А. Проблема системного описания эмотивных типов интонации: принципы создания взаимообратимой классификации [Текст] / Л. А. Пиотровская // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований : к 70-летию профессора кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Л. В. Бондарко / отв. ред. Н. Б. Вольская, Н. Д. Светозарова. – СПб. : Филол. фак. С.- Петерб. гос. ун-та, 2002. – С. 215–223.
15. Распопов, И. П. Строение простого предложения в современном русском языке [Текст] / И. П. Распопов. – М. : Просвещение, 1970. – 191 с.

16. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова [Текст]. – В 2 т. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
17. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 175 с.
18. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. – 2-е изд. – Л. : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. – 620 с.
19. Daneš, F. Intonace v textu (promluvě) [Text] / F. Daneš // Slovo a slovesnost. – 1982. – № 2. – S. 83–100.
20. Piotrovskaya, L. Emotional Prosody and Emotive Intonation [Text] / Larisa Piotrovskaya // Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences, Barcelona, 3–9 August, 2003 / ed. by M. Y. Solé, D. Recausens & J. Romero. – Barcelona : Causal Productions Pty Ltd, 2003. – P. 2949–2952.
21. Romportl, M. K tónovému průběhu v mluvené češtině [Text] / M. Romportl // Věstník Královské České společnosti nauk. Třída filosof.-historická. – Ročník 1950. – Praha, 1951. – 188 s.
22. Wierzbicka, A. Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language [Text] / A. Wierzbicka. – Sydney etc. : Academic press, 1980. – XI, 367 p.

References

1. Artem'eva, E. Yu. (2007). *Psikhologiya sub"ektivnoy semantiki* [The psychology of subjective semantics]. Moscow : LKI Press.
2. Arkhipetskaya, M. V. (2012). *Intonatsionnye frazeologizmy so znacheniem emotsional'nogo otritsaniya* [Intonation idioms with the meaning of emotional negation]. Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. ; St Petersburg State University. St Petersburg.
3. Blinova, E. A. (2001). *Universal'noe i spetsificheskoe v intonatsionnom oformlenii neytral'nykh i emotsional'no okrashennykh vyskazyvaniy na nerodnom yazyke* [Universal and specific intonation patterns of neutral and emotionally colored utterances in a non-native language]. Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. ; St Petersburg State University. St Petersburg.
4. Vitt, N. V. (1965). Ob invariantnykh zonakh emotsional'nykh sostoyaniy, vyrazhennykh v intonatsii. Soobshchenie I. Opoznavanie emotsional'nykh sostoyaniy po intonatsii [On invariant emotional states expressed in intonation. Report I. Identification of the emotional state by intonation]. *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh* [New research in pedagogical sciences] (Vol. 3, pp. 27–45). Moscow : Prosveshchenie Press.
5. Kasevich, V. B. (2019). *Problemy semantiki* [Issues in semantics]. St Petersburg : St Petersburg University Press.
6. Kirshinova, O. V. (2010). *Ekspressivnye sredstva zvuchashchey rechi dlya vyrazheniya emotsii «radost'» (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Expressive means of oral speech to express the emotion of "joy" (Based on Russian and German)]. Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Voronezh State University. Voronezh.

7. Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (1977). Foneticheskie vozmozhnosti gortani i ikh ispol'zovanie v russkoy rechi [Phonetic possibilities of the larynx and their use in Russian]. In V. A. Zvegintsev (ed.), *Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki* [Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics] (Vol. 8 : Problemy teoreticheskoy i eksperimental'noy lingvistiki [Issues in theoretical and experimental linguistics], pp. 180–209). Moscow : Moscow University Press.
8. Nushikyan, E. A. (1986). *Tipologiya intonatsii emotsional'noy rechi* [Typology of emotional speech intonation]. Kiev ; Odessa : Vishcha shkola Press.
9. Peshkovskiy, A. M. (1959). Intonatsiya i grammatika [Intonation and grammar]. In A. M. Peshkovskiy, *Izbrannye trudy* [Selected papers] (pp. 177–191). Moscow : Uchpedgiz Press.
10. Piotrovskaya, L. A. (1993). *Emotivnye vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke : uchebnoe posobie k spetskursu* [Emotive utterances in the modern Russian : A handbook]. St Petersburg : Obrazovanie Press.
11. Piotrovskaya, L. A. (1994). *Emotivnye vyskazyvaniya kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov) : monografiya* [Emotive utterances as an object of linguistic study (Based on Russian and Czech)] : A monography. St Petersburg : St Petersburg University Press.
12. Piotrovskaya, L. A. (2000). Rol' intonatsii v protivopostavlenii emotivnykh i voprositel'nykh vyskazyvaniy [The role of intonation in contrasting emotive and interrogative utterances. In V. D. Chernyak (Ed.), *Yazyk. Funktsii. Zhizn' : sb. statey v chest' prof. Aleksandra Vladimirovicha Bondarko* [Language. Functions. Life : A collection of articles in honor of prof. Alexander Vladimirovich Bondarko] (pp. 115–124). St Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia Press.
13. Piotrovskaya, L. A. (2001). Deystvuet li printsip zameny v oblasti emotivnoy intonatsii [Does the principle of substitution work in emotive intonation?]. *Materialy XXX mezhvuz. nauch.-metod. konf. prepodavateley i aspirantov, 1–17 marta 2001, S.-Peterburg* [Proc. of the XXX scientific and methodical conference of teachers and PhD students, March 1–17, 2001, St Petersburg] (Vol. 25 : Sektsiya fonetiki [Phonetics session], pp. 67–74), ed. by L. V. Bondarko. St Petersburg : Philological Faculty of St Petersburg State University.
14. Piotrovskaya, L. A. (2002). Problema sistemnogo opisaniya emotivnykh tipov intonatsii: printsipy sozdaniya vzaimoobratimoy klassifikatsii [The problem of the system description of the emotive intonation patterns: Principles for creating a mutually reversible classification]. In N. B. Vol'skaya, N. D. Svetozarova (Eds.), *Problemy i metody eksperimental'no-foneticheskikh issledovaniy : k 70-letiyu professora kafedry fonetiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov L. V. Bondarko* [Problems and methods of experimental phonetic research: To the 70th anniversary of the professor of the Department of Phonetics and Foreign Language Teaching L. V. Bondarko] (pp. 215–223). St Petersburg : Philological Faculty of St Petersburg State University.
15. Raspopov, I. P. (1970). *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [The structure of a simple sentence in modern Russian]. Moscow : Prosveshchenie Press.

16. Shvedova, N. Yu. (ed.) (1980). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 volumes. Vol. 1. [Phonetics. Phonology. Word stress. Intonation. Word-Formation. Morphology]. Moscow : Nauka Press.
17. Svetozarova, N. D. (1982). *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Russian intonation system]. Leningrad : Leningrad University Press.
18. Shakhmatov, A. A. (1941). *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. 2nd ed. Leningrad : Uchpedgiz Press (Leningrad Department).
19. Daneš, F. (1982). Intonace v textu (promluvě) [Intonation in text (Utterance)]. *Slovo a slovesnost* [Word and Philology], 2, 83–100.
20. Piotrovskaya, L. (2003). Emotional prosody and emotive intonation. *Proc. of the 15th international congress of phonetic sciences*, Barcelona, 3–9 August, 2003, ed. by M. Y. Solé, D. Recausens & J. Romero (pp. 2949–2952). Barcelona : Causal Productions Pty Ltd.
21. Romportl, M. (1951). K tónovému průběhu v mluvené češtině [On pitch patterns in spoken Czech]. *Věstník Královské České společnosti nauk. Třída filosof.-historická* [The Journal of Royal Bohemian Society of Sciences. Class Philosophical-Historical]. Vol. 1950 ; Praha.
22. Wierzbicka, A. (1980). *Lingua mentalis: The semantics of natural language*. Sydney etc. : Academic press.

УДК 811.133.1
UDC 811.133.1

Становая Лидия Анатольевна
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Lydia A. Stanovaïa
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
e-mail: lida_stan@mail.ru

ФРАНСИЙСКИЙ КАК КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА*
FRANCIEN AS A STUMBLING BLOCK IN HISTORY OF THE FRENCH LANGUAGE

Аннотация
Критика концепции формирования французского языка на базе франсийского диалекта, представленной в трудах XIX-XX веков, привела к тому, что термин и понятие «франсийский» стал своеобразным камнем преткновения в решении многих вопросов формирования и эволюции французского языка. Анализ критики традиционной истории французского языка, дискуссий по поводу формирования французского языка и роли франсийского диалекта в этом процессе, вопросов диатопической вариативности французского и старофранцузского языка показал теоретическую и методологическую важность последовательного разделения языка и письменности, диалекта и скрипты, текста произведения и текста рукописи. Анализ аргументов, приводимых противниками франсийского диалекта и его особой роли в истории французского языка, показал их несостоятельность. Выделение франсийского диалекта и франсийской скрипты как диалекта и скрипты Иль-де-Франса необходимо для адекватного описания лингвистической ситуации в старо- и среднефранцузский периоды.

Abstract
Criticism of the concept of the formation of the French language on the basis of the francien dialect, presented in the works of XIX-XX centuries, has led to the fact that the term and the concept of «Francien» has become a kind of stumbling block in solving many questions of the formation and evolution of the French language. Analysis of the criticism of the traditional history of the French language, of the discussions about the formation of the French language and the role of the Francien dialect in this process, of the questions of the diatopic variation of the French and Old French showed the theoretical and methodological importance of consistently separating the language and writing, dialect and scripta, text of the work and text of the manuscript. The analysis of the arguments given by the opponents of the Francien dialect and its special role in the history of the French language showed their failure. The selection of the Francien dialect and the Francien scripta as dialect and scripta of Ile-de-France is necessary for an adequate description of the linguistic situation in the Old and middle French periods.

* Настоящая статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ №19-012-00297.

Ключевые слова: история французского языка, историческая диалектология, скриптология, франсийский диалект, франсийская скрипта.

Keywords: history of the French language, historical dialectology, scriptology, francien dialect, francien scripta.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_164_199

1. Введение

Длительная критика основной концепции формирования французского языка, широко представленной в известных работах XIX–XX веков, привела к распространённому в современной истории французского языка мнению об отсутствии франсийского диалекта вообще.

Как известно, термин ‘франсийский’ (*francien*) был введён Г. Парисом [Paris, 1889, с. 475] в конце XIX века для обозначения диалекта Иль-де-Франса. Это было необходимо, с одной стороны, для того, чтобы разделить и обозначить разные понятия – ‘французский язык’ как язык Франции vs ‘франсийский диалект’ как диалект одного из районов Франции: исторически они назывались одинаково «французский» (*franceis, francois, français*). С другой стороны, было необходимо упорядочить терминологию, сложившуюся в исторической диалектологии французского языка к концу XIX века: диалект Иль-де-Франса разными авторами назывался по-разному – французским, центрально-французским, центральным, диалектом Иль-де-Франса и/или Парижа.

Это связано с тем, что исторически район Иль-де-Франса назывался просто Францией (*Gallia, France*), и по мере расширения границ королевского домена, особенно в течение XII–XIII веков, расширялись и границы Франции как королевства. Необходимость отделить один из исторических и географических районов Франции от Франции как всего королевства обусловила возникновение нового названия – Иль-де-Франс, которое появляется во французских текстах, начиная с XV века.

Учитывая, что территория современного региона Иль-де-Франс включает восемь департаментов (Paris, Essonne, Hauts-de-Seine, Seine-et-Marne, Seine-Saint-Denis, Val-d’Oise, Yvelines, Val-de-Marne), занимает площадь более 12 000 квадратных километров, является самым многолюдным и самым густонаселенным районом Франции, предложение Г. Париса о введении отдельного термина для обозначения регионального говора, на котором говорили жители этого района в эпоху средневековья, представляется логичным и обоснованным.

Уже в XIX веке была сформулирована и получила широкое распространение концепция формирования французского письменно-литературного языка на базе франсийского диалекта, представленная в трудах выдающихся романистов и историков французского языка XIX–XX веков, таких как Г. Парис, Л. Готье, П. Мейер, Ж. Бедье, В. Мейер-Любке, Ф. Брюно, Ш. Брюно, Э. Бурсье, А. Доза, В. фон Вартбург и др.

Критика этой концепции, резко обострившаяся в связи с формированием «новой» истории французского языка [Chaurand 1999] и, соответственно, общей критикой всей традиционной истории языка в целом, фактически завершилась провозглашением отсутствия франсийского диалекта вообще.

Так, Ж. Шоран заявил, что франсийского диалекта, основанного на говоре крестьян (*parler paysan*) или других необразованных слоёв общества (*en usage dans les milieux incultes*), никогда не было. Рано став говором Парижа, он стал служить средством общения образованных людей средневековой Франции (*aux échanges entre gens cultivés du domaine d'oïl*) и впитал в себя особенности, заимствованные из разных диалектов (*emprunts de provenances diverses*). Поэтому то, что лингвистами обычно называется франсийским диалектом, на самом деле является результатом раннего формирования французского литературного языка на основе разных диалектов языка *oïl* [Chaurand, 1969, с. 31–32]. Более того, нет ни одного текста, свидетельствующего о гибридном и мало различимом характере этого диалекта (*variété hybride et peu distincte*), неизвестного до появления в XIII веке французского нормализованного языка (*langue standard*), предшественником которого франсийский диалект должен был быть [Chaurand, 1983, с. 91].

М. Дельбуй полагал, что франсийский не является ни диалектом, ни письменной моделью нормализующего характера (*un usage écrit à l'action unificatrice*), но лишь воспоминанием (*souvenir d'un temps*) о том времени, когда все французские диалекты были похожи (Delbouille 1970).

Г. Людтке презрительно назвал франсийский диалект XI–XII веков «химерой», поскольку первые рукописные тексты появляются в Центре Франции только в XIII веке [Lüdtke, 1972, с. 435], а Ф. Морен назвал «идеологической химерой» всю теорию Г. Париса [Цит. По : Glessgen, 2017, с. 326].

Г. Бергунью заявил, что франсийского диалекта никогда не было, потому что нет никаких письменных свидетельств его существования. Вся история франсийского диалекта является наглядным примером связи политики и науки, так как университетские исследователи с Г. Парисом во главе разделяли якобинские взгляды правящих кругов III республики. Процесс формирования французского языка, описанный в работах XIX–XX веков, является воплощением политической доктрины III республики: Франция – наследница галло-римской цивилизации, Париж – естественная столица Франции, французский язык как победивший франсийский диалект выбран самим народом. [Bergounioux 1989].

Б. Серкильини решил, что в основе французского языка (*langue standard*) лежит не франсийский диалект, а письменное койне, созданное группой скрибов и писателей в X–XI веках из разных диалектов (*variété écrite composite, constituée aux Xe-XIe siècles par une coterie de scribes et d'auteurs littéraires ayant rassemblé des éléments linguistiques de plusieurs dialectes*). Поэтому в Иль-де-Франсе никакого разговорного диалекта не было, а в Париже говорили на диалектах других районов Франции: «*L'Ile-de-France ne se distinguait par aucun dialecte. Jusqu'aux portes, et sans doute dans les rues de la modeste bourgade parisienne, on devait parler picard,*

normand ou orléanais» [Cerquiglini, 1993, с. 118]. – 'Иль-де-Франс не отличался никаким диалектом. До ворот и, без сомнения, на улицах скромного парижского городка, говорили на пикардском, нормандском или орлеанэ' (здесь и далее перевод наш – Л. С.).

Наконец, Д. Троттер [Trotter, 2006] объявил не только об отсутствии франсийского диалекта, но и того единого и однородного (*unity, absence of variation*) французского языка, который представлен в «официальной», «научно неточной» и «идеологически мотивированной» (*official; scientifically inaccurate and ideologically motivated*) истории французского языка, которая в течение XIX и большей части XX веков была преимущественно историей только литературного французского языка. Термин же франсийский был изобретён во «французской националистической филологии» (*French nationalist philology*) XIX века для обозначения языка Парижского региона, который никогда не существовал и нигде не задокументирован, но который был призван доказать единство французского языка с самых ранних этапов своей эволюции [Trotter, 2006, с. 364]: «*Just as the military glories of the Middle Ages (Roland, then Joan of Arc) were to act as an inspiration and support of the militaristic campaigns which would lead to la revanche and the repossession of Alsace-Lorraine in 1914, so the national language, symbol of national unity and of national opposition to the Prussian schoolmaster and soldier, needed its antecedents in the glorious past*». – 'Подобно тому, как военная слава средневековья (Роланд, а затем Жанна д'Арк) должна была служить вдохновением и поддержкой милитаристских кампаний, которые должны были привести к реваншу и возвращению Эльзаса-Лотарингии в 1914 году, так и национальный язык, символ национального единства и национальной оппозиции прусскому школьному учителю и солдату, нуждался в своих предшественниках в славном прошлом'.

Приведённые мнения наглядно показывают, что частный вопрос о статусе и особенностях франсийского диалекта вышел далеко за пределы исторической диалектологии как науки, направленной на изучение региональной, или диатопической, вариативности французского языка в диахронии. Чтобы разобраться, как термин и понятие «франсийский» стал своеобразным камнем преткновения в решении многих вопросов формирования и эволюции французского языка, необходимо последовательно разделить, во-первых, критику традиционной истории французского языка, во-вторых, дискуссии по поводу формирования французского языка и роли франсийского диалекта в этом процессе, и наконец, в-третьих, вопросы собственно диатопической вариативности французского – и особенно старофранцузского – языка.

2. Франсийский диалект и критика традиционной истории французского языка

Критика традиционной истории французского языка за отсутствие в ней данных о диатопической вариативности французского языка представляется совершенно необоснованной, поскольку именно традиционная ис-

тория языка с самого начала своего формирования создавалась как история диалектов.

Уже первые работы в самом названии содержали указание на изучение французского языка и его диалектов, как, например, исследование Г. Фалло, вышедшее в 1839 г. (*Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle* – Исследование грамматических форм французского языка и его диалектов в XIII веке); Г. Бюрги, 1853 г. (*Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles* – Грамматика языка *oïl* или грамматика французских диалектов в XII и XIII веках); Э. Литтре, 1886 г. (*Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age* – История французского языка. Исследование происхождения, этимологии, грамматики, диалектов, стихосложения и литературы Средневековья), и др.

Необходимо отметить, что в этот же начальный период становления истории и исторической диалектологии французского языка как самостоятельных научных дисциплин начинается их критика за диалектологический подход к изучению письменных текстов.

Так, уже в 1845 году Ф. Женен резко критиковал интерпретацию разнообразия графических форм, представленных в рукописях, как отражения различия старофранцузских диалектов. Он полагал, что само существование говора как устно-разговорной формы исключает его письменную фиксацию и что диалекты не могут быть литературными, тогда как язык, зафиксированный в рукописях, несомненно представляет литературно обработанную форму. Диалектные различия письменных текстов – это иллюзия Средневековья, так как настоящее исследование говоров возможно только на устном материале, что для старофранцузского языка практически неосуществимо [Génin, 1845, с. 270–272].

Это связано с тем, что, как установили позднее скриптологи, рукопись не является прямым отражением какого-либо диалекта, большинство употреблённых в ней форм являются общими для всех старофранцузских рукописей. Эту особенность заметили уже первые исследователи, в том числе Г. Фалло, который связал её с поздней дифференциацией диалектов [Fallot, 1839, с. 10–11], и Г. Парис, который считал, что старофранцузские рукописи обладали такой общностью, которая позволяла понимать тексты, написанные в одном районе, людям, живущим в другом районе и говорящим на другом диалекте [Paris, 1890, с. 4]. Однако эти мимолетные замечания никак не влияли ни на методику анализа, ни на выводы в целом.

Несмотря на эти и другие идеи лингвистов, которые указывали на письменный характер старофранцузского языка и известную отдалённость языка литературных и деловых текстов от диалектов соответствующего региона, различия рукописных форм и в целом рукописных текстов трактовались как диалектные, таким образом создавалась теория диалектного членения старофранцузского языка. По существу, все фундаментальные работы по истории французского языка содержат более или менее обширные описания французских диалектов и их особенностей.

Так, I том классической истории французского языка Ф. Брюно, описывающий формирование французского языка и его первый, старофранцузский, этап, содержит не только отдельную главу «Диалекты старофранцузского языка» (*Les dialectes de l'ancien français.* с. 296–334), но и указания во всех разделах на особенности графики, звуков и форм в разных районах. Следует отметить, что формирование различных диалектов французского языка, как и различных романских языков в целом, Ф. Брюно связывает с региональной дифференциацией латинского языка в разных римских провинциях [Brunot, 1966, с. 296]: «<...> *en vertu d'une loi de language qui semble générale, la divergence se marqua de plus en plus sur le territoire de l'ancienne Gaule, comme du reste sur toute la surface du monde où la langue latine subsista, ce fut non pas un parler unique qui sortit d'elle, mais une série de parlers différents, qui, dans chaque région, chaque province, chaque village, finirent par prendre une couleur propre, toujours plus tranchée*». – 'В соответствии с языковым законом, который, как представляется, является общим, расхождение становилось все более и более заметным на территории бывшей Галлии, как и на всей территории, где существовал латинский язык, и это был не один единственный диалект (говор), образовавшийся из него, но ряд различных диалектов (говоров), которые в итоге приобрели в каждом регионе, каждой провинции, каждой деревне, свою собственную, отчётливую характеристику'.

Уточним в этой связи, что мы понимаем диалект и говор как синонимы, обозначающие одно и то же понятие – диатопический вариант языка, используемый в устно-разговорной речи. Следуя традиции, мы оставляем термин 'диалект' для истории французского языка, а 'говор' – для современного французского языка, диатопическая вариативность которого представлена в многочисленных лингвистических Атласах Франции.

Единственное, с чем можно было бы отчасти согласиться, это утверждение о том, что традиционная история французского языка является преимущественно историей письменно-литературного языка, использующей данные «высокого регистра», как уточнили Б. Комбет, К. Маркелло-Низья, С. Прево, Т. Шер, руководители главного научно-исследовательского проекта Института французской лингвистики (L'Institut de Linguistique Française) по созданию «Большой исторической грамматики французского языка»: «*L'ouvrage de Brunot <...> et les autres 'grammaires historiques' <...> se caractérisent par un a-théorisme qui privilégie les données, et au sein des données celles issues de registres 'hauts'*» [Grande grammaire historique du français]. – 'Труд Ф. Брюно <...> и другие исторические грамматики <...> характеризуются а-теоретизмом, который отдаёт предпочтение данным, а среди них – данным «высокого регистра»'.

Но и этому есть сугубо методологическое, а вовсе не идеологическое, объяснение. Дело в том, что уже в XIX веке было установлено, что деловые тексты содержат больше региональных форм, чем литературные. Поэтому хартии стали изучаться для выявления региональных особенностей старо- и среднефранцузского языка, а литературные тексты – для установления общего процесса языковой эволюции.

Однако во многих общих работах по истории французского языка широко использовались и используются данные исторической диалектологии, которые буквально «рассыпаны» по всем разделам этих работ, представляя фонетические, морфологические и лексические особенности французских диалектов. Таковы известные работы зарубежных и отечественных историков французского языка, например, Ф. Брюно, Ш. Брюно, М. Коэна, А. Доза, В. фон Вартбурга, В. Ф. Шишмарева, М. В. Сергиевского, М. А. Бородиной, Н. А. Катагощиной, и др.

По нашему мнению, как раз напротив, традиционную историю французского языка следует критиковать за преувеличенное представление о региональной вариативности французского письменного языка, за желание воссоздать на материале письменных текстов целостную картину региональной дифференциации устной речи эпохи.

Необходимо добавить, что в этих целях использовался неоднородный языковой материал: литературные произведения изучались по сохранившимся рукописям, представляющим многократно переписанный и существенно видоизмененный предполагаемый текст оригинала, а хартии – по рукописям, представляющим, как правило, оригинальный, не переписанный текст, что, естественно, обусловило различие данных, используемых в истории французского языка и исторической диалектологии. К тому же, в истории французского языка языковые факты и явления трактовались в зависимости от хронологии и места создания произведения, а не его письменной фиксации в виде рукописи, что обусловило искажение хронологии и описания всех языковых изменений.

Заметим, что и в традиционной, и в «новой» истории французского языка принято не замечать хронологическую дистанцию в 100–150 и более лет, которая отделяет созданные в XI–XII веках эпические поэмы, Жития Святых, мистерии, фаблио, миракли, первые романы в стихах и прозе, лирические песни, баллады, лэ и др., от времени создания рукописей XIII–XV веков, представляющих их тексты. Творчество всех средневековых авторов XII века, например, романы Кретьена де Труа (Chrétien de Troyes), созданные в 1160–1180 годах, лэ Марии Французской (Marie de France), созданные в 1170–1190 годах, романы Уаса (Wace), созданные в 1157–1175 годах и др., представлено в сохранившихся рукописях XIII–XV веков.

Добавим, что игнорируется и лингвистическая дистанция, которая обусловлена практикой производства рукописей: хорошо известно, что средневековые произведения представлены в сохранившихся рукописях в разных вариантах и версиях, более или менее существенно отличающихся друг от друга как по содержанию, композиции и стилю, так и по лексике, морфологии, синтаксису, не говоря уже о графике.

На изучение этих различий были направлены текстологические исследования, одной из главных целей которых признавалось воссоздание первоначального, оригинального текста произведения со всеми присущими ему особенностями, в том числе и диалектными. Такой «восстановленный», «очищенный» от ошибок и внесённых переписчиками изменений

текст произведения назывался «критическим» и считался таким же полноправным материалом исследования, как реальные рукописные тексты.

Поскольку французские рукописи содержат большое количество форм, создающий так называемый «французский», схожий с современным языком, фон, то диалект подавляющего количества предполагаемых текстов литературных произведений, созданных в IX–XII веках был определён как франсийский, что позволило историкам языка утверждать об особой роли франсийского диалекта как диалектной основы французского языка с самого начала его формирования.

Непосредственное обращение к исследованию реальных рукописных текстов, а не воссозданных критических, выявило ряд неточностей и ошибок, закрепившихся в истории французского языка, в том числе касающихся франсийского диалекта. Отсюда – яростная критика франсийского диалекта как не обладающего специфическими особенностями и нигде реально не зафиксированного, а также продолжающиеся споры по поводу диалектной основы литературного языка.

Однако признание критических текстов как недостоверных, во многом обусловившее критику традиционной истории языка и послужившее основанием для создания «новой», не повлекло за собой отказа от использования их временных и региональных характеристик при установлении и описании хронологии языковых изменений, в том числе по разным диалектам. Заметим, что в скриптологии, базирующейся исключительно на материале рукописных текстов, такой путаницы нет.

По нашему глубокому убеждению, все текстологические исследования французских рукописей, в том числе последних десятилетий, наглядно доказывают, что восстановленные филологами архетипические тексты являются в большей степени гипотетическим, нежели реальным языковым свидетельством изучаемого периода. Мы считаем, что только рукописные тексты, выполненные говорящими (*homo loquens*) и пишущими (*homo scribens*) субъектами изучаемого периода, являются единственным и объективно доступным материалом исследования, как сказал великий французский текстолог и филолог Ж. Бедье: «*seul le manuscrit représente quelque chose qui fût de la vie*» [Bédier, 1927, с. 251] – 'только рукопись представляет что-то живое'.

Учитывая существенную хронологическую и лингвистическую дистанцию между произведением и его письменной фиксацией в виде рукописи, мы последовательно различаем текст произведения (предполагаемый оригинал, содержание литературного или делового произведения, созданного одним или несколькими, известными или неизвестными авторами), и текст рукописи (реально существующий, конкретный рукописный текст литературного или делового произведения, зафиксированный в сохранившейся рукописи, выполненной одним или несколькими переписчиками) (подробнее см. напр., [Скрелина, Становая, 2015, с. 27–32]).

Многие проблемы, о которых уже шла речь и которые будут рассмотрены далее, вызваны, по нашему мнению, как непоследовательным разграничением языка и письменности, так и отождествлением мифических текстов произведений с реальными текстами рукописей.

Потребовалось резко противопоставить устную и письменную формы речи и столь же резко заявить об их нетождественности, чтобы по-новому взглянуть на материал и методы исследования старофранцузского языка. Эта заслуга принадлежит Л. Ремаклю, который в 1948 году ввел новое понятие скрипты как региональной письменной традиции [Remacle, 1948]. Введение нового понятия, а также новые идеи и подходы к решению дискуссионных вопросов истории и исторической диалектологии французского языка стали импульсом к переосмыслению многих исходных положений диахронических исследований.

3. Франсийский диалект и дискуссии о процессе формировании французского языка

Дискуссии по поводу формирования французского языка и роли франсийского диалекта в этом процессе начались уже в рамках традиционной истории французского языка и продолжились в «новой».

Суть споров можно кратко сформулировать следующим образом.

1. Процесс формирования французского языка является процессом стандартизации? Если да, то какой диалект, когда и почему стал основой формирования французского языка?

2. Процесс формирования французского письменного языка является процессом стандартизации? Если да, то какая скрипта, когда и почему стала основой формирования французской письменности и французского письменного языка?

3. Процесс формирования французского языка является процессом койнетизации? Если да, то какие диалекты, когда, почему и каким образом легли в основу французского койне?

4. Процесс формирования письменного и разговорного французского языка является процессом койнетизации? Если да, то какое койне – устное или письменное – сформировано раньше? Какое койне – устное или письменное – стало основой французского языка?

Решение этих вопросов осложнено не столько идеологией и политическими воззрениями ученых, сколько отсутствием достаточного и репрезентативного языкового материала.

Ф. Брюно, размышляя над особенностями франсийского и других старофранцузских диалектов, их взаимовлиянием друг на друга, ролью королевской власти в выделении Парижа и франсийского диалекта, заметил [Brunot, 1966, p. 327]: «*L'absence de manuscrits franciens rend très difficile l'examen de cette question, qui ne peut se résoudre que par des raisonnements*». – 'Отсутствие франсийских рукописей затрудняет рассмотрение этого вопроса, который может быть решён только с помощью логических умозаключений.

Действительно, рукописей, выполненных в Иль-де-Франсе до 1200 года, нет. Первые рукописи на французском языке появляются в центральных скрипториях, в том числе франсийских, только в XIII веке. В этом все лингвисты, отвергающие существование франсийского диалекта из-за отсутствия франсийских рукописей, правы.

Между тем, среди рукописей, выполненных до XIII века, нет ни нормандских, ни валлонских, ни бургундских, ни многих других, что тем не менее никому не мешало и не мешает выделять нормандский, валлонский, бургундский и другие диалекты. Напротив, есть англо-нормандские рукописи XII века, но выделение англо-нормандского диалекта вызывало бурные дискуссии: например, Г. Фалло, Г. Парис, Н. А. Катагощина, Ж. Вюест считали, что нельзя выделять англо-нормандский диалект, так как нельзя называть диалектом речь небольшой социальной группы людей, или письменно-литературный язык части Англии, какими-бы особенностями он не обладал.

Если считать, что франсийского диалекта не было, потому что нет франсийских рукописей до XIII века, то тогда следует заключить, что и других старофранцузских диалектов тоже не было, поскольку количество французских рукописей, выполненных до XIII века, является крайне ограниченным.

Известно, что французский язык IX–XIII веков представлен в рукописях неравномерно как хронологически, так и географически.

Ранние французские рукописи IX–XI веков малочисленны – их всего четыре, при этом их локализация вызывает нескончаемые споры.

Первой французской рукописью является «Кантилена о Св. Евлалии» (*la Séquence de Sainte Eulalie*, Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 150; ancien 14; Index Maior 47; F. 112), которая выполнена в конце IX века, или около 900 г., предположительно в монастыре Сент-Аман (Saint-Amand), называемым также Эльнон (Elnone), вблизи Валансьена, на границе пикардских и валлонских скрипт. Учитывая место выполнения рукописи, можно было бы полагать, что она представляет пикардский или валлонский диалект. Г. Хилти считал валлонскими формы *lei, raneiet, coist, cose* [Hilty 1968], однако формы *voldrent* и *sostendreiet*, содержащие вставку согласного –d-, несовместимы с локализацией «Кантилены» ни как пикардской, ни как валлонской.

К X веку относят две рукописи, одна из которых (Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 521) выполнена в середине X века предположительно в том же монастыре Сент-Аман и содержит плохо сохранившийся фрагмент в несколько (около 30) расшифрованных французских слов из проповеди о Св. Ионе (le *Sermon sur Jonas*). Её локализация столь же неясна, что и «Кантилены».

Другая рукопись (ms Clermont-Ferrand 240, ancien 189) датируется концом X-началом XI веков, или около 1000 г., и содержит два текста: «Житие Св. Леодегария» (la *Vie de Saint Léger*) и «Страсти Христовы» (la *Passion du Christ*). Язык текста «Житие Св. Леодегария» определялся как северо-восточный французский с примесью провансальского, как бургундский, как валлонский. Текст «Страсти Христовы» считался в большей степени памятником старопровансальского, или староокситанского языка, учитывая количество старопровансальских, или староокситанских форм, перемешанных со старофранцузскими.

Концом X – началом XI веков, или около 1000 г., датируется единственная сохранившаяся копия (P., B.N., lat. 9768) текста «Страсбургских Присяг» (les *Serments de Strasbourg*), выполненная предположительно в аббатстве Сен-Медар-де-Суассон (*Saint-Médard-de-Soissons*), или для аббатства Сен-Медар-де-Суассон, или для аббатства Сен-Рикье (*Saint-Riquier*), аббатом которого с 789–790 г. был Ангильберт, отец Нитхарда, а в 845 г. стал сам Нитхард. В языке текста «Страсбургских Присяг» разные исследователи видели сублимированную, ориентированную на латынь речь северо-востока Галлии, лотарингский диалект Меца, пикардский диалект, пуатевинский диалект, диалект Иль-де-Франса, романский язык Лионской области, т. е. один из диалектов франко-провансальской зоны, северо-аквитанский, т. е. один из диалектов провансальского (окситанского) языка, общефранцузский, отмеченный сильным влиянием латинской письменности. Некоторые исследователи считали, что «Страсбургские Присяги» являются примером не французского языка, но меровингской латыни, или докаролингской письменной традиции франко-провансальской зоны.

Столь небольшое количество первых французских текстов связано прежде всего с тем, что во Франции на протяжении многих веков языком письменности была латынь. С самого начала романизации Галлии латинский язык использовался для литературной, научной и административной деятельности.

Появление первых письменных памятников на французском языке свидетельствует не о появлении собственно французского языка и его диалектов, а о его растущем престиже. Однако процесс расширения сфер употребления французского языка шёл медленно: количество латинских текстов значительно превышает количество французских.

Большинство сохранившихся рукописей XII века являются англо-нормандскими, т. е. выполненными на территории Англии: из 59 рукописей, датированных Б. Уоледжом и И. Шортом однозначно XII веком, 40 являются англо-нормандскими [Woledge, Short, 1981]. Правда, не все из них могут быть использованы для всестороннего лингвистического исследования, поскольку есть рукописи, содержащие только несколько строк, слов или отрывков.

Создание англо-нормандских рукописей и активная деятельность англо-нормандских авторов XII века объясняется, например, тем, что в Англии французский язык был языком короля и королевской власти, важным инструментом в борьбе против англо-саксонской знати. [Lusignan, 2004].

Из остальных 19, выполненных в конце XII века на территории собственно Франции, тоже мало полноценных текстов, т. е. не фрагментарных отрывков. Это: «Диалог жалующейся души и утешающего разума» (*Dialogus anime conquerentis et rationis consolantis*, ms. Epinal 58, an. 181), Лотарингия; «Хроника Нормандских герцогов» (*Chronique des ducs de Normandie*, ms. Tours 903), аббатство Мармутье около Тура; «Проповедь Св. Бернара» (*Li sermon saint Bernart*, две рукописи: 1. ms. B.N., F.fr. 24768 содержит половину текста, находилась в цистерианском монастыре Фей-

ан /*Feuillants*/ в Париже; место выполнения не установлено, согласно Ф. Барди – Лотарингия, Мец [Burdy, 2015], согласно А. Анри – Валлония [Henry, 1996]; 2. Nantes, Musée Dobrée, ms. 0005, место выполнения не установлено).

Основной материал исследования старофранцузского языка составляют рукописи XIII века. XIII век по праву считается периодом блестящего расцвета феодальной Франции. Король стал признанным сувереном большинства городов. Французская литература занимает ведущее место в Западной Европе.

В XIII веке появляются первые тексты делового характера – хартии. Самым ранним документом на французском языке признаётся хартия 1204 г., составленная в пикардском городе Дуэ, на севере Франции. Серии документов на французском языке появляются только в 1235–1245 гг. на севере и востоке Франции (во французской Фландрии, Пикардии, Валлонии, Лотарингии, восточной Шампани, Бургундии, Франш-Конте, Юра и Нешато). В Парижском районе хартии засвидетельствованы, начиная с 1220 г. Только к концу XIII века, приблизительно с 1270–1280 гг., количество документов на французском языке становится достаточным для того, чтобы можно было изучать старофранцузский язык по хартиям.

Однако и для XIII века тоже есть существенный недостаток: одни районы средневековой Франции, например, Пикардия, Валлония, Бургундия и др., представлены достаточным для полноценного исследования количеством рукописей, тогда как другие, например, Франш-Конте, Анжу, Пуату и др. - недостаточным.

В этой связи важно отметить, что формирование и эволюция французского языка не тождественны ни формированию и эволюции французского письменно-литературного языка, ни созданию и развитию французской письменности.

Известно, что формирование и эволюция языка как средства общения в целом не зависят от воли и творческой инициативы отдельных личностей или языкового сообщества, так как происходящие в нем изменения не связаны со сменой социально-экономических формаций, с политическими или идеологическими преобразованиями в развитии общества. Их основной движущей силой являются внутренние законы развития языка, по которым изменяются фонологические и морфологические системы языка, а в лексике действуют и другие закономерности [Скрелина, 1973].

Появление и развитие письменно-литературного языка связано с социально-экономической и политической историей общества и являются результатом сознательной творческой деятельности людей, коллективной или индивидуальной (см., напр., [Потебня, 1905, с. 116–118 ; Шахматов, 1925, с. 17–19 ; Виноградов, 1978, с. 288–290; и др.].

Письменность же испытывает влияние гораздо большего количества факторов самого различного характера. Учитывая, что исследование может проводиться только на материале конкретных, реально существующих рукописных текстов, очень важным оказывается история появления и развития скрипт как региональных письменных традиций, поскольку создание рукописей в том или ином районе страны обусловлено особенностями раз-

вития скрипт конкретного района, а наличие существующих, сохранившихся до нашего времени рукописей – сохранностью рукописных фондов разных районов.

Известно, что ещё до появления первых рукописей на французском языке письменная традиция во Франции уже существовала, производство рукописей, их хранение, а также обучение письму было сконцентрировано в монастырских скрипториях. Впервые появившись во Франции в IV–V веках, монастыри постепенно сложились в важнейшие просветительские центры, хранилища духовных традиций и знаний. Усиление роли городов в политической и экономической жизни страны и распространение грамотности среди горожан повлекло за собой рост спроса на французские книги, что обусловило перемещение производства рукописей в города. В XIII веке появились первые светские мастерские по изготовлению рукописей, в которых переписчики и иллюстраторы выполняли заказы богатых клиентов или продавали рукописи всем желающим.

Таким образом, в XIII веке существовали две параллельные структуры, занятые производством рукописей: одна – в рамках церкви, другая – в рамках светских учреждений, что безусловно оказало влияние на формирование письменности. Клирики, привычные к работе с латинскими текстами и воспитанные в духе многовековой латинской традиции, тяготели к сохранению старых форм и устоявшихся правил. Лаики, работающие преимущественно с французскими текстами, испытывали большое влияние разговорного узуса.

Хотя первые рукописи на французском языке появляются в центре Франции только в XIII веке, история центрально-французских, в том числе франсийских, скрипториев, начинается в IV–VI веках, когда создаются крупнейшие и известнейшие духовные центры Франции такие, как Мармутье, Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Медар-де-Суассон, Флери, и др. Здесь необходимо заметить, что границы средневековой «Франции» как «Галлии», «Франции» (*Gallia, France*) не совпадают полностью с границами современного региона Иль-де-Франс. О границах речь пойдёт ниже.

Деятельность королевской канцелярии полностью регламентировалась волей французских королей. Во Франции, в отличие от Англии, языком короля и королевской власти был латинский язык. Французский начинает активно соперничать с латинским только в XIII веке, но лишь с 1360 г. количество документов королевской канцелярии на французском языке становится больше, чем на латинском. Окончательно же латинский язык исчезает из королевских документов только после Ордонанса Виллер-Коттре 1539 г. [Lusignan, 2004].

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что франсийская письменная традиция обладала как должным уровнем развития, так и высоким авторитетом.

Что касается сохранности рукописных фондов, то здесь следует с сожалением признать, что «рукописи горят». Известно, например, что церковь усиленно боролась против распространения религиозной литературы на французском языке. Так, в 1199 г. папа Иннокентий III осудил жи-

телей Меца за перевод Евангелия на французский язык и приказал сжечь все найденные переводы [Романова, 1975, с. 52]. Важность и ценность рукописных текстов в средние века воспринималась иначе, поэтому пергамент старых рукописей использовался для записи других, более важных текстов, что объясняет появление палимпсестов, а также для переплета других рукописей (такова история рукописи проповеди о Св. Ионе). В период французской революции, как известно, существенно пострадали многие монастырские библиотеки, различного рода архивы и иные хранилища рукописей и редких книг.

Отождествление текстов произведений и текстов рукописей создало неверное, по нашему мнению, представление о связи между наличием рукописей и уровнем развития культуры и литературы в этом районе. Так, соединив отсутствие рукописей с отсутствием «литературного престижа», Ф. Барди полагает, что упоминания о высоком престиже «французского» говора «Франции» или Парижа (*le «françois», l'idiome de «France» ou <…> celui de Paris*), как в известном фрагменте Конона де Бетюна, никак не могут относиться к говору Иль-де-Франса, поскольку отсутствуют рукописи XII века, выполненные в этом районе [Burdy, 2015, с. 23–24].

Заметим, что речь идёт о многочисленных высказываниях французских авторов XII века, гордящихся своим французским языком, как Гарнье де Пон-Сен-Максанс и Мария Французская или, напротив, сожалеющих о своем плохом французском языке, как Конон де Бетюн, Эмон де Вареннь, Жан де Мен, многие англо-нормандские авторы. Все высказывания однозначно указывают на «хороший» французский язык Франции, Парижа, Сен-Дени, т. е. франсийский (подробнее см.: [Скрелина, Становая, 2015, с. 88–89]).

С другой стороны, многие исследователи, в том числе современные, не различая текст произведения и текст рукописи, используют предполагаемые хронологию и место создания произведений, а не рукописей, для обоснования ведущей роли того или иного диалекта в литературном французском языке XII века и даже более раннего времени.

Мы считаем такой подход теоретически и методологически ошибочным: можно описывать историю французской литературы по времени создания литературных произведений, творческой жизни первых французских поэтов и писателей, но устанавливать историю французской письменности и особенности эволюции французского языка можно только на материале реально существующих рукописных текстов.

Все проведённые исследования, в том числе и наши, свидетельствуют о существенных различиях языкового узуса рукописных вариантов одного текста. Вариативность лингвистического узуса «по горизонтали», т. е. одного и того же литературного текста по рукописным вариантам, объясняется тем, что переписчики в процессе выполнения рукописи более или менее существенно изменяли копируемый текст. В результате этих изменений текст выполняемой рукописи все более и более удалялся как от своего протографа (копируемой рукописи), так и от оригинала (архетипа). Однако, как подчёркивают многие исследователи (см. напр., [Rychner, 1960]), рукописный текст не представляет собой искажённый малограмотным или не-

внимательным переписчиком текст произведения: различия между вариантами несут, в основном, сознательный характер и отражают как личность переписчика, так и его внутренние, в том числе и нормативные, установки.

Поэтому тексты различных литературных или иных произведений, созданных разными авторами в разное время в разных районах Франции и за её пределами, которые содержатся в одной и той же рукописи, выполненной, как правило, в одно и то же время в одном и том же районе, обычно представляют единый языковой узус, характерный для всей рукописи в целом. Это сходство языкового узуса «по вертикали», т. е. разных текстов одной рукописи, свидетельствует о главенствующей роли переписчиков, которые выполняли рукописи согласно правилам, или нормам своих скрипт [Становая, 2018].

Так, например, исследования коллекционной шампанской рукописи (P., B.N., F. fr. 794), выполненной в первой трети – середине XIII века известным переписчиком Гийо (*Guiot de Provins*) и содержащей все известные романы Кретьена де Труа, «Роман о Трое» (*Le roman de Troie*) Бенуа де Сен-Мора (*Benoît de Sainte-Maure*), «Роман о Бруте» (*Le roman de Brut*) Васа (*Wace*) и др., показали, что Гийо столь существенно исправил все формы на шампанский манер, что этот процесс получил название «шампанизации» (*champanisation*) (см., напр., [Woledge, 1970]). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в традиционной и «новой» истории языка считается, что Кретьен де Труа, дословно «Христианин из Труа», писал свои романы на шампанском диалекте, потому что был родом из Шампани, хотя ни о времени и месте его рождения, ни о времени и месте его смерти нет никаких достоверных свидетельств.

Между тем, в результате подобного смешения произведений и рукописей возникло представление о существовании многих французских диалектов в XI–XII веках и их особой роли в формировании французского литературного языка.

Так, например, некоторые лингвисты, например, Г. Фалло, Г. Бюрги, Н. А. Катагощина, считали, что Нормандия, в отличие от Иль-де-Франса, оставила богатое литературное наследие, позволяющее видеть в нормандском диалекте базу формирования французского письменно-литературного языка. Н. А. Катагощина, объединив англо-нормандские и нормандские рукописи, утверждала, что большинство первых французских рукописей было написано или переписано в Нормандии или нормандских владениях королевства англо-норманно-анжуйского, что уже в XI веке каноник Руанской церкви переводил с латинского языка на французский Жития Святых и что, начиная с XI века, в монастырских и церковных скрипториях Нормандии создавалось большое количество рукописей [Катагощина и др., 1976, с. 45–46, 58].

Однако, различные исследования, в том числе наши, показали, что нельзя не только объединять англо-нормандские и нормандские рукописи в единое целое, но и рассматривать англо-нормандские скрипты как разновидность нормандских: это различные письменные традиции, имеющие разные нормативные установки [Stanovaïa, 2007].

Что же касается нормандских рукописей, то до нашего времени дошло весьма небольшое их количество, причем все самые ранние нормандские рукописи выполнены в XIII веке. Небольшое количество нормандских рукописей обычно связывается с отсутствием королевского двора в Нормандии.

Так, Р. Лепелли отмечал, что в Нормандии не было своего собственного правителя, начиная с XII века, так как сначала она управлялась нормандским герцогом, бывшим одновременно королем Англии, а затем, после завоевания и присоединения к королевскому домену – французскими королями. Отсутствие собственного двора, а соответственно и культурного центра, а также сильное влияние Парижа, начиная с самых ранних времён, обусловили судьбу нормандского диалекта как сугубо разговорного, поскольку в качестве письменного языка даже нормандские авторы использовали франсийский. Изучив произведения нормандских авторов XII–XV веков, Р. Лепелли пришёл к выводу о том, что до XVII века вообще не было литературы на нормандском диалекте, но лишь некоторые документы делового характера [Lepelley, 1972].

К этому же мнению пришла и Г. Вакер, которая отметила франсийский или французский характер произведений так называемого «норманского» этапа в истории французского письменно-литературного языка и отделила «норманский» письменный язык (*normannisch*) от «нормандского» (*normandisch*) разговорного диалекта. При этом Г. Вакер указала, что появившийся в начале XII века письменный язык северной Франции только называется «норманским», на самом деле его развитие совпадает с развитием французского языка, исходящего из Иль-де-Франса, и не совпадает с развитием «нормандского», исходящего из собственно Нормандии. Разницу между «норманским» и «нормандским» Г. Вакер видела, например, в таких формах, как *chambre*, *lit* (норманский) и *cambre, lie* (нормандский) [Wacker, 1916].

Таким образом, каким бы блестящим не казался расцвет Нормандского герцогства, нормандской литературы и письменности в XI–XII веках, факты таковы – самые ранние нормандские рукописи датируются XIII веком. Следовательно, нормандский диалект до XIII века является такой же «химерой», что франсийский и на том же самом основании – отсутствии рукописей до XIII века. В противном случае нужно предложить и обосновать другие причины «мифичности» франсийского диалекта.

Итак, до XIII века есть только англо-нормандские, одна туренская, одна или возможно, две лотарингские рукописи XII века; локализация всех четырёх первых рукописей IX–XI веков крайне спорна. Таким образом, ведущая роль какого-либо диалекта в литературном французском языке XII века, не говоря уже о более раннем времени, не может быть достоверно обоснована.

В этой связи становится совершенно очевидным, что постоянно повторяемый аргумент: «нет франсийских рукописей до 1200 г., нет франсийского диалекта, нет его особой роли», свидетельствует лишь о своего рода новых мифологемах, сложившихся не в результате тщательного анализа имеющегося корпуса французских рукописей и поиска решения столь спорного и важного вопроса истории французского языка, но в желании доказать как

ошибочность традиционной концепции формирования французского языка, так и неверно описанную роль франсийского диалекта в этом процессе.

Тем не менее, несомненно, что известной общности старофранцузских рукописей способствовало стремление скрибов к той модели языка, которую они признавали более правильной, более престижной в социальном плане. В романистике определение региональной принадлежности этой модели спорно.

Многие историки языка связывали единство старофранцузских рукописей с общим процессом формирования письменно-литературного языка, основу которого составил реальный разговорный диалект Парижа или Ильде-Франса. При попытке объяснить этот факт возникали многочисленные трудности, поскольку в этом случае следовало признать влияние Парижа уже с IX века, т. е. с появления первых французских рукописей.

Однако Париж долгое время был лишь одним из политических и культурных центров Франции, а усиление королевской власти и объединение земель вокруг Парижа, завершившееся формированием единого королевства, позволяет говорить о распространении франсийского диалекта по территории Франции вместе с королевской властью только с XII века или даже с середины XIII века.

Не удается объяснить французский характер первых рукописей политическим или экономическим значением Парижа, поскольку раннее образование парижского койне на основе разных диалектов объективно ничем не подтверждается. Предположение о более позднем формировании литературной нормы «между Сеной и Луарой» во второй половине XII века на базе нормандского, шампанского, бургундского и франсийского диалектов [Шишмарев, 1955, с. 198], не объясняет французский характер ни первых рукописей IX–XI веков, ни англо-нормандских рукописей XII века.

Предположение об общности французских диалектов IX–X веков, зафиксированной в зарождающейся французской литературе и ошибочно интерпретируемой как франсийский диалект, не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто, поскольку отсутствует языковой материал для детального исследования. Прямые же и косвенные свидетельства более позднего периода свидетельствуют о существенной региональной вариативности французского языка.

Можно было бы согласиться с К. А. Робсоном и признать либо, что «общефранцузский» письменный язык является фонологическим и графическим обманом, либо, что этот общий язык реально существовал, но причины единства французского языка неясны [Robson, 1956]. Последовательно разделяя диалект и скрипту, текст произведения и текст рукописи, мы предложили свою концепцию формирования французского письменного языка [Скрелина, Становая, 2015 ; Становая, 1996 ; Stanovaïa, 2003].

4. Франсийский диалект и франсийская скрипта

Обратимся теперь к вопросам диатопической вариативности старофранцузского языка и характеристикам франсийского диалекта и скрипты.

Согласно приведённым выше мнениям, раскрывающим суть критики термина ‘франсийский’, можно заключить, что не было ни франсийского диалекта, служившего в Иль-де-Франсе средством общения «необразованных слоёв общества», ни «языка Парижского региона», и что жители Парижа использовали в общении диалекты других районов Франции.

«Образованные люди» Иль-де-Франса и всей средневековой Франции использовали как средство общения: а) рано сформированный на основе разных диалектов французский литературный язык, б) законсервированный письменностью архаичный бездиалектный французский язык, в) искусственное письменное койне, созданное из разных диалектов некой группой скрибов и писателей в X–XI веках.

Таким образом получается, что, в отличие от других районов Франции – Пикардии, Валлонии, Нормандии, Лотарингии и т. д., где говорили по-пикардски, по-валлонски, по-нормандски, по-лотарингски и т. д., – в Иль-де-Франсе «необразованные» жители просто молчали, парижские буржуа говорили на диалектах других районов Франции, а «образованные» жители – на французском литературном языке, французском нормализованном языке (*langue standard*), парижском или французском письменном / устном койне, существующим уже с IX века. По нашему мнению, всё это абсолютно неверно.

Последовательно разделяя понятия диалекта как регионального варианта языка и скрипты как регионального варианта письменности, мы убеждены, что в каждом регионе был свой собственный диалект как средство общения. Поэтому мы принимаем и используем термин ‘франсийский’, который считаем необходимым для изучения и описания лингвистической ситуации в старофранцузский период.

Мы считаем методологически неверной произошедшую замену термина ‘франсийский’, ставшего в результате яростной критики своего рода табу, на термин ‘парижский’ (*parisien*).

Как было указано выше, Париж и его пригороды являются только частью региона Иль-де-Франс, соответственно, термин ‘парижский’ обозначает значительно более узкое понятие, чем ‘франсийский’. Распространение названия ‘парижский’ на территорию Парижа, близлежащих районов и части Шампани, как это представлено, например, в Атласах А. Дееса [Dees, 1980, 1987], лишь вносит путаницу в решение вопросов, связанных с изучением всех старофранцузских диалектов и скрипт, а не только Иль-де-Франса.

Дело в том, что в Атласах А. Дееса районы Орлеана и Берри представлены отдельно; Санлис вместе с частью графства Вермандуа входит в зону «Уаза»; Суассон вместе с Ланом и другой частью Вермандуа включён в зону «Эна». Оставшаяся часть Вермандуа вместе с графством Артуа вошли в «Сомму», а оставшаяся часть Шампани – в «Арденны».

Предложенное деление не отвечает ни данным лингвистических Атласов современных французских говоров, ни границам феодальных образований IX–XIV веков (см., напр., [История Франции, 1972, с. 11, 72–73, 96–97], ни границам диоцезов.

Ф. Брюно, изучив лингвистический Атлас Франции Э. Эдмона и Ж. Жильерона, указал такие границы франсийской диалектной зоны [Brunot, 1966, с. 326]: северная граница, по результатам палатализации в пикардском [ka > ka], во франсийском [ka > che], географически идёт от Сены в районе Манта через Клермон и Санлис к Лану, разделяя франсийские и пикардские говоры; восточная граница, по результатам перехода [o > eu], идёт от реки Марны к Жуару, спускаясь вдоль старой границы с Шампанью до Ножан-сюр-Сен, разделяя франсийские и шампанские говоры; западная граница проходит совсем рядом с Парижем, потому что в Эвре уже идет пикардский результат [ka], а в Шартре – [ę̆+i ≠ i].

А. Лодж, по данным этого же Атласа, выбрал в качестве типологических черт франсийских говоров такие черты [Lodge, 2002]: граница с пикардской зоной основана на том же известном отсутствии палатализации [ka > ka] в пикардском; западная граница уточнена по различному развитию дифтонга [o > ow > u] на западе и [o > ew > oe] на востоке, начиная с XVI века произношение с [oe] распространяется от Парижа на запад Франции; восточная граница основана на включении эпентетических согласных [n_r] в группы [-nr-], [-ml-], [-lr-] на западе и в центре и их отсутствии на севере и востоке; южная граница между французским и окситанским языками основана на закрытии ударного [a] в [e], отличающим северо-французские диалекты от южно-французских.

Общность франсийских говоров, орлеанэ, туренского и першеронского подтверждена также Атласом современных французских говоров Иль-де-Франса и Орлеана, где выделены две диалектные зоны: одна объединяет Иль-де-Франс, Орлеан, Перш, Турень, а вторая под названием «Центр» соответствует Берри [Simoni-Aurembou, 1973–1978].

Если границы диалектных зон действительно не могут рассматриваться как жестко фиксированные, или, по выражению А. Лоджа [Lodge, 2002], как «твёрдые» (*des frontières dialectales fermes*) и тождественные предшествующим (*pas co-extensif avec celui des siècles passés*), то зоны распространения письменных традиций тем и отличаются от диалектных, что непосредственно связаны с административным, политическим и церковным делением средневековой Франции. В самом деле, канцелярии и скриптории, входящие, например, в диоцез Суассона, должны были обладать относительно едиными правилами делопроизводства, диктующими формы документов и их языковую общность. Это предположение подтверждается данными скриптологических исследований.

Наше исследование старофранцузской морфологии показало сходство скрипт Турени, Иль-де Франса, Суассона и Орлеана, которые в XIII веке входили в состав королевского домена [Становая, 1994], а исследование М. С. Воробей фонетико-графических особенностей деловых документов выявило общность скрипт Парижа, Санлиса, Суассона, Орлеана [Воробей, 2015 ; Vorobei, 2018].

Л. Каролюс-Баррэ, обосновывая локализацию изучаемых им хартий из архивов Уазы, считал важным известное разделение студентов Парижского университета по лингвистическому критерию на так называемые

«нации» (*Nation*) и указал, что студенты из диоцезов Суассона и Санлиса включались во французскую нацию (*Nation de France*), а не в пикардскую (*Nation de Picardie*), куда включали студентов из диоцезов Бове, Нуайона и Лана [Carolus-Barré, 1964, с. CXIII].

Совершенно очевидно, что использование термина ‘парижский’ является методологически и практически некорректным. Кроме этого, термин ‘парижский’ самим своим названием тесно связан с Парижем, а значит, и с его специфической языковой ситуацией большого города, «постоянного» (*permanent*), «естественного» (*naturel*) центра Франции, «места обязательной встречи» (*lieu de rencontre quasi obligé*) [Gossen, 1957 ; Picoche, Marchello-Nizia, 1996 ; Lodge, 1997, 2002, 2010 и др.], что никак не соответствует другим местам Иль-де-Франса.

Поэтому мы считаем, что так же, как в Пикардии говорили по-пикардски, в Валлонии – по-валлонски, в Нормандии – по-нормандски, в Лотарингии – по-лотарингски, в Иль-де-Франсе говорили по-франсийски. Несомненно, говор Парижа должен быть схож с франсийским, однако возможно, что в связи со своей специфической ситуацией он испытывал влияние и других диалектов.

Поэтому, как указывал, например, М. Коэн, есть различия между современным нормативным французским языком и говорами Иль-де-Франса. М. Коэн объяснил это тем, что «парижский» говор был «узкой территориальной основой» (*base territorale étroite*) «франсийского» как «языка Иль-де-Франса» [Cohen, 1973, с. 84–85]. На изменение говора Парижа в процессе койнетизации указывал А. Лодж, посвятивший ряд работ вопросам формирования французского языка и роли Парижа в этом процессе (см., напр., [Lodge, 1997, 2002, 2010]). О некоторых отличиях говоров Иль-де-Франса и других районов Центра от нормы современного французского языка писала М.-Р. Симони-Орамбу, создательница отдельного Атласа говоров этого района Франции [Simoni-Aurembou, 1973].

Приведём также в качестве доказательства существования франсийского диалекта, в латинской терминологии просто французского, широко известное высказывание английского ученого XII века Роджера Бэкона, много лет прожившего во Франции, называемой в его трудах Галлией (*Gallia*), и заметившего, что французский язык (*lingua gallicana*) различается говорами (*idiomate*) французов (*Gallicos*), пикардийцев (*Picardos*), нормандцев (*Normannos*), бургундцев (*Burgundos*) и других (caeteros) [Бэкон]: «*Sed impossibile est quod proprietas unius linguae servetur in alia. Nam et idiomata euisdem linguae variantur apud diversos, sicut patet de lingua Gallicana, quae apud Gallicos et Picardos et Normannos et Burgundos multiplici variatur idiomate. Et quod proprie dicitur in idiomate Picardorum horrescit apud Burgundos, immo apud Gallicos viciniores: quanto igitur magis accidet hoc apud linguas diversas?* – 'Однако невозможно, чтобы свойства одного языка сохранялись в другом. Ведь наречия даже одного и того же языка различны у различных, как это ясно во французском языке, многие наречия которого различаются у французов, пикардийцев, нормандцев и бургундцев. И то, как говорится в пикардском наречии, шокирует у бур-

гундцев и даже у более близких французов: насколько больше тогда различий в разных языках?'

Мы полностью согласны с мнением А. Лоджа [2002], считавшего странным (gênante) предположение об отсутствии собственного диалекта в Иль-де-Франсе, который был одним из самых густонаселенных районов Франции уже в XII веке: «<…> *prétendre qu'une partie d'une communauté linguistique puisse être dépourvue de dialecte, c'est donner au mot 'dialecte' un sens que peu de dialectologues pourraient de nos jours reconnaître*». - <…> утверждать, что часть языкового сообщества может быть лишена диалекта, означает придать слову «диалект» значение, с которым сегодня смогли бы согласиться лишь очень немногие диалектологи.

Однако мы не согласны с А. Лоджем, полагавшем, что неважно, должен ли этот диалект называться франсийским (*Que l'on appelle ou non ce dialecte le francien a très peu d'importance*).

Мы считаем, напротив, по причинам, приведенным выше, что это важно и что нельзя смешивать термины и понятия 'франсийский' и 'парижский', как это постоянно происходило и происходит в традиционной и «новой» истории французского языка, особенно когда речь идет о процессе формирования французского языка.

В этом отношении чрезвычайно показательной является терминологическая путаница, представленная в одном из последних учебников по истории французского языка, в котором термины «французский (*l'idiome de «France»*), «центральный» (*l'idiome du centre*), «центрально-французский» (*le français du centre*), «парижский» (*celui de Paris*), «парижский французский» (*le français de Paris*), «франсийский» (*le francien*) как говор (*l'idiome parlé en Île-de-France*) и одновременно как скрипта (*la scripta de l'Île-de-France*), «королевская скрипта» (*scripta royale*) обозначают для автора одно и то же [Burdy, 2015].

Иначе говоря, любое слово, лишь бы не запретный термин 'франсийский'! Такая же путаница касается обозначения форм, широко представленных во всех французских рукописных текстах IX–XIII веков и обуславливающих ту общность старофранцузского языка, которую отмечали все исследователи. Эти формы называются: «франсийские» (мы употребляем именно это обозначение), «французские» (*françaises*), «общефранцузские» (*françaises communes*), «общие» (*communes*), «нейтральные» (*neutres*), «нейтрализованные» (*neutralisées*), «литературные» (*littéraires*), «письменные» (*écrites*), «междиалектные» (*interdialectales*), «межрегиональные» (*interrégionales*), «наддиалектные» (*supradialectales*), «надрегиональные» (*suprarégionales*) и др.

Заметим, что обычно все эти термины употребляются без необходимого уточнения, притом что речь идет об одних и тех же формах. Между тем, определение региональной принадлежности именно этих старофранцузских форм обуславливает установление диалектной основы французского языка, вызывающее столько споров.

Так, определение частотных форм как «французские», «общефранцузские», «общие», «междиалектные», «межрегиональные» позволяет лин-

гвистам, во-первых, не выделять франсийский диалект и не устанавливать его характерные особенности, а во-вторых, описывать процесс формирования французского языка как койнетизацию, или как внедрение (*implantantion*) «общефранцузских» форм, идентичных «междиалектным» и французским (*françoises*), в региональные говоры для последующего вытеснения всех диалектных форм [Picoche, Marchello-Nizia, 1996, с. 24–25].

Заметим, что французский (françois) понимается авторами как ‘франсийский’: «*<...> le mot «françois» (le ‘francien’ des philologues du XIXe s.) ne s’applique qu’au parler d’une région et non à l’ensemble des parlers d’oil alors désigné par le terme de ‘roman’ <...>*» [Picoche, Marchello-Nizia, 1996, с. 23] – слово «французский» (‘франсийский’ филологов XIX века) обозначает только говор одного района, а не все говоры языка oïl, в этом случае обозначаемого термином ‘романский’.

Получается, что на самом деле употребление терминов «общефранцузский» и «междиалектный» обусловлено не реальной общностью или междиалектностью описываемых форм, но представлением Ж. Пикош и К. Маркелло-Низья о процессе формирования французского языка, в котором нет места франсийскому диалекту, а значит и франсийским формам. Поэтому вытесняют и заменяют в говорах региональные формы не франсийские, а «общефранцузские» и «междиалектные», о тождестве которых можно упомянуть вскользь.

Понимание того, что рукописи представляют не разговорный, а письменно-литературный язык, обусловило использование терминов «литературные», «письменные», «наддиалектные», «надрегиональные», «нейтральные», «нейтрализованные», которыми обычно обозначаются формы так называемого ярко выраженного французского характера, т. е. не обладающие специфичными диалектными или региональными чертами. Известно, что наддиалектность признаётся одной из главных характеристик литературного языка, а большинство лингвистов и литературоведов убеждено в том, что уже эпические поэмы, созданные в XI–XII веках и зафиксированные в рукописях XII–XIV веков, представляют литературно обработанную форму французского языка.

Определение форм как «литературных», «наддиалектных», «нейтральных» и т. д. означает, что в качестве материала для сравнения берётся современный нормативный французский язык. Только по отношению к нему одни формы будут обладать региональной спецификой, а другие будут нейтральными, не имеющими никакого регионально специфичного характера, следовательно, будут «литературными», «надрегиональными», противопоставленными «просторечным» и «региональным». Только так мы можем объяснить приводимые выше мнения об отсутствии характерных черт у франсийского диалекта: поскольку в основе современного французского языка лежит франсийский диалект, то нейтральными или надрегиональными будут преимущественно франсийские формы.

Но нельзя подходить к анализу старофранцузского языка и его диалектов с точки зрения современного французского языка и его кодифицированной нормы: если какие-то региональные формы присутствовали,

например, в бургундском диалекте, но отсутствовали во франсийском, то это различие составляет региональную специфику не только бургундского, но одновременно и франсийского диалекта.

Например, известное отличие пикардской диалектной зоны от франсийской основано на противопоставлении результатов палатализации [ke, ki > tše, tši] в пикардском вместо [ke, ki > tse, tsi] во франсийском. Считается, что в рукописях это различие обычно выражалось диграфом «ch» и графемой «c», т. е. франсийское написание ciel, пикардское chiel.

В старофранцузском языке и формы на «c» [ts], и формы на «ch» [tš] являются одинаково регионально маркированными и характеризуют одновременно как пикардский диалект с «ch» [tš], так и франсийский с «c» [ts]. Значительно позднее франсийские формы на «c» [ts > s] станут нормативными французскими, а формы на «ch» [tš > š] – региональными, характерными для пикардского и валлонского диалектов. Но в старофранцузский период никакой наддиалектности, нейтральности или литературности у этих франсийских форм не было, поскольку ещё не было ни нормативного языка, ни кодифицированной нормы.

Однако именно на основании такой интерпретации рукописных форм появилось сомнение как в существовании франсийского диалекта, так и франсийских рукописей: раз нет региональной специфики, значит, нет ни франсийского диалекта, ни франсийских рукописей.

Несомненно, чтобы трактовать одни формы как «нейтральные», «наддиалектные», «надрегиональные» и др., а другие – как «диалектные», «региональные», необходимо предложить чёткие критерии классификации. Однако во многих работах, в том числе последних лет, подобная классификация форм проводится без какого-либо уточнения исходных понятий.

Так, М.-Д. Глесген [Glessgen, 2008], анализируя лотарингские хартии XIII века, тщательно разбирает рукописные формы и определяет их региональную принадлежность, демонстрируя блестящую профессиональную эрудицию: идентификация каждой лотарингской формы подтверждена данными современных говоров, Атласов А. Дееса, различных диалектологических и скриптологических работ. Напротив, «надрегиональность» всех остальных, причём наиболее частотных форм, не аргументируется ничем, но автор уверенно заявляет об их безусловно не центральном происхождении [Glessgen, 2008, с. 522].

В другой своей работе, посвящённой истории парижской скрипты, уже до представления результатов анализа, М.-Д. Глесген сразу определяет «парижскую» скрипту как бесспорно «нейтральную», основываясь на идеях Ф. Морена, который дал такие определения термину ‘франсийский’:

1) разговорный язык/диалект Иль-де-Франса, ставший национальным языком («идеологическая химера»);

2) письменная разновидность/скрипта Иль-де-Франса (неизвестная);

3) нейтральная скрипта по сравнению с такими регионально маркированными как пикардская или англо-нормандская, тем не менее представляющая два подвида: без конкретной локализации и с локализацией в единой зоне, объединяющей Иль-де-Франс, Париж и Нормандию.

М.-Д. Глесген уточняет определение двух последних подвидов как: 1) локализуемая и датируемая скрипта Парижа / Иль-де-Франса, и 2) «нейтрализованная скрипта», определение которой дано следующее [Glessgen, 2017, с. 327]: «*une scripta neutralisée, sans substrat géographique, née essentiellement d'un dialogue entre les différentes scriptae régionales, notamment par des effets de copie*» - нейтрализованная скрипта, без географического субстрата, возникла в основном из взаимодействия между различными региональными скриптами, в особенности как результат копирования.

В смешении этих двух разных видов скрипт – «франсийской» и «нейтрализованной» – М.-Д. Глесген видит причину всех споров в трактовке и описании «внутренней языковой эволюции» (*évolutions linguistiques internes*).

Если судить по замечаниям и разъяснениям М.-Д. Глесгена, «нейтрализацией» автор, вслед за Г. Геблем, называет процесс переписывания рукописи, выполненной в одном районе, переписчиками других районов, которые заменяли одни региональные формы на другие, таким образом нейтрализуя первоначальный региональный колорит.

Между тем, замена одних региональных форм на другие должна вызвать не «нейтрализованность», а гетерогенность итогового, т. е. анализируемого рукописного текста, в котором одновременно будут присутствовать формы разных диалектов. Поэтому в текстологии было принято вычленять из любого рукописного текста формы «диалекта автора» и формы «диалектов переписчиков».

«Нейтрализация» исходного регионального характера может получиться только при замене региональных форм на «нейтрализованные» или «нейтральные», т. е. те же франсийские, создающие так называемый «(обще)французский», а в данной теории – «нейтрализованный» – фон.

По данным скриптологов, например, Л. Ремакля и Ш.-Т. Госсена, не только литературные тексты, переписанные многократно, но и хартии, подавляющее большинство которых являются оригинальными, а не переписанными текстами, содержат до 70–80%, а иногда и более, франсийских – в данной терминологии «нейтральных» – форм.

Кроме этого, рукописный текст является результатом, с одной стороны, взаимодействия разных лингвистических систем: системы автора, системы первого переписчика, системы второго переписчика, третьего и т. д., а с другой, – компромисса, поскольку переписчики находились между двумя полюсами притяжения: желанием как можно лучше скопировать протограф (переписываемую рукопись) и желанием следовать своим лингвистическим привычкам [Становая, 1996 ; Rychner, 1960 ; Segre, 1976 ; Zumthor, 1987].

Замена или сохранение форм протографа были обусловлены нормативными установками скрипт, в рамках которых переписчики работали и / или были выучены. Так, например, пикардские переписчики вносили много исправлений в выполняемые рукописи, изменяя, часто значительно, языковые формы и текст в целом. Все изменения выполнены в едином русле, а все тексты, зафиксированные в рукописи, обладают ярко выраженным региональным характером, существенно облегчающим локализацию

пикардских рукописей. Создание унифицированного пикардского узуса часто называется исследователями «пикардизацией» (*picardisation*). Выше мы приводили пример «шампанизации». Напротив, многие франсийские переписчики больше следовали протографу, поэтому франсийские варианты часто определяются как наиболее близкие к архетипу. Тексты, зафиксированные во франсийских рукописях, могут отличаться окказиональными формами, что чрезвычайно осложняет их локализацию (подробнее см.: [Становая 2018]).

Таким образом, определение практики производства рукописей как простой «нейтрализации», а всех непикардских скрипт – как «нейтрализованных», мало способствует пониманию специфики именно парижской скрипты.

Критикуя уточненную в библиографии DEAF (Dictionnaire Étymologique de l'Ancien Français) локализацию большого количества литературных произведений как франсийских, М.-Д. Глесген недовольно замечает, что подобная локализация может создать у исследователей ошибочное представление о древности франсийской литературной традиции, восходящей к самым первым французским текстам: «*Le simple fait d'y voir une série d'oeuvres qualifiées de 'francien' pour une période comprise entre ca 1130 et ca 1250 nourrira auprès de tout utilisateur l'idée selon nous erronée que ce francien posséderait une tradition ancienne remontant jusqu'à la première époque des textes français*» [Glessgen? 2017, с. 333] – 'Сама возможность увидеть там (т. е. в этимологическом словаре и библиографии – Л. С.) серию произведений, созданных в период между 1130 и 1250 годами и классифицированных как франсийские, сформирует у любого пользователя неправильную, по нашему мнению, концепцию, что у этого франсийского (диалекта) есть древняя традиция, восходящая к первой эпохе французских текстов'.

Чтобы такого «неверного» представления ни у кого не возникло, М.-Д. Глесген называет «сильно нейтрализованными» (*fortement neutralisées*) все рассматриваемые формы, зафиксированные в анализируемых парижских текстах, в том числе в латинских хартиях парижских скрипториев VIII–XII веков. Поэтому даже форма топонима *la Coldra* (< *colurus) с эпентетическим согласным в группе [l'r], зафиксированная в латинской хартии из Сен-Дени приблизительно 1077 г., свидетельствует лишь о высоком профессиональном уровне парижских скрибов и о том, что с самого начала французская письменность отличается четким стремлением к бездиалектному характеру: «<…> *l'écrit se caractérise (comme à l'époque pré-textuelle) par une forte volonté de dédialectisation grapho-phonétique, morphologique et lexicale* <…> [Glessgen , 2017, с. 341, 384] – 'письмо характеризуется (как и в пред-текстовый период) сильным стремлением к графофонетической, морфологической и лексической де-диалектизации'.

Между тем, наличие эпентетических согласных в группах [-lr-], [-nr-], [-ml-] является столь важным признаком, разграничивающим диалектные зоны запада и центра от зоны восточных диалектов, что специалисты называют эту изоглоссу лингвистических атласов «восточной границей» (подробнее см.: [Lodge, 2002]).

Получается, что уже в латинской хартии XI века скриптория Сен-Дени около Парижа представлена графическая форма, отражающая важную фонетическую особенность франсийского говора. Однако определить указанную форму как франсийскую означает признать существование франсийского диалекта и скрипты, а соответственно, и их роли в становлении французского языка и письменности. Назвав же франсийскую форму «нейтральной» или «нейтрализованной», можно легко выстроить как теорию «нейтральной» парижской скрипты, так и историю «бездиалектной» французской письменности.

Можно заключить, что всё разнообразие указанных многочисленных терминов, обозначающих одни и те же так называемые «(обще)французские» формы, не только не способствует определению регионального происхождения этих форм, а, наоборот, скрывает, мешая тем самым решению главного вопроса о диалектной основе французского языка и скриптуральной основе французской письменности.

Мы определили рассматриваемые формы как франсийские по следующей причине. Наше исследование старофранцузских скрипт [Становая, 1994 ; Stanovaïa, 2003] показало, что пикардские, бургундские, нормандские, валлонские, англо-нормандские и лотарингские рукописи содержат две серии наиболее частотных форм:

1 серия – это так называемые «(обще)французские» формы;

2 серия – региональные формы, характерные для базового диалекта и выступающие в разных скриптах как региональные варианты «(обще)французских» форм.

Например, во всех изученных французских рукописях зафиксированы формы указательных местоимений мужского рода *cil, cist* (прямой падеж единственного и множественного числа), одновременно с которыми в валлонских рукописях употреблены валлонские *chis, cis/z, chist* (прямой падеж единственного числа); *cilh, chilh, chis* (прямой падеж множественного числа), в пикардских – пикардские *chis, cis, cius* (прямой падеж единственного числа); *chist, chil* (прямой падеж множественного числа), в лотарингских – лотарингские *s/cil, s/cist, s/cel* (прямой падеж единственного и множественного числа), *s/cel, s/cest, s/ces, s/cil* (косвенный падеж единственного числа); в англо-нормандских – англо-нормандские *(i)cil, (i)cist* (прямой падеж единственного числа); *(i)cil, cist* (прямой падеж множественного числа); и т. д.

Соотношение «(обще)французских» и региональных форм варьируется в разных скриптах, но во всех скриптах региональные формы уступают по частоте употребления «(обще)французским». Именно поэтому скриптологи справедливо утверждали, что в основе любой региональной скрипты лежит базовый диалект, черты которого лишь частично проявляются в письменной традиции, придают определённый региональный колорит рукописи, однако не включают в себя все диалектные особенности региона (см., напр., [Gossen, 1968]).

Количество отдельных региональных форм, составляющих специфику того или иного диалекта, варьирует в разных текстах и зависит от ряда факторов.

1. Тип текста. Хартии всегда содержат больше региональных форм, чем литературные тексты. Например, пикардские формы определенного артикля женского рода *li, le* зафиксированы в пикардских рукописных текстах в количестве: в литературных – 5–15%, по нашим данным, 27–31%, по данным А. Дееса; в хартиях 42–99%, по данным А. Дееса. Заметим, что разница в данных А. Дееса и наших обусловлена разной методикой анализа: мы считали абсолютное количество, т. е. количество одних форм по отношению ко всем употребленным в анализируемом тексте формам, например, количество форм *li, le* – к количеству всех форм определенного артикля женского рода. А. Деес считал относительное количество, т. е. количество одних форм по отношению к другим формам, например, в соотношении форм определенного артикля женского рода *le*: *la*, форма *le* оказывается более частотной (99%), чем *la* (1%).

2. Скрипта. Пикардские скрипты содержат максимум региональных форм, а нормандские – минимум. Например, количество отдельных пикардских форм может достигать в пикардских хартиях 90%, в литературных рукописях – 40%; но в нормандских хартиях – 22%, в литературных рукописях – 3%.

3. Времени создания рукописного текста. Количество региональных форм увеличивается к концу XIII – началу XIV веков и достигает максимума в рукописях XV века. Например, валлонские формы притяжательных местоимений единственного числа мужского рода men, ten, sen практически отсутствуют в литературных рукописях XIII века: 0,1% по нашим данным, 0% по данным А. Дееса; женского рода me, te, se – 9% по нашим данным, 12% по данным А. Дееса. В валлонской рукописи XV века, представляющий текст эпической поэмы XII века «Рено де Монтобан» (*Renaut de Montauban*) указанные валлонские формы составляют большинство.

Французские рукописи, выполненные в Иль-де-Франсе, Турени, Санлисе, Орлеане и Суассоне, содержат только одну серию наиболее частотных форм, а именно – только так называемые «(обще)французские» формы, т. е., например, только формы *cil, cist*.

По нашему мнению, отсутствие серии региональных форм базовых диалектов указанных районов может быть объяснено только одним: так называемые «(обще)французские» формы являются на самом деле центрально-французскими, или франсийскими региональными формами. Никак иначе нельзя объяснить относительную языковую однородность этих французских рукописей и их отличие от рукописей всех остальных районов Франции.

А это, в свою очередь, означает, что во всех французских рукописях употребляются на самом деле франсийские формы и их региональные пикардские, бургундские, нормандские, валлонские, англо-нормандские и лотарингские варианты. Во франсийских рукописях, естественно, употребляются только франсийские формы.

Взаимовлияние старофранцузских скрипт проявляется в спорадическом употреблении отдельных форм других районов страны, однако это употребление не влияет на общий состав форм: франсийские – большинство, региональные – меньшинство. Однако со временем, особен-

но в течение XIV–XV веков, количество региональных форм растёт, опровергая тем самым мнение о распространении франсийского диалекта вместе с королевской властью.

Такие характеристики старофранцузских скрипт и особенности формирования французского письменного языка мы связали с историей формирования письменности и ролью аббатства Сен-Дени в этом процессе и заключили, что франсийский диалект действительно являлся диалектной базой французского языка, а франсийская скрипта – скриптуральной основой французской письменности [Скрелина, Становая, 2015 ; Становая, 1994 ; Stanovaïa, 2003].

Заключая, отметим фактически отсутствие специальных исследований: несмотря на всю важность рассматриваемых вопросов, оказывается, что франсийские и другие центрально-французские скрипты, равно как и диалекты, вызывающие столько споров у романистов, остаются практически неизученными, в отличие от всех остальных старофранцузских диалектов и скрипт. Есть всего два исследования: диссертация Э. Мецке [Metzke, 1880–1881], общим объёмом в 68 страниц, посвящённая рассмотрению собственно франсийского диалекта, и диссертация М. С. Воробей [Воробей, 2015], представляющая изучение фонетико-графических особенностей франсийской и других центральных скрипт. В последние десятилетия появились работы по некоторым особенностям парижских хартий и произведений парижских авторов, таких как Рутбеф (Rutebeuf) и Жофрей Парижский (Geoffroy de Paris) [de Jong, 2006 ; Videsott, 2013 ; Glessgen, 2017]. Все остальные описания особенностей франсийского диалекта и франсийской скрипты содержатся в общих работах по истории французского языка и исследованиям старофранцузских скрипт.

Очевидно, что все спорные вопросы, о которых шла речь, должны стать предметом новых всесторонних исследований.

5. Заключение

Термин ‘франсийский’ (*francien*) был введён Г. Парисом в конце XIX века для обозначения диалекта Иль-де-Франса. Это было необходимо, с одной стороны, для того, чтобы разделить и обозначить разные понятия – ‘французский язык’ как язык Франции vs ‘франсийский диалект’ как диалект одного из районов Франции: исторически они назывались одинаково «французский» (*franceis, francois, français*). С другой стороны, было необходимо упорядочить терминологию, сложившуюся в исторической диалектологии французского языка к концу XIX века: диалект Иль-де-Франса разными авторами назывался по-разному – французским, центрально-французским, центральным, диалектом Иль-де-Франса и / или Парижа.

Уже в XIX веке была сформулирована и получила широкое распространение концепция формирования французского письменно-литературного языка на базе франсийского диалекта, представленная в трудах выдающихся романистов и историков французского языка XIX-XX веков таких как, Г. Парис, Л. Готье, П. Мейер, Ж. Бедье, В. Мейер-Любке, Ф. Брю-

но, Ш. Брюно, Э. Бурсье, А. Доза, В. фон Вартбург и др. Критика этой концепции, резко обострившаяся в связи с формированием «новой» истории французского языка и, соответственно, общей критикой всей традиционной истории языка в целом, завершилась провозглашением отсутствия франсийского диалекта вообще и привела к созданию терминологической путаницы, постоянно уводящей романистов в сторону от определения статуса и основных характеристик франсийского диалекта как одного из диалектов французского языка.

Проведённый анализ критики традиционной истории французского языка позволил сделать вывод о её необоснованности, а дискуссий по поводу формирования французского письменно-литературного и национального языка – заключить, что многие проблемы и споры вызваны, во-первых, непоследовательным разграничением языка и письменности, и во-вторых, отождествлением несуществующих текстов произведений с реальными текстами сохранившихся рукописей.

Решение многих вопросов осложнено также ограниченным рукописным фондом. Французский язык IX–XIII веков представлен в рукописях неравномерно как хронологически, так и географически. Французские рукописи IX–XI веков малочисленны – их всего четыре, при этом их локализация вызывает нескончаемые споры. Большинство сохранившихся рукописей XII века являются англо-нормандскими, одна туренская, одна или возможно, две лотарингские рукописи. Основной материал исследования старофранцузского языка представляют рукописи XIII века.

Таким образом, ведущая роль какого-либо диалекта в литературном языке XII века, не говоря уже о более раннем времени, не может быть достоверно обоснована на материале сохранившихся рукописей. Использование же временных и диалектных характеристик текста произведения привело к искажению хронологии и описанию как общей эволюции французского языка, так и вопросов формирования его письменно-литературной формы.

Если последовательно отделить диалект как региональный вариант языка от скрипты как регионального варианта письменности, то вопрос о существовании франсийского диалекта как диалекта Иль-де-Франса решается сам собой. Мы убеждены, что в каждом регионе был свой собственный диалект, поэтому мы принимаем и используем термин ‘франсийский’, который считаем необходимым для изучения и описания лингвистической ситуации в старо- и среднефранцузский период. Мы считаем, что так же, как в Пикардии говорили по-пикардски, в Валлонии – по-валлонски, в Нормандии – по-нормандски, в Лотарингии – по-лотарингски, в Иль-де-Франсе говорили по-франсийски.

Мы считаем методологически неверной произошедшую замену термина ‘франсийский’, ставшего в результате яростной критики своего рода табу, на термин ‘парижский’: Париж и его пригороды являются только частью региона Иль-де-Франс, соответственно, термин ‘парижский’ обозначает значительно более узкое понятие, чем ‘франсийский’.

Особенности формирования французского письменного языка связаны, по нашему мнению, с историей формирования письменности и ролью

аббатства Сен-Дени в этом процессе. Мы полагаем, что франсийский диалект действительно являлся диалектной базой французского языка, а франсийская скрипта – скриптуральной основой французской письменности.

Несмотря на всю важность рассматриваемых вопросов, скрипты Иль-де-Франса и других центральных районов, равно как и диалекты, вызывающие столько споров у романистов, остаются практически неизученными, в отличие от всех других старофранцузских диалектов и скрипт. Очевидно, что все спорные вопросы, о которых шла речь, должны стать предметом новых всесторонних исследований.

Список литературы

1. Бэкон, Р. Избранное [Электронный ресурс] / Р. Бэкон. – URL : https://sv-scena.ru/Buki/Izbrannoye-4.html (дата обращения – 10.07.2019.).
2. Виноградов, В. В. Избранные труды. История русского литературного языка [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 320 с.
3. Воробей, М. С. Особенности центрально-французских скрипт [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук . 10.02.05 / Воробей Мария Сергеевна ; РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб, 2015. – 24 с.
4. История Франции Т. 1. [Текст] / отв. ред. А. З. Манфред. – М. : Наука, 1972. – 359 с.
5. Катагощина, Н. А. История французского языка. - 2- е изд., испр. [Текст] / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф – М. : Высшая школа, 1976. – 319 с.
6. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности (Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложения) [Текст] / А. Ф. Потебня – Харьков : М. Зильберберг и С- вья, 1905. – VI, 652 с.
7. Романова, В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XII-XIV вв. (По материалам собрания рукописных книг Гос. Публ. Б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) [Текст] / В. Л. Романова. – М. : Наука, 1975. – 239 с.
8. Скрелина, Л. М. Некоторые вопросы развития языка (Проблемы и методы диахронических исследований) [Текст] / Л. М. Скрелина. – Минск : БГУ, 1973. – 143 с.
9. Скрелина, Л. М. История французского языка. – 3 изд. [Текст] / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М. : Юрайт, 2015 (1 издание – 2001; 2 издание - 2005). – 463 с.
10. Становая, Л. А. Соотношение формы и функции в системе имени существительного (на материале французского языка раннего периода) [Текст] : дис. … канд. филол. наук 10.02.05 / Становая Лидия Анатольевна ; МОПИ. – М., 1984. – 187 с.
11. Становая, Л. А. Старофранцузская морфология и теория скрипты [Текст] : дис. ... докт. филол. наук. 10.02.05 / Становая Лидия Анатольевна ; РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб. , 1994. – Т. 1--2. – 503 с.
12. Становая, Л. А. Введение в скриптологию [Текст] / Л. А. Становая. – СПб. : Златоуст, 1996. – 96 с.
13. Становая, Л. А. Использование «вертикального» и «горизонтального» методов в исследованиях по истории языка [Текст] / Л. А. Становая // Известия РГПУ. – 2018. – № 189. С. 219–229.

14. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка [Текст] / А. А. Шахматов. – Л. : Гос. Изд-во, 1925. – 211 с.
15. Шишмарев, В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка [Текст] / В. Ф. Шишмарев. – М.- Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 557 с.
16. Bédier, J. La Chanson de Roland commentée [Text] / J. Bédier. – Paris : Piazza, 1927. – IV, 527 p.
17. Bergounioux, G. Le francien (1815-1914): La linguistique au service de la patrie [Text] / G. Bergounioux // Mots / les langages du politique. – 1989. – № 19. – P. 23–40.
18. Brunot, F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance [Text] / F. Brunot. – P. : Collin, 1966 (2 e tirage 1973). – XXXVIII, 597 p.
19. Burdy, Ph. Le français dans l'histoire: depuis ses origines jusqu'au XVIe siècle [Text] / Ph. Burdy // Manuel de linguistique française / Édité par Claudia Polzin-Haumann et Wolfgang Schweickard. – Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2015. – P. 11–38.
20. Burguy, G. Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles. T. 1[Text] / G. Burguy. – Berlin : Schneider et comp., 1853. – 409 p.
21. Carolus-Barré, L. Les plus anciennes chartes en langue française. T. 1. Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise 1241-1286 [Text] / L. Carolus-Barré. – P. : Klincksieck, 1964. – CXXII, 333 p.
22. Cerquiglini, B. La Naissance du français [Text] / B. Cerquiglini. – Paris : PUF, 1993. – 127 p.
23. Chaurand, J. Histoire de la langue française [Text] / J. Chaurand. – P. : PUF, 1969. – 128 p.
24. Chaurand, J. Pour l'histoire du mot francien [Text] / J. Chaurand // Mélanges de dialectologie d'oil à la mémoire de R. Loriot. – Dijon : ABDO, 1983. C.91–99.
25. Chaurand, J. Nouvelle histoire de la langue française [Text] / ed. J. Chaurand. – Paris : Éditions du Seuil, 1999. – 808, [8] p.
26. Cohen, M. Histoire d'une langue: le français (dès lointaines origines à nos jours). 4- ème éd [Text] / M. Cohen. – P. : Editions Sociales, 1973. – 513 p.
27. Dees, A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. [Text] / A. Dees. P. van Reenen, J. A. de Vries. – Tübingen : Niemeyer, 1980. – XIII, 371 p.
28. Dees, A. Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français [Text] / A. Dees, M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. – Tübingen : Niemeyer, 1987. - 684 p.
29. Delbouille, M. Comment naquit la langue française? [Text] / M. Delbouille // Phonétique et linguistique romanes. Mélanges of. A G. Straka.T. 1. – Strasbourg-Lion : Société de Luinguistique Romane, 1970. – P.187–199.
30. Fallot, G. Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle [Text] / G. Fallot. – P. : Imprimerie Royale, 1839. – 588 p.
31. Génin, F. Des variations du langage français depuis le XIIe siècle [Text] / F. Génin. – P. : Didot frères, 1845. – XL, 553 p.
32. Glessgen, M.-D. Les lieux d'écriture dans les chartes lorraines du XIIIe siècle. [Text] / M.-D. Glessgen // Revue de linguistique romane. – 2008. – № 72. – P. 413–540.

33. Glessgen, M.-D. La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien' [Text] / M.-D. Glessgen // Revue de Linguistique Romane. – 2017. – T. 81. – № 323–324. – P. 313–397.
34. Gossen Ch.-Th. Graphème et phonème: problème central de l'étude des langues écrites du Moyen Age [Text] / Ch.-Th. Gossen // Revue de Linguistique Romane. – 1968. – T. 32. – № 125–126. – P. 1–16.
35. Grande grammaire historique du français http://www.ilf.cnrs.fr/spip.php?rubrique125 (дата обращения – 10.05.2019.)
36. Jong, Thera de. La prononciation des consonnes dans le français de Paris aux 13-ème et 14-ème siècles [Electronic Resource] / Thera de Jong. – Landelijke : Netherlands Graduate School of Linguistics, 2006. – 324 p.
37. Henry, A. Contribution à l'étude du langage œnologique en langue d'oïl (XIIe-XVe s.) [Text] / A. Henry // Bruxelles: Académie royale de Belgique, Classe des lettres et des sciences morales et politiques (Mémoires de la Classe des Lettres. Collection in-8°, 3e série). – 1996. – № 14. – T. 1. – P. 170–171; № 15. – T. 2. – P. 187–190.
38. Hilty, G. Les origines de la langue littéraire française [Text] / G. Hilty // Vox Romanica. – 1973. – T. 32. – P. 254–271.
39. Lepelley, R. Langue vulgaire et langue littéraire en Normandie du XIIe au XVIIIe s [Text] / R. Lepelley // Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui. Domaine d'oïl et domaine franco-provençal. Colloque Intern. ... Actes publ. Par G. Straka. – P. : Klincksieck, 1972. – P. 429–438.
40. Littré, E. Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age [Text] / E. Littré. – T. 1. – P. : Didier, Perrin et Co, 1886. – 436 p.
41. Lodge, R. A. Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue [Text] / R. A. Lodge. – Paris : Fayard, 1997. – 382 p.
42. Lodge, R. A. «Francien» et «français de Paris» [Text] / R. A. Lodge // Linx. – 2002. – 12. – P. 149–172.
43. Lodge, R. A. Standardisation, koïnéisation et l'historiographie de français [Text] / R. A. Lodge // Revue de Linguistique Romane. – 2010. – T. 74. – № 293–294. – P. 5–26.
44. Lüdtke, H. Discussion sur la communication de R. Lepelley [Text] / H. Lüdtke // Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui. Colloque Intern. ... Actes publ. Par G. Straka. – P. : Klincksieck, 1972. – P. 434–436.
45. Lusignan, S. La Langue des rois au Moyen Âge. Le français en France et en Angleterre [Text] / S. Lusignan. – Paris : PUF, 2004. – 296 p.
46. Metzke, E. Der Dialekt von Ile de France im XIII und XIV Jahrhundert [Text] / E. Metzke // Herrig's Archive. – 1880. – S. 385–412; 1881. – S. 57–96.
47. Paris, G. Les parlers de France [Text] / G. Paris // Romania. 1889. – № 17. – P. 475–489.
48. Paris, G. La littérature française au Moyen Age (XIe-XIVe ss.) [Text] / G. Paris. – P. : Hachette, 1890. – 316 p.
49. Picoche, J. Histoire de la langue française. 4ème éd. [Text] / J. Picoche, Marchello-Nizia Chr. – Paris : Nathan, 1996. – 399 p.
50. Remacle, L. Le problème de l'ancien wallon [Text] / L. Remacle. – Liège : Fac.de Philosophie et Lettres, 1948. – 230 p.

51. Rychner, J. Contribution à l'étude des Fabliaux. Variantes, remaniements, dégradations [Text] / J. Rychner. – Genève : Droz, 1960. – 148 p.
52. Robson, C. A. Literary language, spocken dialekt and the phonological problem in Old French [Text] / C. A. Robson // Transactions of the philological Society 1955. – Oxford : Blackwell, 1956. – P. 117-180.
53. Segre, C. Critique textuelle, théorie des ensembles et diasystèmes [Text] / C. Segre // Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques. – 1976. – T. 62–5. – №10–11. – P. 279–292.
54. Simoni-Aurembou, M.-R. Le français régional en Ile-de-France et dans l'Orléanais [Text] / M.-R. Simoni-Aurembou // Langue française. – 1973. – № 18. – P. 126–136.
55. Simoni-Aurembou, M.-R. Atlas linguistique et ethnographique de l'île de France et de l'Orléanais (île de France, Orléanais, Perche, Touraine) [Text] / M.-R. Simoni-Aurembou. – Paris : CNRS Editions, 1973–1978. – 1–2 vol. – 687 p. : cartes, ill.
56. Stanovaïa, L. A. La standardisation en ancien français [Text] / L. A. Stanovaïa // The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe (Mediaevalia Lovaniensia, Series I, Studia XXXIII). – Leuven :Leuven University Press, 2003. – P. 241–272.
57. Stanovaïa, L. A. Traits typiques des scripta anglo-normandes [Text] / L. A. Stanovaïa // Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes / Éd. par D. Trotter. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. – T. II. – P. 423–440.
58. Trotter, D. «UNE ET INDIVISIBLE»: Variation and Ideology in the Historiography and History of French [Text] / D. Trotter // Revue Romane de Linguistique (Bucureşti). – 2006. – LI. 2. – p. 359–376.
59. Videsott, P. Les débuts du français à la Chancellerie royale: analyse scriptologique des chartes de Philippe III (1270-1285) [Text] / P. Videsott // Revue de Linguistique Romane. – 2013. – T. 77. – P.3–49.
60. Vorobei, M. La vocalisation du ‘l’ dans les scriptas centrales [Text] / M. Vorobei // Histoire et évolution du français. – 2018. – № 4. :Nouvelles voies d’accès au changement linguistique. – P. 413–420.
61. Zumthor, P. La lettre et la voix. De la «littérature» médiévale [Text] / P. Zumthor. – Paris : le Seuil, 1987. – 350 p.
62. Wacker, G. Uber das Verhältniss von Dialekt und Schriftsprache im Altfranzösischen [Text] / G. Wacker . – Halle : Niemeyer, 1916. – X, 87 s.
63. Woledge, Br. Un scribe champenois devant un texte normand. Guiot, copiste de Wace [Text] / Br. Woledge // Publications romanes et françaises. Mélanges de langue et de littérature du Moyen Age et de la Renaissance offerts à J. Frappier. T. II. – Genève : Droz, – 1970. – P. 1139–1154.
64. Woledge, Br. Liste provisoire de manuscrits du XIIe siècle contenant des textes en langue française [Text] / Br. Woledge, I. Short // Romania. – 1981. – T. 102. – № 1. – P. 1–17.

References

1. Bacon, R. *Izbrannoe* [Selects works]. Retrieved July 10, 2019 from <https://sv-scena.ru/Buki/Izbrannoye-4.html>.
2. Vinogradov, V. V. (1978). *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected Works. The history of the Russian literary language]. Moscow.

3. Vorobey, M. S. (2015). *Osobennosti tsentral'no-frantsuzskikh skript* [Particularities of the Central French scripta]. St-Petersburg.
4. Istoriya Frantsii T.1. (1972). [History of France]. Ed. by A. Z. Manfred. Moscow : Nauka Press.
5. Katagoshchina, N. A. *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of French]. Moscow.
6. Potebnya, A. A. (1905). *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [From the notes on the theory of literature]. Kharkov.
7. Romanova, V. L. (1975). *Rukopisnaya kniga I goticheskoe pismo vo Frantsyi v XII–XIV vekakh* [Handwritten book and Gothic writing in France in the XII–XIV centuries]. Moscow.
8.Skrelina, L. M. (1973). *Nekotorye voprosy razvitiya yazyka (problemy I metody diakhronicheskogo issledovaniya)* [Some issues of language development (Problems and methods in diachronic study)]. Minsk : Belorussian State University Press.
9. Skrelina, L. M., Stanovaïa, L. A. (2015). *Istoriya frantsuzskogo yazika* [History of the French language]. Moscow.
10. Stanovaïa, L. A. (1984). *Sootnochenie formy I funkzii v sisteme imeni suchestvitelnogo* [The Correlation of form and function in the system of noun]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Regional University Press.
11. Stanovaïa, L. A. (1994). *Starofrantsuzskaya morfologiya I teoriya scripty* [Old French morphology and theory of scripta]. Doctoral diss in Philology. St-Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia press.
12. Stanovaïa, L. A. (1996). *Vvedenie v scriptologiyu* [Introduction to Scriptology]. St-Petersburg.
13. Stanovaïa, L. A. (2018). Ispolsovanie «vertikalnogo» i «horizontalnogo» metodov v issledovaniyah po istorii yazika [Use of "vertical" and "horizontal" methods in research on the history of the language]. *Izvestiya RGPU* [Izvestia. Herzen University Journal of Humanities & Science], 189, 219–229.
14. Shakhmatov, A. A. (1925). *Otcherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazika*. [Essay on the modern Russian literary language]. Leningrad.
15. Shishmarev, V. F. (1955). *Kniga dlia chtenya po istorii franzuzskogo yazika* [Book to read the history of the French language]. Moscow : Nauka.
16. Bédier, J. (1927). *La Chanson de Roland commentée*. Paris.
17. Bergounioux, G. (1989). Le francien (1815–1914): La linguistique au service de la patrie. *Mots / les langages du politique*, 19, 23–40.
18. Brunot, F. (1966, 2 e tirage 1973). *Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T.1. De l'époque latine à la Renaissance*. Paris.
19. Burdy, Ph. (2015). Le français dans l'histoire: depuis ses origines jusqu'au XVIe siècle. In Claudia Polzin-Haumann et Wolfgang Schweickard (Ed.), *Manuel de linguistique française* (pp. 11–38). Berlin / Boston : Walter de Gruyter GmbH.
20. Burguy, G. (1853). *Grammaire de la langue d'oïl ou grammaire des dialectes français aux XIIe et XIIIe siècles. T.1*. Berlin.
21. Carolus-Barré, L. (1964). *Les plus anciennes chartes en langue française. T.1. Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise*. Paris.
22. Cerquiglini, B. (1993). *La Naissance du français*. Paris.
23. Chaurand, J. (1969). *Histoire de la langue française*. Paris.

24. Chaurand, J. (1983). Pour l'histoire du mot francien. *Mélanges de dialectologie d'oil à la mémoire de R. Loriot* (pp. 91–99). Dijon : ABDO.
25. Chaurand, J. (1999). *Nouvelle histoire de la langue française*. Paris.
26. Cohen, M. (1973). *Histoire d'une langue: le français (dès lointaines origines à nos jours)*. 4- ème éd. Paris.
27. Dees, A. (1980). *Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle.* Avec le concours de P.van Reenen et J. A. de Vries. Tübingen.
28. Dees, A. (1987). *Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français*. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. Tübingen.
29. Delbouille, M. (1970). Comment naquit la langue française? *Phonétique et linguistique romanes* (pp. 187–199). Mélanges of. A. G. Straka. T. 1. Strasbourg-Lion : Société de Luinguistique Romane.
30. Fallot, G. (1839). *Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle*. Paris.
31. Génin, F. (1845). *Des variations du langage français depuis le XIIe siècle*. Paris.
32. Glessgen, M.-D. (2008). Les lieux d'écriture dans les chartes lorraines du XIIIe siècle. *Revue de linguistique romane*, 72, 413–540.
33. Glessgen, M. (2017). La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien'. *Revue de Linguistique Romane*, T. 81, № 323–324, 313–397.
34. Gossen, Ch.-Th. (1968). Graphème et phonème: problème central de l'étude des langues écrites du Moyen Age. *Revue de Linguistique Romane*, T. 32. № 125–126, 1–16.
35. Grande grammaire historique du français. Retrieved May 10, 2019 from <http://www.ilf.cnrs.fr/spip.php?rubrique125>.
36. Jong, Thera de. (2006). *La prononciation des consonnes dans le français de Paris aux 13-ème et 14-ème siècles*. Electronic Format. Landelijke.
37. Henry, A. (1996). Contribution à l'étude du langage œnologique en langue d'oïl (XIIe–XVe s.). *Bruxelles: Académie royale de Belgique, Classe des lettres et des sciences morales et politiques (Mémoires de la Classe des Lettres. Collection in-8°, 3e série)*. 14. T. 1. P. 170–171 ; 15. T. 2. P. 187–190.
38. Hilty, G. (1973). Les origines de la langue littéraire française. *Vox Romanica*, 32, 254–271.
39. Lepelley, R. (1972). Langue vulgaire et langue littéraire en Normandie du XIIe au XVIIIe s. *Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui. Domaine d'oïl et domaine franco-provençal* (pp. 429–438). Colloque Intern. ... Actes publ. Par G. Straka. Paris : Klincksieck.
40. Littré, E. (1886). *Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age. T.1*. Paris.
41. Lodge, R. A. (1997). *Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue*. Paris.
42. Lodge, R. A. (2002). «Francien» et «français de Paris». *Linx*, 12, 149–172.
43. Lodge, R. A. (2010). Standardisation, koïnéisation et l'historiographie de français. *Revue de Linguistique Romane*, T. 74, 293–294, 5–26.
44. Lüdtke, H. (1972). Discussion sur la communication de R. Lepelley. *Les dialectes de France au Moyen Age et aujourd'hui* (pp. 434–436). Colloque Intern. ... Actes publ. Par G. Straka. Paris : Klincksieck.

45. Lusignan, S. (2004). *La Langue des rois au Moyen Âge. Le français en France et en Angleterre*. Paris.
46. Metzke, E. (1880–1881). Der Dialekt von Ile de France im XIII und XIV Jahrhundert. *Herrig's Archive*, 385–412; 57–96.
47. Paris, G. (1889). Les parlers de France. *Romania*, 17, 475–489.
48. Paris, G. (1890). *La littérature française au Moyen Age (XIe–XIVe ss.)*. Paris.
49. Picoche, J., Marchello-Nizia, Chr. (1996). *Histoire de la langue française*. 4ème éd. Paris.
50. Remacle, L. (1948). *Le problème de l'ancien wallon*. Liège.
51. Rychner, J. (1960). *Contribution à l'étude des Fabliaux. Variantes, remaniements, dégradations*. Genève.
52. Robson, C. A. (1956). Literary language, spocken dialekt and the phonological problem in Old French. *Transactions of the philological Society 1955* (pp. 117–180). Oxford : Blackwell.
53. Segre, C. (1976). Critique textuelle, théorie des ensembles et diasystèmes. *Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques*, T. 62–5, 10–11, 279–292.
54. Simoni-Aurembou, M.-R. (1973). Le français régional en Ile-de-France et dans l'Orléanais. *Langue française*, 18, 126–136.
55. Simoni-Aurembou, M.-R. (1973-1978). *Atlas linguistique et ethnographique de l'île de France et de l'Orléanais (île de France, Orléanais, Perche, Touraine)*. Paris.
56. Stanovaïa, L. A. (2003). La standardisation en ancien français. *The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe (Mediaevalia Lovaniensia, Series I, Studia XXXIII)* (pp. 241–272). Leuven : Leuven University Press.
57. Stanovaïa, L. A. (2007). Traits typiques des scripta anglo-normandes. In D. Trotter (Ed.), *Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes T. II* (pp. 423–440). Tübingen : Max Niemeyer Verlag.
58. Trotter, D. (2006). «UNE ET INDIVISIBLE»: Variation and Ideology in the Historiography and History of French. *Revue Romane de Linguistique (Bucureşti)*, LI. (2), 359–376.
59. Videsott, P. (2013). Les débuts du français à la Chancellerie royale: analyse scriptologique des chartes de Philippe III (1270–1285). *Revue de Linguistique Romane*, 77, 3–49.
60. Vorobei, M. (2018). La vocalisation du 'l' dans les scriptas centrales. *Histoire et évolution du français*, 4 Nouvelles voies d'accès au changement linguistique, 413–420.
61. Zumthor, P. (1987). *La lettre et la voix. De la «littérature» médiévale*. Paris.
62. Wacker, G. (1916). *Uber das Verhältniss von Dialekt und Schriftsprache im Altfranzösischen*. Halle.
63. Woledge, Br. (1970). Un scribe champenois devant un texte normand. Guiot, copiste de Wace. *Publications romanes et françaises. Mélanges de langue et de littérature du Moyen Age et de la Renaissance offerts à J. Frappier T. II.* (pp. 1139–1154). Genève : Droz.
64. Woledge, Br., Short, I. (1981). Liste provisoire de manuscrits du XIIe siècle contenant des textes en langue française. *Romania*, T.102, 1, 1–17.

УДК 81.373.47
UDC 81.373.47

Труфанова Ирина Владимировна
Московский центр развития кадрового потенциала образования
г. Москва, Российская Федерация
Irina V. Trufanova
Moscow Center for Human Resources Development in Education
Moscow, Russian Federation
illokucia1@rambler.ru

В. А. ЖУКОВСКИЙ И В. В. НАБОКОВ О ГЕНИИ ЧИСТОЙ КРАСОТЫ
V. A. ZHUKOVSKY AND V. V. NABOKOV ABOUT THE GENIUS OF PURE BEAUTY

Аннотация
Цель настоящей статьи – проследить историю выражения «*гений чистой красоты*» у В. А. Жуковского и его использование в лирике В. В. Набокова. С помощью метода интертекстуального анализа выявлено, каким образом В. В. Набоков развил разработанное В. А. Жуковским понятие. В его стихах выражение «*чистая красота*» появляется в значении 'божество'. Из всех признаков гения чистой красоты и атрибутов, сопровождающих явление гения чистой красоты у В. А. Жуковского, для В. В. Набокова наиболее актуальными оказались крылья, полёт в небе. Остальные признаки подверглись трансформации. Так, свет у В. Н. Набокова превращается в огонь, пламя, зыблющуюся лаву, зной, гром и молнию; звуки арфы – в звуки свирели или в звон, гул. Встреча с гением чистой красоты у В. В. Набокова представлена несравненно более экспрессивно, чем у В. А. Жуковского. Гений чистой красоты не просто приподымает завесу над красотой, он рождает жизнь. Поэтому красота для В. В. Набокова не эстетическая, а онтологическая категория.

Abstract
The present paper aims to trace the history of the expression "*the genius of pure beauty*" introduced by V. A. Zhukovsky and its use in V. V. Nabokov's lyrics. The method of intertextual analysis is used to reveal how V. V. Nabokov developed the concept created by V. A. Zhukovsky. In his verses, the expression "*pure beauty*" appears once in the meaning of deity. Among all features of "the genius of pure beauty" concept and attributes accompanying this phenomenon in Zhukovsky's lyrics, for Nabokov, the wings and the flight in the sky turn out the most relevant ones. Other features were subjected to transformation. As a result, light turns into fire, flame, swelling lava, ardent heat, thunder and lightning, the sounds of harp – into the ones of flute or into ringing or rumble. Portraying the meeting with the genius of pure beauty, Nabokov is incomparably more expressive than Zhukovsky. The genius of pure beauty not only lifts the veil over beauty but gives birth to new life. Therefore, beauty for Nabokov is not an aesthetic category but an ontological one.

Ключевые слова: В. В. Набоков, В. А. Жуковский, полигенетичность, интертекст, цитата, аллюзия, реминисценция, невыразимое, гений чистой красоты.

Keywords: V. V. Nabokov, V. A. Zhukovsky, polygenetics, the intertext, quote, allusion, reminiscence, the unspeakable, the genius of pure beauty.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_200_214

1. Введение

То, о чём пойдёт речь в нашей статье, обозначается с помощью терминов: чужое слово, цитата [Семенова, 2004], аллюзия, реминисценция, интертекст [Интертекстуальность, 2016, с. 16–51], полигенетичность. Мы отдаём предпочтение последнему термину.

Для произведений В. В. Набокова типично качество, которое П. Тамми предложил обозначить термином полигенетичность, а Р. Дж. Коллингвуд – сотрудничество художников. Полигенетичность – метод, посредством которого в отдельном сегменте текста писатель актуализирует не только один подтекст (или один литературный источник), а множество источников; «характерной интертекстуальной стратегией В. В. Набокова является выбор подтекстов не только из сочинений разных авторов, но и разных культурных и языковых контекстов» [Тамми, 1997, с. 517].

В работе «Принципы искусства» английский философ и историк Р. Дж. Коллингвуд специально остановился на проблеме, которую он сформулировал как «сотрудничество художников» [цит. по : Галинская, 2005, с. 87]. Пуристы от литературы и искусства, пишет Р. Дж. Коллингвуд, считают, что произведение подлинного художника должно быть полностью «оригинальным» и ни в коей мере не зависеть от творчества других мастеров, – то ли предшественников, то ли современников. Для людей, разделяющих этот предрассудок, замечает далее Р. Дж. Коллингвуд, становится настоящим шоком известие о том, что пьесы Шекспира являются адаптацией произведений других авторов. Ведь то, что мы называем «наследием Шекспира», создано не просто и не исключительно талантом этого человека из Стратфорда-на-Эйвоне (или, допустим, Фрэнсиса Бэкона из Верулама), но и частично драматургами Томасом Кидом и Кристофером Марло, у которых Шекспир заимствовал сюжеты своих пьес. Великий английский драматург использовал также сюжеты из жизнеописаний Плутарха, отрывки из «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» известного хрониста XVI в. Рафаэля Холиншеда, а также рассказы, сказки и легенды из средневекового сборника «Gesta Romanorum» («Деяния римские», ок. 1300 г.) неизвестного автора или авторов. При этом следует сказать, заключает Р. Дж. Коллингвуд, что Шекспир очень удивился бы, узнав, что такая его практика кого-то шокирует. Ведь созданное «путём сотрудничества» произведение отнюдь не является плагиатом. Да и вообще, если непредубежденно взглянуть на все формы художественной культуры, окажется, что сотрудничество мастеров есть извечное правило, ибо произведение искусства – это всеобщая деятельность [цит. по : Галинская, 2005, с. 87–88].

Настоящая статья посвящена «сотрудничеству» В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и В. В. Набокова.

2. Обзор литературы

Естественно, что тема «В. А. Жуковский и В. В. Набоков» не могла не заинтересовать литературоведов. Так, А. А. Забияко установила, что первым синестетом в русской литературе, предшественником В. В. Набокова, был В. А. Жуковский [Забияко, 2004, с. 3, 50–54] (См. его: *прохладная тишина, немая бездна, острое пламя, знойная вышина, прохладно-голубой свод неба* и др.).

Дж. Коннолли, Г. Шапиро, Н. А. Карпов, Е. Егорова, Е. Е. Анисимова проанализировали реминисценции статьи В. А. Жуковского «О смертной казни» в романах В. В. Набокова «Приглашение на казнь» и «Дар» [Connolly, 1983 ; Shapiro, 1998, с. 72, 126–131 ; Карпов, 2002 ; Егорова, 2014 ; Анисимова 2015 а, с. 102–103 ; Анисимова 2015 б, с. 153–154].

Е. Е. Анисимова считает, что интерес В. В. Набокова к В. А. Жуковскому, блистательному, по оценке В. В. Набокова, транслятору европейской культуры средствами русского поэтического языка, обусловлен переводческой деятельностью последнего, и, вслед за П. Мейер, демонстрирует реминисценции поэм В. А. Жуковского «Эолова арфа», «Ленора», «Лесной царь», «Ундина» в романах В. В. Набокова «Дар», «Приглашение на казнь», «Лолита», «Пнин» [Анисимова, 2015 а ; Анисимова, 2015 б ; Мейер, 2007, с. 33–34]. Е. Е. Анисимова полагает, что в «Эоловой арфе» В. В. Набокова привлекла мысль В. А. Жуковского о возможности выходить из трагического здесь в обнадёживающее там и указала, что в стихотворении «Как ты, я с отроческих лет» В. В. Набоков пишет о таком выходе впервые, что сама природа искусства понималась В. А. Жуковским и В. В. Набоковым в перспективе художественно ёмкого образа Эоловой арфы [Анисимова, 2015 а, с. 110 ; Анисимова, 2015 б, с. 155]. Реминисценции «Светланы» Е. Е. Анисимова обнаруживает в стихотворении В. В. Набокова «Святки» и рассказах «Нежить», «Слово» [Анисимова, 2015 а, с. 112]. Е. Егорова предположила, что бабочка в камере Цинцинната восходит к стихотворению В. А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу», В. В. Набоков делает Цинцинната литературным наследником узника В. А. Жуковского [Егорова, 2014].

Е. Егорова и Е. Е. Анисимова обратили внимание на пристальное изучение В. В. Набоковым гекзаметров В. А. Жуковского, результатом которого, утверждают исследователи, стали стихотворения В. В. Набокова «Если вьётся мой стих», «Размеры», «Гекзаметры», шестистопный дактиль в так называемых метрических фрагментах романа «Дар» [Егорова, 2014 ; Анисимова, 2015 а, с. 111; Анисимова, 2015 б].

Е. Егорова утверждает, что В. В. Набоков и В. А. Жуковский сходным образом разрабатывают темы воспоминания и поэтического вдохновения. Е. Егорова высказывает предположение, что для выражения «невыразимого» писатель прибегает к языку В. А. Жуковского), и аргументирует его следующим образом: «Так, В. В. Набоков полагал, что “не написанная ещё книга существует в идеальном измерении, то проступая из него, то затуманиваясь”, а его писательская задача состоит в том, чтобы всё, что ему в иные мгновения бытия удаётся в этой книге рассмотреть, “с максимальной точностью перенести на бумагу”. Нельзя ли здесь, правда с осторож-

ностью, обнаружить параллели с эстетическим в понимании Жуковского? В дневнике от 4 (16) февраля 1821 года и в письме к А. Тургеневу он утверждает, что “прекрасное существует, но его нет”, ибо оно “является нам единственно для того, чтобы, оживив душу, исчезнуть”, но полностью мы ‘разглядеть” его не можем, всечасно испытывая “животворную” грусть в “смутном” стремлении постичь непостижимое»[Егорова, 2014].

Анализ выражения *гений чистой красоты* у В. А. Жуковского и В. В. Набокова не был прежде предметом научного исследования. Всеобщая известность данного выражения и одновременно его неизученность послужили мотивом для настоящего исследования.

3. Основная часть

А. С. Пушкин в стихотворении «Я помню чудное мгновенье» пишет, что А. П. Керн «явилась» в его жизни как «*гений чистой красоты*». Обычно выражение гений чистой красоты у А. С. Пушкина возводят к стихотворению В. А. Жуковского «Лалла Рук» [Черняев, 1900]. М. П. Алексеев высказывает предположение, что А. С. Пушкин мог его заимствовать из стихотворения В. А. Жуковского «Я музу юную, бывало...» или из «К мимо пролетевшему знакомому гению» [Алексеев, 1982]. Таким образом, «гений чистой красоты» А. С. Пушкина – пример полигенетичности. Если мы обратимся к истории стихотворений В. А. Жуковского о Лалла Рук, произведений, в которых упоминается гений чистой красоты, мы обнаружим полигенетичность уже у В. А. Жуковского. Любимое В. А. Жуковским и неоднократно появляющееся в его лирике видение «гения», пролетающего мимо, и символизирующее возникновение «прекрасного», И. П. Галюн возводит к впечатлению, которое произвело на поэта стихотворение Ф. Шеллинга «Lied», переводом которого и является «К мимо пролетевшему знакомому гению» [Галюн, 1916]. «Явление поэзии в виде Лалла Рук» – это перевод В. А. Жуковским стихотворения Гедвиги Штегеман «Великой княгине Александре в виде Лаллы Рук» [Алексеев, 1982]. Из разысканий Д. Герхардта, известно, что «Пери», «Песнь бедуинки», «Мечта» восходят к одному источнику – к стихотворениям немецкого поэта и переводчика С. Г. Шпикера [Алексеев, 1982]. Драма «Камоэнс» – перевод поэмы австрийского поэта Ф. Гальма. В. В. Афанасьев пишет, что от Ф. Гальма не осталось почти ничего, В. А. Жуковский использовал произведение австрийского драматурга как таинственный импульс и написал собственную поэму, вложив в уста португальского поэта свои сокровенные мысли [Афанасьев, 1986, с. 37]. Переводы и других произведений, сделанные В. А. Жуковским, не уступали источнику, но приобретали качество оригинала [Анисимова, 2015 а, с. 13–131]. «Вступление» к балладам «Двенадцать спящих дев» – перевод «Посвящения» к первой части «Фауста» И. В. Гёте [Анисимова, 2015 а, с. 113 ; Анисимова, 2015 б, с. 156].

Что же такое *гений чистой красоты* в понимании В. А. Жуковского?

В 1817 г. опубликованы баллады «Двенадцать спящих дев», во вступлении к которым появляется *благодатный гений*, называемый *мечтой* и *другом*. *Опять ты здесь, мой благодатный Гений, / Воздушная подруга юных*

дней. Благодаря его появлению Давнишний глас на лире оживает, / Чуть слышимый, как Гения полет; / И душу хладную разогревает [Все стихи Василия …, 2019]. Оживление души и струн на лире поэта – результат явления гения. В. А. Жуковский дважды встречался с И. В. Гёте. В. М. Жирмунский указывает, что во время их второй встречи В. А. Жуковский преподнёс И. В. Гёте картину романтика Каруса, изображающую одинокую арфу в рамке готического окна, на фоне отдалённых силуэтов стрельчатых соборов, залитых лунным светом. Картину сопровождало стихотворное посвящение, обращённое к И. В. Гете, названное «Приношение» [Жирмунский, 1982, с. 80–81]. В нём И. В. Гёте назван тем, *кто снимает таинства покров*, и тем, кто *Арфою чудесный мир творит*. Как следует из «Приношения», поэт снимает покров, то есть поэт и есть *гений чистой красоты*. Он делает это в своих произведениях, значит, они воплощение красоты. Снимает покров – значит открывает сущность вещей (впоследствии В. А. Жуковский в «Камоэнсе» и А. С. Пушкин в «Поэте» в этой связи назовут поэта *глаголом правды*, правда более ёмкое по значению слово, чем истина, оно имеет в одном из значений синоним истина, в другом – справедливость), отсюда вытекает, что красота есть сущность вещей. В понимании сути вещей как красоты В. А. Жуковский следует за немецкими романтиками. Новалис утверждал, что истина – это красота. Ф. Гельдерлин воспринимал мир как воплощение и реальное выражение красоты, считал, что красота есть сущность мира и форма его существования [Кохановский, 2001].

В 1819 г. В. А. Жуковский в стихотворении «К мимопролетевшему знакомому гению» обращается к *пленителю безымянному*: Скажи, кто ты, пленитель безымянный? / С каких небес примчался ты ко мне? Отмечается не только его способность летать, но и делать человека поэтом (даровать ему поэтическое вдохновение), уносить душу поэта в небеса и показывать ему красоту жизни как сущность вещей (поскольку *разоблачал* – значит открывал): *Поэзии священным вдохновеньем / Не ты ль с душой носился в высоту, / Пред ней горел божественным виденьем, / Разоблачал ей жизни красоту? В последней строфе появляется слово гений, поэт просит его стать хранителем его души: О Гений мой, побудь еще со мною* / (…) *Будь ангелом-хранителем души* [Жуковский, Т. 2, с. 147–148].

В стихотворении «Жизнь», написанном в 1821 г., жизнь лирического героя уныла, поскольку *Тьмою звезды обложило* и его покинули Мечта, Надежда, Фантазия, которая *прежде летала / В блеске радужных лучей и прикликала Вдохновение с зведзой и Музу, Гения сестру*. Но в тумане, окружавшем лирического героя, *что-то вдруг затрепетало и ангелом прекрасным / Кто-то светлый прилетел*, сел в ладью жизни лирического героя и запел о радости, всё вокруг посветлело, в небе загорелась звезда. В заключительной строфе синонимами *гения, прилетевшего кого-то светлого* становятся *хранитель, небом данный, и небесный: О хранитель, небом данный! / Пой, небесный, и ладьей / Правь ко пристани желанной / За попутною звездой* [Жуковский, Т. 2, с. 150–152]. Хотя от выражения *гений чистой красоты* в стихотворении использована только часть *гений*, атрибуты того, что им обозначается у В. А. Жуковского, представлены: звёзды, полёт

гения в небе, посещение изредка гением поэта, близость гения с вдохновением, родство с музой. Трепет, радуга, звёзды впоследствии станут спутниками творчества, красоты у А. А. Фета и В. В. Набокова [Труфанова, 2016].

Выражение *гений чистой красоты* появляется в 1821 г. в стихотворении «Лалла Рук». В. А. Жуковский пишет, что он не присутствует с нами на земле постоянно: *Ах! не с нами обитает / Гений чистой красоты; / Лишь порой он навещает / Нас с небесной высоты (...)!* [Жуковский, Т. 2, с. 222–223]. Поэт объясняет, зачем иногда появляется *гений чистой красоты*: Чтоб о небе сердце знало / В тёмной области земной. О *гении чистой красоты*, утверждает поэт, на земле напоминают звёзды: *А когда нас покидает, / В дар любви у нас в виду / В нашем небе зажигает / Он прощальную звезду* [Жуковский, Т. 2, с. 223]. *Гений чистой красоты* – это у В. А. Жуковского не только абстрактное понятие (поэзия, вдохновение, красота в её высшем проявлении), но и конкретное, так благодаря его стихам называли императрицу Александру Фёдоровну. *Гений чистой красоты* у В. А. Жуковского – женщина, закрытая завесой от людей и лишь на краткий миг показывающая себя, она играет на струнном инструменте. В стихотворении «Явление поэзии в виде Лалла Рук» Лалла Рук появляется *как утро нового творенья* [Жуковский, Т. 2, с. 224–225], и в поэте *первый пламень вдохновенья / Струнами первыми зажгла* [Жуковский, Т. 2, с. 224–225].

В стихотворении «Мечта» акцентируется завеса, сокрытость *гения чистой красоты* от глаз и то, что покров приоткрывается иногда: *Сей покров непроницаем / Для затменных наших глаз; / Сам спадёт он* [Жуковский, Т. 2, с. 279]. Поводом для написания стихотворений «Лалла Рук», «Мечта», «Явление поэзии в виде Лалла Рук» явился праздник, данный в Берлине 15 января 1821 г. прусским королем Фридрихом, по случаю приезда его дочери – великой княгини Александры Федоровны и зятя – будущего императора Николая I. На празднике были разыграны живые картины на сюжеты, заимствованные из поэмы «Лалла Рук» Т. Мура [Алексеев, 1982]. Роль индийской принцессы Лалла Рук исполняла Александра Федоровна.

Тремя годами позже В. А. Жуковский пишет стихотворение «Я музу юную, бывало...», в котором вдохновение наделяется способностью гения чистой красоты летать в небесах и иногда показываться поэту, становится синонимом *гения чистой красоты*: *Я музу юную, бывало, / Встречал в подлунной стороне, / И Вдохновение летало / С небес, незваное, ко мне* [Жуковский, Т. 2, с. 235]. Далее вдохновение названо дарователем песнопений, а поэт арфой: *Но дарователь песнопений / Меня давно не посещал; / Бывалых нет в душе видений, / И голос арфы замолчал* [Жуковский, Т. 2, с. 235]. Выражение *гений чистой красоты* появляется в последней строфе, и здесь гений чистой красоты уже поэзия, красота, божество, а не вдохновение: *Всё, что от милых тёмных, ясных / Минувших дней я сохранил – / Цветы мечты уединённой / И жизни лучшие цветы, – / Кладу на твой алтарь священный, / О Гений чистой красоты! / (...) Но ты знаком мне, чистый Гений! / И светит мне твоя звезда!* [Жуковский, Т. 2, с. 235].

В 1824 г. В. А. Жуковский пишет стихотворение «Таинственный посетитель» [Жуковский, Т. 2, с. 239]. В нём нет выражения *гений чистой*

красоты, но появляются атрибуты последнего: полёт в небе, явление поэту на миг, приоткрывание завесы. В. А. Жуковский ставит вопрос: кто этот таинственный посетитель – надежда, любовь, дума (у В. А. Жуковского в значении воспоминание), поэзия, предчувствие (у В. А. Жуковского знание о сути вещей)? Приходится думать, что *гений чистой красоты* у В. А. Жуковского во всём перечисленном.

В 1839 г. *гений чистой красоты* появляется в драме В. А. Жуковского «Камоэнс». Камоэнс вспоминает, как ощутил в молодости присутствие, видение *гения чистой красоты*; в тот момент он стал поэтом, написал свою первую живую песню. Гений чистой красоты унёс его в небеса, осветил тьму вокруг и внутри. Песнопения, сочинённые Камоэнсом, сделали его крылатым. *Я помню час, великий час, меня / Всего пересоздавший. Я лежал / С повязкой на глазах в госпитале: / Тьма вкруг меня и тьма во мне... / И вдруг – сказать не знаю – подошло,/ Иль нет, не подошло, а подлетело, / Иль нет, как будто божие с небес / Дыханье свеяло – свежо, как утро, / И пламенно, как солнце, и отрадно, / Как слезы, и разительно, как гром, / И увлекательно, как звуки арфы, – / И было то как будто и во мне / И вне меня, и в глубь моей души / Оно вливалось, и волшебный круг / Меня тесней, теснее обнимал; / И унесён я был неодолимым / Могуществом далеко в высоту,.. / Я обеспамятел: когда ж пришел / В себя – то было первая моя / Живая песня. С той минуты чудной / Исчезла ночь во мне и вкруг меня; / Я не был уж один, я не был брошен (...) / Моя душа на крыльях песнопенья / Взлетела к богу и нашла у бога / Утеху, свет (...)* [Жуковский, Т. 7, с. 473].

Выражение *гений чистой красоты* В. А. Жуковский в драме не использует. Но описание в ремарке видения, которое является умирающему Камоэнсу, совпадает с описаниями *гения чистой красоты* в стихах В. А. Жуковского. *В эту минуту совершается видение: над головою Камоэнса является дух в образе молодой девы, увенчанной лаврами, с сияющим крестом на груди. За нею яркий свет* [Жуковский, Т. 7, с. 453].

Гений чистой красоты является поэту, чтобы помочь найти слова для *невыразимого*. *Невыразимое* появляется в первом монологе Камоэнса о его встрече с поэзией. *Меня судьба перевела в Коимбру, / Святилище науки; там впервые / Услышал я Гомера; мантуанский / Певец меня гармонией своей / Пленил, и прелесть красоты / Проникла душу мне; что в ней дотоле / Невидимо, неведомо хранилось, / То вдруг в чудесный образ облеклось; / Что было тьма, то стало свет, и жизнью / Затрепетало всё, что было мёртвым; / И мне во грудь предчувствие чего-то / Невыразимого впилося...* [Жуковский, Т. 7, с. 434].

Эти крылатые слова В. А. Жуковского: *гений чистой красоты* и *невыразимое* – оказываются взаимосвязанными в монологе умирающего Камоэнса: *Тебя, на рубеже земли и неба, снова / Преображенную я вижу пред собой; / Что здесь прекрасного, великого, святого / Я вдохновенною угадывал мечтой, / Невыразимое для мысли и для слова, / То все в мой смертный час прияло образ / твой. Камоэнс делает вывод, что гений чистой красоты – поэзия: Так, ты – поэзия* [Жуковский, Т. 7, с. 453–454].

Перед смертью Камоэнс говорит с молодым поэтом Васко, в словах которого В. А. Жуковский выразил своё представление о назначении поэта и поэзии: *быть хочу крылом могучим, / Подъемлющим родные мне сердца / На высоту, зарей, победу дня / Предвозвещающей, великих дум / Воспламенителем, глаголом правды, / Лекарством душ, безверием крушимых, / И сторожем нетленной той завесы, / Которою пред нами горний мир / Задернут, чтоб порой для смертных глаз / Её приподымать и святость жизни / Являть во всей её красе небесной – / Вот долг поэта, вот моё призванье!* [Жуковский, Т. 7, с. 449]. Поэзия не даст человеку (читателю) утратить человеческое в себе, поэт – путеводная звезда для читателей. *Поэзия небесной / Религии сестра земная; светлый / Маяк, самим создателем зажженный, / Чтоб мы во тьме житейских бурь не сбились / С пути. Поэт, на пламени его / Свой факел зажигай! Твои все братья / С тобою заодно засветят каждый / Хранительный свой огнь, и будут здесь / Они во всех странах и временах / Для всех племён звездами путевыми; / При блеске их, что б труженик земной / Ни испытал, – душой он не падет, / И вера в лучшее в нём не погибнет* [Жуковский, Т. 7, с. 449].

Драма завершается словами Камоэнса: «Поэзия есть Бог в святых местах земли», ставших крылатыми. Впоследствии разными поэтами написаны стихотворения с таким названием. В стихах И. Стебенкова назначение поэзии утверждается в пробуждении спящих душ читателей: *А было Слово – светлый дар Отца / Поэтам – избранным провидцам и творцам, / Чтоб Слову внемля, мы очиститься могли. / «Поэзия – есть Бог в святых мечтах земли…» / Для высшей цели дар Поэтам дан – / Не всуе меряться, кто истинный талант, / Не для того, чтоб написать стихов тома, / А для того, чтоб души не объяла тьма…* [Стебенков, 2013]. Бог создал наш мир словом, значит поэзия, прекрасное – то, с чего начинается жизнь.

В многочисленных упоминаниях о В. А. Жуковском на страницах «Комментариев к “Евгению Онегину”» и «Лекций по русской литературе» В. В. Набоков никогда не говорит о В. А. Жуковском в критическом тоне [Анисимова, 2015 а, с. 117].

В стихотворении В. В. Набокова «Детство» появляется выражение чистая красота в значении божество: *Одно в душе моей осталось неизменным, / и это – преданность виденьям несравненным, / молитва ясная пред чистой красотой. / Я ей не изменил* [Набоков, Т. 1, с.515].

Символом совершенства, прекрасного у В. В. Набокова выступают сиреневый, фиолетовый, лиловый цвета. Фиолетовый возникает из сочетания красного с синим. В стихотворении «Эфемеры» *гений чистой красоты*, названный здесь *ангел*, является из фиолетовых (пурпурных) волн. Как и у В. А. Жуковского при явлении гения чистой красоты, при явлении ангела у В. В. Набокова появляются свет, приятные звуки, душа обретает силы для жизни. *Спадая ризою с дымящихся высот / крутого рая – Слава! Слава! – / клубится без конца, пылает и ползёт / поток – божественная лава... / И Сила гулкая, встающая со дна, / вздувает огненные зыби: / растёт горячая вишневая волна / с роскошной просинью на сгибе. / Вот поднялась горбом и пеной зацвела, / и нежно лопается пена, / и вырываются два пле-*

щущих крыла / из пламенеющего плена. / И ангел восстаёт стремительно-светло, / в потоке огненном зачатый, / – и в жилках золотых прозрачное крыло / мерцает бахромой зубчатой. / И беззаветную хвалу он пропоёт, / на миг сияя над потоком, / – сквозными крыльями восторженно всплеснёт, / исчезнет в пламени глубоком. / И вот возник другой из пышного огня, / с таким же возгласом блаженства: / вся жизнь его звенит и вся горит, звеня, / и вся – мгновенье совершенства. / И если смутно мне, и если даль мутна, / я призываю эти зыби: / растёт горячая вишневая волна / с роскошной просинью на сгибе... [Все стихи Владимира…, 2019].

В. В. Набоков многократно использует образ крылатого поэта, появившийся в монологе Васко в «Камоэнсе». *Я чувствую, что рифмой расцветаю, / я предаюсь незримому крылу* [Набоков, Т. 2, с. 594]. Я встал, крылатый и высокий [Набоков, Т. 1, с. 588]. *Вздохнуть поглубже и, до плеч / в крылья вдев расправленные руки, / с подоконника на воздух лечь / и лететь, наперекор науке / с переменным трепетом стрижа; / вдоль сада пронестись, и метить прямо / в стену, и, перешагнув, над самой / землёй скользнуть, и в синеву, дрожа, / взмыть.../ Боюсь, не вынесу полета.. – / Нет, вынес* [Все стихи Владимира…, 2019]. (…) *Зной бессменный вдохновенья / звуковаятеля томил. / На крыльях чудного недуга / Летя (...) он лишь сорвал душистый стих!* [Набоков, Т. 1, с. 540–541]. *Нас мало – юных, окрыленных* [Набоков, Т. 1, с. 447]. В стихотворении «Крым» поэт вспоминает, как грезил о крыльях в начале творческого пути: … *О, тиховейные долины, / ... О, рощи буковые, где я / подслушал, Пан, свирель твою! /.. . Там, ночью звездной, я порою / о крыльях грезил...* [Набоков, Т. 1, с. 524]. «Придавлен душною дремотой» [Набоков, Т. 1, с. 443–444] о том, что не удалось расправить крылья: душа не проснулась, стихи не возникли.

Поэт, артист, художник у В. В. Набокова крылаты, пока творят, в момент творения с ними Бог. *И в вышине, перед старинным / собором, на тугой канат, / шестом покачивая длинным, / шагнул, сияя, акробат. / Курантов звон, пока он длился, / пока в нём пребывал Господь, / как будто в свет преобразился / и в вышине облекся в плоть. / Стена соборная щербата / и ослепительна была; / тень голубая акробата / подвижно на неё легла. / Всё выше над резьбой портала, / где в нише – статуя и крест, / тень угловатая ступала, / неся свой вытянутый шест. / И вдруг над башней с циферблатом, / ночною схвачен синевой, / исчез он с трепетом крылатым – / прелестный облик теневой. / И снова заиграли трубы, / меж тем как, потен и тяжёл, / в погасших блестках, гаер грубый / за подаяньем к нам сошёл* [Набоков, Т. 1, с. 568–569].

Крылатыми названы и персонажи, созданные писателем, а право творить *благостным*, как В. А. Жуковский называл *гения чистой красоты – благодатным ангелом. Я говорю о тех ночах, когда / Толстой творил, я говорю о чуде, / об урагане образов, летящих / по чёрным небесам в час созиданья, / в час воплощенья... Ведь живые люди / родились в эти ночи... Так Господь / избраннику передаёт своё / старинное и благостное право / творить миры и в созданную плоть / вдыхать мгновенно дух неповторимый* [Набоков, Т. 2, с. 593–594].

В «Даре» Годунов-Чердынцев называет поэтический дар *крылатым даром*. У В. В. Набокова появляются ещё *крылатый крик, крылатый трепет, крылатый путь*. В стихотворении «О, встречи дивное волненье» *гений чистой красоты*, видение которого поэт встречает с *крылатым криком*, наклоняется к поэту *с алмазной песнею во взоре*: *О, встречи дивное волненье! / Взгляд заревой... Крылатый крик.. / Ты осязаемо, виденье! / К тебе я трепетно приник... (...) О достиженье, крылья, зори! / Мечта оправдана вполне! / С алмазной песнею во взоре / ты наклоняешься ко мне...* [Набоков, Т. 1, с. 492–493]. Жажда творчества – это стремление в путь крылатый в стихотворении «О, как ты рвешься в путь крылатый»: *О, как ты рвёшься в путь крылатый, / безумная душа моя* [Набоков, Т. 1, с. 608]. В «Забудешь ты меня, как эту ночь забудешь» у поэта *окрылённый голос*: *Но ясновиденье подобно вдохновенью / прозреньем окрылён тревожный голос мой* [Набоков, Т. 1, с. 477].

Крылья поэта могут восходить у В. В. Набокова не только к *гению чистой красоты* В. А. Жуковского, но и к А. А. Фету, также и трепет, музыкальный звук [Труфанова, 2016]. Полигенетичность характерна и для В. В. Набокова. Звук у В. В. Набокова появляется раньше крыльев. *При луне, когда косую крышу / лижет металлический пожар, / из окна случайного я слышу / сладкий и пронзительный удар / музыки; и чувствую, как холод / счастия мне душу обдает; / кем-то ослепительно расколот / лунный мрак; и медленно в полет / собираюсь, вынимая руки / из карманов, трепещу, лечу* [Набоков, Т. 1, с. 619]. *Я помню твой приход: растущий звон, / волнение, неведомое миру. / Луна сквозь ветки тронула балкон, / и пала тень, похожая на лиру* [Набоков, Т. 2, с. 552]. В стихотворении «Из блеска в тень и в блеск из тени» *в утро мира дикарь, еще полунемой, с душой прозревшей, но бескрылой* [Набоков, Т. 1, с. 444–445] играет тетивой лука, заметив, какой густой и сладкий звук у неё; эта игра для него оказывается прекраснее охоты. В стихотворениях «Ещё безмолвствую и крепну я в тиши», «Люблю в струящейся дремоте», «Мерцательные тикают пружинки» поэт только предчувствует появление *гения чистой красоты*, но уже слышит звук, гул. *Ещё безмолвствую и крепну я в тиши. / Созданий будущих заоблачные грани / ещё скрываются во мгле моей души, / как выси горные в предутреннем тумане. / Приветствую тебя, мой неизбежный день. / Все шире, шире даль, светлей, разнообразней, / и на звенящую на первую ступень / всхожу, исполненный блаженства и боязни* [Набоков, Т. 1, с. 496]. *Ещё не дышит вдохновенье, / а мир обычного затих: / то неподвижное мгновенье – / уже не боль, ещё не стих. / И полумысли, полузвуки / вплывают в дымчатый мой сон* [Набоков, Т. 1, с. 532–533]. *Но в тёмном переулке жизни милой, / как в городке на берегу морском, / есть некий гул; он дышит смутной силой, / он ширится; он с детства мне знаком. / И ночью перезвоном волн да кликом / струн, дальних струн, неисчислимых струн, / взволнован мрак, и в трепете великом / встаю на зов, доверчив, светел, юн...* [Набоков, Т. 1, с. 538].

Явления *гения чистой красоты* у В. В. Набокова не просто утешают поэта, он испытывает сладострастье, он не просто умилён, внутри него,

как и вовне, огонь. *Вдохновенье – это сладострастье / человеческого "я": / жарко возрастающее счастье, – / миг небытия. / Сладострастье – это вдохновенье / тела, чуткого, как дух: / ты прозрел, ты вспыхнул на мгновенье, – / в трепете потух. / Но когда услада грозовая / пронеслась, и ты затих, – / в тайнике возникла жизнь живая: / сердце или стих...* [Набоков, Т. 1, с. 544]. Что значит: *возникло сердце*? Чьё сердце? Душа поэта ожила в момент творения? Или зародилась новая жизнь?

А. И. Белецкий убедительно доказал, что в стихотворении «К ***» («Я помню чудное мгновенье») у А. С. Пушкина несколько планов, на поверхностном уровне кажется, что стихотворение посвящено А. П. Керн (при том, что в названии её имени нет), на уровне более глубоком «между А. П. Керн и гением чистой красоты – дистанция огромного размера» [Белецкий, 1964, с. 395], это «стихотворение не обязательно включать в цикл любовной лирики А. С. Пушкина. Оно роднится по мыслям с такой, например, его вещью, как стихотворение “Поэт” (1827). Стихотворение это выдержано в стиле традиционной образности: в нём и “священная жертва”, и Аполлон, и “святая лира”, и тому подобные атрибуты предшествовавшей Пушкину поэтики. В стихотворении “Я помню…” их нет. Из обихода предшественников взяты лишь “гений чистой красоты” да “божество”» [Белецкий, 1964, с. 401]. Проанализировав значения слова божество у А. С. Пушкина, А. И. Белецкий делает вывод, что у поэта это искусство, пророк божий – это поэт, алтарь – рабочий стол поэта, молитва – сладкие звуки его слов, подчинённых метру и ритму [Белецкий, 1964, с. 393–394]. Тем не менее, добавляет исследователь, женская красота могла быть внешним импульсом, пробудившим вдохновение.

У В. В. Набокова крылья и полёт в небе встречаются в стихах на первый взгляд о плотской любви, в них упоминаются поцелуй, объятья, зачатие ребёнка (как в стихотворении «Вдохновенье – это сладострастье»), но на более глубоком уровне это стихи не о любви, а о поэте и поэзии, поскольку у возлюбленной в них нет ни одного конкретного признака, место и время встречи с ней описаны предельно абстрактно. Таково стихотворение «В хрустальный шар заключены мы были», она, с которой летел поэт, это поэзия; поэт творит не всегда, поэтому упомянута разлука – перерыв в сочинении стихов. *В хрустальный шар заключены мы были, / и мимо звёзд летели мы с тобой, / стремительно, безмолвно мы скользили / из блеска в блеск блаженно-голубой. / И не было ни прошлого, ни цели, / нас вечности восторг соединил, / по небесам, обнявшись, мы летели, / ослеплены улыбками светил. / Но чей-то вздох разбил наш шар хрустальный, / остановил наш огненный порыв, / и поцелуй прервал наш безначальный, / и в пленный мир нас бросил, разлучив. / И на земле мы многое забыли: / лишь изредка воспомнится во сне / и трепет наш, и трепет звездной пыли, / и чудный гул, дрожавший в вышине. / Хоть мы грустим и радуемся розно, / твое лицо, средь всех прекрасных лиц, / могу узнать по этой пыли звёздной, / оставшейся на кончиках ресниц… [Набоков, Т. 1, с. 482–481].* См. также: «Темно-синие обои» [Набоков, Т. 1, с. 437]. *Гений чистой красоты* у В. В. Набокова рождает жизнь, а не просто поддерживает её своим

явлением. Для В. В. Набокова красота не эстетическая категория, как у В. А. Жуковского, а онтологическая.

4. Выводы

В контексте творчества В. А. Жуковского выражение *гений чистой красоты* приобретает следующие значения: 1) поэт; 2) брат Музы; 3) путеводная звезда для людей; духовный вожатый для поэта; 4) ангел-хранитель поэта; 5) дарователь песнопений для поэта; 6) вдохновение, 7) божество: 8) поэзия; 9) любовь; 10) надежда; 11) воспоминание; 12) истина; 13) невыразимое; 14) прекрасное; 15) Бог.

В. В. Набоков воспринял разработанное В. А. Жуковским понятие *гений чистой красоты*. В его стихах выражение *чистая красота* появляется в значении 'божество'. *Гений чистой красоты* у В.В. Набокова чаще не назван, читатель узнаёт о нём, по признакам, сопровождающим его явление; и угадываемый *гений чистой красоты* выступает дарователь поэту стихов, истинного знания, упоения счастьем, блаженства, вдохновения. Изо всех признаков гения чистой красоты В. А. Жуковского и атрибутов, сопровождающих его явление, для В. В. Набокова наиболее актуальными оказались крылья, полёт в небе, звёзды; свет у В. Н. Набокова превращается в огонь, пламя, зыблющуюся лаву, зной, грозу и молнию (*усладу громовую*), звуки арфы в звуки свирели, звук струны или в звон, гул. Встреча с *гением чистой красоты* у В. В. Набокова представлена несравненно более экспрессивно, чем у В. А. Жуковского. У В. А. Жуковского явление *гения чистой красоты* облегчает жизнь. *Гений чистой красоты* у В. В. Набокова – это красота, рождающая жизнь. Красота для В. В. Набокова не эстетическая, а онтологическая категория. У обоих поэтов *гений чистой красоты* приоткрывает завесу, показывая поэту вечность, но вечность поэты видят поразному. У В. А. Жуковского вечность связана с Богом, бессмертием человеческой души. У В. В. Набокова творчество связывает поэта с вечностью.

Полученные в ходе исследования выводы могут быть использованы при составлении словарей языка поэта В. А. Жуковского и писателя В. В. Набокова, а также при составлении словаря концептов русской культуры.

Список литературы

1. Алексеев, М. П. Томас Мур и русские писатели XIX века. Русско-английские литературные связи (XVII век – первая половина XIX века) [Электронный ресурс] / М. П. Алексеев // Литературное наследство. – Т. 96. – М. : Наука, 1982.
2. Афанасьев, В. В. Жуковский [Текст] / В. В. Афанасьев. – М. : Молодая Гвардия, 1986. – 106 с.
3. Анисимова, Е. Е. «Возьмите Жуковского для ноздрей». В. Набоков систематизирует наследие В. А. Жуковского: от «Приглашения на казнь» к «Лолите» и «Пнину» [Текст] / Е. Е. Анисимова // Критика и семиотика. – 2015 а. – № 1. – С. 101–147.
4. Анисимова, Е. Е. Наследие В. А. Жуковского в художественном языке романов В. Набокова («Приглашение на казнь», «Лолита», «Пнин») [Текст] / Е. Е. Анисимова // Сибирский филологический журнал. – 2015 б. – № 3. – С. 153–160.

5. Белецкий, А. И. Из наблюдений над стихотворными текстами А. С. Пушкина. I. Стихотворение «Я помню чудное мгновенье» [Текст] / А. И. Белецкий // Избранные труды по теории литературы. – М. : Просвещение, 1964. – С. 386–402.
6. Все стихи Владимира Набокова [Электронный ресурс] // Русская поэзия. – URL : https://rupoem.ru/nabokov/all.aspx (дата обращения : 25.04.2019).
7. Галинская, И. Л. Владимир Набоков: Современные прочтения : сб. науч. тр. [Текст] / И. Л. Галинская. – М. : РАН, 2005. – 177 с.
8. Галюн, И. П. К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского [Текст] / И. П. Галюн. – Киев : Типогр. Импер. ун-та им. Св. Владимира, 1916. – 31 с.
9. Егорова, Е. Диалог с Жуковским в романе Набокова [Текст] / Е. Егорова // Вопросы литературы. – 2014. – № 3. – С. 208–223.
10. Жирмунский, В. М. Гете в русской литературе [Текст] / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1982. – С. 80–81.
11. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений: в 20 т. [Текст] / В. А. Жуковский. – Т. 1–12. – М.: Языки славянской культуры, 1999–2012.
12. Забияко, А. А. Синестезия: метаморфозы художественной образности [Текст] / А. А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2004. – 215 с.
13. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин [Текст] / Интертекстуальность. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 352 с.
14. Карпов, Н. А. Творчество В. В. Набокова и традиции литературы романтической эпохи («Защита Лужина», «Приглашение на казнь») [Текст]: дис. … канд. филол. наук 10.01.01 / Карпов Николай Александрович; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2002. – 217 с.
15. Кохановский, В. История философии [Текст] / В. Кохановский, В. Яковлев. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 576 с.
16. Мейер, П. Найдите, что спрятал матрос: «Бледный огонь» Владимира Набокова [Текст] / П Майер. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 33–34.
17. Набоков, В. В. Стихотворения [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 1. – СПб. : Симпозиум, 2004. – С. 437–640.
18. Набоков, В. В. Стихотворения [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч. : В 5 т. – Т. 2. [Текст] / В. В. Набоков. – СПб. : Симпозиум, 2004. – С. 539–601.
19. Семенова, Н. В. Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова) [Текст] / Н. В. Семёнова. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2004. – 200 с.
20. Стебенков, И. Когда-нибудь, Бог весть… [Электронный ресурс] / И. Стебенков // Стихи.ру. – URL : https://www.stihi.ru/2013/02/15/8104.
21. Тамми, П. Заметки о полигенетичности в прозе Набокова [Текст] / П. Тамми // В. В. Набоков. Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 514–527.
22. Труфанова, И. В. Фетовские реминисценции у В. В. Набокова [Текст] / И. В. Труфанова // Язык и мышление: Психолингвистические аспекты: Материалы XVI-й Междунар. науч. конф. // отв. ред . А. В Пузырёв. – М. : ИЯз РАН, Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «ГГТУ», 2016. – С. 192–199.
23. Черняев, Н. И. Послание «К А. П. Керн» Пушкина и «Лалла Рук» Жуковского [Текст] / Н. И. Черняев // Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. – Харьков, 1900. – С. 33–64.

24. Connolly, J. W. Nabokov and Zhukovsky [Text] / J. W. Connolly // The Vladimir Nabokov Research Newsletter. – 1983. – N. 11. – P. 43–47.
25. Shapiro, G. Delicate Markers: Subtexts in VАлексеев, М. П. Томас Мур и русские писатели XIX века. Русско-английские литературные связи (XVII век – первая половина XIX века) [Электронный ресурс] / М. П. Алексеев // Литературное наследство. – Т. 96. – М. : Наука, 1982. – URL : http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/ text_ 0410.shtml

References

1. Alexeev, M. P. (1982). Tomas Mur i russkiye pisateli XIX veka. Russko-angliyskiye literaturnyye svyazi (XVII vek – pervaya polovina XIX veka [Thomas Moore, and Russian writers of the XIX century. Russian-English literary relations. (XVII century – the first half of the XIX century)]. *Literaturnoye nasledstvo: T. 96* [Literary heritage. Vol. 96]. Moscow : Nauka Press.
2. Afanasiev, B. B. (1986). *Zhukovskiy* [Zhukovsky]. Moscow: Molodaya Gvardiya Press.
3. Anisimova, E. E. (2015). “Vozmite Zhukovskogo dlya nozdrey”. V. Nabokov sistematiziruet nasledie v a Zhukovskogo ot “Priglasheniya na kazn” k “Lolite” i “Pninu” ["Take Zhukovsky for nostrils." V. Nabokov systematizes the legacy of V. A. Zhukovsky: from "Invitation to execution" to "lolita" and "Pnin"]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, 101–147.
4. Anisimova, E. E. (2015). Nasledie v a Zhukovskogo v hudozhestvennom yazyke romanov V. Nabokova (“Priglashenie na kazn”, “Lolita”, “Pnin”) [Zhukovsky's Legacy in the artistic language of novels by V. Nabokov ("Invitation to execution", "Lolita", "Pnin")]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 3, 153–160.
5. Beletsky, A. I. (1964). Iz nablyudeniy nad stikhotvornymi tekstami A. S. Pushkina. I. Stihotvorenie “Ya pomnyu chudnoe mgnovene” [I. From the observations on the poetic texts of A. S. Pushkin. I. Poem "I remember a wonderful moment"]. *Izbrannye trudy po teorii literatury* [Selected works on the theory of literature] (pp. 386–402). Moscow: Prosveshchenie Press.
6. Vse stihi Vladimira Nabokova [All poems by Vladimir Nabokov]. Russkaya poeziya [Russian poetry]. Retrieved April 25, 2019 from <https://rupoem.ru/nabokov/all.aspx>.
7. Galinskaya, I. L. (2005). *Vladimir Nabokov. Sovremennye prochteniya: sb. nauch. tr.* [Vladimir Nabokov: Modern readings. Collection of papers]. Moscow: RAS Press.
8. Galyun, I. P. (1916). *K voprosu o literaturnyh vliyaniyah v poehzii V. A. Zhukovskogo* [On literary influences in V. A. Zhukovsky's poetry]. Kiev: Saint Vladimir Imperial University Printing House.
9. Egorova, E. (2014). Dialog s Zhukovskim v romane Nabokova [Dialogue with Zhukovsky in Nabokov's novel]. *Voprosy literatury* [Topics in the study of literature], 3, 208–223.
10. Zhirmunsky, V. M. (1982). *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian literature]. Leningrad: Nauka Press.
11. Zhukovsky, V. A. (1999–2012). *Polnoe sobranie sochineniy*: v 20 t.: T. 1–12 [Complete collection of works: In 20 volumes. Vol. 1–12]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Press.
12. Zabiyako, A. A. (2004). *Sinesteziya metamorfozy hudozhestvennoy obraznosti* [Synesthesia: metamorphoses of artistic imagery]. Blagoveshchensk: Amur State University Press.

13. Intertextuality (2016). *Intertekstualnost i figury interteksta v diskursah raznyh tipov : kollektivnaya monografiya* [Intertextuality and intertext figures in discourses of different types: Collective monography]. Ed. by T. N. Kolokoltseva, V. P. Moskvin. Moscow: Flinta Press: Nauka Press.
14. Karpov, N. A. (2002). *Tvorchestvo V. V. Nabokova i traditsii literatury romanticheskoy epokhi ("Zashchita Luzhina", "Priglashenie na kazn")* [The work of V. V. Nabokov, tradition and literature of the romantic era ("the Luzhin Defense", "Invitation to execution")]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg: St Petersburg State University.
15. Kokhanovskiy, V., Yakovlev, V. (2001). *Istoriya filosofii* [The history of philosophy]. Rostov-on-Don: Feniks Press.
16. Meyer, P. (2007). *Naydite, chto spryatal matros: "Blednyy ogon" Vladimira Nabokova* [Find what the sailor hid: "Pale fire" Vladimir Nabokov]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Press.
17. Nabokov, V. V. (2004). Stikhotvoreniya [Poems]. *Nabokov V. V. Russkiy period. Sobr. soch.: V 5 t. T. 1* [Russian period. Collected works: In 5 volumes. Vol. 1]. St Petersburg: Symposium Press.
18. Nabokov, V. V. (2004). Stikhotvoreniya [Poems]. *Nabokov V. V. Russkiy period. Sobr. soch.: V 5 t. T. 2* [Russian period. Collected works: In 5 volumes. Vol. 2]. St Petersburg: Symposium Press.
19. Semenova, N. V. (2004). *Tsitata v hudozhestvennoy proze (na materiale proizvedenij V. Nabokova)* [Quote in fiction (Based on the works of V. Nabokov)]. Tver: Tver State University Press.
20. Schebenkov, I. *Kogda-nibud', Bog vest'...* [Some day, only God knows…]. Stihi.ru [Poems.ru]. Retrieved from <https://www.stihi.ru/2013/02/15/8104>.
21. Tammy, P. (1987). Zametki o poligenetichnosti v proze Nabokova [Notes on polygenetics in Nabokov's prose]. *V. V. Nabokov. Pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley* [V. V. Nabokov. Pro et contra. Personality and creativity of Vladimir Nabokov in evaluation of Russian and foreign thinkers and researchers] (pp. 514–527). St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Press.
22. Trufanova, I. V. (2016). Fetovskie reministsentsii u V. V. Nabokova [Fet's allusions in V. V. Nabokov]. In V. A. Puzyrev (Ed.), *Yazyk i myshlenie: Psikholingvisticheskie aspekty* [Language and thinking: Psychological and linguistic aspects]. Proc. of the XVI-th International Scientific Conference (pp. 192–199). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press; Orekhovo-Zuyevo: GSTU Press.
23. Chernyaev, N. I. (1900). Poslanie"K A. P. Kern" Pushkina i "Lalla Ruk" Zhukovskogo [Message "To A. P. Kern" Pushkin and "Lalla Rookh" Zhukovsky]. *Chernyaev N. I. Kriticheskie stati i zametki o Pushkine* [Chernyaev N. I. Critical articles and notes about Pushkin] (pp. 33–64). Kharkov.
24. Connolly, J. W. (1983). Nabokov i Zhukovskiy [Nabokov and Zhukovsky]. *Informatsionnyy byulleten' Vladimira Nabokova* [Vladimir Nabokov Research Newsletter], 11, 43–47.
25. Shapiro, G. (1998). *Delikatnye markery: podteksty v «priglashenii k obezglavlivaniyu» Vladimira Nabokova* [Delicate Markers: Subtexts in Vladimir Nabokov's «Invitation to a Beheading»]. New York: Peter Lang Press.

УДК 811.111:81’373.72
UDC 811'111:81’373.72

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

ВАРИАНТНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *GET* В ОСНОВНЫХ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЯХ
VARIABILITY OF THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT *GET* IN THE BASIC STRUCTURAL PATTERNS

Аннотация
В статье рассматривается вопрос варьирования компонентного состава фразеологических единиц (ФЕ), включающих функционально ведущий компонент *get* и объединяемых двумя наиболее распространёнными в современном английском языке трёхкомпонентными, по классификации А. В. Кунина, структурными моделями (1) V + (d) + N + Prep + θ и (2) V + (d) + Adj + N. Актуальность исследования определяется лакунарностью в изучении данного сегмента английской фразеологии и назревшей необходимостью структурного анализа избранных моделей ФЕ. В работе применялся ряд как полипарадигмальных, так и специфических методов исследования, в том числе метод компонентного и квантитативного анализа и словарных дефиниций. В результате исследования выявлены простые и комплексные варианты ФЕ в каждой из изучаемых структурных моделей. ФЕ первой модели подвержены вариантности в 91% случаев, ФЕ второй модели подвержены вариантности в 81% случаев. ФЕ каждой рассматриваемой модели характеризуются как простой, так и комплексной вариантностью. Внутри простой вариантности в каждой модели преобладает глагольная вариантность: 87% и 87,6% соответственно. Простые варианты второй модели отличаются большим разнообразием и включают, кроме глагольных, субстантивные и морфологические варианты. Комплексные варианты включают глагольно-квантитативные, глагольно-адъективные и глагольно-субстантивно-препозитивные варианты. Общим результатом работы является подтверждение гипотезы о сохранении тождества фразеологической единицы независимо от наличия вариантов.

Abstract
The article considers the issue of variability of phraseological units (PU) component structure including the functionally leading component *get* and representing, according to A. V. Kunin’s classification, two most widespread three-component structural patterns, i.e. (1) V + (d) + N + Prep + θ and (2) V + (d) + Adj + N. Despite its crucial role, this segment has not been the focus of a complex study creating a lacuna in English phraseology, therefore there is a need for structural analysis of its patterns. A number of both poliparadigmal and specific research

methods, including the method of the componential and quantitative analysis and dictionary definitions, were applied in this study. As a result, both simple and complex phraseological variants in each of the two structural patterns were found. Phraseologisms of the first pattern were subjected to variability in 91% of occurrences, phraseologisms of the second pattern were subjected to variability in 81% of occurrences. Phraseologhisms of each pattern were characterized by both simple and complex variability. The verbal variants prevailed within the simple variability in each pattern: 87% and 87.6% respectively. Simple variants of the second pattern were characterized by larger diversity and besides verbal variants included substantive and morphological ones. Complex variability was represented by verbal-quantitative, verbal-adjectival and verbal-substantive-prepositive variants. In general, the results of this study prove the hypothesis about preserving the identity of the phraseological unit despite its variability.

Ключевые слова: фразеология, простая вариантность ФЕ, комплексная вариантность ФЕ, константная зависимость компонентов, константно-вариантная зависимость компонентов, константно-вариантно-переменная зависимость компонентов.

Key words: phraseology, simple PU variability, complex PU variability, constant dependence of components, constant-variant dependence of components, constant-variant-changeable dependence of components.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_215_227

1. Введение

Глагольная фразеология современного английского языка является одним из наиболее притягательных объектов для исследования ввиду того, что глагол есть центр высказывания. Анализ научной литературы показывает, что вариантность фразеологических единиц (далее – ФЕ) современного английского языка с компонентом *get* не подвергалась специальному изучению, что объясняет новизну и целесообразность предпринятого исследования (подробнее о степени изученности проблемы см. [Fedulenkova, 2002, p. 9 ; Федуленкова, 2006, с. 75, 2018, с. 55]).

Данная работа преследует цель посредством структурно-компонентного анализа выявить виды вариантности английских фразеологических единиц, содержащие в своей структуре глагольный компонент *get* и объединяемые наиболее распространенной моделью описания, или линейной моделью [Федуленкова, 2006, с. 41]. Выдвигаемая гипотеза декларируется следующим тезисом: в избранном фразеологическом поле – фразеологизмы с компонентом *get*, объединяемые двумя распространёнными трёхкомпонентными структурными моделями – существуют как простые, так и комплексные варианты компонентной структуры ФЕ; тождество ФЕ сохраняется независимо от наличия вариантов.

Достижению поставленной цели призвано способствовать решение следующих сопутствующих задач:

а) изучение компонентного состава ФЕ современного английского языка, содержащих в своей структуре глагольный компонент *get*;

б) выявление наиболее распространённых моделей описания, или линейных моделей, исследуемых ФЕ;

в) выявление видов вариантности исследуемых ФЕ;

г) определение влияния вариантности на тождество фразеологической единицы, то есть на её равенство самой себе.

2. Исследование

В фразеологическом поле данного исследования целесообразно рассмотреть две наиболее распространённые в современном английском языке структурно-грамматические модели ФЕ (1) V + (d) + N + Prep + θ; (2) V + (d) + Adj + N, включающие в свой состав глагольный компонент *get*, и произвести структурный анализ избранных глагольных ФЕ.

2.1. Исходные параметры исследования

Для формирования базы данных и определения объекта исследования мы обратились к наиболее авторитетным фразеологическим словарям и новейшим словарям идиом [Кунин, 1998 ; Spears, 1991 ; Ayto, 2010]. В качестве дополнительного источника информации были привлечены новые толковые словари идиом [Urdang, 1996 ; Walter, 2001]. В качестве иллюстративного материала были взяты примеры из базы данных Британского Национального Корпуса.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования применялся ряд методов лингвистического анализа избранного поля ФЕ. В процессе отбора искомых ФЕ из лексико-фразеологического континуума современного английского языка использовался метод фразеологической идентификации, предложенный основателем английской фразеологии как науки А. В. Куниным. При определении количественного состава изучаемых ФЕ мы прибегли к методам компонентного и квантитативного анализа. В целях идентификации вариантов и определения их качественных характеристик мы обратились к методу вариационного анализа [Кунин, 1970]. Для установления типов зависимости компонентов фразеологической единицы применялись компонентный и структурный виды анализа ФЕ. С целью иллюстрации различных вариантов фразеологической единицы был задействован метод контекстуального анализа. В качестве дополнительного метода исследования использовался метод словарных дефиниций.

Выборка языкового материала для структурного анализа, произведённая на основе метода фразеологической идентификации, даёт возможность собрать для исследования около трёх сотен английских ФЕ, ведущим структурным компонентом которых является глагол *get*.

Проводя структурно-грамматический анализ современных глагольных ФЕ с функционально ведущим компонентом глаголом *get*, мы исходили из определения, предложенного профессором А. В. Куниным, который считает, что ФЕ есть устойчивые сочетания слов с осложнённой семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных словосочетаний [Кунин, 1996, с. 5]. Подчеркнём при этом,

что отсутствие порождающей модели во фразеологии далеко не означает, что моделирование в данной сфере категорически невозможно. В принципе моделирование в сфере фразеологии не является исключением: оно возможно, но носит специфический характер и отличается от моделирования переменных сочетаний слов. В сфере фразеологии применяется особый вид моделирования, а именно, описательное моделирование, которое позволяет классифицировать изучаемую фразеологию с точки зрения не порождения, а с точки зрения её структурно-грамматических характеристик [Аракин, 1984].

В целях структурного описания фразеологии современного английского языка с компонентом *get* был использован традиционный метаязык, включающий сокращённые латинизированные обозначения частей речи. Для обозначения переменного компонента в составе фразеологической единицы был принят математический символ переменной величины, обозначаемый греческой литерой θ (ипредложенный автором в качестве элемента лингвистического метаязыка с целью использования в сфере фразеологии [Федуленкова, 2018, с. 64]).

Структурный анализ изучаемых глагольных ФЕ позволяет выявить две наиболее распространённые в современном английском языке структурно-грамматические модели с компонентом get, а именно:

(1) V + (d) + N + Prep + θ;

(2) V + (d) + Adj + N.

2.2. Структурно-грамматическая модель V + (d) + N + Prep + θ

По количеству знаменательных лексем данная модель объединяет трёхкомпонентные ФЕ [Кунин, 1970, с. 51] главным образом с константно-переменной и константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов.

В пределах рассматриваемой структурно-грамматической модели ФЕ с константно-переменной, то есть с безвариантной, зависимостью компонентов представлены следующими немногочисленными случаями ФЕ: *get a beat on somebody* – амер. жарг. 'обмануть, надуть кого-либо'; *get a load of something* – амер. жарг. 'понимать, постигать что-либо'; *get a line on somebody, something* – 'разузнать о ком-либо'.

ФЕ с константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов, объединяемые данной моделью, представлены более широко в современном английском языке и составляют 91% исследуемого участка английской фразеологии: *get / take the credit for somebody* – 'получить признание за что-либо'; *get / have the drop on somebody* – 'поставить кого-либо в невыгодное положение'; *get / have the heels of somebody* – 'оставлять кого-либо позади'; *get / take the measure of somebody* – 'раскусить кого-либо'; *get / have a call upon something* – 'быть сытым по горло'; *get / have a down on somebody* – 'иметь зуб против кого-либо, таить злобу против кого-либо' и другие.

Начнём анализ с примеров простой вариантности ФЕ. Наиболее распространённый вид вариантности, выявленный в этой группе ФЕ – это глагольная вариантность, которая характерна для 87% изучаемых ФЕ и заключается в варьировании функционально ведущего компонента ФЕ *get*. Приведём примеры словарных дефиниций анализируемых ФЕ:

(а) *get / have the feel of something* – (for someone) to learn the way something feels (when it is used) – 'освоиться с чем-либо, выработать навык' (здесь и далее перевод наш – Т. Ф.) □ *I haven't yet* ***got the feel of*** *this bat. I hope I don't strike out*. □ *I can drive better now that I* ***have the feel of*** *this car's steering* [Spears, 1991];

(б) *get / have the goods on somebody – to find out something potentially damaging or embarrassing about someone* – 'собрать улики против кого-либо' □ *John beat me unfairly in tennis, but I'll get even. I'll* ***get the goods on*** *him and his cheating*. □ *The authorities* ***have the goods on*** *Mr. Smith. He has been selling worthless land again* [Spears, 1991];

(в) *get / have the hang of something – to learn how to do something, to learn how something works* – 'приобрести сноровку в чем-либо, понять, как что-либо работает' □ *As soon as I* ***get the hang of*** *this computer, I'll be able to work faster.* □ *Now that I* ***have the hang of*** *starting the car in cold weather, I won't have to get up so early* [Spears, 1991].

Анализ дефиниций ФЕ показывает, что во всех рассматриваемых случаях варьирование глагольного компонента не нарушает тождества фразеологической единицы, что подтверждается идентичностью словарных дефиниций вариантов данных ФЕ. Речевое использование глагольных вариантов анализируемых ФЕ также свидетельствует об их идентичности. Проиллюстрируем использование вариантов ФЕ в контекстах.

(1) *She began* ***to get the hang*** *of those little things which the pretty woman who has vanity invariably adopts (Th. Dreiser. Sister Carrie)* – 'Она начала усваивать все те мелкие черточки, которые со временем обязательно приобретает всякая хорошенькая женщина, не лишённая тщеславия'.

(2) *But, as a baby learns after months of tipping over, it is a matter of fine coordination. The swinging leg has to touch down at exactly the right speed and lock straight in time to convert the kinetic energy into lift. Although he seems* ***to have the hang of it*** *pretty well, a Harvard physicist named Thomas McMahon spent some time relearning this process on a computer (BNC: New Scientist.)* – 'Но, как ребёнок узнает после месяцев опрокидывания, это – вопрос прекрасной координации. Качающаяся нога должна приземлиться на точно правильной скорости и захватить прямо вовремя, чтобы преобразовать кинетическую энергию в подъём. Хотя физик Гарварда по имени Томас Макмахон, кажется, вполне прилично поднаторел в этом, он потратил ещё некоторое время, повторно изучая этот процесс на компьютере'.

Комплексная вариантность изучаемых фразеологических единиц составляет 12,1% от ФЕ данной модели и представлена следующими видами вариантов:

1. Глагольно-квантитативными вариантами: *get / have / keep the bulge on somebody // get / have / keep the bulge – to enjoy a better position than somebody* – 'быть в более выигрышном положении, чем кто-либо'. Указанный вид иллюстрируется следующим примером:

Well, you've rather ***got the bulge on me****. Or, may be we've both* ***got the bulge*** (M. Twain. Innocents at Home) – 'Да, здорово вы меня обошли. А может быть, мы оба обошли друг друга'.

2. Глагольно-субстантивно-препозитивными вариантами: *get / have the advantage of / over someone // get / have the edge on / over someone – to achieve a position superior to someone else* – 'получить преимущество перед кем-либо' □ *Toward the end of the race, I* ***got the advantage over*** *Mary.* □ S*he'd* ***had an advantage over me*** *since the start of the race.* □ *I* ***got an edge on*** *Sally, too, and she came in second.* □ *It's speed that counts. You can* ***have the edge over*** *everyone, but if you don't have speed, you lose* [Spears, 1991].

Сравним, как данные в словаре варианты ведут себя в различных видах контекста.

(1) *… he was a powerfully-built young soldier, I doubt very much if any priest, or even more than one, could* ***get the advantage of*** *such a man. I would like to examine his corpse… (BNC: Crown in darkness. Doherty, P C. London: Headline Book Pub. plc, 1991, pp. 27–151.)* – '… он был молодым солдатом мощного телосложения, и я очень сомневаюсь, что какой-то один священник, или даже больше чем один, мог бы получить преимущество над таким человеком. Я хотел бы исследовать его труп…'.

(2) *Keep back. We've* ***got the edge on*** *it now. We'll be sending one of our own men in in a few minutes* (BNC: Posthumous papers. Barnard, Robert. London: Corgi Books, 1992, pp. 36–171.) – 'Держитесь подальше. У нас теперь здесь преимущество. Мы будем представлять одного из наших собственных мужчин через несколько минут'.

(3) *However, counter style refrigerators* ***have the advantage of*** *providing a work surface as well as storage, they have smaller doors and may be fitted with drawers* (BNC: Hotel, Catering & Institutional Management Association.) – 'Однако холодильники прилавочного стиля имеют преимущество обеспечения рабочей поверхности, а также хранения, они имеют меньшие двери и могут быть оснащены ящиками'.

(4) *The most commonly used machines, after cassette tape-recorders, are the Language Master, and the Synchrofax Audio Page. They* ***have the advantage over*** *the cassette tape-recorder in that they can be easily associated with written language* (BNC: Teaching spelling. Torbe, Mike. UK: Ward Lock Education, 1988, pp. 5–56.) – 'Обычно используемые машины, после кассетных магнитофонов, – это Лэнгвидж Мастер и Синхрофакс Аудио Пейдж. Они имеют преимущество перед кассетным магнитофоном в том, что они могут быть легко связаны с письменным языком'.

(5) *With nothing else to read, it seemed to* ***have the edge on*** *the income tax manuals <…>* (BNC: Angel hunt. Ripley, Mike. London: Fontana Press, 1991, pp. 005–132.) – 'Так как читать было нечего, то большим преимуществом показалось наткнуться на руководства по сбору подоходного налога…'.

(6) *That same month, the corporation announced new high-speed cable and satellite services of the kind that Mercury plans to offer. Telecom will also* ***have the edge over*** *Mercury in its ability to provide switching* (BNC: New Scientist. London: IPC Magazines Ltd, 1991.) – 'В тот же самый месяц корпорация объявила о новом быстродействующем кабеле и услугах спутниковой связи такого же вида, как и Меркурий планирует предложить.

Телекоммуникации будут также иметь преимущество перед Меркурием в своей способности обеспечить переключение'.

В рассматриваемых контекстах варьируют как глагольные, так и субстантивные компоненты ФЕ вместе с сопровождающими их препозитивными компонентами *of, over, on*. Тем не менее, эта вариантность не отражается на семантике анализируемых вариантов ФЕ, о чем свидетельствует их перевод на русский язык тождественной фразой «получить/иметь преимущество». Следовательно, сопоставительный анализ контекстуальных значений различных вариантов рассматриваемой ФЕ свидетельствует в пользу сохранения её тождества.

2.3. Структурно-грамматическая модель V + (d) + Adj + N

Данная модель объединяет трёхкомпонентные ФЕ с константной и константно-вариантной зависимостью компонентов. ФЕ анализируемой модели, не имеющие вариантов, составляют пятую часть исследуемого участка английской фразеологии: *get the hard sell* – (informal) to receive considerable pressure to buy or accept (something) – 'испытать значительное давление, чтобы купить или принять (что-то)': *You'll probably* ***get the hard sell*** *if you go to a used car dealer*.

В пределах рассматриваемой структурно-грамматической модели фразеологизмы с константной, то есть с безвариантной, зависимостью компонентов представлены следующими случаями.

1. Уровень сленга: *get a raw deal – sl.* to receive unfair or bad treatment – 'стать объектом несправедливого или дурного обращения': *Mary* ***got a raw deal*** *on her traffic ticket. She was innocent, but she had to pay a big fine*.

2. Неофициальный уровень: *get the glad hand* – (informal) to receive an overly friendly welcome; to receive insincere attention – 'получить чрезмерно дружелюбный приём; получить неискреннее внимание': *Whenever I go into that store, I* ***get the glad hand***.

3. Нейтральный уровень: *get the high sign* – to receive a prearranged signal (often refers to a hand signal or some other visual signal) – 'получить условный сигнал (часто относится сигналу, поданному рукой, или некоторому другому визуальному сигналу)': *The train's engineer* ***got the high sign****, and began to move the train out of the station*.

ФЕ с константно-вариантной зависимостью компонентов, объединяемые данной моделью, представлены в современном английском языке более широко, чем безвариантные ФЕ, и составляют 80% исследуемого участка английской фразеологии. Внутри вариантных ФЕ данной модели простая вариантность характеризует 76,1% изучаемых вариантных фразеологизмов, комплексная вариантность характеризует 23,7% ФЕ.

Внутри группы ФЕ с простой вариантностью выявлены три вида ФЕ с константно-вариантной зависимостью компонентов, объединяемые данной моделью, а именно: ФЕ с вариантностью глагольного компонента, ФЕ с вариантностью субстантивного компонента и ФЕ с морфологической вариантностью компонента.

1. Глагольные варианты, которые характерны для 87,6% изучаемых ФЕ представляют наиболее распространённый вид вариантности, выявленной в этой группе ФЕ (т.е. в группе простой вариантности), и заключаются в варьировании функционально ведущего компонента ФЕ get. Приведём примеры словарных дефиниций анализируемых ФЕ:

(а) *get a big send-off / have a big send-off* – to receive or enjoy a happy celebration before departing – 'устраивать прощальную вечеринку': □ J*ohn* ***got a fine send-off*** *as he left for Europe*. □ *I* ***had a wonderful send-off*** *before I left* [Spears, 1991];

(б) *get a bright idea / have a bright idea* – for a clever thought or idea to occur to someone – 'быть осененным прекрасной мыслью': □ *John hardly ever* ***gets a bright idea***. □ *Listen here. I* ***have a bright idea*** [Spears, 1991];

(в) *get a Charley horse / have a Charley horse* – to develop a cramp in the arm or leg, usually from strain – 'почувствовать судорогу в руке или ноге, обычно от напряжения': □ *Don't work too hard or you'll* ***get a Charley horse***. □ *Sally can't play. She* ***has a Charley horse*** [Spears, 1991];

(г) *get a swelled head / have a swelled head* – to become conceited – стать тщеславным: □ *Now that she's famous, she's* ***getting a swelled head***. □ *Who else* ***has got a swelled head****?* [Spears, 1991].

(д) *get a hard time / have a hard time* – to experience unnecessary difficulties – 'испытывать непредвиденные трудности': □ *I* ***get a hard time*** *every time I come to this store*. □ *I never* ***have a hard time*** *at the store across the street* [Spears, 1991].

Актуальность словарных дефиниций вариантов данной ФЕ подтверждается их контекстуальным использованием:

(а) *As two of the three Poole children return home from school, they pass the armed sentry, a grim reminder of the ever present threat of terrorism. But does their mother think they* ***get a hard time*** *at school from the locals?* (BNC: Central News (03): TV news. 9 partics.) – 'Когда двое из трёх детей Пула возвращаются домой из школы, они встречают вооружённого часового, мрачное напоминание когда-либо существующей угрозы терроризма. А думает ли их мать, что им достаётся в школе от местных жителей?'

(б) *On the whole though, it is a very cheap country to visit if you don't stay in the big hotels. <…> Vegetarians* ***have a hard time*** *as the staple diet is meat and dumplings and fresh vegetables are difficult to find*. (BNC: Outdoor Action. London: Hawker Consumer Pub, 1991.) – 'Хотя в целом, это очень дешёвая страна для посещения, если Вы не останавливаетесь в больших отелях. <…> Вегетарианцам приходится нелегко, поскольку основной рацион – мясо и клёцки, а свежие овощи трудно найти'.

2. Субстантивные варианты изучаемых ФЕ немногочисленны и составляют 7,7% изучаемой фразеологии: *get the green light / get the go-ahead* – to receive a signal to start or continue – 'получить сигнал начаться или продолжиться': □ *I hope we* ***get the green light*** *on our project soon.* □ *We have to wait here until we* ***get the go-ahead***. [Spears, 1991].

(1) *A spokeswoman for the hospital, where the liver and bowel transplant was performed, said: 'Everything seems to be in order.'Results of the last test*

would be known today, then she should ***get the green light*** *to go home.' She said doctors were pleased with Laura's progress, and it was thought she would be able to lead a normal life* (BNC: Liverpool Echo & Daily Post. Liverpool: Liverpool Daily Post & Echo Ltd, 1993.). – 'Пресс-секретарь больницы, где была произведена пересадка печени и кишечника, сказала: «Кажется, всё в порядке. Если бы результаты последнего теста были бы известны сегодня, тогда ей разрешили бы идти домой». Она сказала, что врачи довольны прогрессом Лоры, и считали, что она сможет вести нормальную жизнь'.

(2) *Squatters say they could be forced to sleep on the streets by new Government measures aimed at speeding up their eviction. If the proposals* ***get the go-ahead****, they could be given just twenty four hours to leave illegally occupied property* (BNC: [Central television news scripts].) – 'Скваттеры утверждают, что их могут вынудить спать на улицах в результате принятия правительством новых мер, направленных на ускорение процесса их выселения. Если предложениям дадут зелёный свет, им может быть предоставлено всего двадцать четыре часа для того, чтобы покинуть незаконно занятое жильё'.

3. Морфологические варианты изучаемых ФЕ представлены единичными случаями: *get gray hair / get gray hairs* – to have one's hair turn gray from stress or frustration – 'поседеть от стресса или угнетённого состояния': □ *I'm* ***getting gray hair*** *because I have three teenage boys.* □ *Oh, Tom, stop it! I'm going to* ***get gray hairs*** [Spears, 1991].

Анализ языкового материала показывает, что второе место по вариативности занимают комплексные варианты ФЕ, процентное выражение которых в исследуемом материале равно 23,7%. Среди комплексных вариантов было выявлено две разновидности.

1. Глагольно-адъективные варианты ФЕ, в которых одновременному варьированию подвергается как глагольный, так и адъективный компонент: *get / have the last word // get / have the final word* – to get to make the final point (in an argument); to get to make the final decision (in some matter) – 'сказать последнее слово, принять окончательное решение (в некотором вопросе)' □ *The boss* ***gets the last word*** *in hiring.* □ *Why do you always have to* ***have the final word*** *in an argument?* [Spears, 1991].

Актуальность словарных дефиниций вариантов данной ФЕ подтверждается их контекстуальным использованием.

(1) *'Thank you, Miss Williams. I'll be interested to hear any views from the community. We might both be surprised that they aren't quite all as one-sided as you think they are.' Fran glared at him, cursing the fact that he had managed to* ***get the last word*** *on her programme!* (BNC: Destined to love. Taylor, Jennifer. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992.) – '"Спасибо, мисс Уильямс. Мне будет интересно слышать любые взгляды от сообщества. Мы могли бы оба быть удивлены, что они не вполне все столь односторонние, как Вы думаете». Фрэн впилась взглядом в него, проклиная то, что ему удалось сказать последнее слово на её программе!'

(2) *How dared he called her an arrogant bitch? How dared he? And it wasn't true – she wasn't in the least arrogant! And what the hell had happened to the mild, gentle humour he'd been displaying since he'd arrived? Well, it*

hadn't taken him long to show his true colours! In sudden determination to ***have the last word****, she chased after him.* (BNC: A stranger's trust. Richmond, Emma. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1991.) – 'Как он смел назвать её высокомерной сукой? Как он смел? Это была неправда – она не была ни в малейшей степени высокомерна! И что, чёрт возьми, произошло с мягким, нежным юмором, который он проявлял со времени приезда? Ну, у него не ушло много времени, чтобы показать своё истинное лицо! Во внезапном намерении сказать последнее слово, она выскочила за ним'.

(3) *How dared he speak of her dead cousin in that scathing voice? <…>. She felt burnt out, an empty shell. Let him* ***have the final word****. She was too drained to carry on this impossible, futile war any longer.* (BNC: A warning of magic. Kingston, Kate. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993.). – 'Как он смел говорить о её мертвой кузине тем уничтожающим голосом? <…>. Она чувствовала себя истощённой, пустой раковиной. Пусть он скажет своё последнее слово. Она была слишком истощена, чтобы дальше продолжать эту невозможную, бесполезную войну'.

2. Глагольно-квантитативные варианты ФЕ, в которых одновременному варьированию подвергается как глагольный компонент, так и количественный состав ФЕ, в данном случае, вследствие редукции адъективного компонента *old*: *get / have the old heave-ho // get / have the heave-ho* – (informal) to get thrown out (of a place); to get dismissed (from one's employment) – 'быть выброшенным, уволенным, потерять работу': □ *I went there to buy a record album, but I* ***got the old heave-ho****. That's right. They threw me out!* □ *They fired a number of people today, but I didn't* ***get the heave-ho****.* □ *John* ***had the old heave-ho*** *last week. Now he's unemployed* [Spears, 1991].

Актуальность словарных дефиниций вариантов данной ФЕ подтверждается их контекстуальным использованием.

(1) *Strikes continued over prices and unemployment, with tens of thousands of workers in one protest in the north-eastern city of Constantine on Oct. 9 carrying empty food baskets in protest at soaring food prices. <…> When sales fell, most of the staff* ***got the old heave-ho****.* (BNC: Keesings Contemporary Archives.) – 'Забастовки продолжались по поводу цен и безработицы, десятки тысяч рабочих в ходе одной акции протеста в северо-восточном городе Констанце 9 октября несли пустые продовольственные корзины в знак протеста против роста цен на продовольствие. <...> Когда продажи упали, большая часть персонала была уволена'.

(2) *English clubs have had a poor season in Europe – Liverpool, Leeds and Sheffield Wednesday all* ***getting the heave-ho*** *last week – and their standards have been heavily criticised as a result. However, but I think the Premier League's best are still a match for the rest.* (BNC: Today.). – 'У английских клубов был неудачный сезон в Европе – Ливерпуль, Лидс и Шеффилд Уэнсдей, все получили от ворот поворот на прошлой неделе – и в результате их уровень был в большой степени подвергнут критике. Однако я думаю, что лидеры Премьер-лиги всё ещё пример для остальных'.

(3) *Anyway, having* ***had the heave-ho*** *from Mr Winner means I've some idea how Simone Hyams must be feeling. She is the 21-year-old actress from*

Grange Hill who went for an audition with Mr Winner, and, seven months after he had had his way with her on a regular basis, got dumped. (The Daily Mirror. London: Mirror Group Newspapers, 1992.). – 'Так или иначе, получить от ворот поворот от г-на Виннера означает, что я могу себе представить, что переживает Симона Хайэм. Она – 21-летняя актриса из Грэндж-Хилл, которая пошла на прослушивания к г-ну Виннеру, и, спустя семь месяцев после того, как он ею регулярно пользовался, была выброшена на свалку'.

3. Заключение

В результате исследования фразеологических единиц с компонентом get двух распространённых трёхкомпонентных структурных моделей – (1) V + (d) + N + Prep + θ и (2) V + (d) + Adj + N – первоначальная гипотеза полностью подтвердилась. Были выявлены простые и комплексные варианты. Простые варианты включают глагольные, субстантивные и морфологические варианты. Комплексные варианты включают глагольно-адъективные, глагольно-квантитативные и глагольно-субстантивно-препозитивные варианты.

По первой модели ФЕ с константно-переменной зависимостью компонентов оказались немногочисленными; подавляющее большинство – 91% – составили ФЕ с константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов. В нём 87% пришлось на простую вариантность ведущего глагольного компонента *get / have*. Комплексная вариантность составила 12,1% и была представлена глагольно-квантитативными и глагольно-субстантивно-препозитивными вариантами.

По второй модели ФЕ с константной зависимостью компонентов, как и в первой модели, составили меньшинство – 1/5 часть всех выявленных случаев. Они были представлены на трёх уровнях: в нейтральном и неформальном стилях, а также в слэнге. Остальные 80% демонстрировали константно-вариантный вид простой вариантности: глагольные варианты ФЕ – 87,6%, субстантивные варианты ФЕ – 7,7%, морфологические варианты – единичные случаи. Комплексная вариантность составила 23,7% и была представлена глагольно-адъективными, глагольно-квантитативными вариантами.

Общим результатом, составляющим теоретическую значимость исследования, является подтверждение гипотезы о сохранении тождества фразеологической единицы независимо от наличия вариантов. Практическая значимость результатов работы заключается в возможности их применения в изучении фразеологии современного английского языка. Ближайшей перспективой исследования является использование его результатов в сопоставительном изучении глагольной фразеологии трёх современных распространённых германских языков: английского, немецкого и шведского.

Список литературы

1. Аракин, В. Д. Сопоставительная типология скандинавских языков [Текст] / В. Д. Аракин. – М. : Высш. шк., 1984. – 135 с.
2. Кунин, А. В. Английская фразеология [Текст] / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1970. – 344 с.

3. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А. В. Кунин / Лит. ред. М. Д. Литвинова. – М. : Рус. яз., 1998. – 944 с.
4. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1996. – 381 с.
5. Федуленкова, Т. Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии : монография [Текст] / Т. Н. Федуленкова. – Архангельск : Поморский ун-т, 2006. – 196 с.
6. Федуленкова, Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков [Текст] / Т. Н. Федуленкова. – М. : ИД АЕ, 2018. – 220 с.
7. Ayto, J. Oxford Dictionary of English Idioms [Text] / J. Ayto. – Oxford : OUP, 2010. – 408 p.
8. Fedulenkova, T. Polysemy of Verbal Phrases with the Verb of Movement as a Leading Component [Text] / T. Fedulenkova, E. Postnova // English Phraseological Units in New Socio-Cultural Context: Traditions and Innovations : Proc. of Seminar 52 at ESSE6-2002 in Strasbourg. – Strasbourg : Université Marc Bloch, 2002. – P. 9.
9. Fedulenkova, T. Some structural and semantic peculiarities of phraseology with the component ‘take’ [Text] / T. Fedulenkova, A. Netuzhilova // Collocations and Idioms 1: The First Nordic Conference on Syntactic Freezes / Ed. Marja Nenonen. – Joensuu : University of Joensuu, 2006. – P. 75.
10. Fedulenkova, T. Variability of verbal-substantive phraseological units with the component ‘have’ as a feature of identity [Text] / T. Fedulenkova // Language and Culture. – 2018. – № 12. – P. 55–73. DOI : 10.17223/24109266/12/6.
11. Spears, R. American Idioms Dictionary [Text] / R. Spears. – Lincolnwood, Illinois : National Textbook Company, 1991. – 464 p.
12. Urdang, L. Longman Dictionary of English Idioms [Text] / L. Urdang (ed.). – Harlow and London : Longman Group UK Ltd, 1996. – 388 p.
13. Walter, E. Cambridge International Dictionary of Idioms [Text] / E. Walter. – Cambridge : CUP, 2001. – 587 p.

References

1. Arakin, V. D. (1984). *Sopostavitelnaya tipologiya skandinavskikh yazyikov* [Comparative typology of the Scandinavian languages]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
2. Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya: Teoreticheskiy kurs* [English phraseology: Theoretical course]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
3. Kunin, A. V. (1998). *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian phraseological dictionary] / Lit. ed. M. D. Litvinova. Moscow: Rus. jaz. Press.
4. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The modern English language course of phraseology]. Moscow : Nauka Press.
5. Fedulenkova, T. N. (2006). *Odnomernye i dvumernye modely v angliyskoy, nemetskoy i shvedskoy frazeologii* [One-dimensional and two-dimensional models in the English, German and Swedish phraseology]. Arkhangelsk : Pomorskiy universitet Press.
6. Fedulenkova, T. N. (2018). *Sopostavitelnaya frazeologiya angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazyikov* [Comparative typology of the English, German and Swedish languages]. Moscow : Dom AE Press.

7. Ayto, J. (Ed.) (2010). *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford : Oxford University Press.
8. Fedulenkova, T., Postnova, E. (2002). Polysemy of Verbal Phrases with the Verb of Movement as a Leading Component. English Phraseological Units in New Socio-Cultural Context: Traditions and Innovations: *Proc. of Seminar 52 at ESSE6-2002 in Strasbourg* (p. 9). Strasbourg : Université Marc Bloch.
9. Fedulenkova, T., Netuzhilova, A. (2006). Some structural and semantic peculiarities of phraseology with the component 'take'. In Marja Nenonen (Ed.), *Collocations and Idioms 1: The First Nordic Conference on Syntactic Freezes* (p. 75). Joensuu : University of Joensuu.
10. Fedulenkova, T. (2018). Variability of verbal-substantive phraseological units with the component 'have' as a feature of identity. *Language and Culture*, 12, 55–73. DOI : 10.17223/24109266/12/6.
11. Spears, R. A. (1991). *American Idioms Dictionary*. Lincolnwood, Illinois, USA : National Textbook Company.
12. Urdang, L. (ed.). (1996). *Longman Dictionary of English Idioms*. Harlow and London : Longman Group UK Ltd.
13. Walter, E. (Ed.) (2001). *Cambridge International Dictionary of Idioms*. Cambridge : Cambridge University Press.

УДК 811.581-44
UDC 811.581-44

Цзин Байлян
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация
Jing Bailiang
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
bailyanczzin@yandex.ru

УЧЕНИЕ О КЛАССАХ СЛОВ В ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
THE STUDY OF WORD CLASSES IN THE HISTORY OF CHINESE LINGUISTIC TRADITION

Аннотация
Понятие о частях речи в китайской лингвистике существенно отличается от понимания частей речи в индоевропейском языкознании. Некоторые китайские и зарубежные лингвисты пытаются создать классификацию частей речи, опираясь на соответствующие системы других языков и игнорируя особенности китайского языка. В данной работе рассматривается история выделения классов слов, коррелирующих с современным понятием частей речи в китайском языке, и предпринимается попытка выявить специфику разработки теории о классах слов в китайской лингвистической традиции. Анализ работ показывает, что первичное представление китайских учёных о классах слов формировалось с субъективных философских позиций в соответствии с семантикой слова. В результате были выделили слова, которые имеют конкретные значения, и слова, не обладающие конкретным значением, но способные выражать смысловые оттенки, однако их принадлежность к конкретным классам слов определена не была. Затем возникли новые понятия о классах слов в китайском языке; при этом в основу классификации был положен не только семантический критерий, но и функциональный. Было определено, что основной единицей для выделения классов слов является иероглиф. Сама классификация имела более дробный характер – 9 знаменательных и до 30 незнаменательных типов слов. На современном этапе эта дробность значительно снижена.

Abstract
The concept of the parts of speech in Chinese linguistics is essentially different from understanding parts of speech in Indo-European language studies. Some Chinese and foreign linguists are trying to elaborate a classification for the parts of speech based on corresponding systems of other languages and thus disregarding the relevant properties of Chinese. This article reviews the history of identification of word classes in Chinese linguistic tradition that correlate with the parts of speech in modern Chinese, and presents an attempt to trace the development of the word classes theory in traditional Chinese grammar. Literature analysis on the issue shows that the preliminaries of the theory were formed by Chinese scientists employing philosophic approach that bore a certain amount of subjective attitude and were

determined by semantic criterion. As a result, all words were divided into the ones that bear certain meaning and the ones that are deprived of it but are able to change the initial meaning, although word class affiliation was not determined at those times. Then, new notions of word classes were suggested; on their basis, new classifications emerged that took into account not only semantic criterion but functional one as well. The hieroglyph was chosen as the basic unit for classification purposes. The classifications were much more diversified including 9 groups of meaningful words and up to 30 functional ones. These excessive details have been recently eliminated.

Ключевые слова: лингвистика китайского языка, классификация классов слов, семантический критерий, функциональный критерий, иероглиф, знаменательные слова, служебные слова.

Keywords: Chinese linguistics, word classes categorization, semantic criterion, functional criterion, hieroglyph, meaningful words, functional words.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_228_235

1. Введение

Учение о частях речи в любом языке является важным элементом для описания структуры языка. В современной китайской лингвистике выделение частей речи является актуальным вопросом, поскольку для китайского языка характерно отсутствие морфологической парадигмы, то есть совокупности форм, свойственных определённой части речи. Части речи во флективных языках (например, в русском языке) реализуются в определённом наборе словоформ. Большинство учёных считают, что части речи – это классы слов по их семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам. Например, В. В. Виноградов отмечает: «Каждая часть речи в русском языке, имея определённое лексико-грамматическое значение, характеризуется присущими ей морфологическими свойствами и словообразовательными типами и выполняет ту или иную синтаксическую роль» [Виноградов, 1952, с. 36]. В целом, в языках, которые имеют богатые формы словоизменения, морфология является первичным элементом, а семантические и синтаксические признаки – вторичными.

Однако такой подход не может быть применён для выделения частей речи в китайском языке, поскольку в нём не существует морфологических признаков, значимых для отнесения какого-либо слова к той или иной части речи вне контекста. Именно поэтому большинство вопросов, касающихся выделения частей речи в китайском языке, обусловлены попыткой формально, без учёта специфики системы китайского языка, применить подобный опыт, имеющийся в других языках. Как отметил С. Е. Яхонтов, «Система частей речи в каждом языке своя; нельзя автоматически переносить список частей речи одного языка в другой» [Яхонтов, 1968, с. 77]. А. А. Драгунов в своей работе «Исследования по грамматике современного китайского языка» приводит следующие критерии для выделения частей

речи в китайском языке: 1) способность частей речи выступать в роли члена предложения, 2) соединимость одной части речи с другими частями речи [Драгунов, 1952, с. 7]. Мы также считаем, что морфология не является важным критерием для идентификации принадлежности слова к определённой части речи в китайском языке. Настоящее изучение частей речи с точки зрения современной лингвистики начинается с 1898 г., когда китайский лингвист Ма Цзяньчжун (马建忠) впервые написал исследование о китайской грамматике по образцу латинской грамматики – «Правила письменного языка господина Ма» («马氏文通») и выделил девять частей речи. В данном исследовании мы называем грамматику до 1898 г. традиционной[1]. На самом деле в Древнем Китае учёные уже имели неполное представление о классах слов, но в этот период учение о классах слов в китайском языке было односторонним, бессистемным, поэтому некоторые китайские и зарубежные учёные полностью отрицали семантический потенциал грамматических форм китайского языка и всегда пытались выделять части речи по образу индоевропейских. Развитие знаний о частях речи в западных языках повлияло на критерии выделения частей речи в китайском языке. Вследствие того, что в западных языках со временем появлялись новые критерии классификации частей речи, возникали и новые подходы выделения частей речи в китайском языке. В каждой грамматической теории есть свой принцип и подход. На основе анализа научных трудов мы выявили, что лингвисты, занимающиеся изучением грамматики китайского языка, использовали различные критерии выделения частей речи в китайском языке: семантический, морфологический, функциональный, распределительный, первообразный и ряд других. Все они основаны на разных теориях и подходят к проблеме выделения частей речи в китайском языке по-разному. Мы считаем, что для решения вопроса о выделении частей речи в китайском языке необходимо учитывать специфику китайского языка, а не переносить механически теории других языков. Для этого необходимо подробно изучить историю выделения классов слов в китайском языке.

2. Первичное представление о классах слов в китайской лингвистической традиции – *цы* (辞)

В Древнем Китае ещё не было полного и всестороннего грамматического учения, но люди уже начинали изучать язык. В династии Западной Хань (206 г. до н. э. – 24 г. н. э.) возникло первичное представление о классах слов, которое опиралось на семантический критерий. С целью облегчить и усовершенствовать общение китайские лингвисты, опираясь на значение, выделили *цы* (辞) – те элементы, которые не имеют конкретного значения и которые представляют собой грамматическое вспомогательное слово; частицу; служебное слово. В то время в Китае говорили на языке вэньянь (древний китайский язык, использовавшийся в Китае до начала XX в.), его

[1] Строго говоря, собственно «грамматики» и «грамматистов» в древнем и средневековом Китае не было, но мощная и очень древняя лингвистическая традиция в Китае действительно существовала.

форма и значение отличаются от современного китайского языка. По мнению китайского грамматиста Цуй Инсянь (崔应贤) *цы* также могут называться *юйчжу* (语助), *юйцы* (语辞) или *юйшэн* (语声): *цы* (辞) на вэньяне аналогично современному китайскому слову *юйчжу* (语助) или *юйшэн* (语声) и так далее, что соответствует в русском языке грамматическому вспомогательному слову или частице – иначе говоря, понятию служебного слова.

Мы сможем найти примеры понятия *цы* в работе «Сборник материалов по древнекитайской грамматике» («古汉语语法学资料编汇»). Например, китайский книжник Кун Ида (孔颖达) (574–648 гг.) династии Тан (618–907 гг.)[2] сказал, что *юйцы* (语辞) не обладает конкретным значением. (语辞，不为意。 (唐，孔颖达 «毛诗正义») [Zheng Dian, 1964, p. 2]).

Китайский лингвист Цинской династии (1644–1911 гг.) Лю Ци (刘淇) писал, что всё то, что зовется *юйцы*, это – [элементы], не имеющие лексического значения (皆谓语辞, 不为义也。 (清 刘淇«助字辨略»)[Zheng Dian, 1964, p. 2]).

Китайский учёный Цинской династии (1644–1911 гг.) Юань Жэньлинь (袁仁林) отметил, что *цы* (辞) – это то, что только придаёт смысловые оттенки. (辞也者，意义口吻而已。 (清 袁仁林 «虚字说») [Zheng Dian, 1964, p. 2].

Следуя оценкам, высказанным двумя китайскими учёными, можно сделать вывод о том, что по мнению некоторых представителей китайской традиционной школы лингвистики (Ли Ци и Юань Жэньлиня), категория цы описывает те единицы, которые не имеют реального значения, а выражают смысловые оттенки, то есть функционируют как служебное слово и частица в представлении современных лингвистов.

Но понятие *цы* существенно отличается от современного учения о частях речи в лингвистике. Во-первых, *цы* в это время не имело подробной классификации и границ, поскольку служебное слово в современной лингвистике характеризуется двумя типичными признаками: оно не имеет конкретного или реального значения и обладает функцией соединения членов предложения. Однако никто не отметил способность *цы* соединять члены предложения, подчёркивалось только отсутствие у *цы* конкретного значения. Во-вторых, мы не знаем его основную единицу, критерий его выделения и принадлежность к конкретному классу слов.

Как писал китайский лингвист Цинской династии (1644–1911 гг.), Юань Жэньлинь (袁仁林), *цы* могут именоваться только те [феномены], которые состоят из одного-двух и более иероглифов [Yuan Renlin, 1989, p. 129]. Мы согласны с мнением Юань Жэньлиня: понятие *цы*, определяемое древнекитайскими учёными, является многоуровневым, *цы* может состоять из одного или двух слов, может состоять из одного или нескольких предложений или из текста, то есть основная единица *цы* является словом, предложением или текстом. В данном случае отождествляются определения «слово», «предложение» и «текст», иными словами, понятие *цы* как

[2] Жизнь и деятельность Кун Ида пришлась не только на эпоху Тан, но и на предшествующую ей эпоху Суй.

критерий разграничения частей речи имеет большой недостаток в силу размытости своего значения.

Таким образом, в Древнем Китае лингвисты изучали проблему языка с субъективной философской точки зрения, семантика являлась главным критерием. В то время ещё не было полного описания грамматики, но люди уже пытались классифицировать слова по их семантике и выделили те, которые не обозначают конкретное значение или выражают смысловой оттенок (как *цы*). Хотя это объяснение является неполным, основная единица и критерий для описания понятия *цы* не очень чёткие, но оно отражает то, что уже в древности китайские лингвисты описали начальные сведения о классах слов в китайском языке.

3. Понятия *шицзы* (实字) и *сюйцзы* (虚字) в китайской лингвистической традиции

Процессы, происходящие в обществе, способствовали внутреннему развитию китайского языка, также увеличению количества иероглифов и обогащению лексики китайского языка. При династии Сун (960–1279 гг.) древние китайские учёные выделили следующие понятия: *шицзы* (实字) – слова, имеющие лексические значения (в русскоязычной научной литературе – «полные», т. е. знаменательные слова), и *сюйцзы* (虚字) – слова, не имеющие лексического значения (в русскоязычной научной литературе – «пустые», т. е. служебные слова). Основная функция шицзы данного этапа – выражать лексические значения, а сюйцзы – соединять *ши цзы* в предложении. Кроме всего прочего, в то время учёные считали, что *цзы* (字) – китайский иероглиф – является единицей, на основе которой выделяются классы слов. Так, китайский учёный династии Сун (960–1279 гг.) Чжан Янь (张炎) писал, что понять значение *шицзы* невозможно без связи *сюйцзы* [Zheng dian, 1964, p. 91].

В династии Сун (960–1279 гг.) полные и пустые слова имели более чёткое определение. Например, китайский учёный Лу Цзююань (陆九渊) писал, что все иероглифы можно разделить на *шицзы* (实字) (знаменательные слова) и *сюйцзы* (虚字) (служебные слова); *сюйцзы* должны основываться на роли слова в предложении, то есть их можно понять лишь в контексте, при этом *шицзы* не зависят от контекста и имеют объективное значение [Zheng dian, 1964, p. 95].

Далее китайский грамматист династии Цин (1644–1911 гг.) Лю Ци (刘淇) отметил, что «способ создания текста не выходит за рамки [использования] двух компонентов – *шицзы* («полных слов») и сюйцзы («пустых слов»). *Ши цзы* – это “скелет” (план содержания), а *сюй цзы* – его “темперамент” (план выражения)» (构文之道， 不过实字虚字两端， 实字其体骨， 而虚字其性情也。) [Cui Yingxian, 2004, p. 28].

Таким образом, опираясь на семантический критерий, учёные разделяли все слова китайского языка на два класса: *шицзы* (实字) и *сюйцзы* (虚字) и определили функцию *сюйцзы* (虚字) – соединять знаменательные слова в предложении.

Итак, из приведённых выше примеров мы видим, что китайские лингвисты династии Сун (960–1279 гг.) классифицировали слова на *шицзы* (实字) (знаменательные слова) и *сюйцзы* (虚字) (незнаменательные слова). Они не просто определили *сюйцзы* (虚字) (незнаменательное слово) как слово, которое не имеет конкретного значения, а уточнили, что незнаменательное слово – это слово, которое не может представлять предмет или факт, и их функция в предложении – соединять знаменательные слова.

Понятие *полных* / *знаменательных* слов этого периода (960–1897 гг.) немного отличается от их определения в работе «Правила письменного языка господина Ма» («马氏文通») (1898 гг. –), написанной Ма Цзяньчжуном (马建忠), поскольку Ма Цзяньчжун не только определял *шицзы* как слово с реальным значением, но и предложил классификацию, состоящую из девяти частей речи; при этом *шицзы* включает в себя пять частей речи: имя существительное (*минцзы* 名字), слова-заместители, включая местоимение (*дайцзы* 代字), глагол (*дунцзы* 动字), прилагательные[3] (*цзинцзы* 静字), наречие (*чжуанцзы* 状字). До 1898 г. никто системно не классифицировал *шицзы* [Ma Jianzhong, 1988, p. 19]. В соответствии с потребностями общения людей и характеристиками древнего китайского языка, древнекитайские учёные больше обращали внимание на *сюйцзы*. Чтобы лучше преподавать и использовать древний китайский язык, древнекитайские лингвисты пытались разделить *сюйцзы* на подгруппы по их грамматическим функциям. Например, лингвист маньчжурской династии Цин (1644–1911 гг.) Лю Ци (刘淇) в своей работе «Очерк о различении служебных слов» («助字辨略自序») впервые в истории китайской лингвистики выделил 30 типов *сюйцзы* в китайском языке. Его классификация незнаменательных слов имеет много недостатков, как писал современный китайский учёный Лай Луяо (赖璐瑶). Современные исследователи предлагают эти 30 типов незнаменательных слов объединить в три категории: служебные слова, знаменательные слова и «различные лингвистические явления» (*юйюн сяньсян* 语用现象). К служебным словам относится менее половины лексических единых, выделенных Лю Ци в категорию *чжуцзы* (助字); большое количество лексических единиц этой категории сейчас относят к знаменательным словам, и, кроме того, немалое их количество следует отнести к группе «различных лингвистических явлений». Вопрос о том, что такое «различные лингвистические явления», которые выделяются современными учёными в классификации Лю Ци, заслуживает особого внимания, а ответ на него должен стать темой отдельной статьи.

Таким образом, в период правления династии Сун (960–1279 гг.) возникли новые представления о классах слов, коррелирующие с категорией частей речи в современной грамматике в китайском языке – *шицзы* (实字) и *сюйцзы* (虚字). В отличие от понятия *цы* (辞), *сюйцзы* опирается не только на семантический критерий, но и на функциональный. Хотя понятия о классах слов *шицзы* и *сюйцзы* данного периода являются более чёткими,

[3] Важно отметить, что числительные в китайском языке могут быть функциональными прилагательными, т. е. выполнять синтаксическую функцию, обычную для прилагательных и таким образом попадать в группу прилагательных.

но тоже имеют некоторые проблемы: 1) только классификация *сюйцзы* использует функциональный критерий, классификация же *шицзы* на него не опирается, 2) учёные данного периода не произвели чёткого разграничения лексического и грамматического значений, смешали их и приняли некоторые *сюйцзы* за *шицзы*.

4. Вывод

В настоящей работе мы проанализировали примеры выделения классов слов китайского языка в русле традиционной китайской грамматики на основе субъективной точки зрения, которая базируется на философском мышлении. В Древнем Китае описание классов слов выполнялось в первую очередь с опорой на семантический критерий, а описание незнаменательных – служебных – слов производилось с опорой на функциональный критерий. До династии Сун китайские грамматисты тоже определяли слова, которые не имеют конкретного значения как *цы* (辞), но они отождествляли понятия слова, предложения и текста. Начиная с династии Сун учёные разделили слова на две группы – знаменательные слова (*шицзы* 实字) и незнаменательные – служебные – слова (*сюйцзы* 虚字). Они не только уточнили, что иероглиф (*цзы* 字) является основной единицей для выделения классов слов, но и выявили функцию незнаменательных слов (*сюйцзы* 虚字) соединять полные слова (*шицзы* 实字). Традиция выделения класса слов в китайском языке на основе семантики и функций показывает, что, во-первых, морфология не является приоритетным аргументом для выделения частей речи в китайском языке; во-вторых, мы не можем отрицать наличие частей речи в китайском языке, а также игнорировать изучение феноменов, коррелирующих с ними, в традиционной китайской грамматике из-за отсутствия морфологии.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Современный русский язык. Морфология [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 519 с.
2. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Том 1. Части речи [Текст] / А. А. Драгунов. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 231 с.
3. Яхонтов, С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании [Текст] / С. Е. Яхонтов // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов – Л. : Наука, 1968. – С. 70–79.
4. Cui Yingxian. Xiandai Hanyu yufa xuexi yu rumen yanjiu. [Текст] / Cui Yingxian – Beijing: Qinghua daxue chubanshe, 2004. – 303p. 崔应贤 / 现代汉语语法学习与入门研究. – 北京：清华大学出版社，2004. – 303 页 [Цуй Инсянь. Изучение и вводные исследования грамматики современного китайского языка. [Текст] / Цуй Инсянь. – Пекин : Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 2004. – 303с.].
5. Lai Luyao. Yong xiandai yufa guantan «Zhuzi bian lue zixu» xuzi fen lei» [Текст] / Lai Luyao // Hanzi wenhua. – 2018. – №11. – P. 15 – 16.赖璐瑶，用现代语法观谈 «助字辨略自序» 虚字分类 // «汉字文化»2018 年 11 期 15 – 16 页 [Лай

Луяо. О классификациях служебных слов в «Очерке о различении служебных слов» с точки зрения современной китайской грамматики [Текст] / Лай Луяо // Культура китайских иероглифов. – 2018. –№ 11. – С. 15–16].

6. Ma Jianzhong. Ma shi wen tong [Текст] / Ma Jianzhong. – Beijing: Shangwu yinshuguan, 1988. – 447p. 马建忠 / 马氏文通. －北京：商务印书馆，1988. － 447 页 [Ма Цзяньчжун. Правила письменного языка господина Ма [Текст] / Ма Цзяньчжун. – Пекин : Шан'у иньшугуань, 1988. – 447 с.].
7. Yuan Renlin. Xuzi shuo. [Текст] / Yuan Renlin. – Beijing: Zhonghua Shuju, 1989. – 164p. 袁仁林 / 虚字说. － 北京：中华书局，1989 年 － 164 页 [Юань Жэньлинь. О служебных словах [Текст] / Юань Жэньлинь. – Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1989. – 164 с.].
8. Zheng Dian. Gu hanyu yufaxue ziliao bianhui. [Текст] / Zheng Dian, Mai Meiqiao. – Beijing: Zhong Hua Shu Ju, 1964. – 336p. 郑奠、麦梅翘. 古汉语语法学资料编汇. － 北京：中华书局，1964 年 － 336 页 [Чжэн Дянь. Сборник материалов по древнекитайской грамматике [Текст] / Чжэн Дянь, Май Мэйцяо. – Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1964. – 336 с.].

References

1. Vinogradov, V. V. (1952). *Sovremennyi russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow : Moscow University Press.
2. Dragunov, A. A. (1952). *Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitayskogo yazyka. Tom 1. Chasti rechi* [Research on grammar of modern Chinese language. Volume 1. Parts of speech]. Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.
3. Yakhontov, S. E. (1968). Ponyatie chastey rechi v obshchem i kitayskom yazykoznanii [The concept of parts of speech in general and Chinese linguistics]. *Voprosy teorii chastey rechi. Na materiale yazykov razlichnykh tipov* [Issues in the theory of parts of speech. Based on languages of different types] (pp. 70–79). Leningrad : Nauka Press.
4. Cui Yingxian. (2004). *Xiandai hanyu yufa xuexi yu rumen yanjiu*. [The study and introduction of modern Chinese grammar]. Beijing : Tsinghua University Press.
5. Lai Luyao. (2018). Yong xiandai yufa guantan «Zhuzi bian lue zixu» xuzi fen lei [Use modern grammatical concept to talk about the classification of functional words in «Zhuzi bian lue zixu»]. *Hanxi Wenhua* [Chinese Character Culture], 11, 15–16.
6. Ma Jianzhong. (1988). *Ma Shi Wen Tong* [Mr Ma's Complete Grammar]. Beijing : Commercial Press.
7. Yuan Renlin. (1989). *Xu Zi Shuo*. [The theory of Chinese virtual words] Beijing : ZHONGHUA Book Company.
8. Zheng dian. (1964). *Gu hanyu yufaxue xiliao bianhui* [Compilation of ancient Chinese grammar materials]. Beijing : ZHONGHUA Book Company.

УДК 811.512
UDC 811.512

Чертыкова Мария Дмитриевна
Институт гуманитарных исследований
и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
Maria D. Chertykova
Institute for Humanitarian Researches and AltaySayan Turkic Studies
Katanov State University of Khakassia
Abakan, Russian Federation
chertikova@yandex.ru

СИТУАТИВНО-СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ПАССИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ
SITUATIVE-STRUCTURAL MODELS OF VERBS OF PASSIVE PERCEPTION IN THE KHAKAS LANGUAGE

Аннотация
В рамках семантико-когнитивного подхода рассмотрены глаголы пассивного восприятия в хакасском языке, определены свойственные им ситуативно-структурные модели. Выделено три базовых глагола с залоговыми аффиксами, репрезентирующими пассивное восприятие: *кӧрін-* 'смотреться; видно'; *истіл-* 'слышаться; слышно', и *чыстан-* 'пахнуть; вонять'. В ходе анализа выявлены специфические семантические особенности данных глаголов, в том числе фиксирующие и активное восприятие. Отмечено шесть пассивных ситуативно-структурных моделей: 1) непосредственное пассивное восприятие окружающей действительности; 2) пассивное восприятие объекта как воспоминание о какой-либо ситуации, событии и явлений; 3) пассивное восприятие объекта как воображение каких-либо ситуаций и явлений; 4) пассивное восприятие объекта как наличие его необходимых характеризующих конкретизаторов; 5) пассивное восприятие объекта через ситуативные / процессуальные факторы, фиксируемые сознанием субъекта; 6) смутное (или неадекватное) восприятие действительности в силу нарушения физического или психического состояния субъекта. Описываемые залоговые формы глаголов могут выражать активное восприятие объекта при описании экстремальных и неожиданных ситуаций. Отрицательное перцептивное суждение в семантике глаголов также нейтрализует пассивное восприятие.

Abstract
Within the framework of the semantic-cognitive approach, verbs of passive perception in the Khakas language are considered, situational-structural models characteristic for them are determined. It was discovered that 3 basic verbs with the corresponding passive affixes can represent passive perception: *кӧрін-* 'to look; to be seen'; *истіл-* 'to be heard', и *чыстан-* 'to smell; to stink'. The analysis revealed specific semantic features of these passive verbs, including those of active perception. Six situative-structural models were found: 1) direct

passive perception of the reality; 2) passive perception as a memory of a situation, event or phenomenon; 3) passive perception of an object as an imaginative situation or phenomenon; 4) passive perception of an object in the presence of characteristic details; 5) passive perception of an object through situational and process-related factors present in the subject's consciousness; 6) vague (or inadequate) perception of reality due to physiological or psychic violations in the subject. The passive voice forms can also express active perception of an object when they describe extreme or unexpected situations. Negative perceptual judgment in verb semantics neutralizes passive perception as well.

Ключевые слова: хакасский язык, пассивное восприятие, ситуативно-структурная модель, глагол, семантика, субъект.

Keywords: Khakas language, passive perception, situational-structural model, verb, semantics, subject.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_236_247

1. Введение

В когнитивной модели восприятия фрагментов ситуаций и явлений человеком (и другими живыми существами) выделяются такие классифицирующие признаки, как «активное восприятие» и «неактивное восприятие». Языковая реализация некоторыми базовыми глаголами восприятия данных признаков получает отражение в аспекте их функциональной характеристики и целенаправленности действия.

Категоризация активного и неактивного (или пассивного) восприятия происходит с точки зрения состояния воспринимающего субъекта. Активное восприятие включает такие основные компоненты, как «способность воспринимать», «направленность на объект», «контролируемость ситуации со стороны субъекта». Неактивное же восприятие характеризуется тем, что субъект воспринимает объект, не акцентируя на нём своё внимание. Ю. Д. Апресян называет его «чистым восприятием», «которое происходит само собой, независимо от деятельности других систем. Действительно, можно *видеть* или *слышать что-л.*, находясь при этом в совершенно неподвижном состоянии, ничего не желая, не думая, не чувствуя и не говоря» [Апресян, 1995, с. 47]. Таким образом, ситуация неактивного восприятия, в отличие от активного восприятия, характеризуется отсутствием признаков «контролируемость ситуации со стороны субъекта» и «непосредственная направленность на объект», которые заменяются доминированием признака «использование перцептивной способности».

Цель статьи – выявление и описание ситуативно-структурных моделей конструкций, формируемых глаголами неактивного восприятия в хакасском языке.

В хакасском языке пассивное восприятие выражается тремя глаголами, грамматически образованными путём присоединения залоговых показателей: ***кӧрінерге / кӧрін-*** / 1) возвр. от ***кӧрерге*** 'виднеться, становиться видным, показываться'; *кӧрінмес сари* 'невидимая сторона'; *кӧрінмин па-*

рарға 'скрыться из виду'; *көрін турарға* 'постоянно или время от времени'; {…}; 2) 'выглядеть, казаться'; *чахсы көрінерге* 'хорошо выглядеть'; *чиит көрінерге* 'выглядеть моложаво' [моложе своего возраста]; ◊ *пала көрінерге* 'родить'; □ *айға, күнге көрінминче – ағаснаң тиң* (*ағас өзені*) 'загадка ни луне, ни солнцу не показывается, а ростом с дерево (сердцевина дерева)' [ХРС, 2006, с. 207]; ***истілерге / истіл-*** / 'слышаться'; *ыр истілче* 'слышится песня'; *чатхан үні истілче* 'слышатся звуки чатхана'; *күгүрт күзүреені истіле түскен* 'послышались раскаты грома' [ХРС, 2006, с. 138]; ***чыстанарға / чыстан-*** / 'пахнуть, издавать запах, отдавать чем-л.; попахивать'; *чыстан парарға* 'протухнуть'; *тир чыстанча* 'пахнет пóтом'; *ит чыстанча* 'мясо припахивает, мясо тухнет'; *ниме-де чыстанча* 'чем-то пахнет'; *чыстан парған палых* 'протухшая рыба' [ХРС, 2006, с. 1026]. Эти три глагола являются базовыми глаголами восприятия, семантический объём которых осложнён значениями залоговых показателей, что сказывается на структурно-ситуативных способах их реализации. В формируемых ими конструкциях субъект (наблюдатель или говорящий) не выражается грамматически, однако подразумевается его присутствие. «Основой ситуативно-структурного устройства предложения как единицы текста является описание характера взаимозависимости глагольного действия и семантических актантов» [Копров, Козюра, 2006, с. 83].

2. Структурно-ситуативные модели глаголов пассивного восприятия

В ходе анализа фактологического материала нами выявлены следующие структурно-ситуативные модели реализации хакасских глаголов пассивного (неактивного) восприятия.

1. Непосредственное пассивное восприятие окружающей действительности:

– *Үс тирек алтында аба іні көрінче* (Хл, 18) – 'Под тремя тополями видна берлога медведя'.

– *Тасхар адайлар пазох үрізібіскеннер. Машина күүлеені истілген* (Х, 50) – 'На улице опять залаяли собаки. Был слышен гул машины'.

– *Ағастар аразында аймах хустар табыстары истілче* (Чкч, 279) – 'В лесу слышны голоса разных птиц'.

– *Тураа толдыра одеколон чыстанча* – 'В доме стоит запах одеколона (букв. 'пахнет одеколоном')'.

В подобных предложениях передаётся факт перцепции, осуществляемой за счёт способности субъекта (или агенса) воспринимать. При этом субъект является как бы случайным свидетелем ситуации, происходящей без его ведома и контроля.

2. Пассивное восприятие объекта как воспоминание о какой-либо ситуации, событии или явлении:

– *Аның харағына хайди позы даа позынаң күснең кічіг, хаалағнаң хысха аңнарны, хустарны хостачаа пос көрінген* (Хч, 69) – 'Перед его глазами встала картина (букв. 'в его глаза смотрелось'), как он сам гонял зверей и птиц, уступающих ему в силе и быстроте'.

– *Хулаама пүүн дее аның сүрдестіг сыыды истілче* – 'Мне и сегодня [на ухо] слышится его горькие причитания'.

Модель «восприятие – воспоминание» обычно формируется глаголами ***көрін-*** 'смотреться; видно' и ***истіл-*** 'слышаться; слышно'. Воспоминания о каких-либо обонятельных образах могут быть представлены сложным глаголом, образованным при помощи вспомогательного глагола ***кил-*** 'приходить', ***чыстан кил-*** 'появляется запах' и выражениями типа ***чыс сабыл кил-*** и ***чыс пура сап кил-*** с общим значением 'появляется какой-либо запах':

– *Пірееде пістің садта өсчеткен яблоколар чызы пурныма сабыл килче* – 'Иногда мой нос чувствует запах яблок, растущих в нашем саду'.

Обычно в построении таких конструкций участвуют наименования органов восприятия в форме ед. ч. и дат. п.: *харахха* 'на глаза', *хулахха* 'на ухо', *тунчухха / пурунға* 'на нос', уточняющие ситуацию частной (индивидуальной) перцепции: 'видно только мне [моим глазам]', 'слышно только мне [моему уху]', 'пахнет только мне [моему носу]'. При подобном же грамматическом оформлении выражения ***харахха көрін-*** букв. 'на глаза смотреться' и ***хулахха истіл-*** букв. 'на ухо слышаться' переходят в разряд фразеологизмов, обозначающих зрительную и слуховую галлюцинации:

– *Оолах, харахтарының көргеніне киртінмин, «түзім полды полар алай ба хараама* ***көрінді*** *полар» тіп сағын салған* (Хч, 172) – 'Мальчик, не поверив своим глазам, подумал, что наверно это была зрительная галлюцинация (букв. '[моим] глазам показалось')'.

– *Хулаама табыстар истілче* – 'Мне слышатся голоса'.

Тем самым фразеологизмы ***харахха ниме көрін-*** 'подвергаться воздействию зрительной галлюцинации' и ***хулахха ниме истіл-*** 'подвергаться воздействию слуховой галлюцинации' маркированы признаками сильного воздействия на субъекта со стороны мистического объекта.

3. Пассивное восприятие объекта как воображение каких-либо ситуаций и явлений.

– *Чоохтаан чоохтар харах алнында көрінген осхастар* (Т, 24) – 'Услышанные рассказы так и стояли перед глазами [букв. 'как будто были видны перед глазами']'.

– *Чүреемде ал чөрген хынызым сарыны сағаа истілзін* – 'Пусть тебе будет слышна песня любви моего сердца'.

Семантико-когнитивная комбинация «пассивное восприятие – воображение», как и предыдущая модель «пассивное восприятие – воспоминание», относится к уровню абстракции, т. е. к глубинному уровню невербального перцептивного мира. Очевидно, что эти две ноэмические ситуации взаимосвязаны на том основании, что воспоминания – это мыслительная операция в форме воспроизведения прошлого опыта, а воображение – это тоже мыслительная операция, только в форме переработки жизненного опыта. Отличие заключается в разной степени их обусловленности реальной действительностью. В построении модели «пассивное восприятие – воображение» не участвует глагол ***чыстан-*** 'вонять; пахнуть'.

4. Пассивное восприятие объекта как наличие его необходимых характеризующих конкретизаторов. Субъект (наблюдатель, говорящий)

выделяет характеризующий смысловой аспект объекта, учитывающий его признаки и свойства.

– *Аннаӊ ырах нимес орында хайдаг-да нимелер азырайып көрінчелер* (Хч, 188) – 'Недалеко от него видны какие-то торчащие (букв. 'сильно выделяясь') вещи'.

– *Чонныӊ аразында хайдаг-да сотлос, ніске табыс істіл турган: – Сөле, паза кем коммунисттір* (Хч, 32) – 'В толпе был слышен какой-то писклявый голос: – Говори, кто еще коммунист'.

– *Ардап парган ит тура толдыра чыстанча* – 'Испорченное мясо воняет на весь дом'.

Субъект в воспринимаемой информации выделяет определённые фрагменты (физические свойства объекта), которые оказываются в фокусе его внимания.

В случае ослабления перцептивного признака в семантике глагола ***көрін-*** 'смотреться; видно', он может синонимизироваться с глаголом ***пілдір-*** 'казаться' и в контекстах они могут взаимозаменяться без ущерба для смыслового содержания предложения, где «… исчезает момент непосредственного восприятия, выражается мнение» [Буглак, 2012, с. 121].

– *Аныӊ ніскечек мойнычагы, халбах пөріктіг пазын тіреп сыдабин, хойраларга хынчатхан чіли көрінче [пілдірче]* (Хч, 6) – 'Казалось (букв. 'видно'), что его тоненькая шейка вот-вот искривится под тяжестью его головы, одетой в пушистую шапку'.

– *Анаӊ, сыннаӊ даа, ибіркі чатхан чирлер айадагы ла чіли көрінчелер [пілдірчелер]* (Хчк, 209) – 'Да, действительно, окружающие земли смотрятся как на ладони'.

Описание характеристики объекта в таких конструкциях даётся путём употребления послелога с уподобительным значением *чіли* 'как'.

5. Пассивное восприятие объекта через ситуативные / процессуальные факторы, фиксируемые сознанием субъекта. Данное значение обеспечивается обычно в условиях сочетания с наречиями образа действия: восприниматься хорошо / плохо; чётко / нечётко: *хомай көрінче* 'плохо видно' / *хомай көрінче* 'плохо видно', *чарых көрінче* 'чётко видно' / *пӱлес көрінче* 'смутно видно'; *чахсы істілче* 'хорошо слышно' / *хомай істілче* 'плохо слышно'; *чарых істілче* 'чётко слышно' / *пӱлес істілче* 'приглушённо слышно'; *саличек ле істілче* 'слышно чуть-чуть'; *хандыра істілче* 'слышно очень хорошо'; *чахсы чыстанча* 'хорошо пахнет' / *хомай чыстанча* 'плохо пахнет' и так далее.

– *Пушкаларныӊ, пулемёттарныӊ кӱзӱрескені пос істілібіскен* (Хч, 188) – 'Грохот от пулемётов и пушек стал слышен чётко'.

Решающими факторами детализации восприятия объекта могут быть следующие: физиологические перцептивные данные субъекта, т. е. порог чувствительности его сенсорных органов; близость / дальность расположения объекта; суточный цикл (темно / светло; недостаточность освещения); наличие / отсутствие физических преград для восприятия и другие.

Также рассматриваемые глаголы описывают ситуацию, акцентируя адвербалии места и времени.

– ***Анда-мында*** *тракторлар чарығлааны көрінглебіскен паза күзеділ чөрген аттарның пырғырлааннары истілібіскен* (Хч, 184) – ***И там и тут*** стали видны фонари тракторов и стало слышно ржание коней, пасущихся в ночное время.

– *Хончыхтарның сарнасчатханнары* ***иртен иртөк*** *истілчеткен* – ***С самого утра*** слышно пение соседей.

Дополнительными компонентами предложений, конкретизирующих перцептивные акты, могут быть и обстоятельства, и придаточные предложения образа действия:

– *Чоох таң чарааннча парған. Анаң олар аарсыбысханнарында, табыс арамнаң арам истілібіскен* (Хч, 186) – 'Разговор шёл до утра. Когда они устали, голоса стали слышны всё реже и реже'.

6. Смутное (или неадекватное) восприятие действительности в силу нарушения физического или психического состояния субъекта.

– *Машина килгенін уйғудағы ла чіли піледірбін. Хараам улуг чарых теңенін пілчем, кізі табызы ыраххы чирде истілген чіли поладыр* (Хл, 103) – 'То, что машина пришла, я осознавал, как во сне. Осознавал, как засветили прямо в глаза, и мне казалось, что чей-то голос слышен где-то вдалеке'.

– *Адай майығыбысхан. Харахтарына час тартылып, алнында турған таг тумзуғы пірде ырах, пірде чағын полып көрінген* (Хч, 169) – 'Собака стала уставать. Глаза стали слезиться. И вершина горы, стоящей перед ним, казалась то далёкой, то близкой'.

– *Уйғум аразында час хузух чызы сабыл килгенін сизінгем* – 'Сквозь сон [я] почувствовал запах свежего кедрового ореха'.

Семантика глаголов пассивного восприятия представляется в виде своеобразной когнитивной микросистемы, как отражение фрагмента языковой картины мира. Как показывают рассмотренные ситуативно-структурные модели глаголов, одна глагольная залоговая форма может соотноситься с рядом пассивно воспринимаемых ситуаций и событий, имеющих свои специфические особенности.

3. Семантическая структура многозначного глагола *көрін-* 'смотреться; видно'

Как известно, во всех языках у глаголов зрительного восприятия семантический спектр шире, чем у остальных глаголов восприятия, потому что «именно зрительное восприятие является наиболее активным способом осмысления и понимания мира» [Каксин, 2017, с. 165]. Глагол ***көрін-*** 'смотреться; видно', как и исходный глагол ***көр-*** 'смотреть; видеть' может развивать ментальные значения, например, *Аның улуг алчаас ит салғаны харағына пос көрінібіскен* (Хч, 180) – 'Стало очевидным (букв. 'стало смотреться свободно') то, что он совершил большую ошибку'.

В сочетании с именем в дат. п. глагол ***көрін-*** реализует значение 'показываться'. В когнитивной модели описываемой ситуации появляется третий участник, к которому смещается фокус перцептивного внимания: *Таңда имчее көрінерге кирек* – 'Завтра надо показаться врачу'. А при реализации значения 'смотреться' в фокусе внимания оказывается сам субъект:

Ооллар, көріндеске дее ***көрінмезе****, сіліглер* (П, 51) – 'Парни красивы, хоть и не смотрятся в зеркало'. В обоих случаях глагол ***көрін-*** характеризуется целенаправленностью действия.

Также глагол ***көрін-*** в функции деепричастия на ***-іп*** + вспомогательный глагол ***ал-*** 'брать' (***көрініп ал-***) является самостоятельной лексемой и имеет специализированное узкое значение 'родить (о животных)' и относится к категории эфвемистической лексики: *Кичее, чыылығдаң нанзам, торығ хойлағам хулун* ***көрініп алтыр*** (П, 30) – 'Вчера, когда пришёл с собрания, оказывается, [моя] гнедая лошадь ***родила*** жеребёнка'.

Таким образом, выделенные нами лексико-семантические варианты семантической структуры глагола ***көрін-*** подтверждают словарную статью данного глагола в ХРС [ХРС, 2006, с. 207], дополнительная же информация уточняет его эфвемистический оттенок: в сочетании со вспомогательным глаголом ***ал-*** 'брать; взять': 'родить' (о животных).

4. Условия нейтрализации пассивного восприятия в семантике глаголов

Однако в зависимости от контекста описываемые залоговые формы глаголов могут выражать и активное восприятие объекта. При описании экстремальных ситуаций в семантике глагола стирается признак пассивного восприятия и происходит смещение акцента на выделенные её фрагменты.

– *Чабызах сынныг, узун пора таарлыг, ах пöріктіг кізічектің холында наган сыраңнап көрін турған* (Хч, 32) – 'Было видно, как низкорослый человечек в белой шапке размахивал наганом'.

– *Атыңар!.. Атыңар! – тіп табыстар истілген* (Хч, 32) – 'Стреляйте! Стреляйте! – были слышны голоса'.

– *Тасхар команда истілібіскен: Сыххлаңар! Ниме-нооңарны ныңнахтаныңар* (Хчк, 45) – 'На улице послышалась команда: – Выходите! Готовьте свои вещи!'

Особенно заметное акцентирование на активных действиях происходит при употреблении рассматриваемых глаголов в сочетании с вспомогательным глаголом ***тӱс-*** 'опускаться; падать'. При этом они обозначают внезапность и моментальность действия: ***көріне тӱс-*** '(внезапно) показаться', ***истіле тӱс-*** '(внезапно) послышаться', чыстана ***тӱс-*** '(внезапно) запахнуть'. Мы предлагаем следующее объяснение данному факту: внезапность, неожиданность действия всегда настораживает человека, что отражается на его психическом состоянии и поведении. Названные глаголы чаще описывают напряжённые ситуации, где объект является психогенным раздражителем, оказывающим деструктивное воздействие на субъекта.

– *Сағызымны даа чахсы хабын полбин одырғанымда, өзен пазындағы тыттар аразынаң кізі көріне тӱскен* (Хл, 101) – 'Я даже не успел прийти в себя, как среди лиственниц, стоящих на вершине лощины показалась голова человека'.

– *Ол турада көріне тӱссӧк, Тана хайди даа поларын пілбинібісчең* (Чкч, 275) – 'Когда он появлялся в доме (букв. 'показывался'), Тана не знала что и делать'.

– *Рома, мині ундубаазың ма? – теен сöс хулағына истіле тӱскен* (Хч, 194) – 'Рома, ты меня не забыл? – внезапно ему на ухо послышались эти слова'.

– *Тасхар сыхханыбыста, хайдаг-да чабал чыс чыстана тӱскен* – 'Когда [мы] вышли на улицу, появился какой-то неприятный запах'.

Как видно из примеров, данные глаголы реализуют доминирующий признак «непроизвольное внимание, привлечённое действием какого-либо раздражителя». В неожиданных (даже экстремальных) ситуациях восприятие объекта может быть кратковременным и моментальным, однако оно может повлиять на дальнейшее психологическое состояние субъекта. Также воспринимаемое субъектом моментальное действие может быть «предвестником» более развёрнутых происходящих событий.

– *Ат туйғағы тасха тазылаанынаң хада хысхырыс паза тиріг затворын тартханы истіле тӱскен* (Хч, 174) – 'Были слышны, как стучали копыта лошади об камни, кто-то крикнул и кто-то дёрнул затвор ружья'.

– *Іköлең оолахты хыс париған туста «Чохырах!» теен хысхы истіле тӱскен* (Хч, 174) – 'В тот момент, когда они вдвоём зажали девушку, послышалось, как кто-то крикнул: «Чохырах!» (кличка собаки)'.

– *Суулазыг истіле тӱскен. Оларның хулахтарына таныс табыс читкен* (Хч, 176) – 'Послышался шум. До их уха донёсся знакомый голос'.

В конструкциях, формируемых глаголом ***истіле тӱс-*** '(внезапно) послышаться', наблюдатель, не контролируя ситуацию, может только обозначать событийные компоненты, доступные его слуховому восприятию.

Значение пассивного восприятия нейтрализуется также в отрицательной форме глаголов ***кӧрін-*** 'смотреться; видно', ***истіл-*** 'слышаться; слышно', ***чыстан*** 'пахнуть; вонять'. Отрицательное перцептивное суждение образуется путём присоединения одного из вариантов отрицательного аффикса ***-ма / -ме***; ***-ба / -бе***: ***кӧрінме-*** 'не видно', ***истілбе-*** 'не слышно', ***чыстанма-*** 'не пахнуть'. Соотношение залоговых показателей пассивного восприятия и отрицательных показателей в грамматической структуре данных глаголов обусловлено активностью субъекта восприятия, как производителя действия или носителя состояния. В результате проведённого анализа примеров с данными глаголами, мы можем выделить три характерных признака.

<u>А. Констатация фактов недоступности восприятия объекта.</u>

Субъект, свидетельствуя факт недоступности восприятия объекта, показывает свою отчуждённость от описываемой ситуации.

– *Тасхар сымзырых, пір дее ниме истілбинче* – 'На улице тишина, ничего не слышно'.

– *Тасхар уғаа чап-чарых, че кӱн* ***кӧрінминчеткен*** (Чкч, 279) – 'На улице очень светло, но солнца ***не видно***'.

– *Таглар озаринда Мукул чуртапчатхан аал, че ол мыннаң* ***кӧрінминче*** (Чкч, 209) – 'За горами деревня, в которой живёт Мукул, но она ***не видна*** отсюда'.

– *Оларның аразында хыс кізі, суға тастаан тас чіли,* ***кӧрінмин парған*** (Хч, 173) – 'Девушка среди них ***исчезла*** (букв. не стало видно), как камень, брошенный в воду'.

Подобные предложения носят исключительно информационный характер, поскольку не маркированы эмоционально-оценочным отношением говорящего к происходящему. Однако в ряде случаев демонстрируется заинтересованное отношение субъекта к отсутствию объекта:

– *Син, Айдолай, күлерде дее күлбе, чоохтап пир, хайдар чөрдің, ікі күн кізі хараана* ***көрінмин****?* (П, 5) – 'Ты, Айдолай даже и не смейся, лучше расскажи, куда ты ходил, два дня ***не было видно*** тебя'.

Б. Недоступность восприятию определённого предмета, явления в силу объективных причин.

При реализации глаголом данного признака имплицируется сема 'переживание субъектом неудобств'. Причинами подобных ситуаций могут служить различные природные обстоятельства и они, как правило, уточняются дополнительными членами или же раскрываются в актуальном смысле предложения.

– *Хости даа турған кізі* ***көрінминче****, харасхы полыбысхан* (Хч, 180) – 'В темноте ***стало не видно*** даже человека, стоящего рядом'.

– *Сых килзе – харасхы, соох, хар чаапча. Харахха ниме* ***көрінминче*** (Хч, 187) – 'Вышел – темно, холодно, идёт снег [букв. в глаза] ничего ***не видно'***.

– *Пу суғның түбі* ***көрінминче****, че тігі сари көрінче, ағаа хайди даа чидерге кирек* (Чкч, 216) – 'Дна этой реки ***не видно***, но виден другой берег, надо хоть как добираться туда'.

В. Недоступность восприятию желаемого и ожидаемого объекта.

Характерной особенностью реализации данного признака является выражение эмоционального переживания субъектом по поводу недоступности восприятию желаемого и ожидаемого объекта.

– *Ибдең сыхсох, автобуста таныс оманы тілеп чөрче, сынап* ***көрінминчетсе****, чүреенде күнзіре пүрүңкі* (Хчк, 178) – 'Как только из дома выйдет, в автобусе ищет знакомое лицо. Если его ***не видно***, то на сердце целый день – пасмурно'.

– *Прай туған – туустарым ползын пу чараста. Парыңар Порис тайыма, Марин чачам чоғылох, кумам* ***көрінминөкче*** (Т, 6) – 'Пусть вся моя родня присутствует на этом перемирии. Идите за дядей Борисом, тёти Марин тоже нет, моей кумы ***тоже не видно***'.

– *Хачан истілбинче чонымның чоағы, худым учухча пурунғы тустарзар* (Т, 72) – 'Когда не слышна речь моего народа, мой дух летит к предкам в древние времена'.

Отсутствие желаемого и ожидаемого объекта также обозначается сочетанием пассивно-залоговой основы глагола с отрицательной частицей ***чоғыл***, выражающей отсутствие предмета.

– *Кирек чохта машиналар аар-пеер үзігі чох өтісчедедірлер, амды, тізең, нинче дее тыңназам, пір дее ниме* ***истіле чоғыл*** (Хт, 103) – 'Когда не надо, машины снуют туда-сюда, а сейчас, как бы я ни прислушивался, ***не слышно*** ничего'.

– *Паза даа чапсых-чалаң ниме* ***истіле чоғыл*** (Хч, 7) – 'Больше ***не слышно*** интересных новостей'.

– *Аныӊ соонаӊ парзам, Михай от аразында* ***көріне чоғыл*** (Хл, 95) – 'Я пошла за ним, но Михая ***не видно*** было в траве'.

Подобные глагольные единицы в тюркских языках именуются предикатами отсутствия. Как показывают примеры, признак «недоступность восприятию желаемого и ожидаемого объекта», реализуемый в семантической структуре исследуемых глаголов, наглядно поддерживается и оттенком «сожаление субъекта о недоступности восприятия объекта».

5. Заключение

В хакасском языке, по нашим наблюдениям, насчитывается три базовых глагола с залоговыми аффиксами, репрезентирующих пассивное восприятие: ***көрін-*** 'смотреться; видно', (образованный от глагола ***көр-*** 'смотреть; видеть' при помощи аффикса возвратного залога ***-ін-***); ***истіл-*** 'слышаться; слышно', (образованный от глагола ***ис-*** 'слышать' при помощи аффикса страдательного залога ***-іл-***) и ***чыстан-*** 'пахнуть; вонять', (образованный путём присоединения к глаголу ***чыста-*** 'обонять; нюхать' аффикса возвратного залога ***-ін-***). Ситуативно-структурные модели конструкций, формируемых данными глаголами, представляют когнитивно выделенные фрагменты окружающей действительности, фиксируемые в сознании языковой личности.

В содержательном отношении в семантике исследуемых глаголов выделены дифференциальные признаки, реализующиеся в следующих шести ситуативно-структурных моделях: 1) непосредственное пассивное восприятие окружающей действительности; 2) пассивное восприятие объекта как воспоминание о какой-либо ситуации, событии и явлений; 3) пассивное восприятие объекта как воображение каких-либо ситуаций и явлений; 4) пассивное восприятие объекта как наличие его необходимых характеризующих конкретизаторов; 5) пассивное восприятие объекта через ситуативные / процессуальные факторы, фиксируемые сознанием субъекта; 6) смутное (или неадекватное) восприятие действительности в силу нарушения физического или психического состояния субъекта. Все эти модели обслуживаются выше названными базовыми глаголами пассивного восприятия, только в построении третьей модели «пассивное восприятие – воображение» не участвует глагол ***чыстан-*** 'вонять; пахнуть'. Отличительной особенностью субъекта восприятия (наблюдателя, говорящего – в зависимости от контекста) в ситуации неактивного восприятия является то, что он воспринимает, не активизируя своё внимание на объекте, и не прилагая дополнительных усилий, перцепция при этом является неконтролируемой.

Глагол ***көрін-*** 'смотреться; видно', как и исходный глагол ***көр-*** 'смотреть; видеть', в силу доминирования роли зрительного восприятия в познавательных процессах, является многозначным.

Однако в зависимости от контекста описываемые залоговые формы глаголов могут выражать и активное восприятие объекта, это могут быть описания экстремальных и неожиданных ситуаций. Отрицательное перцептивное суждение в семантике глаголов также нейтрализует пассивное восприятие.

Таким образом, описанные ситуативно-структурные модели пассивного восприятия объекта отражают разнообразие потенциальных возможностей человека видеть и осмыслять окружающий мир в разных ипостасях и проявлениях.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Буглак, С. И. Глаголы сенсорного восприятия в предложении в английском языке // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 4. – Т. 1 : Филология. – С. 120–127.
3. Каксин, А. Д. Глагольное выражение семантики восприятия в казымском диалекте хантыйского языка // Филология и человек. Научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 163–171.
4. Копров, В. Ю. О некоторых особенностях выражения субъектно-объектных отношений предложениями с глаголами восприятия и умственного действия в русском и французском языках [Текст] / В. Ю. Копров, Т. Н. Козюра // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2006. – № 1 (1). – С. 83–89.
5. ХРС – Хакасско-русский словарь [Текст] / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.

Список текстовых источников

1. Хл – Кирбижекова, У. Н., Коков, И. Ф. Хакас литературазы : 4 класс [Текст] / У. Н. Кирбижекова, И. Ф. Коков. – Абакан, 1977. – 140 с.
2. П – Пьесалар : сборник пьес [Текст] / М. Е. Кильчичаков, В. Г. Шулбаева, Митхас Туран, Г. Г. Котожеков. – Абакан : Хак. издат., 1991. – 264 с.
3. Х – Тюкпиеков, Н. Хыстағда [Текст] / Н. Тюкпиеков. – Абакан : Хак. отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1977. – 109 с.
4. Чкч – Чарых күнніг чирім. Солнечный мой край : сб. художественных произведений хакасских авторов [Текст] / сост. А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан : Хак. кн. Изд-во, 2007. – 348 с.
5. Хч – Хызыл чазы. Чоохтар, стихтар, пьесалар [Текст] / В. Кобяков, А. Топанов, М. Коков, А. Кузугашев. – Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва. 1982. – 277 с.
6. Хч – Кобяков В. Хызыл чазы. Красная степь (на хакасском языке) [Текст] / В. Кобяков, А. Топанов. – Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва, 1982. – 277 с.
7. Хчк – Хакас чирінің кізілері. Очерктер. Люди земли хакасской. Очерки (на хакасском языке) [Текст]. – Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва, 1985. – 238 с.
8. Т – Казачинова, Г. Той. Повесть паза чоохтар [Текст] / Г. Казачинова, А. Халларов. – Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного издательства, 1979. – 157 с.

References

1. Apresyan, Yu. D. (1995). Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of man: an experiment in systemic description based on linguistic data]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 37–67.
2. Buglak, S. I. (2012). Glagoly sensornogo vospriyatiya v predlozhenii v angliyskom yazyke [Verbs of Sense Perception in English Sentence]. *Vestnik Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 4 (Vol. 1 : Filologiya [Philology]), 120–127.
3. Kaksin, A. D. (2017). Glagol'noe vyrazhenie semantiki vospriyatiya v kazymskom dialekte hantyyskogo yazyka [Verbal Expression of Semantics of Perception in the Kazym Dialect of the Khanty Language]. *Filologiya i chelovek* [Philolgy and a Human], 3, 163–171.
4. Koprov, V. Yu., Kozyura, T. N. (2006). O nekotorykh osobennostyakh vyrazheniya sub"ektno-ob"ektnykh otnosheniy predlozheniyami s glagolami vospriyatiya i umstvennogo deystviya v russkom i frantsuzskom yazykakh [About some specific ways of expressing subject-object relations by sentences with the verbs of perception and mental processes in Russian and French]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 1 (1), 83–89.
5. HRS – Anzhiganova, O. P., Baskakov, N. A., Borgoyakov, M. I., Inkizhekova-Grekul, A. I., Patachakova, D. F., Subrakova, O. V., Beloglazov, P. E., Kaskarakova, Z. E., Kyzlasov, A. S., Sunchugashev, R. D., Chertykova, M. D. (2006). Khakassko-russkiy slovar' [Khakas-Russian Dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.

Texts for analysis

1. Hl – Kirbizhekova, U. N., Kokov, I. F. (1977). *Khakas literaturazy* [The literature of Khakassia] : For the 4th grade. Abakan.
2. P – Kil'chichakov, M. E., Shulbaeva, V. G., Turan, Mitkhas, Kotozhekov, G. G. (1991). *P'esalar* [Plays] : A collection of plays. Abakan : Khakassia Press.
3. H – Tyukpiekov, N. (1977). *Hystaƶda*. Abakan : Krasnoyarskoe Publishing House, Khakas Department.
4. Chkch – Sultrekov, A. E., Cheltygmasheva, L. V., Maynagasheva, N. S. (compilers) (2007). *Charyh kynnig chirim* [My sunny land]. A collection fiction works by Khakas authors. Abakan : Publishing House of Khakassia.
5. Hch – Kobyakov, V., Topanov, A., Kokov, M., Kuzugashev, A. (1982). *Hyzyl chazy. Choohtar, stihtar, p'esalar*. Abakan : Krasnoyarskoe Publishing House, Khakas Department.
6. Hch – Kobyakov, V., Topanov, A. (1982). *Hyzyl chazy. Krasnaya step'* [Red prairie] (In Khakas). Abakan : Krasnoyarskoe Publishing House, Khakas Department.
7. Hchk – Hakas chirinің kizileri. Ocherkter. (1985). [The people of Khakassia]. Essays (In Khakas). Abakan : Krasnoyarskoe Publishing House, Khakas Department.
8. T – Kazachinova, G., Hallarov, A. (1979). *Toy. Povest' paza choohtar*. Abakan : Krasnoyarskoe Publishing House, Khakas Department.

УДК 81’34
UDC81’34

Чжан Цзяньвэнь
Хэйхэйский университет
г. Хэйхэ, Китайская Народная Республика
Zhang Jianwen
Heihe University
Heihe, China
5644060@qq.com

Караваева Вероника Георгиевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Veronika G. Karavaeva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
Berenices1988@gmail.com

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИТАЙСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РАДИОРЕКЛАМЫ
TEMPORAL CHARACTERISTICS OF CHINESE COMMERCIAL RADIO ADVERTISEMENT

Аннотация
Настоящая работа посвящена изучению некоторых просодических особенностей китайской коммерческой радиорекламы на информационно нагруженных и малоинформативных её участках. Описаны результаты перцептивного эксперимента, в ходе которого были обозначены слоги, входящие в информационное ядро рекламы. Приведены результаты сопоставительного анализа некоторых факторов и их значимости в распределении информационной нагрузки в рекламе: 1) начало / середина / конец высказывания, 2) ускорение / замедление / стабильность скорости речи диктора, 3) средняя скорость речи и длительность рекламы, 4) наличие пауз в позиции до / после / с обеих сторон / начало высказывания / конец высказывания, 5) наличие повторяющихся элементов в рекламе, 6) мужской / женский тембр голоса. Делается заключение о том, что наиболее важными факторами при распределении информационной нагрузки являются длительность, позиция в высказывании, мужской тембр голоса и замедление скорости речи диктора.

Abstract
This paper examines prosodic features of Chinese commercial radio advertising in its informationally important and unimportant segments. We also present a brief description of the perceptual study that allowed to identify the syllables that comprise the informational core of the advertisements. The comparative analysis was performed to determine the significance of a number of factors in the distribution of the information load in advertising. Among these factors were: 1) beginning / middle / end of the utterance, 2) fast speech rate / slow speech rate / stability of speech rate, 3) the average speech rate and duration of the advertisement,

4) pauses location before / after / at both sides / the beginning of the utterance / the end of the utterance, 5) presence of repeated elements in advertising, 6) male / female voice. The conclusion is made that the most important factors in the distribution of the information load are duration, position in the utterance, male voice and slowing down the speech rate.

Ключевые слова: коммерческая реклама, пауза, темп, ускорение / замедление, информационное ядро, информационно нагруженные / ненагруженные слоги.

Keywords: commercial advertising, pause, speaking rate, speeding up / slowing down, informational core, informationally important / unimportant syllables.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_248_272

1. Введение

В современной отечественной и зарубежной науке наблюдается повышенный интерес к рекламному дискурсу, который связан с востребованностью рекламы как со стороны производителей, так и со стороны потребителей. Для продавца реклама является одним из наиболее эффективных способов рассказать о своём товаре, подчеркнуть его достоинства и привлечь клиентов; а для покупателей – это самый простой способ узнать о разных товарах определённой категории, сравнить их достоинства и недостатки и сделать выбор, не выходя из дома, что особенно важно в XXI веке. Таким образом, реклама сегодня – это неотъемлемый и очень важный инструмент предложения в рыночных условиях, а умение её создавать можно сравнить с искусством, которым занимаются высококвалифицированные специалисты.

На сегодняшний день существует немало исследований разных отраслей науки, посвящённых различным сторонам рекламного дискурса. Социология, культурология, психология, философия, экономика рассматривают всё новые и новые аспекты рекламы, дополняя и уточняя уже имеющиеся исследования. Учёные-лингвисты также вносят весомый вклад в развитие теории рекламного дискурса. Об особенностях рекламной речи пишут и китайские исследователи. Речь в рекламе должна быть эмоциональной, живой, яркой, выразительной, обладать краткостью и лаконичностью, а лексика – простой и приближенной к жизни, популярной и общедоступной, незамысловатой [Гао Цзюнь, 2007, с. 22] Специалисты по восприятию речи отмечают, что на запоминаемость вербального материала влияет его употребительность в речи: наиболее частотные элементы запоминаются легче (см., напр., [Ерофеева, 2019, с. 5–17]). Информацию о приёмах и методах создания рекламы можно найти в работах Д. Огилви [Огилви, 2012], В. В. Кеворкова [Кеворков, 2003]; социолингвистическое исследование рекламных текстов представлено, например, в работе Л. В. Каратаевой [Каратаева, 2003]; коммуникативным стратегиям рекламы посвящена работа С. В. Мощевой [Мощева, 2007], о темпоральных особенностях рекламы написаны работы Н. А. Краилиной [Краилина, 2005], Н. Ю. Сороколетовой [Сороколетова, 2015], А. Ю. Вуймы [Вуйма, 2000]. Всё же фонетическая сторона рекламного дискурса остаётся малоизученной на

сегодняшний день и требует дополнительных изысканий, особенно, в области китайского языка. Поскольку целью коммерческой радиорекламы является преподнести больше информации за минимальную единицу времени, особое внимание следует уделить просодическим единицам, ведь в данной ситуации именно они могут сделать её более или менее эффективной.

Важными характеристиками любого дискурса, а особенно коммерческого рекламного радио дискурса, являются скорость речи диктора, тембр, громкость, особенности голоса, правильная расстановка акцентов, грамотная расстановка пауз [Лан Сайся, 2002, с. 38]. Задачей любой рекламы является привлечь покупателя, а значит, активизировать его внимание в нужный момент, удержать на наиболее важной информации, помочь её запомнить. Для радиорекламы эта задача усложняется из-за отсутствия зрительных образов. Поэтому диктор должен произвести впечатление на слушающего именно своим голосом, изменяя темп речи, интонацию, расставляя логическое ударение в нужных местах, диктор должен озвучить рекламу как призыв к покупке товара [Дай Минцин, 2005, с. 57]. Растущее количество рекламы на китайском радио и повышенное внимание к её изучению, о чём пишут китайские и отечественные исследователи [Сунь Мин, 2013, с. 280 ; Чжао Ин, 2015, с. 169 ; Гусева, Чжан Цзянвэнь, 2016, с. 23 ; Чжан Цзянвэнь, Гусева, 2017, с. 47], определили и наш интерес к указанному объекту исследования.

Целью настоящей работы является рассмотрение особенностей варьирования темпа китайского коммерческого рекламного аудиодискурса в зависимости от ряда факторов, включая информативную нагруженность разных участков рекламы.

2. Материал и методика исследования

Корпус исследования составили аудиозаписи китайской коммерческой радиорекламы. Для акустического анализа речи необходимым требованием является отсутствие постороннего шума, в том числе музыкального сопровождения. Однако музыка присутствует в большинстве рекламных радиороликов, что делает процесс акустического анализа крайне проблематичным. Поэтому текст рекламных радиороликов был перезаписан на радио г. Хэйхэ без музыкального сопровождения профессиональными дикторами, имеющими специальное образование в области масс медиа и одновременно, являющимися преподавателями (возраст 24–28 лет) на специальности «директор радио и телевидения», Института гуманитарных наук и медиа в г. Хэйхэ (Китай) [http://www.hhhxy.cn/] (3 женщины и 3 мужчины).

Эксперимент был проведён в три этапа. На первом этапе были отобраны и перезаписаны 23 коммерческие радиорекламы на китайском языке (что составило 9 минут речи). На втором этапе был проведён перцептивный эксперимент, в ходе которого информанты записывали запомнившиеся им слова из прослушанной радиорекламы. Далее слова были проиндексированы по частотности их выбора аудиторами. Наиболее частотные получили индекс 0,6 – 1 (что говорит о том, что их запомнили 60%–100% аудиторов) [Чжан Цзянвэнь, 2017, с. 171, Гусева, 2001, с. 17].

Задачей третьего этапа эксперимента было сопоставить распределение информативно нагруженных и ненагруженных участков на разных отрезках рекламы в речи мужчин и женщин – 1) начало / середина / конец рекламы, 2) участки с ускорением / замедлением темпа, со стабильным темпом – и рассмотреть, как коррелируют просодические параметры на этих участках. Акустический анализ речи производился в программе Praat [Boersma, 2018], статистическая обработка и анализ – в табличном процессоре Excel.

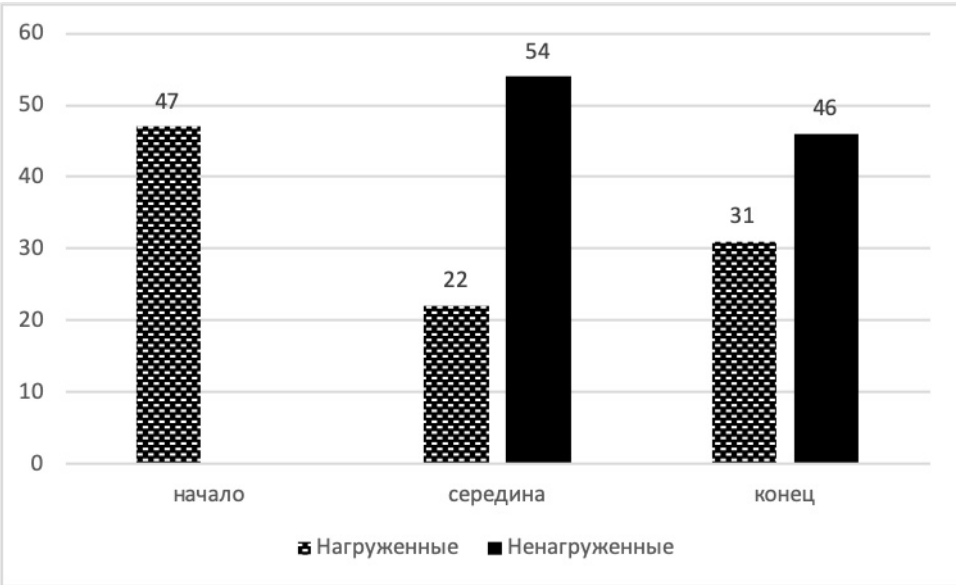
Специалисты по изучению темпа речи придерживаются различных методик подсчёта: скорости речи (подсчёты включают паузы) либо скорости артикуляции (подсчёты исключают паузы) [Бабушкина, 2010, с. 13]. Также возможно измерения темпа речи диктора в разных единицах: слов в минуту, слогов в минуту [Taurosa, 1990], слогов в секунду [Goldman Eisler, 1968], звуков в секунду [Fonagy, 1960]. В данной работе единицей измерения было выбрано количество слогов в секунду (далее – сл/сек). Это связано с тем, что китайский язык является слоговым. Паузы были включены в подсчёты, поскольку пауза является одним из средств выделения информативно нагруженных участков речи (были зафиксированы наличие / отсутствие паузы и локализация перед / после, с обеих сторон от интересующего слога). Затем для каждой рекламы был составлен график изменений темпа речи по секундам в табличном процессоре Excel, где и производилась дальнейшая статистическая обработка данных.

Всего было проанализировано 23 рекламы общей длительностью звучания 9 мин. (3,5 мин. – женская речь, 5,5 мин. – мужская). Все рекламы были разделены на две группы. В первую группу реклам вошли те, длительность которых составила 6–11 сек. (9 реклам). Во вторую группу вошли рекламы, длительность которых составила 14–72 сек. (14 реклам). При первичном анализе реклам было отмечено, что на исследуемом материале 11 секунд являлись своеобразной критической отметкой короткой рекламы, поскольку рекламы, которые длились 14–20 секунд имели тенденции схожие с достаточно длинными рекламами (50–70 сек). Рекламы длительностью 12, 13 сек. не встретились.

3. Группа 1 – короткие рекламы

Результаты психологических исследований свидетельствуют о том, что аудиторы хорошо запоминают краткую, ясную и лаконичную рекламу. Это связано с особенностями памяти [Ян Шу, 2013, с. 274]. Данное утверждение работает и на нашем материале. По результатам второго этапа эксперимента, из 9 проанализированных реклам, в двух рекламах 100% слогов составили информационное ядро. В остальных рекламах 64% от общего количества слогов, являются информационно нагруженными и имеют высокий информационный индекс 0,8–1. Временные промежутки, не содержащие информационно нагруженные слоги, варьировали. В 33% случаев они составили 1 секунду, 23% – 2 секунды, 11% – 3 секунды, 11% – 6 секунд, что говорит о значительной доли информационно нагруженных участков в коротких рекламах.

Результаты распределения информационно нагруженных и не нагруженных слогов показаны на рисунке 1. Во всех рекламах большинство информационно нагруженных слогов (47%) пришлось на первую треть высказывания. Информационно не нагруженные слоги в первой трети радиорекламы не встретились. В 31% случаев информационно нагруженные слоги приходятся на конец рекламы. Количество информационно не нагруженных слогов в конце рекламы составило 46%. Уменьшение количества выбираемых слогов и резкое увеличение количества не выбираемых слогов явно свидетельствует о том, что на начало рекламы пришлась большая информационная нагрузка, чем на конец. На среднюю часть рекламы пришлось 54% информационно ненагруженных слогов и лишь 22% информационно нагруженных слогов. Малое количество выбираемых слогов говорит о том, что средняя часть рекламы несет наименьшую информационную нагрузку.

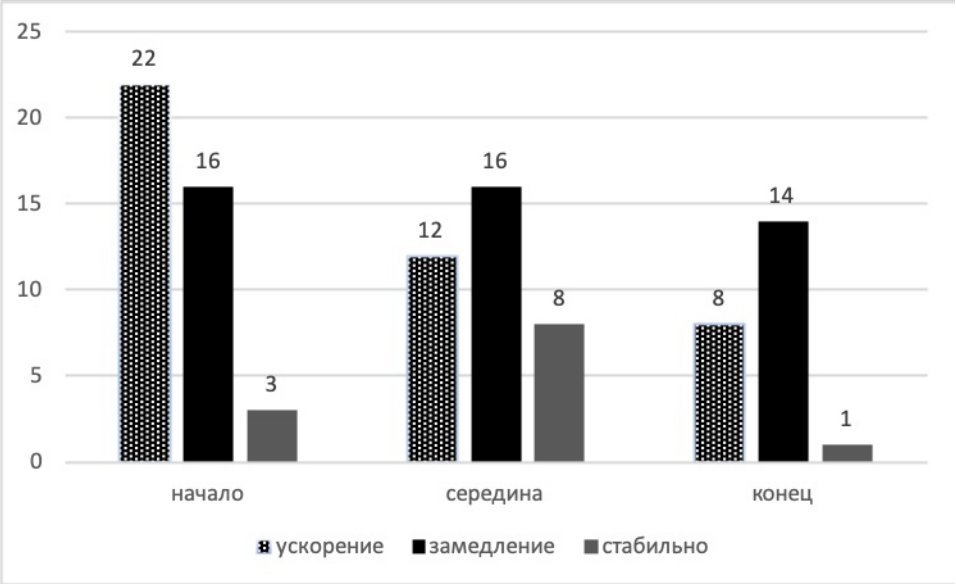


Р и с у н о к 1. **Распределение информационно нагруженных / не нагруженных участков в начале / середине / конце короткой рекламы (%)**

На разных участках рекламы темп мог ускоряться, замедляться или оставаться стабильным. Для того, чтобы определить, имеется ли зависимость между особенностями темпа и информационной нагрузкой, участки рекламы с ускорением / замедлением и стабильным темпом были проанализированы: 1) относительно частотности их появления в рекламе, 2) их появления в начале, середине и конце рекламы, 3) появления на данных участков информационно нагруженных / не нагруженных слогов.

Анализ количественного соотношения участков рекламы выявил, что наибольшая доля приходится на участки с замедлением (45%) и ускорением (45%) темпа речи дикторов, в то время как участков, на которых скорость речи диктора оставалась стабильной оказалось значительно меньше

(12%). На начальном участке рекламы преобладал ускоренный темп речи диктора, в то время как в середине и конце рекламы скорость речи преимущественно замедлялась. Необходимо также отметить, что наибольшая часть участков, где скорость речи была неизменной пришлась на середину высказывания (см. рис. 2).



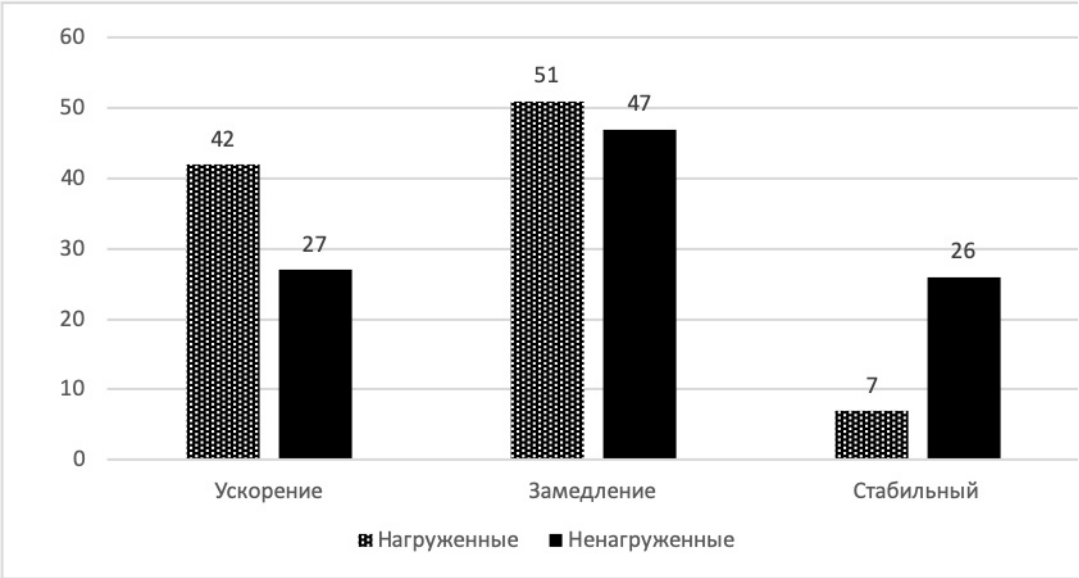
Р и с у н о к 2. **Распределение участков с ускорением / замедлением и стабильным темпом в начале / середине / конце в коротких рекламах (%)**

Наибольшее количество информационно нагруженных и не нагруженных слогов в короткой рекламе приходится на участки с замедлением скорости речи диктора – 51% и 47% соответственно. Чуть меньшая доля информационно нагруженных слогов приходится на участки с ускорением темпа – 42% и лишь небольшая часть из них (7%) приходится на участки со стабильным темпом. Примерно одинаковая доля информационно не нагруженных слогов приходится на участки с ускорением и стабильным темпом – 27% и 26% соответственно. Таким образом, участки с замедлением скорости речи диктора имеют первый ранг частотности, с ускорением – второй и со стабильным темпом – третий как для информационно нагруженных, так и для информационно не нагруженных слогов (см. рис. 3).

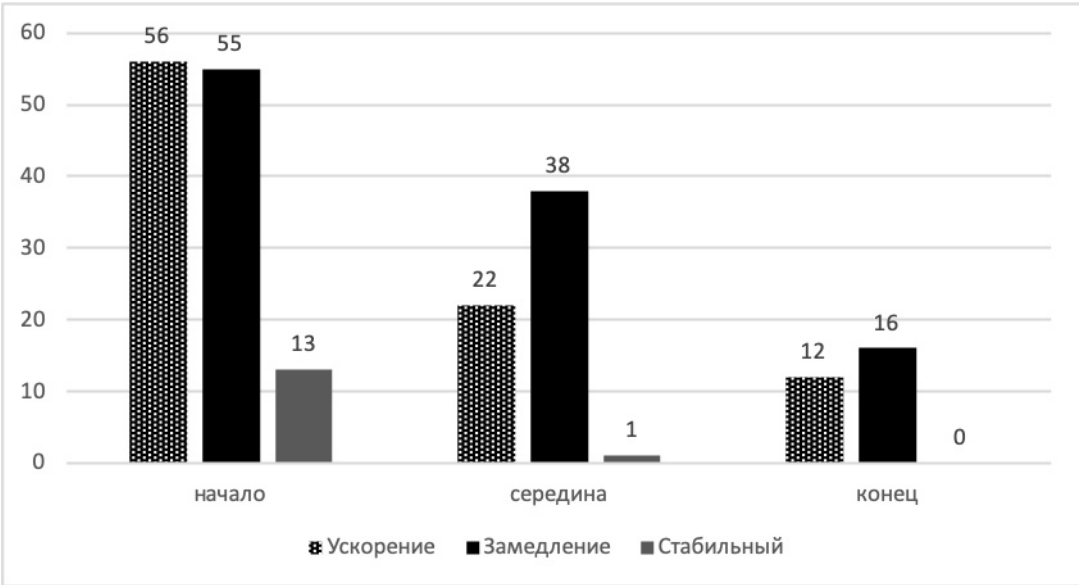
Однако наибольшая часть информационно нагруженных слогов приходится на начало рекламы, в то время как наибольшая доля информационно не нагруженных слогов приходится на середину рекламы (см. рис. 4, 5). Это говорит о том, что при влиянии двух факторов: темпа речи и позиции в рекламе, второй фактор является наиболее значимым.

На рисунке 6 представлен типичный график темпа речи короткой рекламы. На линии внизу графика отмечены секунды. На графике цифрами отмечены секунды, на которых встретились информационно нагруженные

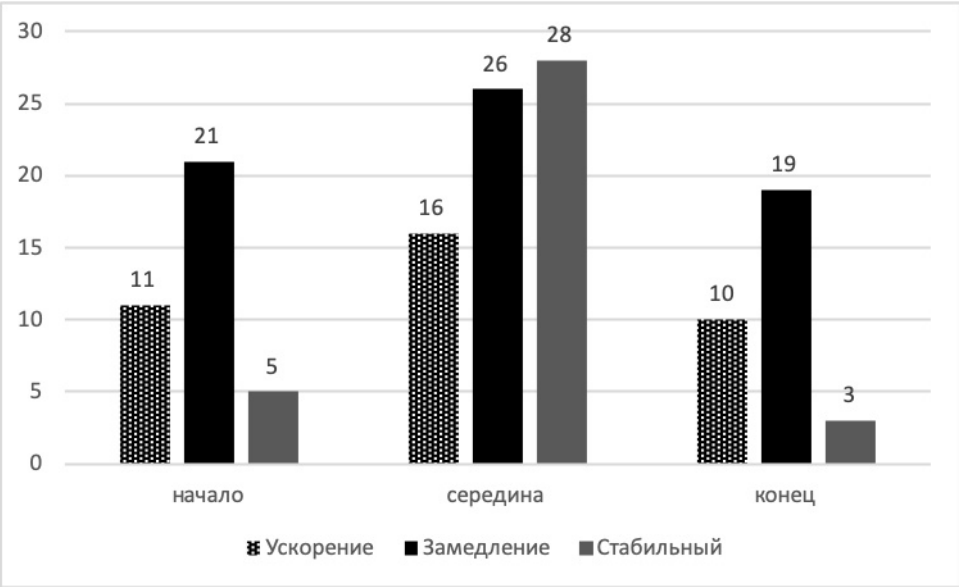
участки, цифра означает скорость речи диктора (слоги в секунду). Квадратами отмечены секунды, где не встретилось информативно нагруженных участков, в центре указана скорость речи диктора.



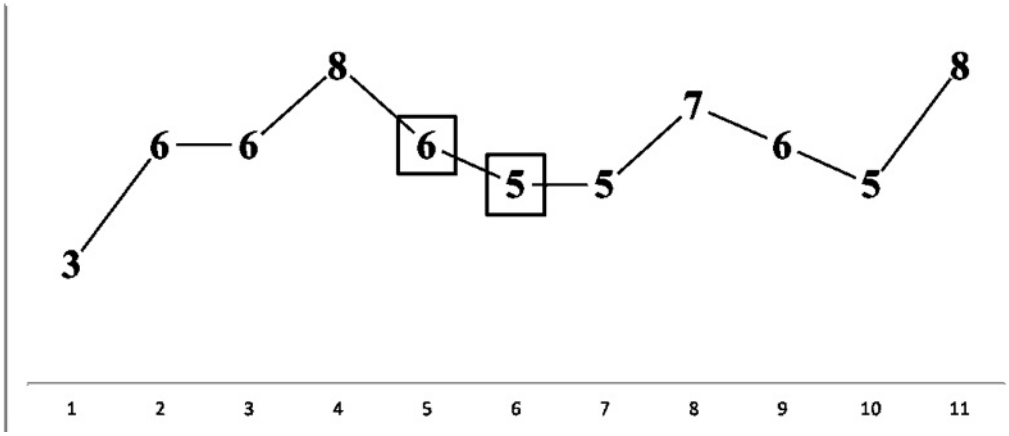
Р и с у н о к 3. **Распределение информационно нагруженных / не нагруженных слогов на участках с ускорением / замедлением, стабильным темпом речи дикторов (%)**



Р и с у н о к 4. **Распределение информационно нагруженных слогов на участках с ускорением / замедлением, стабильным темпом в короткой рекламе в зависимости от позиции в начале / середине / конце рекламы (абсолютные единицы)**



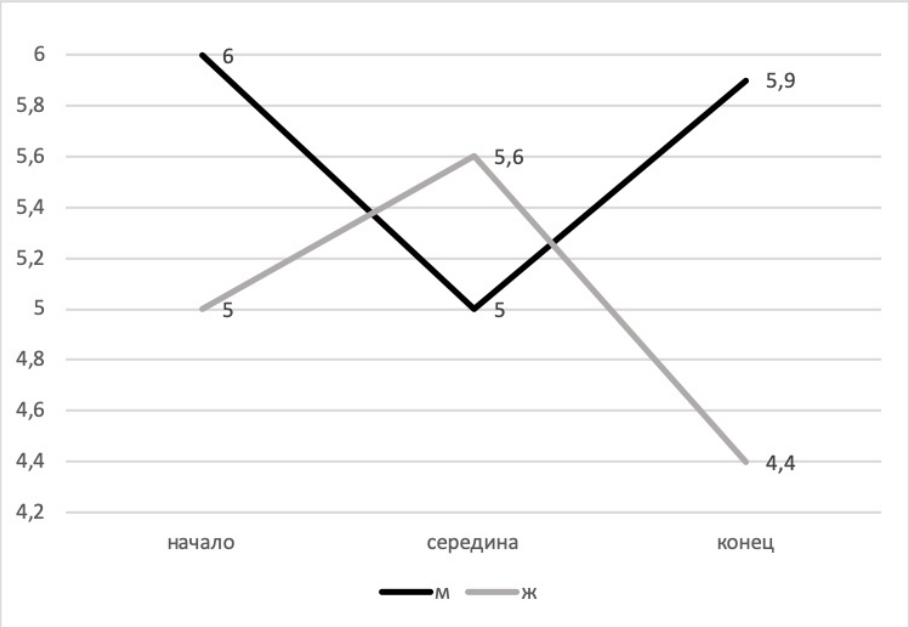
Р и с у н о к 5. **Распределение информационно не нагруженных слогов на участках с ускорением / замедлением, стабильным темпом в короткой рекламе в зависимости от позиции в начале / середине / конце рекламы (абсолютные единицы)**



Р и с у н о к 6. **График темпа речи диктора мужчины 2 в рекламе № 18**

Длительность участков с ускорением / замедлением / стабильным темпом речи дикторов могла разниться (см. рис. 6). Наиболее длительные участки (3 сек) встретились на замедлении темпа и в местах, где темп был стабилен, однако их количество было невысоким (11% от общего количества участков с замедлением темпа речи, 29% участков от общего количества участков со стабильным темпом). В большинстве случаев длительность участков не превышала 1 сек. (84% участков от всех участков с ускорением темпа, 63% участков от всех участков с замедлением темпа). Основная доля участков со стабильным темпом – 71% – приходится на участки длительностью 2 сек. В целом темп речи дикторов в коротких рекламах колебался в пре-

делах 4,7–5,7 сл/сек у женщин и 5–5,9 сл/сек у мужчин. Средняя скорость речи дикторов женщин составила 5,2 сл/сек, мужчин – 5,7 сл/сек (см. рис. 7).



Р и с у н о к 7. **Темп речи дикторов в начале / середине / конце рекламы (м – мужчины, ж – женщины)**

На начальных участках рекламы темп речи дикторов часто и быстро изменялся. Разница меду максимальным и минимальным значением в пределах одной рекламы могла быть равна 7 сл/сек. Средний максимум составил 7 сл/сек, средний минимум составил 3 сл/сек. Средняя скорость речи у мужчин на данном участке всегда была выше, чем в середине и конце рекламы и составила 6 сл/сек. У женщин скорость речи в первой трети рекламы составила 5 сл/сек, что превышало скорость речи в конце рекламы и было ниже скорости в середине рекламы.

В конце высказывания изменения темпа речи были менее существенными, чем в её первой трети. Разница между максимальным и минимальным значениями в пределах одной рекламы была меньше и могла составлять не более 4 сл/сек, а значения среднего максимума и среднего минимума составили 7 и 4 сл/сек соответственно. Средняя скорость речи мужчин и женщин составила 5,9 и 4,4 сл/сек соответственно – ниже, чем в первой трети рекламы.

По сравнению с началом и концом рекламы колебания темпа в её середине были минимальными. Разница между максимальным и минимальным значением в пределах одной рекламы была лишь 2 сл/сек, а значения среднего максимума и среднего минимума составили 6 и 4 сл/сек соответственно. Средняя скорость речи мужчин составила 5 сл/сек и была ниже, чем в первой и последней трети рекламы. У женщин скорость речи составила 5,6 сл/сек и была примерно равна скорости речи в первой трети рекламы.

В большинстве случаев (50%) участки с максимальными и минимальными значениями скорости речи диктора приходятся на начало рекла-

мы, на конец приходятся 44% и 42% соответственно. На среднюю часть рекламы приходится лишь небольшая доля максимальных (6%) и минимальных значений (8%). Это согласуется с приведёнными выше данными о том, что максимальные колебания темпа наблюдаются в первой и последней трети рекламы, которые несут на себе большую информационную нагрузку, чем середина рекламы.

Анализ выбираемых слогов и их места в темпоральной структуре рекламы показывает, что первая треть рекламы несёт наибольшую информационную нагрузку и является особенно важной для привлечения внимания слушателя. Последняя треть рекламы выполняет функцию закрепления информации, произнесённой в начале, а середина является наименее информационно нагруженным участком, который в свою очередь является не менее важным, поскольку он выполняет функцию связующего звена между первой и второй частями высказывания. Это своеобразный «мостик», создающий психологическую разгрузку для слушателя и подготавливающий его к закреплению и запоминанию информации заключительной части рекламы.

Темп речи дикторов на стабильных участках составил 6 сл/сек, что превышало среднюю скорость речи дикторов. Как у мужчин, так и у женщин большая часть (38%) участков, не содержащих информационно нагруженные слоги, встретилась именно там, где темп был стабилен. Участки с ускорением темпа характеризовались максимальной разницей между начальным и конечным значением в пределах одного участка, которая могла составлять 7 сл/сек, при этом темп мог возрастать с 2 до 9 сл/сек. Однако в большинстве случаев эта разница равнялась 3 слогам в секунду. На участках с замедлением темпа наибольшая разница между начальным и конечным значением в пределах одного участка могла составлять 5 сл/сек, что ниже, чем на участках с ускорением темпа, при этом темп речи диктора мог замедляться с 9 до 4 сл/сек. Однако в большинстве случаев эта разница равнялась 2 сл/сек. Интересно отметить, что на участках ускорения и замедления темпа, где была максимальная разница между начальным и конечным значениями, встретились информационно нагруженные слоги с высоким информационным индексом. Вероятно, что такой резкий перепад скорости речи диктора, помогает выделить важную информацию и является одной из стратегий привлечения внимания слушателей.

Женщины и мужчины используют разные стратегии распределения темпа речи внутри рекламы. Мужчины предпочитают на начальном участке рекламы говорить с высокой скоростью, понижая её в середине рекламы и вновь увеличивая до максимальных отметок на конечном участке. Женщины – наоборот начинают высказывание на небольшой скорости речи, постепенно увеличивая скорость речи к середине рекламы и снижая до минимальных отметок к концу рекламы. При этом скорость речи мужчин в начале и конце рекламы примерно одинакова, у женщин – скорость речи в конце рекламы значительно ниже, чем в начале.

Доля информационно нагруженных участков в рекламах, начитанных мужчинами больше, чем в рекламах, начитанных женщинами – 71% и 54% соответственно. Такая разница может быть обусловлена тембральны-

ми особенностями женского и мужского голоса, которые могут играть значительную роль при восприятии аудиотекста, в том числе и радиорекламы, однако их анализ выходит за рамки настоящей статьи.

Особое внимание следует уделить повторяющимся сегментам в рекламе. Об их значении во французской рекламе сказано в работе Н. А. Краилиной [Краилина, 2005, с. 7]. О значимости повторяющихся сегментов в рекламе пишут и китайские учёные: для успешного восприятия рекламы покупателем, в ней должно присутствовать достаточное количество повторений [Ли Цин, 2011, с. 25]. Повторяющие словосочетания встретились в 7 рекламах из 9 на разных участках, и их лексический состав был различным: существительные, прилагательные, числительные (см. табл. 1.)

Таблица 1. **Лексический состав повторов в короткой рекламе**

№	Иероглиф	Пиньинь	Перевод / объяснение	Информ. индекс
1.	十五	shi wu	Пятнадцать	0,6
2.	加多宝	jia duo bao	Напиток «Дзя дуо бао»	0,9
3.	太阳神	tai yang shen	Витамин «Тай Яньшэнь»	1/0,8
4.	畅轻	chang qing	Йогурт «Чан Цин»	0,8
5.	女装	nu zhuang	Женская одежда	1/0,6
6.	天猫超市	tian mao chao shi	Супермаркет «Тянь Мао»	1
7.	星海	xing hai	Жилой комплекс «Синь Хай»	1/0,7
8.	名城	ming cheng	Жилой комплекс «Мин Чшхэн»	1/0,7
9.	健康	jian kang	Здоровье	0,6
10.	有机	you ji	Органический	0,8
11.	国际	guo ji	Международный	0,7

Повторы были двукратными. Такие словосочетания всегда входили в информационное ядро рекламы и имели высокий информационный индекс 0,6 –1. Сегменты, произнесённые первый раз, более чем в половине случаев (55%) имели информационный индекс 0,6–0,7, тогда как повторы, которые приходились на конец рекламы, запоминались аудиторами лучше и имели информационный индекс 0,8–1 в 73% случаев. Схожие данные можно встретить в исследованиях китайских учёных [Ли Цин, 2011, с. 25]. На начало рекламы пришлось 41% повторов, на конец – конец 32%, на середину 27%. В большинстве случаев (63%) дикторы, как мужчины, так и женщины произносили сегмент впервые в самом начале рекламы, а второй раз в самом конце. В 19% случаев дикторы использовали двойной повтор в середине рекламы, и в остальных случаях повтор в начале и в середине рекламы. Вариант, когда сегмент появился в середине рекламы и был повторён в конце,

отсутствовал. Самый высокий информационный индекс имели словосочетания, повторенные диктором в конечной позиции.

Первый раз большинство сегментов (60%) было произнесено на ускорении в среднем с 4,7 до 6,5 сл/сек, а второй раз на замедлении (73%) с 6 до 4,3 сл/сек. Начальное и конечное значения на данных участках чаще всего были приближены к максимальному или минимальному значениям скорости речи диктора в рекламе. Полученные данные подтверждают приведённую выше мысль о том, что колебания темпа в пределах минимального временного промежутка способствует активизации внимания аудиторов, помогает выделить важную информацию.

4. Группа 2 – длинные рекламы

В отличие от коротких реклам, в длинных рекламах общее количество информационно не нагруженных слогов было значительно выше, чем общее количество нагруженных. Только 18% от общего количества всех слогов, содержащихся во всех, исследуемых рекламах данной группы, являлись информационно нагруженными. Если количество информационно нагруженных слогов принять за 100%, то 63% из них имеют высокий информационный индекс 0,8–1. Доля информационно нагруженных слогов в каждой отдельной рекламе могла колебаться в пределах 2–44% и в среднем составила 21% от объёма рекламы.

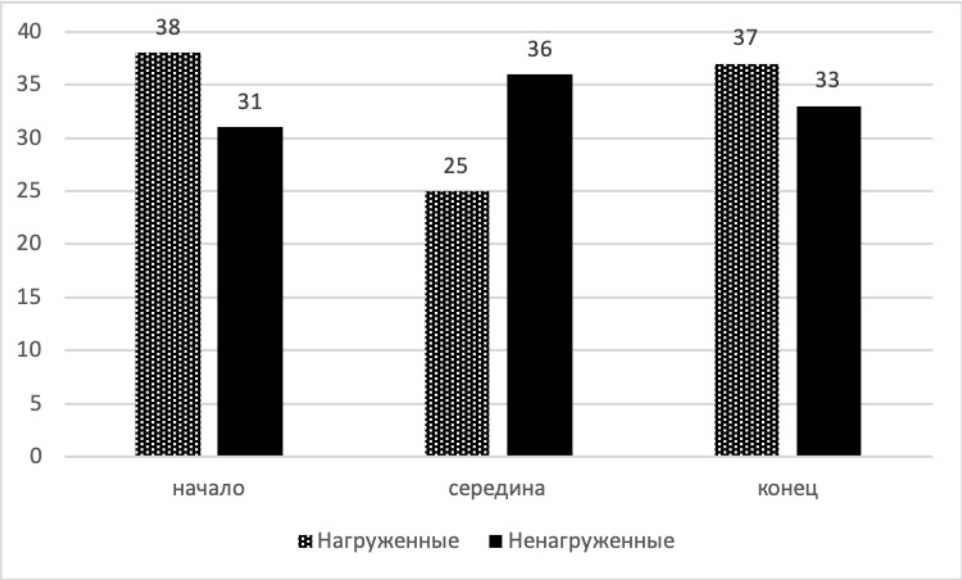
Большинство информационно нагруженных слогов пришлось на первую треть высказывания и составило 38%. Доля информационно не нагруженных слогов на данном участке составила 31%. В 37% случаев информационно нагруженные слоги приходятся на конец рекламы. Количество информационно не нагруженных слогов в конце рекламы составило 33%. На среднюю часть рекламы пришлось 36% информационно не нагруженных слогов и лишь 25% информационно нагруженных (см. рис. 8).

Информационно нагруженные слоги преобладают на начальном и конечном участках (вместе с тем, нельзя не заметить, что преобладание небольшое), таким образом, в длинных рекламах, в отличие от коротких (ср. с рис. 1) бóльшая информационная нагрузка приходится не только на начало, но и на конец рекламы. Как и в коротких рекламах, на середину длинных реклам приходится наименьшее количество информационно нагруженных слогов и данный участок можно считать участком, создающим психологическую разгрузку для слушателя, моментом, когда внимание ослабляется для своеобразной «передышки», чтобы активизироваться в конце.

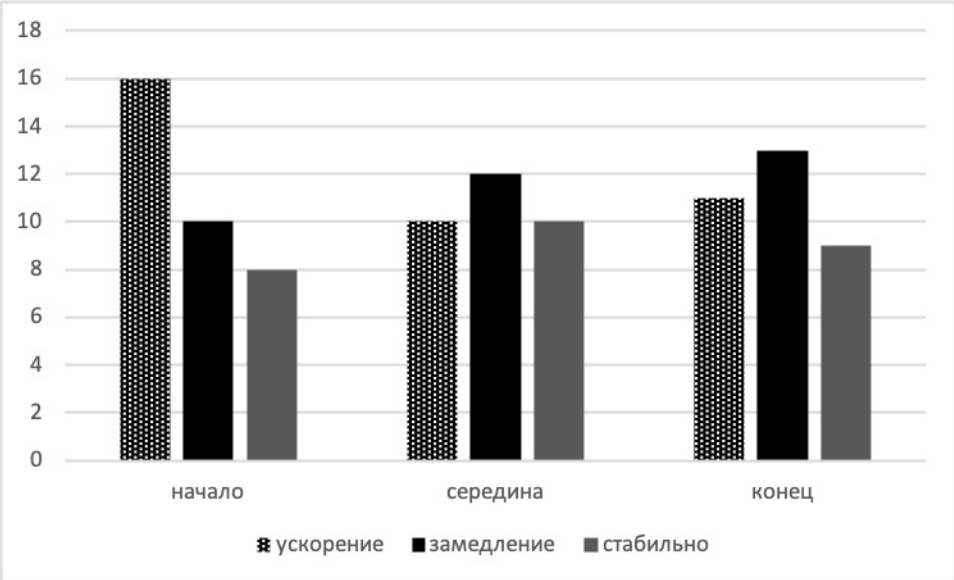
Как и в коротких рекламах, количество участков с замедлением (37%) и ускорением (36%) скорости речи диктора превышало количество участков со стабильным темпом (27%). В начале рекламы преобладал ускоренный темп речи, в середине и конце – замедленный. Большая часть участков, где скорость речи была стабильно встретилась в середине рекламы (см. рис. 9).

На распределение информационно нагруженных участков в длинной рекламе играли роль несколько факторов: место в рекламе (начало, середина, конец) и ускорение / замедление скорости речи диктора / стабильность темпа. Ранги частотности между указанными участками в длинных рекламах

распределились также, как и в коротких. Так, первый ранг частотности принадлежит участкам с замедлением темпа речи, второй – участкам с ускорением и третий – участкам со стабильным темпом. Однако их распределение в зависимости от участка рекламы имеет свои особенности (рис. 10, 11).



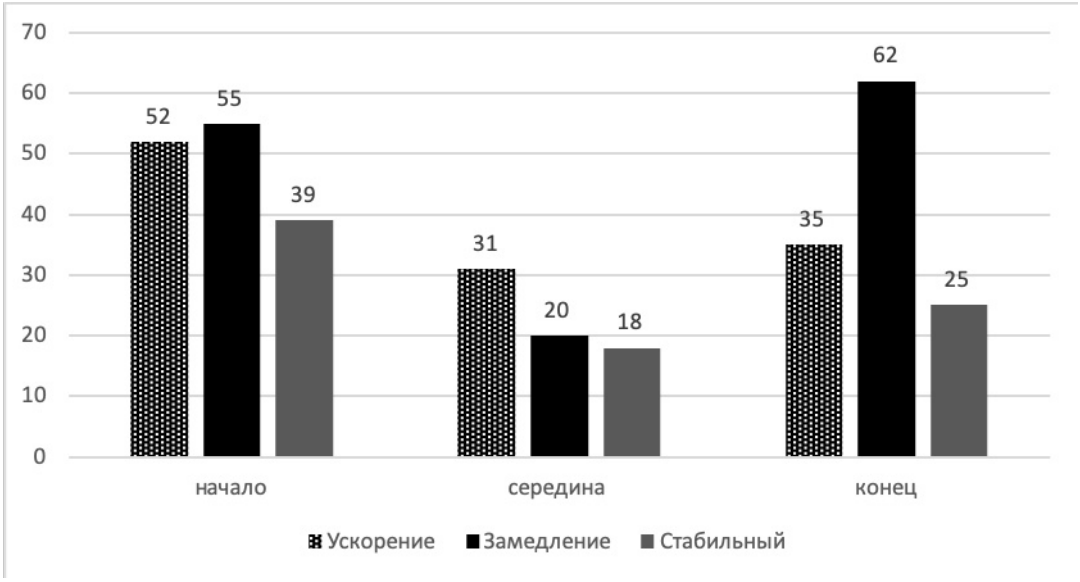
Р и с у н о к 8. **Распределение информационно нагруженных / не нагруженных участков в начале / середине / конце длинной рекламы (%)**



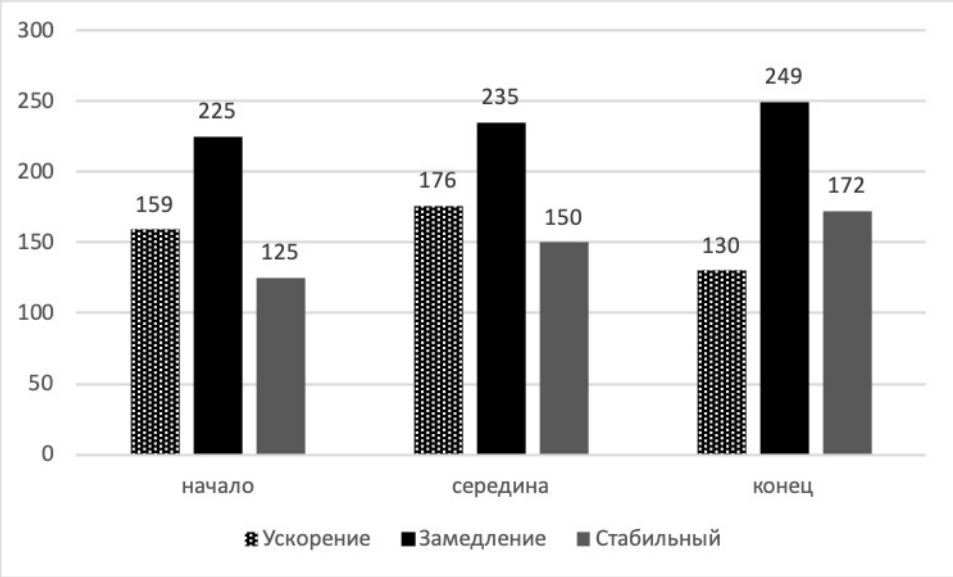
Р и с у н о к 9. **Распределение участков с ускорением / замедлением и стабильным темпом в начале / середине / конце в длинных рекламах (абсолютные единицы)**

На участки с замедлением темпа приходится 41% информационно нагруженных слогов. Если принять все информационно нагруженные участки

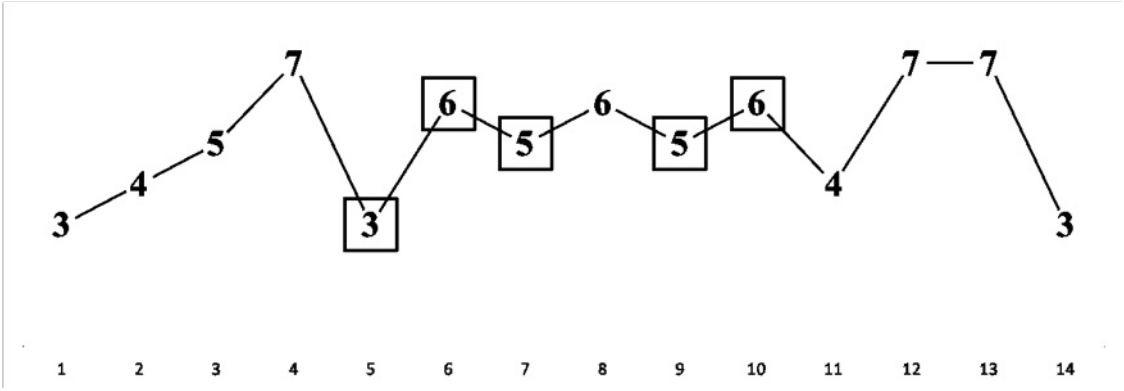
с замедлением темпа речи диктора за 100%, то 40% и 45% из них придётся на начало и конец рекламы соответственно (см. рис. 10), а их меньшая часть – 15% на середину. Большая часть информационно не нагруженных слогов (45% от общего количества в длинных рекламах) также приходится на участки с замедлением темпа речи дикторов, но в отличие от информационно нагруженных слогов, они достаточно равномерно распределены по всей рекламе: 32% – начало, 33% – середина, 35% – конец (см. рис. 11).



Р и с у н о к 10. **Распределение информационно нагруженных слогов на участках с ускорением / замедлением, стабильным темпом в длинных рекламах в зависимости от позиции (абсолютные единицы)**



Р и с у н о к 11. **Распределение информационно не нагруженных слогов на участках с ускорением / замедлением, стабильным темпом в длинных рекламах в зависимости от позиции в начале / конце / середине рекламы (абсолютные единицы)**

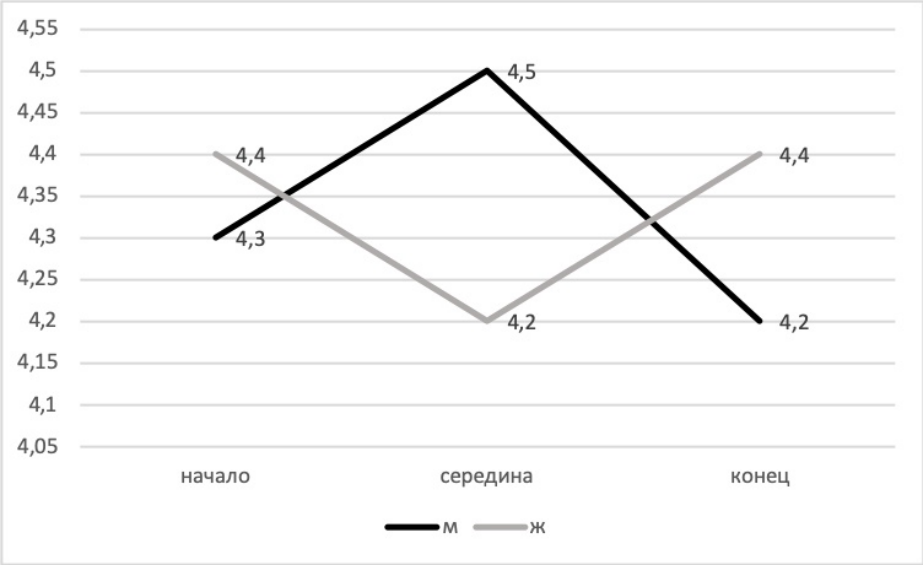


Р и с у н о к 12. **График темпа речи диктора мужчины 2 в рекламе № 12**

На участках с ускорением темпа диктора встретилось 35% информационно нагруженных участков и 28% информационно не нагруженных участков. Их распределение также зависело от места в рекламе. На начало и конец приходится большая часть информационно нагруженных слогов (см. рис. 10), информационно не нагруженные слоги распределяются равномерно по всем участкам рекламы (см. рис. 11). На участках со стабильным темпом информационно нагруженные слоги распределялись схожим образом (24% и 27% соответственно). Информационно ненагруженные слоги преобладали на конечном участке рекламы. На рис. 12 представлен типичный график темпа речи короткой рекламы. На линии внизу графика отмечены секунды. На графике цифрами отмечены секунды, на которых встретились информационно нагруженные участки, цифра указывает на скорость речи диктора (слоги в секунду). Квадратами отмечены секунды, где не встретились информационно нагруженные участки, в центре указана скорость речи диктора.

Длительность участков с ускорением / замедлением / стабильным темпом речи дикторов могла отличаться (см. рис. 12). В большинстве случаев длительность участков с ускорением и замедлением темпа составила 1 сек. (85% в обоих случаях). Такая же тенденция была отмечена и в коротких рекламах. На отрезки длительностью 2 сек. приходится около 14% участков с ускорением темпа и 13% участков с замедлением темпа, что чуть больше, чем в коротких рекламах. Количество участков длительностью 3 сек. было минимальным, как и в коротких рекламах и составило 1% для участков с ускорением темпа и 2% для участков с замедлением темпа. Длительность участков со стабильным темпом в большинстве случаев (61%) не превышала 2 сек., как и в коротких рекламах, однако в 22% случаев длительность составила 3 сек., а в 17% случаев длительность составила 5–7 сек., чего, естественно, не наблюдалось в коротких рекламах – скорость речи диктора могла дольше оставаться неизменной. Причина очевидна: при прослушивании длинного текста внимание аудитора ослабевает, поэтому дикторы чередуют участки с постоянным темпом с участками, где скорость варьирует, что помогает «взбодрить» слушателя, активизировать его внимание. Такую функцию выполняют 78 участков из 95.

В целом, темп речи в длинных рекламах колебался у женщин в пределах 4–5 сл/сек и у мужчин – 3,3–5,6 сл/сек. Средняя скорость речи дикторов-женщин и мужчин почти не отличалась – 4,3 и 4,4 сл/сек соответственно (см. рис. 13).



Р и с у н о к 13. **Темп речи дикторов в начале / середине / конце рекламы (м – мужчины, ж – женщины)**

На начальных участках разница между максимальным и минимальным значением в пределах одной рекламы не превышала 4 сл/сек. Средний максимум составил 6 сл/сек. Наибольшая доля 38%–39% от общего количества случаев приходится на разницу в 3–4 сл/сек, средний минимум составил 3 сл/сек. Средняя скорость речи у мужчин и женщин на данном участке почти не отличалась – 4,3 и 4,4 сл/сек соответственно.

В конце высказывания разница между максимальным и минимальным значениями в пределах одной рекламы могла составлять 6 слогов. Однако наибольшая доля 38%–39% от общего количества случаев приходится на разницу в 3–4 сл/сек – так же, как и на начальном участке рекламы. Значения среднего максимума и среднего минимума составили 6 и 2 сл/сек соответственно. Средняя скорость речи мужчин и женщин составила 4,2 и 4,4 сл/сек соответственно.

В средней части максимальная разница между максимальным и минимальным значением в пределах одной рекламы была 4 сл/сек. Однако наибольшая доля – 62% от общего количества случаев – приходится на разницу в 3 сл/сек, что говорит о большей стабильности темпа, чем на начальных и конечных участках рекламы. Значения среднего максимума и среднего минимума составили 6 и 3 сл/сек соответственно. Средняя скорость речи мужчин составила 4,5 сл/сек. У женщин скорость речи составила 4,2 сл/сек.

В 42% случаев участки с максимальными и минимальными значениями скорости речи диктора приходится на начало рекламы, а на конец и середину – 36% и 22% соответственно.

Минимальная скорость речи диктора на участке с ускорением темпа составила 1 сл/сек (встретилось на конечном участке), а максимальная скорость речи составила 7 сл/сек (это значение встретилось на всех участках рекламы). В пределах одного участка наибольший перепад между максимальным и минимальным значениями составил 6 сл/сек. Данный участок встретился в последней трети высказывания после логической паузы между предложениями. В большинстве случаев (46%) перепад составил 1 сл/сек, 30% пришлось на 2 сл/сек, 20% – на 3 сл/сек, 4% – на 4–6 сл/сек.

Минимальная скорость речи диктора на участке с замедлением темпа составила 1 сл/сек (встретилось на конечном участке), а максимальная скорость речи составила 7 сл/сек (это значение встретилось на всех участках рекламы). В пределах одного участка наибольший перепад между максимальным и минимальным значениями составил 6 сл/сек и присутствовал лишь однажды. Темп речи при этом замедлялся с 7 сл/сек до 1 в последней трети высказывания перед логической паузой в конце предложения. В большинстве случаев (42%) перепад составил 2 сл/сек, 37% пришлось на 1 сл/сек, 17% – на 3 сл/сек, 5% – на 4–6 сл/сек и в одном случае встретился максимальный перепад 5 в сл/сек.

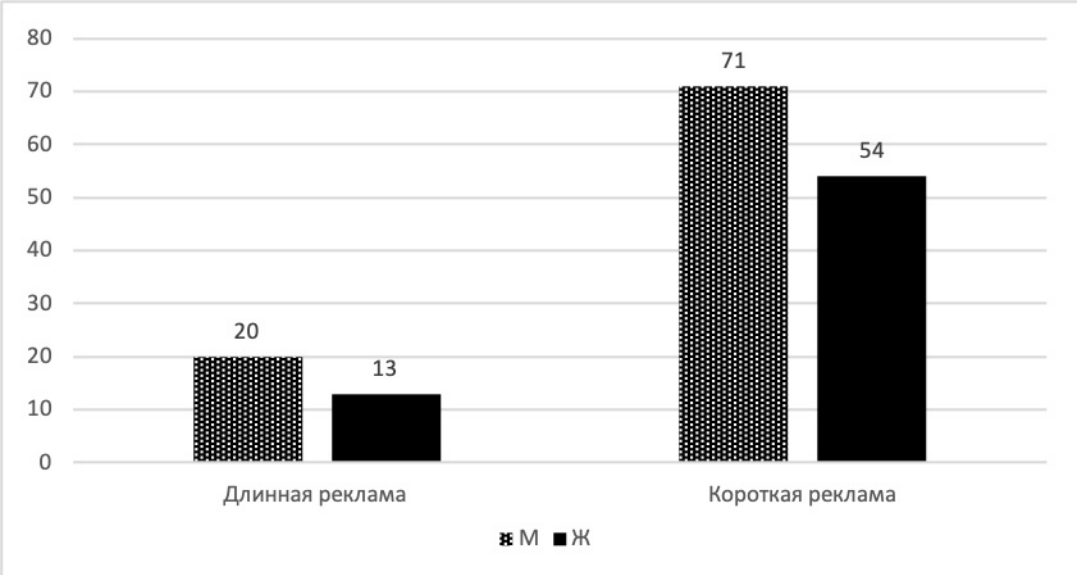
На участках со стабильным темпом минимальная скорость речи составила 2 сл/сек и встретилась в конце высказывания перед логической паузой, максимальная скорость речи составила 7 сл/сек и встретилась перед логической паузой в середине и конце высказывания. В 37% случаев темп речи на стабильных участках составил 4 сл/сек, что было ниже средней скорость речи дикторов, в отличии от короткой рекламы, где она превышала среднюю скорость речи дикторов. В 25% случаев скорость речи дикторов на участках с постоянным темпом составила от 2–3 сл/сек, в 38% случаев скорость речи дикторов составила 5–7 сл/сек.

Очевидно, что как и в короткой рекламе, дикторы используют две стратегии выстраивания темпа в рекламе (см. рис. 13). При первой скорость речи диктора возрастает к середине рекламы, в средней части рекламы остаётся некоторое время стабильной и затем снижается к концу рекламы до более низких значений, чем в начале. При второй речь диктора начинается на отметке приблизительно равной максимальной скорости речи диктора в рекламе, затем понижается до минимальных значений, как и в первом случае, в середине рекламы темп остается некоторое время стабильным и затем вновь возрастает до максимальных значений на конечном участке рекламы. Мужчины предпочитали вторую стратегию в коротких рекламах, а первую в длинных. Женщины, наоборот, отдавали предпочтение первой стратегии в коротких рекламах, а второй – в длинных. Необходимо подчеркнуть, что существуют некоторые отличия между реализациями данных стратегий в короткой и длинной рекламах. В короткой рекламе максимальные перепады между началом / концом (максимальные точки) и серединой (минимальная точка), серединой (участок, где скорость речи максимальна) и началом / концом (участок, где скорость речи минимальна) гораздо больше, чем в длинной рекламе: сра-

батывает компенсаторный механизм: меньшая длительность компенсируется большими колебаниями темпа и большей скоростью речи диктора.

Необходимо отметить, что средняя скорость речи дикторов в длинной рекламе ниже (4,4 сл/сек), чем в короткой рекламе (5,4 сл/сек). С точки зрения Му Цзя Шуай наиболее удобной для восприятия является чтение рекламы диктором со скоростью 4–5 сл/сек, что составляет 240–300 слогов в минуту [Му Цзя Шуай, 2014, с. 33]. Наш эксперимент показывает, что аудиторы лучше запоминали информацию в рекламах с небольшой длительностью 6–11сек, чем с длительностью звучания 14–71сек. В короткой рекламе темп женской речи колебался от 4,4 сл/сек до 5 (более удобный темп) и мужской речи от 5–6 сл/сек (менее удобный темп), однако речь мужчин всё равно воспринималась лучше. Возможно, роль сыграли тембральные особенности мужского и женского голосов.

Дон Я Тхин в своей диссертации на основании проведённого эксперимента, делает вывод о том, что низкий тембр голоса диктора побуждает аудиторов купить тот или иной продукт в значительно большей степени, чем высокий голос. Тембр голоса является более важным показателем, чем темп речи диктора [Дон Я Тхин, 2017, p. 25–27]. Данная тенденция имеет место и в исследуемом нами материале. Как в коротких, так и в длинных рекламах доля информационно нагруженных участков в мужской речи превышала долю таких же участков в женской речи (см. рис. 14).



Р и с у н о к 14. **Соотношение информационно нагруженных участков в длинных и коротких рекламах у мужчин и женщин (М – мужчины, Ж – женщины, р – реклама, количество в %)**

Причину исследователи видят в гендерных стереотипах: мужской голос менее напряжённый, ассоциируется с логическим мышлением и авторитетом, успокаивает и поэтому является более предпочтительным для покупателей, чем женский [Ли Цин, 2013, с. 30 ; Чжан Уцзян, 2002, с. 86]. В связи с этим, рекламы, записанные мужским голосом, составляют 58% от

общего количества реклам на рынке. Рекламы, записанные женским голосом, – 30,6%, на остальную долю приходятся рекламы, где присутствуют одновременно мужской и женский либо детские голоса [Ли Цин, 2013, с. 29].

Повторяющие слова и словосочетания встретились во всех длинных рекламах на разных участках. Среди них было немало словосочетаний, содержащих существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные, местоимения. Подробнее с лексическим составом повторяющихся сегментов, можно ознакомиться в таблице 2.

Частота повторения составляла от 2 до 9 раз. Такие сегменты в большинстве случаев входили в информационное ядро рекламы и имели высокий информационный индекс 0,6–1. Однако встретился один случай (см. № 29 табл. 1), когда сегмент повторился в рекламе 5 раз и лишь первое из пяти повторений попало в информационное ядро данной рекламы с индексом 0,8, остальные случаи не выбрал ни один аудитор, эти повторения пришлись на середину и конец высказывания. Повторяющиеся сегменты могли приходиться на начало, середину и конец рекламы. Повторения, встретившиеся на начальном участке рекламы, имели среднее значение информационного индекса 0,9, в середине – 0,8, в конце – 0,85. Наиболее высокое значение информационного индекса приходится на начало и конец рекламы, что, как и темпоральные особенности рекламы, указывает на огромную роль, которую играют начало и конец высказывания для восприятия важной информации.

На начало рекламы пришёлся 31% повторов, на конец – 40%, на середину – 29%. Таким образом, конечный участок является наиболее насыщенным, диктор ещё раз закрепляет сказанное выше. Наиболее частые схемы повторов (40% от общего количества) были следующие: начало – середина – конец либо начало – конец высказывания. Такие сегменты имели средний информационный индекс 0,9. Остальные стратегии были менее «популярны».

В 17% случаев дикторы использовали схему нескольких повторений в середине высказывания от 2–4. Хотя данная стратегия не столь частотна, её также можно считать успешной, поскольку такие сегменты имеют средний информационный индекс 0,8. В 17% случаев была использована стратегия нескольких повторений на конечном участке, а в 14% случаев – на начальном участке рекламы. При этом повторяющиеся слова и словосочетания имели информационный индекс 0,8 и 0,9 соответственно, поэтому стратегии можно также считать успешными. Наименьшая доля (6%) приходится на такие стратегии повторов как середина – конец, где информационный индекс остаётся высоким – 0,9. На стратегию начало – середина также приходится 6%, однако информационный индекс у словосочетаний здесь самый низкий, что говорит о том, что данная стратегии работает хуже, чем остальные.

В начале рекламы наибольшая доля – 37% – приходится на повторы на участках со стабильным темпом, тогда как в середине рекламы 52% повторов были реализованы на участках с ускорением темпа, а в конце рекламы 59% – с замедлением. Это может говорить о позиционной обусловленности скорости речи диктора на повторяющихся сегментах, как и в рекламах первой группы.

Т а б л и ц а 2. **Лексический состав повторов в короткой рекламе**

№	Иероглиф	Пиньинь	Перевод / пояснение	Информационный индекс
1.	爸爸的	ba ba de	Папины	1
2.	脚步	jiao bu	Шаг	1
3.	右脚	you jiao	Левая нога	0.9
4.	前脚	qian jiao	Первый шаг	0.9
5.	贷款	dai kuan	Кредитовать	0.8
6.	这里	zhe li	Здесь	0.7
7.	悠悠	you you	Медленно	1
8.	是	shi	Являться	0.6
9.	圣象	sheng xiang	Деревянные двери «Шэн сян»	1
10.	木门	mu men	Деревянная дверь	0.9
11.	两元	liang yuan	Два юаня	0.9
12.	全场	quan chang	Весь зал	0.9
13.	家家乐	jia jia le	Фруктовый и овощной магазин «Дзя дзя лэ»	0.9
14.	蔬菜	shu cai	Овощи	0.8
15.	水果	shui guo	Фрукты	0.9
16.	送	song	Подарить	0.6
17.	价格	jia ge	Цена	0.6
18.	走过	zou guo	Проходить мимо	0.9
19.	路过	lu guo	Проезжать	0.9
20.	雀巢	que chao	Кофе «Чюе цяо»	0.8
21.	来一杯	lai yi bai	Сравнить	1
22.	血气	xue qi	Жизненные силы	0.6
23.	九	jiu	Девять	0.7/0.8
24.	八	ba	Восемь	0.6/0.8
25.	中信	zhong xin	Банк «Джун синь»	0.8/1
26.	银行	yin hang	Банк	0.8/1
27.	三十	san shi	Тридцать	0.7/1
28.	年	nian	Год	0.7/1
29.	蓄	xu	Сберегать	0.8/0

Необходимо отметить, что интервалы между повторяющимися элементами могут иметь определённые закономерности. Так, было отмечено, что при наличии 5 и более повторов интервалы между ними больше в на-

чале и середине рекламы (10–15 сек) и совсем небольшие в конце рекламы (3–4 сек). На графике длинной рекламы (см. рис. 12) отмечено повторение сегмента baba de jiao bu с интервалами 15, 15, 14, 3, 6 сек. Данная тенденция имеет место в мужской и женской речи.

Наименьшее количество пауз, как и наименьшее количество информационно нагруженных слогов, приходится на участки со стабильной скоростью речи. Внимание также было уделено позиции паузы по отношению к участку с замедлением / ускорением и стабильным темпом. В длинных рекламах информационно нагруженные слоги чаще всего – в 50% случаев приходятся на участки, где после паузы темп речи диктора ускоряется (П + ускорение), 33% – на участки «ускорение + П», 17% – на участки «П + ускорение + П». Информационно не нагруженные слоги в 62% случаев встретились на участках, где темп речи ускоряется до паузы (ускорение + П), 31% на участки «П + ускорение». В короткой рекламе разница по этим показателям была не существенной, перспективу дальнейшего исследования составит проверка гипотезы о том, что фактор изменения темпа до / после паузы также может служить своеобразным маркером информационной нагрузки в рекламе, на большем количестве материала.

6. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Аудиторы запоминают короткую рекламу лучше, чем длинную, что связано не только с психологическими особенностями памяти, но и спецификой преподнесения материала в короткой рекламе (использование максимальных колебаний темпа в минимальные временные промежутки, повторение наиболее важной информации дважды за очень короткий промежуток времени, смещение информационного ядра на начальный участок рекламы).

И длинные, и короткие рекламы, озвученные дикторами-мужчинами, содержали большее количество информационно нагруженных слов, что позволяет говорить о том, что мужской тембр голоса легче воспринимался аудиторами.

Анализ распределения информационно нагруженных участков в начале / середины / конце рекламы позволяет утверждать, что наибольшая информационная нагрузка в коротких рекламах приходится на начало, а в длинных рекламах – на начало и конец рекламы. Конец в длинной рекламе приобретает особое значение за счёт наличия повторяющихся слов и словосочетаний, которые имеют высокий информационный индекс (выше, чем в начале рекламы). Одной из особенностей длинной рекламы также является то, что повторяющиеся фразы могут встречаться через одинаковые интервалы, которые могут создавать определённый ритм в рекламе. Дикторы могут использовать разные стратегии повторов. Все они достаточно успешны, кроме одной, где повторы приходятся на начало и середину. Наиболее частотной стратегией является повторение в начале – (середине) – конце рекламы.

Анализ зависимости распределения информационно нагруженных и не нагруженных слогов на участках с ускорением / замедлением / стабиль-

ным темпом помогает понять, что важную роль при распределении информационной нагрузки в рекламе влияют несколько факторов. С одной стороны темп, а с другой – локализация в рекламе. Наибольшее количество сказанных слогов приходится на участки с замедлением темпа, однако их распределение внутри рекламы не одинаково и фактор начало / конец рекламы является решающим для смещения информационного ядра.

Благодарности

Исследование 34.6414.2017/8.9. выполнено в рамках НИР по базовой части государственного задания

Список литературы

1. Бабушкина, Е. А. Темп речи как социальный маркер [Текст] / Е. А. Бабушкина // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2010. – № 11. – С. 13–17.
2. Вуйма, А. Ю. Коммуникативные функции музыки в рекламе [Текст] : дисс. … канд. культурол. наук 24.00.01 / Вуйма Антон Юрьевич ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПГУ, 2000. — 205 с.
3. Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Гулакова Ирина Ивановна ; Орловский гос. ун-т. – Орел, 2004. – 18 с.
4. Гусева, С. И. Коммуникативная перспектива высказывания и реализация сегментных едини [Текст] : автореф. дисс. … д. филол. наук: 10.02.19. / Гусева Светлана Ивановна ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. –СПбГУ, 2001. – 37 с.
5. Гусева, С. И. Восприятие китайской коммерческой радиорекламы: вербально-семантический фильтр [Текст] / С. И. Гусева, Цзяньвэнь Чжан // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2016. – Вып. 2. – № 1. – С. 18–32.
6. Ерофеева, Т. И. Процесс запоминания слова: лингвистическая интерпретация (анализ двух экспериментов) [Текст] / Т. И. Ерофеева, А. С. Черноусова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5. – № 2. – С. 5–17.
7. Каратаева, Л. В. Сопоставительный анализ рекламной лексики в текстах русской и немецкой прессы: Функционально-семантический и словообразовательный аспект [Текст] : автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01. / Людмила Валентиновна Каратаева ; Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 2003. – 28 с.
8. Кеворков, В. В. Слоган [Текст] / В. В. Кеворков . – М. : РИП-холдинг, 2003. – 156 с.
9. Краилина, Н. А. Роль темпа и пауз в рекламном тексте (на материале французской телерекламы) [Текст] : автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.05. / Краилина, Наталия Анатольевна ; Московский педагогический гос. ун-т. – Москва, 2005. – 20 с.
10. Мощева, С. В. Реклама в современном обществе: социолингвистический аспект [Текст] / С. В. Мощева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – Сер. Филология. – 2007. – № 11. – С. 134–137.
11. Огилви, Д. Огилви о рекламе [Текст] / Д. Огилви. – М. : Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2012. – 239 с.
12. Сороколетова, Н. Ю. Темпоральные особенности англоязычных рекламных слоганов [Текст] / Н. Ю. Сороколетова // Научный диалог. – 2015. – № 12 (48). – С. 132–139.

13. Чжан, Ц Особенности восприятия китайской коммерческой радиорекламы [Текст] / Цзяньвэнь Чжан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5 (71). – С. 170–173.
14. Чжан, Ц. Антропоцентрический и информационный подходы к анализу рекламного дискурса [Текст] / Чжан Цзяньвэнь, С. И. Гусева // Казанская наука. – 2017. – № 6. – С. 47–49.
15. Boersma, P. Praat: Doing phonetics by computer (version 6.0.46) [computer program] / P. Boersma, D. Weenink. Retrieved from http://www.fon.hum.uva.nl/praat/ 12.11.2018.
16. Fónagy, I Speed of Utterance in Phrases of Different Lengths [Text] / I. Fónagy, K. Magdics // Language and speech. – 1960. – № 3. – P. 179–192.
17. Goldman, E. F. Psycholinguistics: experiments in spontaneous speech [Text] / E. F. Goldman. – New York : Academic P., 1968. – 169 p.
18. Taurosa, S. Speech Rates in British English [Text] / S. Taurosa, D. Allison // Applied Linguistics. – 1990. – №11. – P. 90–115.
19. 戴明芹. 播音，电视广告的灵魂. 记者摇篮, 2005(12): 56–57. (=Дай Минцин, Душа радио и телевизионной рекламы [Text] / Дай Минцин. – Журнал колыбель. – 2005. – № 12. – С. 56–57).
20. 董雅婷. 广告中语音声音频率高低对消费者购买意愿的影响. 硕士论文, 2017: –55. (=Дон Я Тхин, Влияние частоты голоса и голоса в рекламных объявлениях на готовность потребителей совершать покупки [Текст] : магистер. дис. / Дон Я Тхин ; Уханьский ун-т. – Ухань, 2017. –55 с).
21. 曹炜，高军. 广告语言学教程. 暨南大学出版社, 2007: –394. (=Гао Цзюнь, Цао Вэй, Учебник по рекламной лингвистике / Гао Цзюнь, Цао Вэй. – Цзинань : Издательство Цзинанского ун-та. – 2007. – 394 с.).
22. 郎彩霞. 广告播音及其技巧运用. 声屏世界, 2002(10): 38. (=Лан Сайся, Рекламные технологии [Text] / Лан Сайся. – Звуковой мир. – 2002. – № 10. – С. 38–38).
23. 李清. 广告听觉符号在品牌识别传播中的作用研究. 硕士论文, 2011: – 43. (=Ли Цин, Исследование роли рекламных слуховых символов в идентификации бренда [Текст] : магистер. дис. / Ли Цин ; Чунцинский ун-т технологий и бизнеса. – Чунцин, 2011. – 43 с).
24. 刘佳. 多模态视角下的广告语言研究. 博士论文, 2013: – 172. (=Ли Цин. Исследование языка рекламы с точки зрения мультимодательности [Текст] : дис. … канд. филол. наук / Ли Цин ; Шаньдунский ун-т. – Шаньдун, 2013. – 172 с.).
25. 穆佳帅. 有声语言表达方式的语速研究. 硕士论文, 2014: – 67. (=Му Джиашуай, Исследование скорости речи в разговорной речи [Текст] : магистер. дис. / Му Джиашуай ; Сианьский инженерский ун-т. – Сиань, 2014. – С. 67).
26. 孙铭. 广播广告的新机遇. 文艺生活, 2013(8): 280–281. (=Сунь Мин, Новые возможности для рекламы на радио [Text] / Сунь Мин. – Литературная жизнь. – 2013. – № 8. – С. 280–281).
27. 杨舒. 心理语言学视角下的广告语言. 海外英语, 2013(16): 274–276. (=Ян Шу, Рекламный язык с точки зрения психолингвистики [Text] / Ян Шу. – Английский за рубежом. – 2013. – № 16. – С. 274–276.
28. 张武江. 基于有声材料的电视广告性别刻板印象研究. 北京电子科技学院学报, 2002, 20(1): 84–90. (=Чжан Уцзян, Исследование телевизионных рекламных

стереотипов звуковых материалов [Text] /Чжан Уцзян. – Весник Пекинского института электронных технологий. – 2002. Том 20. – № 1. – С. 84–90).

29. 赵颖. 中国广播广告的现状与发展. 新闻研究导刊, 2015, 6 (9): 169–170. (=Чжао Ин, Статус и развитие рекламы на радио Китая [Text] / Чжао Ин. – Новости исследований. – 2002. Том 20. – № 1. – С. 84–90).

References

1. Babushkina, E. A. (2000). Temp rechi kak sotsial'nyy marker [Speech tempo as a social marker]. *Vestnik buryatskogo mgosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 11, 13–17.
2. Vuyma, A. Yu. (2000). *Kommunikativnye funktsii muzyki v reklame* [Communicative functions of music in advertising]. PhD in Culturology diss. St Petersburg : St Petersburg State University.
3. Gulakova, I. I. (2004). *Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoy situatsii obshcheniya* [Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict of communication]. PhD in Philological sci. diss. Orel : Orel State University.
4. Guseva, S. I. (2001). *Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya i realizatsiya segmentnykh edinits* [Communicative perspective of the utterance and phoneme realization pattern]. Doctoral in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University.
5. Guseva, S. I., Zhan Jianwen. (2016). Vospriyatie kitayskoy kommercheskoy radioreklamy: verbal'no-semanticheskiy fil'tr [The perception of Chinese radio advertising: Verbal-semantic filter]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (1), 18–32.
6. Erofeeva, T. I., Chernousova A. S. (2019). Protsess zapominaniya slova: lingvisticheskaya interpretatsiya (analiz dvukh eksperimentov) [Word memorization process: linguistic interpretation (analysis of two experiments)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (2), 5–17.
7. Karataeva, L. V. (2003). *Sopostavitel'nyy analiz reklamnoy leksiki v tekstakh russkoy i nemetskoy pressy: funktsional'no-semanticheskiy i slovoobrazovatel'nyy aspekt* [Comparative analysis of advertising vocabulary in the texts of the Russian and German press: Functional-semantic and word-formation aspect]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Maykop : Adygea State University.
8. Kevorkov, V. V. (2003). *Slogan* [Tagline]. Moscow.
9. Krailina, N. A. (2005). *Rol' tempa i pauz v reklamnom tekste (na materiale frantsuzskoy telereklamy)* [The role of tempo and pauses in the advertising text (on the material of French television advertising)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University.
10. Moshcheva, S. V. (2007). Reklama v sovremennom obshchestve: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Advertising in modern society: the sociolinguistic aspect]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 11, 134–137.
11. Ogilvi, D. (2012). *Ogilvi o reklame* [Ogilvi on Advertising]. Moscow.
12. Sorokoletova, N. Yu. (2015). Temporal'nye osobennosti angloyazychnykh reklamnykh sloganov [Temporal Characteristics of English-Language Advertising Slogans]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 12 (48), 132–139.

13. Zhan Jianwen. (2017). Osobennosti vospriyatiya kitayskoy kommercheskoy radioreklamy [Features of perception of Chinese commercial radio advertising]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 5(71), 170–173.
14. Zhan Jianwen, Guseva, S. I. (2017). Antropotsentricheskiy i informatsionnyy podkhody k analizu reklamnogo diskursa [Anthropocentric and information-based approaches to the advertise analysis]. *Kazanskaya nauka* [Kasan Science], 6, 47–49.
15. Boersma, P., Weenink, D. (2014). *Praat: Doing phonetics by computer* [Computer program], (version 5.4.15). Retrieved from <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.
16. Fónagy, I., Magdics, K. (1960). Speed of Utterance in Phrases of Different Lengths. *Language and speech*, 3, 179–192.
17. Goldman, E. F. (1968). *Psycholinguistics: experiments in spontaneous speech*. New York.
18. Taurosa, S., Allison, D. (1990). Speech Rates in British English. *Applied Linguistics*, 11, 90–115.
19. Dai Mingqin. (2005). Guang Bo Dian Shi Guang Gao De Ling Hun [Broadcast, the soul of TV commercials]. *Ji Zhe Yao Lan* [Journalist cradle], 12, 56–57.
20. Dong Yating. (2017). *Guang Gao Zhong Yu Yin Sheng Yin Pin Lu Gao Di Dui Xiao Fei Zhe Gou Mei Yi Yuan De Ying Xiang* [Impact of Sounds Frequency in Ads on Consumers' Purchase Intention Based on the Conceptual Metaphor Theory]. Master's thesis in Marketing management. Wuhan : Wuhan University.
21. Gao Jun, Cao Wei. (2007). *Guang Gao Yu Yan Xue Jiao Cheng* [Advertising linguistics tutorial]. Ji Nan Da Xue Chu Ban She [Jinan University Press].
22. Lang Caixia. (2002). Guang Gao Bo Yin ji Qi Ji Qiao Yun Yong [Advertising broadcast and its skill application]. *Sheng Ping Shi Jie* [Screen world], 10, 38–38.
23. Li Qing. (2017). *Guang Gao Ting Jue Fu Hao Zai Pin Pai Shi Bie Chuan Bo Zhong De Zuo Yong Yan Jiu* [Research on the Role of Advertising Aural Symbols in Brand Communication]. Magister in communication research. Chongqing : Chongqing Technology and Business University.
24. Liu Jia. (2013). *Duo Mo Tai Shi Jiao Xia De Guang Gao Yu Yan Yan Jiu* [Advertising Language Research from the Perspective of Multimodality]. Doctoral in linguistics and Applied Linguistics. Shandong : Shandong University.
25. Mu Jiashuai. (2014). *You Sheng Yu Yan Biao Da Fang Shi De Yu Su Yan Jiu* [Speed research on sound linguistic expression]. Magister in art of Design. Xian : Xian University.
26. Sun Ming. (2013). Guang Bo Guang Gao De Xin Ji Yu [New opportunities for broadcast advertising]. *Wen Yi Sheng Huo* [Literary life], 8, 280–281.
27. Yang Shu. (2013). Xin Li Yu Yan Xue Shi Jiao Xia De Guang Gao Yu Yan [Advertising language from the perspective of psycholinguistics]. *Hai Wai Ying Yu* [English Overseas], 2013 (16), 274–276.
28. Zhang Wujiang. (2012). Ji Yu You Sheng Cai Liao De Dian Shi Guang Gao Xing Bie Ke Ban Yin Xiang Yan Jiu [TV advertising impression research with sound materials]. *Bei Jing Dian Zi Ke Ji Xue Yuan Xue Bao* [Journal of Beijing Institute of Electronic Technology], 20 (1), 84–90.
29. Zhao Ying. (2015). Zhong Guo Guang Bo Guang Gao De Xian Zhuang Yu Fa Zhan [The Status Quo and Development of China's Radio Advertisements]. X*in Wen Yan Jiu Dao Kan* [News Research], 6 (9), 169–170.

УДК 811.11
UDC 811.11

Чугаева Татьяна Николаевна
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
г. Пермь, Российская Федерация
Tatiana N. Chugaeva
Perm Federal Research Centre UB RAS
Perm, Russian Federation
tatiananch@mail.ru
Байбурова Ольга Васильевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Olga V. Baiburova
Perm State University
Perm, Russian Federation
olga3079@mail.ru
Вахотин Антон Андреевич
Вятский государственный университет
г. Киров, Российская Федерация
Anton A. Vakhotin
Vyatka State University
Kirov, Russian Federation
samo87@mail.ru
Дмитриева (Мякотникова) Светлана Юрьевна
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
г. Пермь, Российская Федерация
Svetlana Y. Dmitrieva (Miakotnikova)
Perm National Research Polytechnic University
Perm, Russian Federation
myakotnikova@yandex.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРЦЕПТИВНЫХ ТИПОВ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ НКРЯ, БНК, АНК)
STATISTIC-LINGUISTIC COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PERCEPTUAL TYPES OF A RUSSIAN AND AN ENGLISH WORD (BASED ON NCRL, BNC, ANC)

Аннотация
Корпусные исследования имеют неоспоримые преимущества, однако в соответствии со своими лингвистическими задачами лингвисты применяют различные подходы к изучению обширного материала корпуса. Одни лингвисты описывают содержание корпусов, в то время как психолингвисты объединяют описание корпуса и проведение эксперимента. В настоящей работе используется теоретический систематический подход к описанию частотных страт трёх национальных корпусов - Национального корпуса русского

языка, Британского национального корпуса и Американского национального корпуса. На материале корпусов проводится лингвостатистический анализ для выявления перцептивных типов русского и английского слова (в двух национальных вариантах) с целью построения фонетической (перцептивной) классификации языков, сопоставления перцептивных типов и описания своеобразия звукового строя каждого языка.

В работе были проанализированы частотные страты трёх корпусов; затем в соответствии с системным критерием комплекса перцептивно значимых лингвистических признаков (длина в слогах, ударная гласная, ритмическая структура и др.) отбирались слова, представляющие типы, объединённых одним признаком. Сопоставление полученных данных обнаруживает больше отличительных, чем сходных черт в русском и англоязычных корпусах. Так, в Национальном корпусе русского языка ведущими перцептивными типами оказываются трёхсложные и двусложные слова. В англоязычных корпусах преобладают одно- и двусложные слова. Оба английских корпуса содержат больше слов с ударением на начальные слоги в двухсложном и трёхсложном слове. При анализе русского корпуса не было выявлено существенного преобладания начальноударных двухсложных слов. В англоязычных корпусах самыми частотными являются слова с гласными переднего ряда, а для Национального корпуса русского языка это слова с гласными среднего и переднего ряда. Консонантные коэффициенты слов всех трёх корпусов указывают на меньшую консонантную нагруженность русского слова по сравнению с английским. Сходной чертой для всех трёх корпусов является преобладание слов, начинающихся с согласного звука.

Abstract

Corpus research presents obvious benefits, though linguists approach the material in various ways. For example, corpus linguists approach data in an exploratory way, whereas psycholinguists more often tend to combine corpus data and experimental research. The current work uses the theoretical systemic approach to describe the two frequency strata of the three corpora (Russian National Corpus, British National Corpus and Open American National Corpus) and build the classification of phonetic word types in Russian and English (British and American). The aim of the research is to draw up the phonetic (perceptive) classification of the corresponding languages and to describe the identity of their sound systems based on these types.

The high frequency and the frequency strata of the three corpora have been analyzed to identify the words characterized by the following linguistic features: length in syllables, stressed vowel, rhythmic structure, etc. The data comparison discovered more distinctions than similarities among the three corpora. While the dominant perceptive types in the Russian Corpus were three- and two-syllable words, both English corpora had more one- and two-syllable words. English corpora included more words with the emphasis on the initial syllables in two- and three-syllable words, whereas the Russian Corpus did not have that tendency. In the two English corpora, the words with front vowels turned out most frequent, while in the Russian corpus middle- and front-vowel words had the highest frequency. The consonant coefficients of all the three corpora proved that a Russian word is less consonant-loaded compared to an English word. One similar feature of the three corpora was the predominance of words with word-initial consonant.

Ключевые слова: национальный корпус, частотные страты, лингвистические признаки, фонетические типы, фонетическая (перцептивная) классификация слов.

Keywords: a national corpus, frequency strata, linguistic features, phonetic word types, phonetic (perceptual) classification of words types.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_273_291

1. Введение

В последние десятилетия утвердилась практика проведения разнообразных лингвистических исследований с использованием языковых электронных технологий, которые предлагает корпусная лингвистика.

Появление корпусной лингвистики относят к 60-м гг. XX в. Первые частотно организованные корпуса были созданы на материале немецкого и английского языков, но очень быстро начали появляться корпуса и на базе других языков. Формирование корпусной лингвистики как отдельного раздела языкознания относят к первой половине 90-х гг. XX в.

Сегодня термином *корпус* принято обозначать собрание текстов одного или нескольких языков, связанных между собой определёнными частотными параметрами. С развитием корпусной лингвистики, определение корпуса уточняется и оформляется понятийный аппарат дисциплины. Дж. Синклер, например, описывает корпус как собрание лингвистических текстов естественного происхождения, которые отбираются, чтобы представить вариативность данного языка [Sinclair, 1991, с. 171]. Конкретизируя понятие корпуса, М. Стаббс представляет его как собрание текстов, составленное с определённой целью, обычно для обучения или исследования [Stubbs, 2001, с. 239–240]. Другие исследователи уточняют, что корпус представляет собой собрание письменных и устных высказываний, доступные в электронном виде [Lemnitzer, Zinsmeister, 2006, с. 7]. Российские исследователи описывают корпус текстов как большой, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [Захаров, Богданова, 2011, с. 7].

В настоящее время создано большое количество репрезентативных корпусов текстов языков мира, в том числе национальных корпусов. Это Национальный корпус русского языка, Британский национальный корпус, Американский национальный корпус, Мангеймский корпус немецкого языка, Корпус немецкого языка, Корпус французского языка, Венгерский национальный корпус, Корпус современного китайского языка и другие.

Современные национальные корпуса включают не менее 100 млн. словоупотреблений и представляют собой коллекции устных и письменных текстов различных жанров, стилей, региональных и социальных вариантов языка. Это даёт уникальную возможность изучать разноуровневые языковые единицы [Сысоев, 2010]. Созданные за последние десятилетия на материале различных языков многочисленные частотные словари и корпуса, существенно отличаются в качественном и количественном отношении от первых частотных списков Ф. В. Кэдинга. Они представляют интерес для множества лингвистических дисциплин, поскольку являются достоверным источником сведений о языке благодаря значительному

объёму выборки. Сегодня корпусная лингвистика – это активно развивающееся направление лингвистики, занимающееся разработкой, созданием и использованием текстовых корпусов для решения многих актуальных лингвистических задач.

1.1. Из истории вопроса

Одними из первых к созданию частотных списков приступили немецкие лингвисты: Эдуард Форстеманн (Eduard Förstemann) ещё в 1852 году в своей работе «Numerische Lautverhältnisse im Griechischen, Lateinischen und Deutschen» [Förstemann, 1852] с целью определить частотное соотношение сочетаний звуков в родственных языках, а также Франц Габельсбергер (Franz X. Gabelsberger) с целью выявить частотные характеристики слогов немецкого языка [цит. по : Kaeding, 1897, с. 38].

Первый объёмный частотный словарь немецкого языка был составлен Фридрихом В. Кэдингом [Kaeding, 1897, S. 38]. Словарь показывал частотные соотношения слов, слогов и букв немецкого языка. Этот словарь отличался от предыдущих исследований, прежде всего, обширным объёмом материала для необходимой достоверности частотных значений. Единицами анализа были слог и лексема (словоформа). Общий текст словаря насчитывал 20 млн. слогов или почти 11 миллионов (10970777) лексем.

Кроме того, отдельно рассматривались частотность корней, приставок и суффиксов, отдельных буквосочетаний, что давало представление о характере словообразования в немецком языке. В качестве источников были перечислены более 300 наименований различных печатных текстов; анализировался «язык писателей и образованных людей» XIX века [Meier, 1964]. Следует отметить, что в то время большинство языковедов, впрочем, встретили труд Ф. В. Кэдинга равнодушно или жёсткой критикой, подвергая сомнению достоверность его выводов.

П. Менцерат в своей классической работе «Architectonik des deutschen Wortschatzes» вводит понятие «системной частотности» (systematische Frequenzstatistik), которую он противопоставляет объективной частотности употребления (Gebrauchshäufigkeit), зафиксированной в словаре Ф. В. Кэдинга [Menzerath, 1954, с. 5]. Работа П. Менцерата является «попыткой подвергнуть исследованию не искусственно изолированные факты, но исследовать естественно данное, непосредственно существующее, строя и упорядочивая его по ясным и обозримым критериям» [Menzerath, 1954, с. 2].

В задачу П. Менцерата входило проведение статистического описания фонетических типов немецкого слова, их распределение и, с помощью «системной» частотности слов, выстраивание таким образом классификации словарного состава немецкого языка. Он описывал частотность слова, опосредованную частотностью его признаков. По сути, данная категория описывает частотность формы или типа (класса) слова. Упорядочивание «словарной массы» осуществляется П. Менцератом по трём критериям – количество звуков и слогов и последовательность звуков [Menzerath, 1954, с. 7].

Особый интерес П. Менцерата состоял в том, чтобы определить, какие «теоретические (абстрактные, дедуктивно выводимые типы) существу-

ют в действительности (конкретные, индуктивно выделимые), то есть являются реализуемыми» [Menzerath, 1954, с. 7].

Таким образом, П. Менцерат обсуждает «разные статистики»; причём, обе они – и объективная, зафиксированная в словаре частота употребления (Gebrauchshäufigkeit), отвергнутая П. Менцератом, и предлагаемая им регулярность, повторяемость, каноничность формы слов (systematische Frequenzstatistik) [Menzerath, 1954, с. 7] представляются нам одинаково значимыми.

В настоящее время тезис о вероятностной организации системы языка и ключевой роли действия вероятностных (частотных) факторов в речевом поведении человека считается очевидным и не нуждается в доказательствах. В начале 50-х годов XX века была отмечена зависимость процессов порождения и восприятия речи от частотности единиц (frequency effect) [Howes, Solomon, 1951]. В речевых механизмах человека установлена определенная иерархическая организация элементов речи в соответствии с частотой их встречаемости; причём от «индекса частоты» слова зависит способ его хранения и поиска в памяти [Фрумкина, Василевич, 1971 ; Залевская, 1990 ; Savin 1963 и др.].

Общепризнанным подходом стал учёт частотных характеристик единиц при исследовании речи [Агибалов, 1995 ; Адмони, 1964 ; Андреев, Зиндер, 1963 ; Ерофеева, 2005 ; Кравец, 1976 ; Топоров, 1959 ; Фрумкина, 1971 ; Угланова, 2004 и др.]. Вероятностные характеристики языковых единиц признаются неотъемлемой частью структуры языка. В подавляющем большинстве современных работ, посвящённых восприятию речи, частотность воспринимаемых лингвистических единиц рассматривается как гиперпризнак, то есть как фактор, оказывающий наибольшее влияние на идентификацию единиц в любых условиях [Штерн, 1992 ; Венцов, Касевич 2003 и др.].

Встречаемость слова в речевой деятельности принято измерять двумя величинами: объективной (Fоб) и субъективной (Fсуб) частотами, которые коррелируют между собой [Фрумкина, Василевич, 1971]. Для установления объективной частоты слова и его элементов (морфем, слогов, фонем) традиционным стало обращение к частотным словарям. Статистические (частотные) словари представляют собой особый тип словарей, в которых лексические единицы рассматриваются вместе с частотами их употребления [Алексеев, 2001 ; Малаховский, 1980], «для определения границ активного словарного состава, давая, таким образом, ясное и чёткое представление «живого словоупотребления» [Засорина, 1977, с. 6].

Установлено, что механизм вероятностного прогнозирования обеспечивает «преднастройку организма к действию: ситуация, требующая тех или иных реакций, ещё не возникла, но соответствующие системы уже в состоянии готовности» [Фрумкина, 1971, с. 3]. В таком виде речевая вероятность связана с понятием априорных форм как субъективных категорий ума сопутствующих эффективному восприятию и интерпретации мира человеком, порождаемых опытом [Сегал, 1972, с. 9]. Категории вероятности являются одной из форм представления прошлого опыта и, следовательно, играет ключевую роль при восприятии как объектов действительности, так и человеческой речи.

1.2. Постановка проблемы

Обращение к изучению организации и функционирования перцептивного словаря считается одним из наиболее перспективных направлений перцептивной лингвистики [Венцов, Касевич, 2003 ; Hawkins, 1999] Ключевая роль слова в процессах восприятия речи предполагает существование своеобразного алфавита полезных признаков, к которым обращается слушающий при восприятии слова [Бондарко, 1981 ; Венцов, Касевич, 2003]. Основной задачей экспериментального изучения восприятия звуковой последовательности остаётся «систематическая квалификация тех особенностей речевого поведения человека, которые позволили бы установить иерархию различных уровней и описать её количественно» [Бондарко, 1981, с. 182].

Ещё А. И. Смирницкий предлагал рассматривать лексику любого языка не как «кучу разнообразных примеров, но как специфическую систему лексических единиц <…> лишь подойдя к лексике как системе можно должным образом выделить в ней существенное и характерное и описать её состав, следуя внутренним связям между его элементами, а не абстрактной классификационной схеме явлений» [Смирницкий, 1998, с. 7]. Он подчёркивал необходимость выяснения фонетических типов слов, характерных для данного языка и построения фонетической классификации слов, которая «безусловно, существенна как для характеристики внешнего облика лексики данного языка, так и для понимания тенденций его развития, так как изменения происходят в конкретных словах» [Смирницкий, 1956, с. 140].

Идеи построения классификации слов в соответствии с принципом «системной частотности» слов (частотности типа) П. Менцерата оказываются созвучными методу выявления фонетических (перцептивных) типов слов конкретного языка на основе комплекса перцептивно значимых лингвистических признаков [Чугаева, 2007, 2009].

Комплекс экспериментально выявленных существенных признаков восприятия русского, английского и немецкого слова, определяющих восприятие [Штерн, 1992 ; Краузе, 2002 ; Чугаева, 2009], может служить системным критерием выявления фонетических типов слов, то есть групп (типов) слов, объединённых тем или иным признаком. Самыми значимыми из них оказались частотность употребления, длина, ударная гласная, акцентно-ритмическая структура и некоторые другие.

Данные характеристики могут быть положены в основу классификации и выделения перцептивных типов того или иного языка, а выявление частотных характеристики данных типов может послужить основанием для определения типичности слов в языке. Поскольку объединение признаков в комплексе признаков не может быть случайным, на этом основании возможно построение классификации перцептивных типов слов конкретного языка, и таким образом, описание звукового облика слова конкретного языка в единстве его существенных, строевых характеристик.

Итак, выявление всего комплекса признаков слова как целостной единицы на материале отдельно взятого языка остаётся актуальной

лингвистической задачей, равно как и описание всей языковой системы с точки зрения своеобразия звукового строя языка в перцептивном аспекте.

Лингвостатистический анализ трёх корпусов (Британского национального корпуса, Американского национального корпуса и Национального корпуса русского языка) был запланирован и проведён для выявления фонетических типов русского и английского (британского и американского вариантов) слова. Сравнение полученных по каждому корпусу данных поможет понять своеобразие перцептивного облика «слова», выявить типологическое сходство британского, американского и русского слова.

2. Эксперимент

В данном исследовании были использованы три национальных корпуса: Британский национальный корпус (British National Corpus), Американский национальный корпус (Open American National Corpus) и Национальный корпус русского языка. Корпуса были организованы на основе принципа объективной частотности, что позволяет осуществить их корректное сопоставление для проведения сравнительного анализа.

Британский национальный корпус (БНК), созданный в 1992 году, содержит 100 млн. слов [British…, 2018]. Материалом является письменная форма речи на основе транскрибированных устных текстов общего характера. Корпус включает все графические и фонетические варианты словоформ с соответствующими индексами частоты. В нём есть имена собственные, дни недели, месяцы, числительные как в цифровой, так и в буквенной форме. В создании корпуса приняли участие ведущие британские издатели словарей Лонгмана (Addison-Wesley Longman) и Чемберса (Larousse Kingfisher Chambers).

Американский национальный корпус (АНК) [Open…, 2018] – это синхронный корпус общего назначения, который включает образцы письменной и устной речи из разных источников. Он снабжён метатекстовой, частеречной разметкой, имеет частичную синтаксическую разметку. Есть также разметка именованных сущностей (Named Entities) – имён собственных для людей, организаций и географических объектов. Слова в корпусе расположены по частоте встречаемости в речи – от наиболее частотных до самых редких. Корпус создаёт наиболее полную картину американского варианта английского языка для дальнейших исследований в области лингвистики, образования, лексикографии и технологии. В настоящее время корпус насчитывает 22 миллиона словоформ американских слов, он постоянно пополняется, и по завершению работы эта цифра увеличится до 100 миллионов слов.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) характеризуется представительностью и сбалансированным составом текстов: корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.). Все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода. На сегодняшний день НКРЯ

содержит 335076 текстов и 364881378 словоупотреблений [Национальный…, 2019].

2.1. Методика исследования

Все исследования проводились по единой методике с опорой на единые теоретические основания – теорию восприятия звучащей речи с опорой на существенные лингвистические признаки Л. Р. Зиндера и А. С. Штерн [Зиндер, Штерн, 1972 ; Штерн, 1992], самыми значимыми из которых были частотность употребления, длина в слогах, ударная гласная, акцентно-ритмическая структура.

На материале английского языка было показано, что комплекс экспериментально выявленных существенных признаков может служить системным критерием для выявления фонетических типов слов – групп слов, объединённых тем или иным признаком [Чугаева 2007, 2009]. Критериями лингвостатистического анализа послужили перцептивно значимые признаки: длина в слогах, ударная гласная, ритмическая структура, консонантный тип, консонантный коэффициент, начальный звук / слог, часть речи [Штерн, 1992 ; Чугаева, 2007]. Процентное соотношение перцептивных типов было получено путём простого статистического подсчёта слов высокочастотных и частотных страт каждого корпуса.

Для начала было важно установить тот объём слов, который будет считаться минимальным и основным набором. Определение границ частотных страт осуществлялось с учётом принципов частотной стратификации словаря, изложенных Л. В. Малаховским [Малаховский, 1980]. Частотные зоны разграничивались на основе логарифмического масштаба: каждая зона охватывает диапазон, равный одному порядку, то есть верхняя граница зоны характеризуется частотой в 10 раз большей, чем нижняя. Таким образом, весь словарь был поделён на пять частотных групп слов, в каждую из которых вошло разное количество словоформ: 1) «очень частые», 2) «частые», 3) «средние», 4) «редкие, 5) «очень редкие» слова. Группа «очень частых» слов или высокочастотная зона (сверхъядро) включает слова с 7-, 6- и 5-значными индексами частоты; «частых» слов или частотная зона (ядро) – с 4-значными; средняя с 3-значными, редкая – 2-значными, очень редкая – 1-значными. Такое разбиение словаря на частотные зоны приблизительно соответствует интуитивному делению слов языка на частотные группы носителями языка [Малаховский, 1968, с. 35].

2.2. Материал исследования

Лингвостатистический анализ был проведён на высокочастотной и частотной стратах корпусов. Из списков слов исключались все имена собственные, аббревиатуры, символы и буквы, все словоформы, классификация которых казалась затруднительной. Объектом статистического анализа стали слова, представляющие знаменательные части речи. В итоге в высокочастотный список британского варианта английского языка вошло 718 словоформ, американского варианта – 106,

русского языка – 644 словоформы. Частотный список представлен 2079, 1787, 7476 словоформами соответственно. Количество отобранных и проанализированных словоформ для каждой страты корпусов представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Количество словоформ в двух частотных стратах БНК, АНК и НКРЯ

	БНК	АНК	НКРЯ
Высокочастотная страта	718	106	644
Частотная страта	2079	1787	7476

Очевидное различие количества словоформ в частотных стратах АНК и БНК по сравнению с НКРЯ требует их более скрупулёзного анализа. Одно из объяснений – это лексикализация английского языка [Мельников, 1971, с. 366], проявлением которой является «конверсия». Дело в том, что при совпадении словоформ разных частей речи, подсчитывалась более частотная форма слова, что, несомненно, уменьшило количество слов в частотных стратах английских корпусов.

2.3. Сравнение корпусов по существенным лингвистическим признакам

2.3.1. Длина в слогах

Сравнение БНК, АНК и НКРЯ по признаку «длина в слогах» выявило абсолютное преобладание «короткословной» лексики в частотных слоях АНК и БНК и тенденцию к присутствию «длиннословной» лексики в НКРЯ (61,2% 3–5-сложных слов в обеих стратах корпуса).

Так, высокочастотная страта на 98% в АНК и на 87,8% в БНК представлена одно- и двухсложными словами; а частотная – соответственно на 74,7% и 64,8%. При этом высокочастотная страта НКРЯ только на 65,6% представлена одно- и двухсложными словами, а для частотной страты этот процент ещё ниже – 34,3%.

На долю длинного (3–5-сложного) слова в высокочастотной страте приходится 12,2% в БНК, всего лишь 2% в АНК и 65,6% в НКРЯ. В частотной страте это соотношение составляет 35,2% в БНК; 25,5% в АНК; и больше половины всех словоформ – 62,8% – в НКРЯ (см. табл. 2). Сравнение трёх корпусов по признаку «длина в слогах» обнаруживает абсолютное преобладание «короткословной» лексики (одно- и двусложных слов) в обоих слоях АНК и БНК. Преобладание односложной лексики в первых двух частотных стратах обоих корпусов можно рассматривать как строевую особенность английского слова. Односложное слово является основным перцептивным подтипом слова, в то время как «длинные» слова вытесняются на периферию языка [Чугаева, 2009, с. 95]. В отношении

русского языка отмечается обратная тенденция. Односложные слова занимают всего 4,5% от общего количества слов двух частотных страт НКРЯ; ведущими перцептивными типами русского слова оказываются трёхсложное (34,7%) и двусложное (31,6%) слова́. Длинные слова (4-х и более сложные) суммарно также составляют около 30%.

Таблица 2. Распределение слов в высокочастотной и частотной стратах БНК, АНК и НКРЯ по признаку «длина в слогах»

Высокочастотная страта (%)			
	БНК	**АНК**	**НКРЯ**
1-сложное слово	54,1	80	13,7
2-сложное слово	33,7	18	51,9
3-сложное слово	9,4	2	23,5
4-сложное слово	2,2	-	7,4
5-сложное слово	0,6	-	3,3
6-сложное слово	-	-	0,2
Частотная страта (%)			
	БНК	**АНК**	**НКРЯ**
1-сложное слово	30,3	37,2	3,9
2-сложное слово	34,5	37,3	30,4
3-сложное слово	24,8	16,8	35,3
4-сложное слово	8,1	8,7	19,3
5-сложное слово	2.3	-	8,2
6–7-сложное слово	-	-	2,9

Ряд лингвистов отмечают, что одной из ключевых особенностей развития системы английского языка является склонность к аналитизму. Радикальная типологическая перестройка, происходящая в языке, влияет на все три подсистемы языка. А сосуществование двух типологически разнородных слоев в лексической подсистеме языка: исходной аналитизированной и заимствованной синтетической, находит отражение в полифункциональности частей речи, односложности корня и слова [Ильиш, 1971 ; Мельников, 1971 ; Плоткин, 1989, с. 229].

2.3.2. Ритмическая структура

По признаку «ритмическая структура» двухсложного слова корпуса (табл. 3) сохраняют определённые тенденции: доминирование начально-ударных слов в обеих стратах БНК и АНК и незначительное их преобладание в частотной страте НКРЯ.

Таблица 3. Распределение слов в высокочастотной и частотной стратах БНК, АНК и НКРЯ по признаку «ритмическая структура» (двухсложное слово)

Высокочастотная страта (%)			
	БНК	**АНК**	**НКРЯ**
Начальноударное	76,6	95	50
Конечноударное	23,4	5	50
Частотная страта (%)			
	БНК	**АНК**	**НКРЯ**
Начальноударное	74,7	70	58,6
Конечноударное	25,3	30	41,4

Трёхсложное слово (табл. 4) демонстрирует сходное соотношение между его градациями в высокочастотной и частотной стратах БНК и АНК, однако они не характерны для НКРЯ. Прослеживается тенденция к увеличению количества серединноударных слов в частотной страте БНК и уменьшению их в этой же страте АНК. Большинство трёхсложных слов обеих страт обоих корпусов являются начальноударными или серединноударными. В высокочастотной страте АНК нет слов с основным ударением на последнем слоге. Высокочастотная страта русского корпуса содержит большее количество серединноударных слов, однако данная тенденция не сохранятся в частотной страте НКРЯ, где преобладают начальноударные слова.

Таблица 4. Распределение слов в частотных стратах БНК, АНК и НКРЯ по признаку «ритмическая структура» (трёхсложное слово)

Высокочастотная страта (%)			
	БНК	**АНК**	**НКРЯ**
Начальноударное	48,2	50	34,3
Серединноударное	49,3	50	47,0
Конечноударное	2,5	0	18,7
Частотная страта (%)			
	БНК	**АНК**	**НКРЯ**
Начальноударное	44,7	54	53.1
Серединноударное	51,6	45	28,3
Конечноударное	3,7	1	18,5

Высокочастотная и частотная страты НКРЯ содержат четырёх-, пяти- и шестисложные слова. Ритмическая структура четырёхсложного слова представлена словами с ударением на второй слог (62,5% от всех слов) в

высокочастотной страте и ударением на второй и третий слоги в частотной страте (45,2% и 44,9% соответственно). Пятисложное слово имеет ударение на третьем слоге (71,4% в высокочастотной и 69,3% в частотной страте). Шестисложные слова отсутствуют в высокочастотной страте корпуса, а в частотной страте ударным становится четвёртый слог (69,2%).

Итак, статистический анализ частотного списка словоформ по признаку «ритмическая структура» позволяет сделать следующие выводы. В частотных стратах БНК и АНК преобладают слова с ударением на первом слоге в двухсложных словах и на первый и второй слоги в трёхсложных словах. Анализ НКРЯ не выявил существенного преобладания начальноударных двухсложных слов в обеих стратах. Для слов большей длины отмечается явное стремление ударения к середине слова: преобладание серединноударных слов для трёхсложного слова, примерно равное количество четырёхсложных слов с ударение на второй и третий слоги, доминирование третьего слога как ударного в пятисложных словах и четвёртого слога – в шестисложных словах.

2.3.3. Начальная фонема и консонантный тип

Анализ слов в БНК, АНК и НКРЯ по признаку «начальная фонема» показал значительное преобладание количества слов, начинающихся с согласного в обеих частотных стратах всех трёх корпусов. Наблюдается тенденция увеличения количества слов с начальным гласным при возрастании количества слогов в слове.

2.3.4. Консонантный тип

Данные анализа высокочастотной страты по признаку «консонантный тип» представлены в таблице 5. Самыми представительными типами слогов в БНК оказались CVC, CVCC, CV, CCVC, CCV; АНК представили типы CVC, CV, CVCC, CVCV, VC; НКРЯ: CVCCV, CVCV, CVCVC, CVC, CVCVCV.

Таблица 5. Наиболее распространенные консонантные типы в высокочастотной страте БНК, АНК и НКРЯ (в %)

	БНК	**АНК**	**НКРЯ**
CVC	27,4	42,0	7,2
CV	6,3	16,0	-
CVCC	6,9	11,0	-
CVCV	-	6,0	9,9
VC	-	3,0	-
CVCCV	-	-	10,7
CVCVC	-	-	9,7
CVCVCV	-	-	5,5

Согласно исследованиям БНК и АНК, в британском и американском вариантах английского языка ведущим консонантным типом является тип CVC. Система русского языка не выявляет тенденции ведущего типа, консонантные типы слов русского языка располагаются весьма равномерно. Консонантные коэффициенты слов k=2,34 (БНК), k=1,54 (АНК), k=1,49 (НКРЯ) указывают на то, что в частотном русском слове в среднем согласных меньше, чем в частотном британском и американском слове. Разница в консонантных коэффициентах британского и американского высокочастотного слова объясняется тем, что в высокочастотной страте АНК в процентном соотношении больше слов, оканчивающихся на гласный, чем в той же страте БНК – 22%: 6,3%. В. А. Никонов замечает, что отношение количества согласных к количеству гласных в звуковых цепях мира колеблется между 2,0 и 0,5, впрочем, не достигая этих пределов [Никонов, 1966]. Большинство языков мира имеют консонантный коэффициент больше единицы. Это говорит о том, что в звуковой цепочке языка согласных обычно больше, чем гласных [Tambovtsev, 1985].

2.3.4. Ударная гласная

Анализ по признаку «ударная гласная» фонема показал, что в обоих англоязычных корпусах самыми частотными являются слова с гласными переднего ряда /e/ (БНК – 12,8%) или /ɛ/ (АНК – 10%), /i:/ (БНК – 6,5%, АНК– 7,7%) и дифтонгом /eɪ/ (БНК – 9,2%, АНК – 7,7%). Частотные страты обоих корпусов обнаруживают существование сходных тенденций: они содержат примерно одинаковое в процентном соотношении количество слов с монофтонгами и дифтонгами. Высокочастотные слои БНК и АНК также включают приблизительно равное в процентном соотношении количество слов с монофтонгами и дифтонгами: АНК – 68% и 32%, а БНК – 70,6% и 29,3% соответственно. При этом количество слов с краткой и долгой гласной отличается. АНК содержит 56% словоформ с краткой гласной и 12% с долгой; в БНК – 46,3% слов с краткой гласной и 24,3% с долгой. Анализ частотного списка НКРЯ выявил, что более 75% всех словоформ имеют в качестве ударной гласной одну из трех фонем – [а], [о] и [е]. При этом разница в процентах между этими гласными небольшая – 29,5%, 22,5%, 21,18% соответственно. Наши данные по корпусу согласуются с теми, которые получены ранее другими исследованиями [Уровни языка…1986, с. 190].

Выявленные статистические различия по указанному признаку имеют большую перцептивную значимость: чем больше градаций имеет какого-либо признак, тем большое дифференциальное значение имеет каждая его градация. Исходя из этого, можно предположить, что в русском языке роль ударной гласной при распознавании может быть несколько ниже, чем в английском.

3. Заключение

Таким образом, в результате предпринятого лингвостатистического анализа частотных страт НКРЯ, БНК и АНК с применением единого комплекса перцептивно значимых лингвистических признаков слова, таких

как «длина в слогах», «ударная гласная», «ритмическая структура», «начальный звук» и консонантный коэффициент, оказалось возможным выявить основные строевые фонетические (перцептивные) типы слова в русском и английском языках (в британском и американском вариантах). Это дало основание, с одной стороны, для построения перцептивной классификации слов русского и английского языков; с другой стороны, их сопоставление оказалось продуктивным с точки зрения описания своеобразия звукового строя данных языков в единстве существенных перцептивных характеристик слова. Такой подход имеет смысл не только в перцептивном аспекте, он является актуальным и с точки зрения общелингвистических проблем, в том числе для характеристики внешнего облика языка.

Типологическое сравнение звукового облика русского и английского слова выявило больше отличительных черт. Так в НКРЯ ведущими перцептивными типами слова оказались трёхсложные и двусложные слова, в то время как в БНК и АНК преобладали одно- и двусложные слова. Оба английских корпуса содержат больше слов с ударением на начальный слог в двухсложном и трёхсложном слове. При анализе НКРЯ не было выявлено существенного преобладания начальноударных двухсложных слов, но в словах большей длины отмечается стремление ударения к середине слова. В англоязычных корпусах самыми частотными являются слова с гласными переднего ряда /e/, /ε/, /i:/, а для НКРЯ – это слова с гласными среднего [а], [о] и переднего ряда [е]. Консонантные коэффициенты слов всех трёх корпусов указывают на меньшую консонантную нагруженность русского слова по сравнению с английским.

Сходной чертой для всех трех корпусов явилось преобладание слов, начинающихся с согласного звука. Однако наблюдалась тенденция увеличения количества слов, начинающихся с гласного, при возрастании количества слогов в слове.

Установление и описание ядра словарного состава языка приобретает ключевую роль в типологических исследованиях, ориентированных на поиск основных тенденций развития языка, а также в прикладных целях для усвоения языка.

Список литературы

1. Агибалов, А. К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук 10.02.01 / Агибалов Анатолий Константинович ; Санкт-Петербургский гос. унт. – СПб., 1995. –19 с.
2. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики [Текст] / В. Г. Адмони. – М. ; Л. : Изд-во Наука, 1964. –105 с.
3. Алексеев, П. М. Частотные словари: учебное пособие [Текст] / П. М. Алексеев. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. –156 с.
4. Андреев, Н. Д. О понятиях речевого акта, речи, речевой деятельности и языка [Текст] / Н. Д. Андреев, Л. Р. Зиндер // Вопросы языкознания. – 1963. – № 3. – С.15–21.
5. Бондарко, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи [Текст] / Л. В. Бондарко. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. – 200 с.

6. Венцов, А. В. Проблемы восприятия речи [Текст] / А. В. Венцов, В. Б. Касевич. – М. : УРСС Эдиториал, 2003. – 240 с.
7. Ерофеева, Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект [Текст] / Е. В. Ерофеева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.
8. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование [Текст] / А. А. Залевская – Воронеж : Воронеж. ун-т, 1990. – 205 с.
9. Засорина, Л. Н. (ред.). Частотный словарь русского языка [Текст] / Л. Н. Засорина – Москва : Русский язык, 1977. – 936 с.
10. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика [Текст] : учебник / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.
11. Зиндер, Л. Р. Факторы, влияющие на опознание слова [Текст] / Л. Р. Зиндер, А. С. Штерн // Матер. IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 30 мая – 2 июня 1972 г. / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1972. – С. 100–108.
12. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка. 2-е изд. (на англ. яз.) / Б. А. Ильиш – Л. : Просвещение, 1971. – 215 с.
13. Кравец, А. С. Природа вероятности (философские аспекты) [Текст] / А. С. Кравец. – М. : Мысль. – 1976. – 174 с.
14. Краузе, М. Динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком [Текст] / М. Краузе. – Мюнхен : Verlag Otto Sagner, 2002. – 173 с.
15. Малаховский, Л. В. Принципы частотной стратификации словарного состава языка [Текст] / Л. В. Малаховский // Статистика речи и автоматический анализ текста. – Ч. 2 : Статистика речи. – Л. : Наука, 1980. – С. 99–105.
16. Мельников, Г. П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка [Текст] / Фонетика, Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. – М., 1971. – С. 359–367.
17. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru/corpora-freq.html (дата обращения 19.05.2018).
18. Никонов, В. А. Фоностатистическое измерение межъязыковых расстояний // Исследования по фонологии : сб. ст. / под ред. С. К. Шаумяна. – М. : Наука, 1966. – С. 285–297.
19. Плоткин, В. Я. Строй английского языка : учеб. пособие [Текст] / В. Я. Плоткин. – М. : Высшая школа, 1989. – 239 с.
20. Сегал, Д. М. Основы фонологической статистики (на материале польского языка) [Текст] / Д. М. Сегал. – М. : Наука, 1972. – 255 с.
21. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М., 1956. – 260 с.
22. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М. : Омен, 1998. – 259 с.
23. Сысоев, П. В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sun.tsu.ru/mminfo/000349304/09/image/09-099.pdf (дата обращения 13.04.2019).
24. Топоров, В. Н. О введении вероятности в языкознание [Текст] / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 28–35.

25. Угланова, И. А. Субъективная оценка частоты слова и ее категоризация: онтолингвистический аспект [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Угланова Инна Алексеевна ; Пермский государственный университет. – Пермь, 2004. – 194 с.
26. Уровни языка в речевой деятельности [Текст] / отв. ред. Л. В. Бондарко. – Л. : Изд-во ЛГУ, – 1986. – 258 с.
27. Фрумкина, Р. М. Вероятность слова и восприятие речи [Текст] / Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич // Вопросы порождения речи и обучения языку. – М., 1967. – С. 17–38.
28. Фрумкина, Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М. : Изд-во Московск. ун-та, 1971. – 168 с.
29. Чугаева, Т. Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка) [Текст] : автореф. дисс. …докт. филол. наук : 10.02.19 / Чугаева Татьяна Николаевна ; С.-Петерб. ун-т. – СПб, 2009. – 46 с.
30. Чугаева, Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка [Текст] / Т. Н. Чугаева. – Пермь, УрО РАН, 2007. – 246 с.
31. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности [Текст] / А. С. Штерн. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. – 236 с.
32. Förstemann, E. Numerische Lautverhältnisse im Griechischen, Lateinischen und Deutschen [Text] / E. Förstemann // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen 1. Bd., 2. H. – 1852. – S. 163–179.
33. Hawkins, S. Looking for invariant correlates of linguistic units: two classical theories of speech perception [Text] / S. Hawkins // The acoustics of speech communication: fundamentals, speech perception theory, and technology / ed. by J. M. Pickett. – Boston ; London ; Toronto : Allin & Bacon, 1999. – P. 198–231.
34. Howes, D. H. Word Frequency, Personal Values, and Visual Duration Thresholds [Text] / D. H. Howes, R. L. Solomon // Psychological Review. – 1951. – Vol. 58. – P. 256–270.
35. Kaeding, F. W.: Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache.Selbstverlag [Text] / Kaeding F.W // Linguistics and Linguistic Theory. –2009. – 5 (1). – S. 1–26.
36. Lemnitzer, L., Zinsmeister, H. Korpuslinguistik: eine Einführung [Text] / L. Lemnitzer, H. Zinsmeister. – Gunter Narr Verlag, 2006. – 220 S.
37. Meier, H. Deutsche Sprachstatistik [Text] / H. Meier. – Hildesheim, 1964.
38. Menzerath, P. Architektonik des deutschen Wortschatzes. [Text] / P. Menzerath. – Bonn, 1954. – 131 S.
39. Savin, H. B. Wordfrequency effect and errors in the perception of speech [Text] / H. B. Savin // Journal of the Acoustical Society of America. – 1963. – 35(2). – P. 200–206.
40. Sinclair, J. Corpus Concordance Collocation [Text] / J. Sinclair. – OUP, 1991. – 197 p.
41. Stubbs, M. Texts, corpora and problems of interpretation: A response to Widdowson [Text] / M. Stubbs // Applied Linguistics. – 2001. – Vol. 22. – Issue 2. – P. 149–172.
42. Tambovtsev, Yu. A. The Consonantal Coefficient in Selected Languages [Text] / Yu. A. Tambovtsev // Canadian Journal of Linguistics. – 1985. – № 30(2). – P. 179–188.

43. The British National Corpus. – URL : https://corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения: 15.10.18).
44. The Open American National Corpus. – URL : http://www.anc.org/ (дата обращения: 15.04.18).

References

1. Agibalov, A. K. (1995). *Veroyatnostnaya organizatsiya vnutrennego leksikona cheloveka* [The probabalistic organisation of an internal lexicon]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St.Petersburg : St.Petersburg University
2. Admoni, V. G. (1964). *Osnovy teorii grammatiki* [Grammar theoretic framework]. Leningrad: Publishing House Nauka.
3. Alekseev, P. M. (2001). *Chastotnye slovari: uchebnoe posobie* [Word-Frequency Dictionaries: A coursebook]. St Petersburg : St Petersburg University Press.
4. Andreyev, N. D., Zinder, L. R. (1963). O ponyatiyakh rechevogo akta, rechi, rechevoy deyatelnosti i yazyka [On the notions of speech-act, speech, speech possibilities and language]. *Voprosy Yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 3, 15–21.
5. Bondarko, L. V. (1981). *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic description of Language and phonological description of speech]. Leningrad : Leningrad University Press.
6. Ventsov, A. V. (2003). *Problemy vospriyatiya rechi* [The issues of speech perception]. Moscow : URSS Editorial.
7. Erofeeva, E. V. (2005). *Veroyatnostnye struktury idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: Sociolinguistic approach]. Perm : Perm State University Press.
8. Zalevskaya, A. A. (1990). *Slovo v leksikone cheloveka: Psikholingvisticheskoe issledovanie* [A word in a human lexicon: Psycholinguistic study]. Voronezh: Voronezh University.
9. Zasorina, L. N. (1977). *Chastotnyy slovar russkogo yazyka* [Russian language frequency dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk Press.
10. Zakharov, V. P. (2011). *Korpusnaya lingvistika: uchebnik* [Corpus linguistics: A course book]. Irkutsk : IGLU Press.
11. Zinder, L. R., Shtern, A. S. (1972). Faktory, vliyayushchie na opoznanie slova [Factors influencing word recognition]. *Proc. of the 4th All-Soviet-Union Symposium on psycholinguistics and communication theory* (pp. 100–108) ; Institute for Language Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow.
12. Il'ish, B. A. (1971). *Stroy sovremennogo angliyskogo yazyka* [The system of the modern English language]. Leningrad : Prosveshchenie Press.
13. Kravets, A. S. (1976). *Priroda veroyatnosti (filosofskie aspekty)* [The nature of probability: Philosophical aspects]. Moscow : Mysl Press.
14. Krauze, M. (2002). *Dinamika mekhanizma vospriyatiya slova pri razlichnykh usloviyakh ovladeniya inostrannym yazykom* [Dynamics of word perception in various conditions of learning a foreign language]. Munich : Verlag Otto Sagner.
15. Malakhovskiy, L. V. (1980). Printsipy chastotnoy stratifikatsii slovarnogo sostava yazyka [The principles of frequency stratification of the language lexicon]. *Statistika*

rechi i avtomaticheskiy analiz teksta. Ch. 2: Statistika rechi [Speech statistics and automatic text analysis. Part 2. Speech statistics]. Leningrad : Nauka Press.

16. Melnikov, G. P. (1971). Determinanta – vedushchaya grammaticheskaya tendentsiya yazyka [Determinanta as the leading grammatical tendency of the language]. *Fonetika. Fonologiya. Grammatika: K 70-letiyu A. A. Reformatskogo* [Phonetics. Phonology. Grammar: To the 70th anniversary of A. A. Reformatsky]. Moscow.
17. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Retrieved June 6, 2019 from <http://www.ruscorpora.ru/>.
18. Nikonov, V. A. (1966). Fonostatisticheskoe izmerenie mezh"yazykovykh rasstoyaniy [Phonostatistical description of interlinguistic differences]. In S. K. Shaumyan (Ed.), *Issledovaniya po fonologii* [Studies in Phonology] (pp. 285–297). Moscow : Nauka Press.
19. Plotkin, V. Ya. (1989). Stroy angliyskogo yazyka: ucheb. posobie [The system of English: A coursebook]. Moscow : Vysshaya Shkola Press.
20. Segal, D. M. (1972). *Osnovy fonologicheskoy statistiki (na materiale polskogo yazyka)* [The foundation of the phonological statistics (Based on Polish)]. Moscow : Nauka Press.
21. Smirnitskiy, A. I. (1956). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [English Lexicology]. Moscow : Foreign Languages Publishing House.
22. Smirnitskiy, A. I. (1998). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [English Lexicology]. Moscow : Omen Press.
23. Sysoyev, P. V. (2010) Lingvisticheskiy korpus v metodike obucheniya inostrannym yazykam [Linguistic corpus in teaching foreign languages]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], 1, 99–111.
24. Toporov, V. N. (1959). O vvedenii veroyatnosti v yazykoznanie [On introducing probability into the Study of languages]. *Voprosy Yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 6, 28–35.
25. Uglanova, I. A. (2004). *Sub"ektivnaya otsenka chastoty slova i ee kategorizatsiya: ontolingvisticheskiy aspect* [Subjective evaluation of a word frequency and its categorisation: Ontolinguistic aspect]. PhD in Philological sci. diss. Perm : Perm State University.
26. Urovni yazyka v rechevoy deyatelnosti [Language levels in speech] (1986). L. V. Bondarko (Ed.). Leningrad : Leningrad State University Press.
27. Frumkina, R. M., Vasilevich, A. P. (1967). Veroyatnost slova i vospriyatie rechi [The probability of a word and speech perception]. In A. A. Leontyev, T. V. Ryabova (Eds.), *Voprosy porozhdeniya rechi i obucheniya yazyku* [The issues of speech production and language teaching] (pp. 17–38). Moscow : Moscow State University Press.
28. Frumkina, P. M. (1971). *Veroyatnost elementov teksta i rechevoe povedenie* [The probability of the text elements and speech]. Moscow : Moscow State University Press.
29. Chugaeva, T. N. (2009) *Zvukovoy stroy yazyka v pertseptivnom aspekte (eksperimentalnoe issledovanie na materiale angliyskogo yazyka)* [The perceptual aspect of the sound system of a language (An experimental study of English)]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University.
30. Chugaeva, T. N. (2007). *Pertseptivnyy aspekt zvukovogo stroya angliyskogo yazyka* [Perceptual aspect of the sound system of the English language]. Author's abstract of Doctor in Philological sci. diss. Perm : UB RAS Press.

31. Shtern, A. S. (1992). *Pertseptivnyy aspekt rechevoy deyatelnosti* [Perceptual aspect of speech activity: An experimental study]. St Petersburg : St Petersburg State University Press.
32. Förstemann, E. (1852). Numerische Lautverhältnisse im Griechischen, Lateinischen und Deutschen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen* 1. Bd., 2. H, 163–179.
33. Hawkins, S. (1999). Looking for invariant correlates of linguistic units: two classical theories of speech perception. In J. M. Pickett (Ed.), *The acoustics of speech communication: fundamentals, speech perception theory, and technology* (pp. 198–231). Boston ; London ; Toronto : Allin & Bacon.
34. Howes, D. H., Solomon, R. L. (1951). Word frequency, personal values, and visual duration thresholds. *Psychological Review*, 58, 256–270.
35. Kaeding, F. W. (2009). Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache. Selbstverlag. *Linguistics and Linguistic Theory*, 5 (1), 1–26.
36. Lemnitzer, L., Zinsmeister, H. (2006). *Korpuslinguistik: Eine Einführung*. Gunter Narr Verlag.
37. Meier, H. (1964). *Deutsche Sprachstatistik*. Hildesheim.
38. Menzerath, P. (1954). *Architektonik des deutschen Wortschatzes*. Bonn.
39. Savin, H. B. (1963). Wordfrequency effect and errors in the perception of speech. *Journal of the Acoustical Society of America*, 35 (2), 200–206.
40. Sinclair, J. *Corpus Concordance Collocation*. OUP, 1991.
41. Stubbs, M. (2001). Texts, corpora and problems of interpretation: A response to Widdowson. *Applied Linguistics*, 22 (2), 149–172.
42. Tambovtsev, Yu. A. (1985). The Consonantal Coefficient in Selected Languages. *Canadian Journal of Linguistics*, 30 (2), 179–188.
43. The British National Corpus. – Retrieved: October 15, 2018 from <https://corpus.byu.edu/bnc/>.
44. The Open American National Corpus. – Retrieved: April 15, 2018 from <http://www.anc.org/>.

УДК 81'42, 81'44
UDC 81'42, 81'44

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. Ю. АВДОНИНОЙ, Н. И. ЖАБО, С. Ю. ТЕРЕХОВОЙ, Н. Г. ВАЛЕЕВОЙ «ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ, ПЕРЕВОДУ И ОБУЧЕНИЮ»

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY M.YU. AVDONINA, N.I. JABOT, S.YU. TEREKHOVA, N.G. VALEEVA «TERMINOSYSTEMS OF THE ECOLOGICAL DISCOURSE IN THE ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES: POLIPARADIGMAL APPROACH TO THE RESEARCH, TRANSLATION AND TRAINING»

Аннотация
В рецензируемой монографии представлены результаты комплексного сопоставительного исследования а) специфики экологического дискурса в английском, французском и русском языках, б) теоретических и практических вопросов функционирования экологических терминосистем в трёх сопоставляемых языках, в) особенностей и способов перевода экологических терминов, г) различных аспектов дидактики и методики обучения переводу научных и публицистических текстов экологической тематики. Теоретической основой монографии послужили труды по терминологии, полилингвизму, теории перевода, межкультурной коммуникации, культурологии и лексикографии. Сопоставление трёх языков позволило выявить и обобщить тенденции развития терминологических систем, предложить рекомендации по переводу и обучению переводу научных и публицистических текстов экологической тематики, составить практические рекомендации дидактического и методического характера для обучения языковым особенностям экологического дискурса, в том числе, экотерминам. Новаторская особенность работы заключается в определении общих черт, характерных для терминологических подсистем исследуемых языков, что само по себе является важной предпосылкой для дальнейших теоретических изысканий не только в области терминологии, но и в области сопоставительной типологии языков. Инновационность данной монографии заключается также в оригинальности её замысла и неординарности решений, в тесной связи обсуждения теоретических проблем с их прагматико-дидактической направленностью. Монография, несомненно, будет полезна филологам, лингвокультурологам, специалистам в области языкознания и переводоведения, преподавателям высших учебных заведений, а также широкому кругу лиц, интересующихся экологической терминологией.

Abstract
The reviewed monograph presents the results of a) a complex comparative study of ecological discourse specifics in English, French and Russian, b) theoretical and practical issues of ecological terminological systems functioning in the three languages, c) features of ecological terms and ways of translating them, d) various aspects of didactics and techniques of training in the translation of ecological scientific and publicistic texts. Works on terminology, polylingualism, translation theory, cross-cultural communication, cultural science and lexicography formed the theoretical basis for the monograph. Comparison of the three languages enabled to reveal and generalize the trends of the terminological systems development, to offer recommendations for ecological scientific and publicistic texts translation as well as practical didactic and methodical recommendations for training in

the language features of ecological discourse including ecoterms. The authors' original contribution was to define the common features characterizing the terminological subsystems of the three languages, which in itself is an important prerequisite for further theoretical researches both in the field of terminology and comparative typology of languages. Original design and the approach that combines discussing theoretical problems with their pragmatic-didactic application are the advantages of the monograph. The monograph is sure to be useful to philologists, lingual culturologists, experts in the field of linguistics and theory of translation, teachers, as well as to a wide range of people interested in ecological terminology.

Ключевые слова: специфика экологического дискурса, функционирование экологических терминосистем, перевод экологических терминов, обучение переводу научных и публицистических текстов экологической тематики.

Keywords: ecological discourse specifics, functioning of ecological term systems, ecological terms translation, training in the translation of ecological scientific and publicistic texts.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_292_296

Немногим более двух лет назад была опубликована книга, которая привлекла внимание не только лингвистов, но и специалистов в практике преподавания экологической терминологии и перевода. Формирование единого мирового информационного пространства и единого понятийного аппарата каждой отрасли знаний и терминосистем в начале XXI в. вызывает необходимость пересмотра существующих теорий и концепций понимания термина как языковой единицы, а также возможностей перевода с учётом специфики соответствующего дискурса [Зяблова, 2004]. Эта особенность влияния современной экстралингвистической ситуации на состояние языка и лингвистику была удачно подмечена авторами рецензируемой монографии, которые поставили перед собою комплексную цель изучения способов и путей формирования новых экологических терминов, или «экотерминов», выявления их структурно-семантических особенностей в разноструктурных европейских языках, рассмотрения специфики их функционирования в текстах экологической тематики сопоставляемых языков.

Сопоставительное изучение экологических терминосистем современных славянских, германских и романских языков, в частности, русского, английского и французского – как языков наиболее часто используемых социумом – представляется весьма актуальным в эпоху мировых проблем глобализации и потребности сохранения окружающей среды как национального достояния для последующих поколений. К тому же авторы своевременно увидели актуальность исследования в постоянно растущем интересе к проблематике наук о Земле и, как следствие, в возрастающем количеством научных публикаций по экологии, отчётной и рабочей документации международного формата по экологической оценке и мониторингу предприятий производственной сферы, спецификаций и руководств по применению новейших технологий на разных европейских языках в свете деятельности соответствующих комиссий ООН, ЕС, СНГ и других организаций.

По формальным признакам рецензируемая монография полностью соответствует данному виду научных работ. Её объём составляет 204 страницы. Монография имеет традиционную структуру: предисловие, введение, 6 глав, заключение и библиография, которая включает 191 научную и учебную работу – 33 справочных издания, 158 научных изданий (из них 40 на иностранных языках – английском и французском), 7 электронных ресурсов.

Объектом анализа избирается экологический дискурс, в котором особое внимание уделяется изучению специфики экологических терминов. Инновационная составляющая работы заключается в том, что, во-первых, исследование языкового материала

выполняется комплексно, в рамках концептуально-семантического, лексико-грамматического и функционально-семантического анализа (см. методику и процедуру анализа в [Терехова 2013а ; Жабо 2015]), и, во-вторых, в результате исследования вырабатываются конкретные лингводидактические рекомендации для их практического применения, особенно в области подготовки специалистов-экологов и их обучению переводу и интерпретации текстов экологической тематики.

Первая глава монографии «Подходы к анализу экологических терминов английского, французского и русского языков» предлагает оптимальные пути и современные способы исследования терминологических единиц разноструктурных языков в условиях глобального информационного пространства. В данной главе обосновывается необходимость комплексного полипарадигмального анализа особенностей репрезентации основных концептов экологии во всем многообразии их способов и средств выражения в языке и речи.

Вторая глава «Вопросы делимитации системы экологической терминологии» посвящена выявлению алломорфных и изоморфных характеристик сопоставляемых специальных языков в плане выражения в них основных терминов экологической тематики в лексицентрическом и текстоцентрическом аспектах в рамках научного экологического дискурса с учетом специфики их ассоциирования носителями языковых культур, избранных для изучения.

Третья глава «Краткая история формирования экотерминосистем английского, французского и русского языков», посвящена европоцентрическому историческому описанию этапов сложения естественных наук. Авторы акцентируют внимание на этапе сложения национальных терминосистем экологии в изучаемых культурах, анализируют формирование европейского научного мышления, описывают способы передачи готовых комплексов терминов средствами русского языка, в частности путём заимствования и калькирования, а также способы использования общеупотребительной лексики в терминологичеких значениях. Авторы выявляют 4 источника обогащения исследуемых экотерминосистем: а) термины научного языка, б) термины официально-административного языка, в) неологизмы публицистического стиля, г) единицы сниженного стиля в современном языке экологического пространства.

Четвёртая глава «Источники пополнения языкового фонда экотерминов и современная лексикография» посвящена выявлению и описанию четырёх потоков неологизмов современной терминосистемы экологии во всех трёх изучаемых языках: а) неологизмы, обозначающие новые научные понятия; б) неологизмы языка законодательных и административных документов; в) неологизмы, поступающие из языка СМИ; г) неологизмы, образованные в неформальном общении на актуальные экологические темы.

Пятая глава «Социально-коммуникативная роль перевода и проблемы перевода экотерминов в публицистическом, научном и политическом дискурсе» посвящена особенностям, способам и возможностям передачи анализируемых терминов экологической тематики английского и французского языков в переводе на русский язык. При этом авторы предлагают движение в направлении от лингвистических парадигм к переводческому анализу текста в свете современных концепций лингвистики перевода [Pearson, 2003, с. 15], в частности, методики и процедуры полипарадигмального переводческого анализа [Терехова, 2013 б, с. 458].

Шестая глава «Новые возможности обучения переводу терминов текстов экологической тематики при подготовке к кандидатскому экзамену по иностранному языку» предлагает характеристику методологических аспектов и особенностей обучения студентов отечественных вузов, в том числе и студентов-иностранцев, использованию рассматриваемого языкового материала, проведению полипарадигмального сопоставительного лингвопереводческого анализа, переводу

статей о собственных исследованиях на иностранный язык, а также приёмам перевода на родной язык профессионально значимой информации.

Исследование терминосистем продолжает быть актуальным на протяжении последних десятилетий [Шмелева, 2010 ; Суперанская и др., 2012], динамика языкового развития в поликультурном социуме заставляет учёных вновь и вновь обращаться к различным аспектам этой научной проблематики и открывать все новые её грани. Этому в особенности способствует комплексный полипарадигмальный – контрастивный, сопоставительный, типологический – анализ, разработанный С. И. Тереховой и внедрённый на практике для анализа репрезентации референции в украинском, русском и английском языках и Н. И. Жабо для анализа экотерминов французского и русского языков [Valeeva et al., 2015]. Сравнительное изучение последних исследований и публикаций о достижениях в области общего и сопоставительного языкознания обращает внимание авторов на полипарадигмальный сопоставительный анализ, который избирается ими как наиболее подходящий вариант для системного рассмотрения экологических терминов и их функционирования.

Для современного переводоведения актуальность данного исследования определяется быстрым развитием и пополнением терминосистемы экологической тематики в последние двадцать лет, в связи с чем новые единицы русского языка (в большей мере, чем в других сопоставляемых в данной работе языках), и особенно новые значения экотерминов, недостаточно быстро вводятся не только в издаваемые печатные издания (двуязычные словари, переводные глоссарии, специализированные справочники), но не всегда отражаются и в онлайн словарях. Новаторский характер работы заключается в том, что в ней раскрывается взаимодействие сопоставляемых языковых подсистем в условиях многоязычия мирового экологического сообщества и поликультурной среды и выделяется их национально-культурная специфика, акцентируется проявление языкового алломорфизма и изоморфизма. Сопоставление трёх избранных для анализа языков позволяет авторскому коллективу выявить и обобщить тенденции развития терминологических систем, определить соответствующие рекомендации по переводу научных и публицистических текстов экологической тематики, составить практические рекомендации дидактического и методического характера для обучения языковым особенностям экологического дискурса и переводу научных и публицистических текстов экологической тематики, в том числе отдельных их компонентов – экотерминов.

Инновационность данного труда подчёркивается и его прагматико-дидактической направленностью. Рассматриваемая в данной работе педагогическая цель деятельности преподавателя заключается, во-первых, в том, чтобы научить студентов использовать на практике результаты исследования, изложенные в данной работе, во-вторых, в том, чтобы развить у студентов навыки сбора, обобщения, интерпретации и перевода информации экологической тематики, навыки составления научных и публицистических текстов (статьи, выступления, аналитического обзора и др.), навыки работать индивидуально и в коллективе, микрогруппе; в-третьих, учить студентов решению конкретных лингвистических задач: способам выявления культурологического и прагматического планов текста в ходе его предпереводческого анализа, выполнять переводческий анализ текстов на языке оригинала и языке перевода.

В целях совершенствования методики обучения специальному переводу в монографии предлагаются рекомендации для обучения поиску информации по заданной теме, реферированию и аннотированию текстов экологической тематики, подготовке собственной статьи на иностранном языке и устного сообщения на родном или иностранном языке для участия в международной конференции в рамках избранной студентами профессиональной направленности.

Достоверность исследования обеспечивается широтой охвата анализируемого языкового материала: толковых, специальных, переводных и этимологических словарей европейских языков, современной прессы, статей Интернета, официально-деловой документации по экологии, принятой на государственном и международном уровнях, а также научных первоисточников. Данная книга послужит надёжным источником информации для специалистов в области лингвистической типологии и переводоведения, а также эффективным руководством к действию для преподавателей высших учебных заведений.

Список литературы

1. Жабо, Н. И. Системы экологических терминов русского и французского языков: типология, семантика и функции [Текст] / Н. И. Жабо. – М. : Рудн, 2015. – 124 с.
2. Зяблова, О. А. К пониманию природы термина с когнитивной точки зрения [Текст] / О. А. Зяблова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2–3. – С. 41–46.
3. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 248 с.
4. Терехова, С. И. Методы и методология полипарадигмального исследования в современном языкознании и переводоведении [Текст] / С. И. Терехова // Методология и историография языкознания. – Славянск, 2013 а. – С. 52–59.
5. Терехова, С. И. Полипарадигмальные исследования в лингвистической типологии [Текст] / С. И. Терехова // Science and Education : In 2 vol. – München, 2013 б. Vol. 2. – P. 458–464.
6. Шмелёва, О. Ю. Терминологические процессы в синхронии и диахронии (на материале английского языка) [Текст] / О. Ю. Шмелева. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 120 с.
7. Pearson, J. Using Parallel Texts in Translation Training Environment [Text] / J. Pearson // Corpora in Translator Education / F. Zanettin, S. Bernardini and D. Steward (eds). – Manchester : St. Jerome, 2003. – P. 15–24.
8. English, French and Russian environmental terms: comparative analysis [Text] / N. G. Valeeva, M. Y. Avdonina, S. I. Terekhova, N. I. Zhabo // Urgent Ecological and Environmental Management Problems : Ч. 2. – М. : РУДН, 2015. – С. 212–217.

References

1. Zhabo, N. I. (2015). Sistemy ekologicheskikh terminov russkogo i frantsuzskogo yazykov: tipologiya, semantika i funktsii [Systems of ecological terms of the Russian and French languages: typology, semantics and functions]. Moscow : RUDN Press.
2. Zyablova, O. A. (2004). K ponimaniyu prirody termina s kognitivnoy tochki zreniya [To understanding of the nature of the term from the cognitive point of view]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Topics of cognitive linguistics], 2–3, 41–46.
3. Superanskaya, A. V., Podol'skaya, N. V., Vasil'eva, N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: Theory issues]. Moscow : LIBROKOM Press.
4. Terekhova, S. I. (2013 a). Metody i metodologiya poliparadigmal'nogo issledovaniya v sovremennom yazykoznanii i perevodovedenii [Methods and methodology of a poliparadigmal research in modern linguistics and theory of translation]. *Metodologiya i istoriografiya yazykoznaniya* [Methodology and historiography of linguistics] (pp. 52–59). Slavyansk.
5. Terekhova, S. I. (2013 b). Poliparadigmal'nye issledovaniya v lingvisticheskoy tipologii [Poliparadigmal researches in linguistic typology]. *Science and Education: In 2 Volumes* (Vol. 2, pp. 458–464). München.
6. Shmelyova, O. Yu. (2010). *Terminologicheskie protsessy v sinhronii i diakhronii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Terminological processes in synchrony and diachrony (On English material)]. SPb. : SpbGUEF Press.
7. Pearson, J. (2003). Using Parallel Texts in Translation Training Environment. In F. Zanettin, S. Bernardini and D. Steward (Eds.), *Corpora in Translator Education* (pp. 15–24). Manchester: St. Jerome.
8. Valeeva, N. G., Avdonina, M. Y., Terekhova, S. I., Zhabo, N. I. (2015). English, French and Russian environmental terms: Comparative analysis. *Urgent Ecological and Environmental Management Problems* (Vol. 2, pp. 212–217). Moscow : RUDN Press.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

Безбородникова Е. В.	Репрезентация ситуативных моделей в англоязычном медиадискурсе	5
Береза Е. В.	Грамматическая классификация частиц современного китайского языка	24
Горбылева А. В.	Просодическая конвергенция как результат взаимодействия собеседников в спонтанном диалоге	41
Дорогайкина Е. М., Игнатьева Т. Г.	Зоономинации как объект лингвистического исследования	53
Ермакова Л. В.	Аксиологичность дискурса СМИ	67
Квашнин Ю. Н., Бакиева Г. Т.	Этнокультурное образование на юге Тюменской области и проблемы сохранения сибирскотатарского языка	78
Ли И., Андросова С. В.	Фонетические особенности слов в их обычных функциях и в качестве слов-паразитов (на материале китайского языка)	99
Морозова О. Н., Андросова С. В., Булатова Н. Я.	Частотные характеристики фонем в эвенкийском языке: данные пилотного эксперимента	117
Петрова И. М.	Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики	127
Пиотровская Л. А.	Дифференцированный подход к изучению эмотивной функции интонации	143
Становая Л. А.	Франсийский как камень преткновения в истории французского языка	164
Труфанова И. В.	В. А. Жуковский и В. В. Набоков о гении чистой красоты	200
Федуленкова Т. Н.	Вариантность английских фразеологизмов с компонентом get в основных структурных моделях	215
Цзин Б.	Учение о классах слов в истории китайской лингвистической традиции	228
Чертыкова М. Д.	Ситуативно-структурные модели реализации глаголов пассивного восприятия в хакасском языке	236
Чжан Ц., Караваева В. Г.	Темпоральные характеристики китайской коммерческой радиорекламы	248
Чугаева Т. Н., Байбурова О. В., Вахотин А. А., Дмитриева С. Ю.	Сопоставление результатов лингвостатистического анализа перцептивных типов русского и английского слова (на материале НКРЯ, БНК, АНК)	273

Рецензии

Федуленкова Т. Н.	Рецензия на монографию М. Ю. Авдониной, Н. И. Жабо, С. Ю. Тереховой, Н. Г. Валеевой «Терминосистемы экологического дискурса в английском, французском и русском языках: полипарадигмальный подход к исследованию, переводу и обучению»	292
Информация об авторах		297

CONTENTS

Original Papers

Bezborodnikova E. V.	Representation of situation models in English media discourse	5
Bereza E. V.	Grammatical classification of particles in modern Chinese	24
Gorbyleva A. V.	Prosodic convergence as a result of speakers' interaction in spontaneous dialogue	41
Dorogaikina E. M., Ignatieva T. G.	Zoological names as object of linguistic research	53

Ermakova L. V.	The axiological aspect of mass-media discourse	67
Kvashnin Yu. N., Bakieva G. T.	Ethnocultural education in the South of Tyumen region and the challenges of preserving the Siberian-Tartar language	78
Li Yifang, Androsova S. V.	Phonetic patterns of words in their ordinary functions and as parasite words (based on Chinese)	99
Morozova O. N., Androsova S. V., Bulatova N. Ya.	Phoneme frequency of occurrence in Evenki: a pilot study	117
Petrova I. M.	The potential of Google search for studies in cognitive corpus linguistics	127
Piotrovskaya L. A.	Differentiated approach to studying the emotive function of intonation	143
Stanovaïa L. A.	Francien as a stumbling block in history of the French language	164
Trufanova I. V.	V. A. Zhukovsky and V. V. Nabokov about the genius of pure beauty	200
Fedulenkova T. N.	Variability of the English phraseological units with the component *get* in the basic structural patterns	215
Jing Bailiang	The study of word classes in the history of Chinese linguistic tradition	228
Chertykova M. D.	Situative-structural models of verbs of passive perception in the Khakas language	236
Zhang Jianwen, Karavaeva V. G.	Temporal characteristics of Chinese commercial radio advertisement	248
Chugaeva T. N., Baiburova O. V., Vakhotin A. A., Dmitrieva S. Yu.	Statistic-linguistic comparative analysis of the perceptual types of a Russian and an English word (Based on NCRL, BNC, ANC)	273

Reviews

Fedulenkova T. N.	Review of the monograph by M. Yu. Avdonina, N. I. Jabot, S. Yu. Terekhova, N. G. Valeeva «Terminosystems of the ecological discourse in the English, French and Russian languages: Poliparadigmal approach to the research, translation and training»	292
Our authors		297

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 5, No 3, 2019.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: Е45085

Сдано в набор 04.09.2019. Подписано к печати 02.09.19. Дата выхода в свет 19.09.2019.
Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 34,87. Тираж 1000. Заказ 121. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.
Издатель: Амурский государственный университет.
Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.
Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.
Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.